Б72

Н. БОБРОВ

★

ЧКАЛОВ

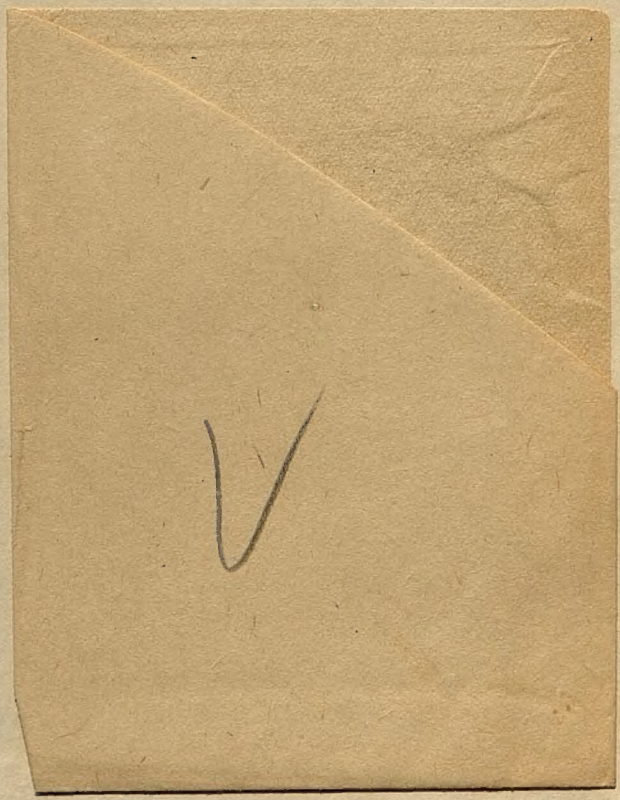
Советский писатель

НИКОЛАЙ БОБРОВ

ЧКАЛОВ

ЧКАЛОВ

НИКОЛАЙ БОБРОВ



И. В. Сталин и В. П. Чкалов.

ПРОВЕРЕНО 1965 г.

Проверено | 2015

НИКОЛАЙ БОБРОВ

ЧКАЛОВ

115-81

ФИЛИАЛ Центральной ВМБ

БИБЛИОТЕКА ГШ ВМФ СССР

Советский писатель
МОСКВА
1949

ПРОВЕРЕНО 51 г.

ПРОВЕРЕНО 54 г.

Б-72

ПРОВЕРЕНО 1960 г.

Валерий Павлович Чкалов. 1938 г.

1

К вечеру Покровская гора меняет свою окраску. Свежая ее зелень постепенно блекнет. Смутно белеет высокая монастырская колокольня, которую старые лоцманы прозвали «Николой Неотвязным», — ее, действительно, видно бывает еще долго после того, как все очертания берега сотрутся речной далью.

В тени, отброшенной гористым берегом, едва угадывается направление реки. Внизу Волга кажется совсем черной, она опоясана редким ожерельем огоньков — горящими бакенами. Несколько желтых точек плывут, качаясь, в темноте, глухо стучат плицы колес, и вдруг в ночи, рассеивая кругом золотистый свет, вырастает у самого берега пассажирский двухпалубный пароход.

Старый лодочник, восьмидесятилетний дед Ипат, не уходил с обрыва, с любимой скамейки, пока за Василёвским островом не скрывался огонек мачтового фонаря.

Когда же иной раз с верховья показывался второй пароход, дед снова усаживался поудобней на скамью, не отрывая от желтой точки старческих, но еще не утративших зоркости глаз.

Случилось и мне сидеть на этой скамейке и слушать рассказы деда Ипата.

— Да, батюшка, то ли раньше было! Такие ли по-

судины! — говорил дед, по-нижегородски окая. — Пароход ныне не штука! Сам идет... А вот, бывало, как мы... да по раскольничьему делу... Приходилось от Василёва до Лыскова, а то и ниже, беглопоповцев возить... Сам знаешь — тайна была... Шлепаешь-шлепаешь веслом, а надо. У нас в Василёве тоже ведь беглопоповская часовня таилась... пять их, мелелен-то. Спасались от приставов...

Старик скорбно вздохнул, покачал головой.

— Э-эх! И сколько же понапрасну трудов убило... на какой бес старался — и сам не пойму... Иное дело — торговля. Это статья ясная. На ярманку там или на базары, в Нижний, Лысково, Козьмодемьянск... Нагрузишь завозню, сядет она в воду до краев, вот-вот зальет посудину, а главное — изделия испортишь... там чашки, ложки, коробки разные, а то и крупчатка...

Слово «крупчатка» дед произносил с каким-то особенным почтением в голосе и при этом хитро щурил глаз: вот, мол, какие дела делали!

— Торговля была наперебой. Кто кого перешибет. Не щадили друг дружку. Надо было чем-нибудь людям-то жить. Лучше торговать, чем воровать или в холуях у бар состоять. Бывало, один тебе сует свои мешки, другой — свои... Ну, стало быть, цену держишь... своя посудина... небось, не бурлак... не на хребте, а в лодочке... честь честью! Берешь цену настоящую, а не то плыви, как знаешь.

Старик добродушно смеялся и рассказывал дальше, прислушиваясь к женскому голосу, к несущейся с середины реки песне:

Волга, ты Волга, матушка!
Широко Волга разливалася,
Со крутыми берегами поровнялася,
Понимала все горы, долы, —
Все сады зеленые...

— Был у нас такой лыцарь, — рассказывал дед Ипат, — по фамилии Кожирнов, а по прозвищу Макаров. Роста небольшого и прижимист, копеечку берег, потому как небогат был. Вот нарубил как-то Иван

Иваныч Макаров таловых обручей и повез их на ярманку обручнику продавать. Продал, едет обратно домой. И в аккурат попадается ему по дороге свояченица. «Иван Иваныч, здрасти!» — «Ты как сюда попала?» — спрашивает. «Да вот на ярманке орехов два мешка купила, довези, свояк, я тебя за это сладеньким угощу!» И поднесла ему рюмочку красного вина. Он эту рюмочку выпил и одурел. Ехал в деревню, а очутился на другом берегу Волги. Я как раз в ту пору с мукосеями на берегу работал. Вижу: человек на телеге поперек Волги плывет. Да как же это может быть, думаю, пес его так! Волга версту ширины! Управляющий Тихов подбегает: «Что это за человек, — говорит, — через Волгу на телеге переезжает?» — «Да будто Иван Иваныч Кожирнов? Вот то дурной». На телеге долбленая лодка — бутаришко рыбацкое лежит, сам в лодке сидит, а лошадь из сил выбивается. Яр-то крутой, надо как на стену лезть. Иван Иваныч в воде барахтается, весь вымок, лошадь кувыркается. Подбежали, отпрягли жеребца, покрыли мешками, начали по горе водить, чтобы согрелся. Управляющий мельницей спрашивает: «Что с тобой случилось, Иван Иваныч? Человек ты умный, первый в артели...» А он: «Отойди, — кричит, — а то лещей надаю!» На кухню его привели, осень была, вода холодная, а он свое: «Что вы надо мной озоруете?..» — «Одумайся, — говорим, — Иван Иваныч, сотвори молитву-то, ведь ты не в себе!» А он опять: «Что вам за молитвы? Да что вы меня одумываться-то уговариваете?» А потом как задрожал, задрожал, и говорит жалобно: «Господи, как я зябнуть-то стал! Где я? Как сюда попал?» — «Да ты погляди, на чем Волгу переехал! Ты ведь и себя, и лошадь замучил!» Отвечает: «Как это случилось, не пойму! Ведь я одну единую рюмочку красненького винца выпил — свояченица поднесла!»

Дед Ипат рассказывал об этом совершенно серьезно.

— Не веришь? Алексея Григорьевича Чкалова расспроси. Из Высокова. Он родным дядей летчику Чкалову доводится. Знаешь такого? Он наш, василёв-

ский. А Иван Иваныч Макаров — родной его дедушка по матери, отец Арины Ивановны покойной...

Дед Ипат поднимался со скамейки, шел неторопливо по высокому берегу, мимо бревенчатых домиков с резьбой, гордо вскинувшегося журавля над темным квадратом колодца. За дощатыми заборами стояли в лунном свете белоснежные яблони. Голос с реки, разливаясь над селом, пел о приволье, о волжской удали.

— Мы, поди, тоже не лыком шиты, — говорил Ипат на прощанье, — мой дед сказывал: поляков наши василёвцы тут били... Сотни три годов назад тому будет. Панские бугры, небось, видел? Как же!..

Дед сильно закашлялся, пожаловался, что на старости лет начинает кашель мучить. Но когда я посоветовал ему сходить в аптеку и купить доверовых порошков, Ипат с недоумением посмотрел на меня, махнул рукой, усмехнулся.

— Знаю я! Аптека убавит полвека. Уволь от доверенных... От старости только могила лечит...

— А умирать не хочется?

— И-и, милый... Игла служит, пока уши, а люди — пока души. Дело натуральное. Прежде века не умрешь. Мой доктор — баня. Единственно! Баня парит, баня правит, баня все поправит...

Один за другим гаснут на Волге бакены. Рыбак раздувает костер, чтобы в старом прадедовском котелке разогреть смолу и размалевать свою остроносую лодку, которая уже вытащена на коричневый мокрый песок.

В розовеющей воде отражаются неуклюжие баркасы, стройные мачты с еле вздрагивающими на легком ветерке флагами, рыжие плоты с игрушечными домиками.

Но проплывет буксир или перевозчик ударит по воде веслом — и закачается картина в водном зеркале, все сольется, смешается, а тут еще подует низовый ветер, налетит туча, разразившись коротким теплым дождем. И не скоро опять река примет прежний вид.

Село Василёво когда-то было родовой вотчиной Василия Ивановича Шуйского.

Вместе с Городцом, что стоит пониже, на левом берегу Волги, Василёво участвовало в войне с Самозванцем, в междоусобицах князей. Здесь больше трехсот лет тому назад боярин князь Лыков-Оболенский разбил наголову атамана Заруцкого и бывших с ним поляков. До сих пор сохранились следы земляных валов, именуемых в народе «Панскими буграми». Через сельцо проходили дружины князя Пожарского и Кузьмы Минина. В окрестностях Василёва скрывались участники походов Ермака, Степана Разина.

В Василёве стояли тайные древние моленные. Хлысты и последователи секты бегунов укрывались в оврагах.

Были хлебные пристани, живописные базары, полные гончарных изделий. Предприимчивые василёвские торговцы закупали пшеницу у хвалынских раскольников. Бурлаки каждую весну приходили из разных сел на работу в затон. Позже в затоне отстаивались казенные белотрубные пароходы путейского ведомства, землечерпательные машины, сосуны, брандвахты и шаланды.

Конечно, Василёву слободу нельзя было считать значительным центром сектантства, но она все же влияла на окрестный раскол.

Иное дело — торговый Городец, где, по преданию, был город Малый Китеж, разоренный татарами.

Городец был основан в 1152 году князем Юрием Долгоруким и в отличие от приднепровского Городца, принадлежавшего князю, называется Городцом-Радиловым. Долгое время он был окраинным, «передним» городом русских владений на востоке и столицей Городецкого княжества. Окруженный глубоким рвом, когда-то наполненным водой, и высоким земляным валом с крепкими дубовыми стенами на его гребне, с боевыми башнями и бойницами, он господствовал и над Волгой, и над левобережной равниной. Даже и сейчас остатки городецкого вала, сооруженного почти восемьсот лет назад, поражают своей монументальностью.

Не раз здесь кипели битвы с татарами, бушевали пожары, звенели мечи.

Позже это село было передаточным пунктом для тайных сектантских сношений между Москвой и восточным краем России.

Недаром о нем говорили так:

Что решили на Рогоже [1],
То решили в Городце;
Что решили в Городце,
То решили в Керженце.

Городецкие раскольники хвастались своими связями и с Петербургом. Беглопоповская часовня, имевшая до пятидесяти тысяч прихожан, стояла будто бы на месте той кельи, в которой скончался Александр Невский. Однако следует сказать, что этой реликвией раскольники, заядлые торговцы, хотя и дорожили, но, повидимому, не очень бы горевали, если б ее вдруг и уничтожили. Хуже для них было то, что с уничтожением часовни подорвался бы торговый кредит...

Городец посещал Петр I, чтобы посмотреть место кончины Александра Невского.

До конца XIX века часть этого крупного торгового села находилась во владении графа Панина. Строили здесь деревянные суда; девушки золотом расшивали парчу; окрестные жители мастерили прялки, швейки, солонки, глиняные кувшины с несколькими дудочками, с секретом: «напиться и не облиться». А окрестные деревни славились плотничьим искусством и мастерством «глухой резьбы».

В этих местах, при всей коммерческой подоплеке городецкого сектантства, раскольниками создано много поэтических легенд.

Особенно красива легенда о Кирилловой горе.

Если на заре, когда народ еще спит, мимо этой горы вниз по Волге плыли бурлаки, то растворялись будто бы двери часовни, и выходили из нее подземными ходами благолепные старцы и говорили ловцам:

[1] Рогожная застава в Москве.

— Когда будете в Жигулях, поклонитесь нашим братьям.

Если пловцы обещали исполнить просьбу, старцы кланялись и исчезали в береговых пещерах.

То же бывало и с жигулевскими бурлаками. Подплывая к Кирилловой горе, бурлаки, если везли поклон жигулевский, непременно должны были крикнуть:

— Братья Кирилловой горы, вам кланяться велели братья Жигулевских гор.

И если это случалось на заре, то гора растворялась, и опять выходили чудные старцы и молча поясным поклоном кланялись пловцам в знак благодарности.

Но когда у Кирилловой горы или в Жигулях бурлаки забывали поклониться, то или буря подымалась, или судно садилось на мель, и неминуема была гибель, если бурлаки не повинятся перед старцами.

В одной из записей можно прочитать, что эти старцы были «мнихи» — монахи ушедшего под землю скита «Малого Китежа», называемого так в отличие от «Большого Китежа», будто тоже существовавшего недалеко от здешних мест, там, где теперь голубеет озеро Светлояр, и тоже ушедшего с церквами и жителями под землю, когда татары угрожали ему разорением.

Валерий Павлович Чкалов не застал времен, когда на Волге процветало бурлачество, но от старших членов семьи слышал рассказы о прадеде своем, бурлаке Михаиле Чкалове.

Его сын Григорий, дед Валерия Павловича, также водил в молодости бечевой баржи, груженные рожью. А когда стал постарше, таскал на плечах крупчатку на мельнице купца Бугрова и крестьянствовал — сажал на поёмных островах капусту и огурцы; на узкой полоске земли в урожайный год собирал зерна мешка три, в засуху же и посеянных семян, бывало, не соберет.

Деревенька, где жили предки Чкалова, называлась Высоково. Ничем не была она примечательна, — разве только постоялыми дворами да близостью к селу Копосово, прославившемуся в свое время грабежами

В этой деревеньке и прожил всю жизнь дедушка Григорий.

Ростом дед был с аршин. Бабушка Анна — высокая. Дед был полный, бабушка — худая. И лошадей дед покупал всегда маленьких, пузатеньких да еще кривых на правый глаз или на левый. За лошадь платил пятерку, а продавал за трешницу, после того как она ему отслужит на совесть. Подарили ему как-то сибирского коня, прыткого, горячего, — дед так его уездил, что жалко было на него смотреть, и все же ухитрился продать татарину за пятерку. Чай из самовара разливал сам — бабушке не полагалось, а пил чай всегда из бокала, на котором было написано: «В день ангела». Дедушка Григорий ничего не боялся, постоянно ходил нараспашку — и зимой, и летом. Несмотря на маленький рост, он обладал громадной физической силой, — был лютый, как говорили родственники.

Валерий Павлович смелостью и силой в деда пошел. Когда мальчиком был, все подтверждали:

— В аккурат дедушка! Как дедушка лютый был, так и он точь в точь в него!

Григорий имел нескольких сыновей. Сына Павла он начал приучать к работе, когда тому не исполнилось еще девяти лет.

Каждую осень в Высоково приходил приказчик купца Бугрова и нанимал крестьян выгружать баржи. Собиралась артель. Григорий брал с собой сына.

— Идем, Павлушка, на баржу, — говорил он строго, — буду тебя, молокососа, обламывать. Раз пшеницу носить сила не возьмет, значит ты не человек!

Мальчик оказался крепким и научился носить тяжелые мешки. Спина его ныла под непосильной ношей, но три-четыре медных пятака, заработанных за день, весело позванивали в кармане его продырявленных штанишек.

Потом Павел научился ковать гвозди, это была работа полегче. Спустя год мальчик сказал отцу:

— Тятя, отпусти меня в Ярославль, к подрядчику Баранову. Уж больно не хочется гвоздочки-то ковать.

Отец отпустил, и мальчик уехал в Ярославль. Там

он выучился чеканке, и это, пожалуй, определило весь его дальнейший жизненный путь.

День за днем из Павла Чкалова вырабатывался прекрасный мастер по котельному делу. Сначала подавал он раскаленные докрасна заклепки, потом научился клепать, сделался сборщиком, затем — гибщиком.

Работал Павел и в котельном цехе Сормовского завода (ему еще там полпальца на руке оторвало), строил и ярмарочный пассаж в Нижнем Новгороде.

Как и родитель, он был очень силен; рассказывают, что мог побороть семерых, а орехи грыз, точно подсолнухи, а однажды, поспорив, уцепился зубами за спинку венского стула и поднял на нем приятеля.

Глаза Павла смотрели упрямо из-под темных бровей; он мог изрядно выпить, но работу свою любил, на работе не разговаривал, бил тридцатипятифунтовой кувалдой, как говорят котельщики, по заказу; изделия из-под его проворных рук выходили законченные, красивые и такие, про которые уверенно можно сказать, что они переживут пра-правнуков созидателя их.

В те годы начальником затона был Рихард Карлович Мазинг. Этот самый Рихард Карлович и убедил Павла Григорьевича остаться на постоянной работе в Васильёвском затоне. Он говорил молодому котельщику:

— Не жалей, Павел Григорьевич, пятьсот рублей, которые тебе должен подрядчик Камышев. Я тебе эти деньги выплачу и инструмент дам, будешь ты у меня мастером, сделай только дымник на три котла!

Дымник, действительно, сделал Павел Григорьевич на славу. И обшил, и трубу вывел. Из трех мест пар в одну трубу шел.

— Что у тебя за руки золотые, Павел! — восхищался начальник. — Как начнешь по чеканке кромочку рубить, точно машинкой гонишь!

— Я без останова, Лихард Карлович, могу лист рубить. Что хотите, на пробу сдам. Только прикажите, и из этого жгутика буду гвоздочки ковать!

Вскоре Мазинг поручил Павлу Григорьевичу сделать котел.

Павел Григорьевич никому не доверял котел клепать — сам клепал. Мазинг раз стоял на мостике и любовался, как он ловко и быстро бил молотком. А Павел Григорьевич (назад-то нельзя оборачиваться: заклепку перерубишь) и говорит:

— Кто позади меня? Смотри, чтобы в харю не влетело!

А потом как взглянет назад:

— Извиняюсь, — говорит, — Лихард Карлович!

— Ничего, ничего, — ответил тот, — продолжай, вот за это тебя люблю: не бросишь работу, а до конца доведешь.

Помолчал немного и спросил:

— А кому топку сварить в котел? Надо кузнеца звать.

— Да я разве не кузнец, Лихард Карлович? На токарном не могу, а из железа все сделаю!

— А на чем варить?

— Да на чем прикажете. Советую — на коксе.

И такую сварил топку, что Рихард Карлович хлопнул его по плечу и сказал:

— Нечего тебя учить. Ты больше меня знаешь.

Василёвский затон представлял собой в ту пору неглубокий залив с разбросанными кое-где деревянными домиками и ремонтными мастерскими. Зимой затон оживал. Становились на ремонт землечерпалки. Это были старинные землечерпательные машины — первые на Волге, их называли «самовар с трубой»; две-три шаланды, брандвахты и пароходики, обслуживающие караваны, дополняли скучный пейзаж, казавшийся еще более серым в туманный зимний день.

Суда вытаскивали на брусья, поднимали на клети, котельщики меняли днища, боковины. Все эти работы возглавлял Павел Григорьевич.

Пока еще не начинался ледостав и не спускали пар из пароходных котлов, девушки под веселые песни мыли палубы тряпками, нарезанными из старых домотканных рубашек.

Мороз сковывал реку. Взору пешехода, проходившего в погожий солнечный день по берегу, представала пестрая картина. От ударов пешней летели в разные стороны кусочки льда. Маляры покрывали яркооранжевым суриком деревянные плицы. Парни колотили за пятиалтынный в день железными секачами по пароходным трубам, вытряхивая из них сажу и ржавчину.

К апрелю ремонт заканчивался. Пароходы провертывали колеса. Капитаны пробовали гудки. У каждого гудка был свой тон. Наступал, наконец, день, когда над Василёвым стоял разноголосый хор гудков. Жители села выходили тогда на обрыв и, щурясь на солнышке, говорили с таким видом, словно поздравляли друг друга с великим праздником:

— Загудели... Скоро Волга тронется...

Жену себе Павел Григорьевич взял из родной деревни Высоково — Арину Ивановну, дочь того самого Ивана Ивановича Кожирнова, о котором рассказывал дед Ипат.

Павел задолго до женитьбы ухаживал за Ариной, и ей он нравился, да родные отговаривали: «Разве он пара тебе, низок он для нас, получше найдем жениха!» Решилась их судьба в день преполовения, между праздниками пасхи и троицы.

В этот день, по местному обычаю, девушки и парни обливали друг друга студеной колодезной водой. Павел долго поджидал Арину, пока, наконец, она не появилась с перекинутым через плечо коромыслом, на котором раскачивались полные ведра.

Он подошел и сказал то, что полагалось в этом случае.

Она потупила взор, прибавила шагу, он догнал ее, выхватил ведро и вылил на нее всю воду.

Она завизжала, засмеялась, а потом вскинула на него голубые глаза и шепнула, убегая:

— Приходи...

Он тоже побежал в свою хату, не чувствуя под собой земли.

— Ступайте, мама, сватайте! Согласие дала!

Мать позвала тетку Степаниду.

— Пойдем, Стеша, к Кожирновым, одолел: «Жениться, говорит, хочу».

К вечеру все и решилось. В воскресенье назначили сговор. А там сыграли и свадьбу, и Павел Григорьевич зажил с Ариной Ивановной.

Арина Ивановна была широкоплечая, сильная женщина, совершенно неграмотная. В характере ее твердость сочеталась с добротой, не имевшей предела.

Если знакомая выходила замуж, Арина Ивановна и пирогов напечет, и юбки накрахмалит. У самой рубашки нет, переменпться нечем, а чужой сошьет и подарит. Родится ли ребенок у бедных соседей — все приданое снарядит.

Арина Ивановна была веселая, любила пошутить, звонко пела. Супруга своего побаивалась и при нем не смеялась.

Павел Григорьевич очень любил детей. Бывало, возьмет малыша, посадит на ладонь, ловко подбросит, скажет ласково:

— Ах ты, канальский!

«Канальский» было его излюбленным словом.

Любил Павел Григорьевич разговаривать и с самой природой, с деревьями, с огородными грядками. Подойдет, посмотрит на зеленый огурец и вновь произнесет привычное словечко:

— Ах, какой славный растет, канальский!

Жил Павел Григорьевич с Ариной дружно, хотя порой и ревновал жену. Ласкательным именем, Аришей, ее не звал, а говорил всегда: Арина.

— Ну, как у тебя, Арина, обед-то скоро?

А потом, бывало, похлопает ее по плечу и скажет:

— У моей стряпоньки все мягонько... Стряпает день до вечера, а поесть нечего!

Гостеприимны оба были чрезвычайно.

А какие пироги пекла Арина Ивановна—объеденье!

В воскресный день соберутся затонские, едят, выпивают, потом в преферанс сядут играть. Уже далеко за полночь, а в комнате то и дело раздается:

— Ну как, Павел Григорьевич? Бубны?

— Крефы.

Павел Григорьевич не признавал слова «трефы», а всегда говорил: «крефы».

Арина Ивановна в игре участия не принимала, только и знала, что подносила угощения.

Но иной раз у нее вдруг менялось настроение, и она со свойственной ей прямотой говорила:

— Извините, гости дорогие, хозяева два раза гостям рады бывают. В первый раз, когда приготовляются: «Батюшки, не идут! Знать, не придут! Знать, напрасно я припасалася!» А как сойдутся, подаешь, подаешь — все подано, что было, — и огурцы, и капуста, и грибы маринованные, нечего подавать больше! Гости расходятся. Хозяева во второй раз тогда рады бывают: «Слава богу, говорят, нелегкая их унесла!»

И гости котельщика Чкалова, уже давно привыкнув к таким разговорам, не обижались и расходились по домам.

Если было не поздно, сам хозяин шел в кухню, сгребал с противня остатки и кусочки пирога с капустой и кормил ими прямо из рук двух своих любимиц-телушек: «Малютку» и «Красотку».

У телок просвечивали нежно-розоватые бока. Они были совсем ручными и шли послушно на зов хозяина.

Когда затонский гудок возвещал конец рабочего дня и котельщик возвращался домой, телки стремительно бежали из сада по крутому взвозу навстречу Павлу Григорьевичу.

Котельщик даже боялся за их судьбу.

— Батюшки, — кричал он, — разобьются! Дурочки вы эдакие, ножки же себе сломаете!

Шли годы.

На нефтеналивных судах, обслуживающих землечерпалки, дерево постепенно вытеснялось железом. В Васильевском затоне строили котлы и пароходные корпуса.

Работы у Павла Григорьевича прибавилось.

Его искусство попрежнему восхищало товарищей.

— Машина, а не человек! — говорили про него.

А иные подручные-молотобойцы после двух недель совместной работы не выдерживали:

— Невозможное дело с Чкаловым работать. Замучает!

Действительно, работал он играючи. Бывало, стоит у раскаленного листа, в одной руке держит десятифунтовый молоток, в другой — горсть семечек. Правой рукой ударяет по железу — только короткий звук вылетает из-под молотка, а другой рукой отправляет в рот семечки. Так с утра до вечера. Любил погрызть семечки, два передних зуба проел. Пудами покупал, полные карманы набивал, когда шел на работу.

Его уже считали в затоне лучшим мастером по облицовке турбин и называли не иначе, как художником котельного дела. Он продолжал строить шаланды, суденышки, сложные черпаки с зубьями из марганцевой стали.

Пароход «Казань» с чкаловским котлом и поныне плавает на Волге.

В 1896 году ехала в Нижний Новгород на открытие Всероссийской выставки английская делегация. В пути сожжен был котел, и пароход «Межень» встал в посаде Пучеж на прикол. Из Василёва вызвали Павла Григорьевича. Он появился на пароходе в своем всегдашнем суконном картузе, подбрючных сапогах с рыжеватыми голенищами и начищенными до блеска носками, молча осмотрел котел и заверил делегацию, что пересаживаться на другой пароход не нужно: делегация приедет точно к открытию выставки. Котел починил он на удивление быстро. Впоследствии Павел Григорьевич часто вспоминал этот случай.

Павел Григорьевич любил русского человека, возмущался иностранной маркой на павловских ножах и вилках:

— Чорт его знает! Ведь это же все в Павлове делается, а надпись чужая!

Долго он был неграмотным, умел писать только

свою фамилию, да и то таким почерком, что иной раз и самому не прочитать.

Родные хранят в памяти рассказы о том, как он покупал букварь. Лучше всех об этом рассказывает Алексей Чкалов из деревни Высоково, родной брат Павла Григорьевича.

— Пошел Павел на базар азбуку покупать. Стоила она три копейки. А тот, который хотел его научить грамоте, решил подшутить и надоумил продавца лавки: «Придет, говорит, к тебе за азбукой Павел Григорьевич Чкалов, с ним еще двое... Спроси с каждого по три рубля». Вот приходит в лавку Павел Григорьевич. «Сколько стоит азбука-то?» — «Три рубля», — отвечает продавец. Павел Григорьевич молча вынул из кошелька деньги, расплатился и ушел. Товарищи его тоже по трешнице дали. А у хозяина лавки всего товара на трешницу не было. Возвращаются, счастливые, домой. По дороге встречают земляка, который хотел их грамоте учить. «Купили азбуку-то?» — спрашивает. «Купили». — «Наверное, задешево вам продали? По скольку? По пятерке, небось, взяли?» — «Нет, только по трешнице», — довольный, отвечает Павел Чкалов.

Кое-как, с трудом, Павел Григорьевич научился грамоте, читал медленно, нараспев, водя указательным пальцем по строчкам. Потом откладывал в сторону книгу, надевал картуз и подолгу прогуливался в саду, что-то нашептывая про себя.

— Это он вслух думает, — говорила жена.

Семья прибавлялась. Арина Ивановна ждала ребенка, шестого по счету.

На ремонте шаланд Павел Чкалов получил хорошую выработку. Все это заставляло котельщика подумывать о постройке дома.

— Где строить-то будем? — озабоченно спрашивала жена.

— Место надо на горе просить, где поповский дом стоит.

От отца Павел Григорьевич взял раздельный приговор, пригнал с Унжи плот, заключил с катунскими плотниками договор, и закипела работа. Дом выхо-

ФИЛИАЛ Центральной ВМБ

дил высотой в чистоте четыре аршина от пола до потолка, с тяжелыми вензелями, резными карнизами, завитушками, крыльцом из дубовых плах, мезонином и «галдареей», — так называл Павел Григорьевич навес, — с черными и белыми полами на шкантах и славянским парадным ходом, имеющим двери на три стороны.

Котельщик любил все добротное, прочное, сработанное на веки вечные.

Едва только вывели дом под крышу, как Павел Григорьевич стал мечтать о какой-то особой печи, которая обогревала бы столовую и спальную. Рассадил фруктовый сад, к оконным рамам изнутри приделал жестяные колодки, чтобы стекали капли, когда стекла запотевают...

Но вот тут-то в жизни Павла Григорьевича и произошло очень значительное событие, последствия которого тяжелой ношей легли на широкие плечи котельщика.

Произошло то, что Павел Григорьевич отказал одному затонскому инженеру, просившему взаймы довольно крупную сумму, и вскоре был поставлен в такие условия, что ему ничего иного не оставалось делать, как уйти с работы.

Друзья утешали его, советовали не горевать; возникла мысль купить на паях корпус сгоревшего буксирного парохода.

— Дмитрий Никанорович «Героя» своего продает в рассрочку на десять лет. Машина сохранилась.

Павел Григорьевич долго не соглашался:

— Да что я с вами свяжусь? Грамоте я не могу. Как пароходом работать-то буду?

Но друзья приводили доводы, против которых трудно было устоять:

— Дмитрий Никанорович — купец первой гильдии; «Павла Григорьевича, говорит, очень даже тонко знаю и всегда полагал, что человек он умный. Я ему, говорит, за небольшую сумму буксир отдам в рассрочку. В компании вашей он за старшого будет».

Арина Ивановна воспротивилась:

— Послушай меня, Павел Григорьевич, ведь ты

малограмотный, — говорила она, робко вмешиваясь в разговоры.

Но тут уже задевало Павла Григорьевича за живое:

— Малограмотный... Да если бы меня грамоте учили, таким бы я был? Инженером служил бы.

— Котельщик ты есть, котельщиком и оставайся.

— Фу ты, боже мой, Арина! Как ты не понимаешь, из затона уходить надо. Чем жить-то будем?

— Да какой ты пароходчик?

— Ничего, Арина! — говорил Павел Григорьевич, окончательно сдаваясь на уговоры приятелей. — Задаток, который Колчин требует, как-нибудь уж заработаю. Руки и голова-то на что?

И Арина Ивановна, вздохнув, вынула из сундука завернутые в тряпочку деньги, которые были припасены на черный день.

Павел Чкалов пересчитал деньги и вместе с будущими компаньонами — багермейстерами Малаховым и Пименовым и машинистом парохода «Стрежень» Гихуном — поехал в Нижний Новгород оформлять сделку.

Купец Дмитрий Никанорович Колчин был старообрядец, жил одиноким, денег у него были миллионы, а носил он всегда грязный зеленоватый чапан, выцветший от времени, и сапоги, на головках которых было не меньше тридцати заплаток. Деньгам он видел наилучшее применение в том, чтобы ссужать их под заклад недвижимого имущества.

Колчин встретил Павла Григорьевича приветливо.

— Развивайся, богатей, — говорил, принимая задаток. — Будешь хозяином, жалованье команде положишь, на тебя я надеюсь. А то сколько пароходов ни давал людям, поработают месяц-другой, а там, глядишь, то в карты его проиграют, то пропьют...

И Павел Чкалов привел пароход из Нижнего Новгорода в Василёво.

Это был шестидесятисильный буксирчик, без трубы, с маленькой осадкой и кормой, крытой кровельным железом.

Дав ему название «Русло», Павел Григорьевич при-

нялся его переделывать. Залатал кое-где корпус, выкрасил палубу, навел порядок в матросском помещении, перестроил рубку (у него всегда была потребность что-нибудь строить).

Приняв на себя роль распорядителя, не имея капитала и не будучи по природе дельцом, Павел Григорьевич стал работать на уплату процентов по векселям.

Управляющий не отпускает в кредит мазута для «Русла». Пароход стоит. Павел Григорьевич мечется, летят телеграммы одна за другой: «Отпустите мазута». Дали мазут. А тут осень подкрадывается, и у Павла Григорьевича опять одни только убытки: Волга обмелела, баржи стали на перекате, нужно делать перевалку, паузиться, перегружать товары с больших барж на малые. Павел Григорьевич озабочен тем, чтобы товар не раструсился; следить за этим — на обязанности водоливов, а они — как сговорились — все до одного воруют, стараются провести на чем только могут. А тут, глядишь, и зима близко, векселям срок наступает...

— Николай Иванович, устрой мне как-нибудь сотню рублей, — упрашивает Чкалов своего приятеля Шапошникова.

— Где же взять-то, Павел Григорьевич?

— Пойдем к Прокопию Семеновичу клянчить.

— Иди один.

— Ишь ты... Без тебя он не даст.

И Павел Григорьевич шел вместе с приятелем занимать деньги.

— У тебя пароход-то так все и провертит колесами, — говорила Арина Ивановна мужу. — Какой ты пароходчик, безграмотный! Все на людей надеешься...

— Командир у меня хороший, Арина, — оправдывался Павел Григорьевич.

Цены деньгам Павел Григорьевич не знал. Ему бы лишнюю копейку пустить на погашение долга, а он возьмет да и отделает под дуб рубку на своем пароходе.

Проходил какой-нибудь месяц, и Чкалов говорил жене:

— В гостиной обой надо сменить. Как думаешь, Арина?

— Зачем обой портить, Павел Григорьевич? У нас еще очень хороший обой.

— Нет, уж надо все заново. И лампу купить надо с разурвалом (Павел Григорьевич не выговаривал слово «резервуар»). А то у нас одна «молония» — старая безножка.

И спустя несколько дней к воротам сада подъезжала телега, груженная ящиками.

— Батюшки! Павел Григорьевич чего-то опять купил! — кричала Арина Ивановна, видя из окна, как парнишка в кумачевой рубашке взваливал на плечи ящики и шагал к «галлярее».

Любопытство Арины Ивановны сменялось отчаянием.

— Лампы! — причитала она. — Господи, что мне с ними делать? Семь ламп! Да одна другой страшней! Батюшки! Сумасшедший! Чем платить-то будем?

И она принималась извлекать из ящиков лампы то вороненой стали с бронзовыми подвесками, то с изящной тумбочкой из меди, разрисованные какими-то розовыми амурами, порхающими на голубом фоне «разурвала».

Павел Григорьевич, довольный, ходил между ящиками и, любуясь самой большой лампой, говорил:

— А обой в гостиной все же надо сменить, Арина. К этой лампе старый обой не подходит.

Несколько дней он переставлял покупки с места на место.

— Что ты все носишься, Павел Григорьевич, с твоими обновками? — с прежним отчаянием в голосе спрашивала Арина Ивановна. — То сюда поставишь, то сюда переставишь...

Павел Григорьевич сдвигал брови, нехотя отвечал:

— Переставляю потому, что непривычно. А детям надо смолоду привыкать. Жизнь у них не такая будет, как у нас с тобой. И дом у инженера или врача не такой должен быть, как у «глухаря»-котельщика.

На этом разговор кончался, и Арина Ивановна уходила на свою половину.

Зимними вечерами собирались изредка в чкаловском доме багермейстеры и машинисты сыграть две-три пульки в преферанс. В гостиной мерцали свечи. На столе появлялись маленький графинчик водки и любимая закуска — соленые грузди и огурцы. Играли иной раз до утра. Если Павлу Григорьевичу везло в карты, он смеялся, смех у него был раскатистый, звонкий, но не дай бог, начнет проигрывать — тогда туча-тучей. Хмурится, брови сдвинет, к гостям придирается:

— Эх ты, чудак-человек! Что же ты, голова, не то несешь? Прокидал впустую...

Игра в преферанс требовала записи цифр, поэтому Павел Григорьевич научился писать цифры довольно сносно, даже сам производил арифметические действия. Вычитал и умножал он медленно, радовался, как ребенок, когда итог сходился, и, поглаживая бородку, всегда говорил:

— А ведь занятно и гладко, голова, получается.

Когда игра кончалась, Арина Ивановна любила иногда порассказать гостям о своей жизни в Высокове до замужества, об отце. Ее воспоминания о нем обычно ограничивались рассказом о том, как он переплыл на телеге Волгу.

И всегда она заканчивала так:

— Его «черные» перенесли.

Она боялась произнести греховное слово «черти» и потому заменяла его словом «черные», «она», «оно», «нечистая» или совсем смешным — «шишиги».

Если гости уходили рано. Павел Григорьевич принимался читать псалтырь. Читал медленно, нараспев, как прежде букварь, с таким напряжением, будто делал тяжелую физическую работу.

— «...И сказал господь: прийдите и посмотрите... Мурра...»

— Папа, — перебивала старшая дочь, — мирра, а не мурра. Мирра через ижицу пишется.

— Никаких ижиц я не знаю, Анюта. Дай-ка лучше мне газету почитать.

И Павел Григорьевич приступал к чтению газеты.

В январе 1904 года Арина Ивановна должна была снова родить. Во время родов в доме Чкаловых всегда присутствовала бабка-повитуха Гришиха, маленькая старушка с большим носом и живыми глазками. Бабушка Гришиха в тяжелые минуты шутила с роженицей и, желая облегчить ее страдания и ускорить при родах естественный ход событий, всегда говорила:

— Арина, дуй в бутылку!

И вот 20 января 1904 года у Арины Ивановны под возгласы Гришихи: «Дуй в бутылку!» — родился десятый ребенок, Валерий. Мальчик родился почти без признаков жизни.

— Батюшки, парнишка-то бесчувственный! — воскликнула Секлетея Павловна, подруга роженицы. — Грех-то какой! Кто будет отвечать за ребенка на том свете?

— Надо отхаживать, — строго сказала карлица-повитуха Гришиха.

И принялась трясти младенца за плечи с такой неожиданной для ее юркого тельца силой, что казалось — сейчас он рассыплется. Однако это не помогло. Тогда кто-то надоумил зажечь черную крашенинную тряпку и поднести к носику новорожденного. От едкого дыма ребенок дважды чихнул.

— Слава богу! — сказали все в один голос. — Значит, будет жить!

Издав первый крик, вызванный столь необычным способом, мальчик уже не умолкал.

— Да замолчи ты, полорот! — с отчаянием и тоской в голосе говорила Секлетея Павловна, качая на руках младенца.

Впрочем, на несколько секунд ребенок затих. Это случилось, когда местный священник прихо ской церкви погрузил его в купель, полную водой, принесенной с Волги, из проруби, вместе с ледышками.

Крестный отец Николай Иванович Шапошников пробовал было протестовать и вылавливать из купели льдинки, но, ни у кого из присутствовавших не встретив сочувствия, безнадежно махнул рукой (все равно,

мол, всех ледышек не переловишь) и стал в сторонку, ожидая конца обряда.

Но процедура, как нарочно, томительно затянулась. Наконец кумовья три раза дунули, три раза плюнули, и все было закончено.

— Будто из парной бани, — посетовал крестный, видя, как от покрасневшего тельца шел густой пар.

Перенес ледяную купель маленький Валерий удивительно легко, — разве только голос его окреп: теперь он орал чуть не на две октавы ниже, — и все пошло своим чередом.

Ребенок рос. Как полагается, сначала ползал, потом научился ходить, старался забраться повыше, оттуда — то с лестницы, то со стула, то со стола — слетит и хватится лбом об пол. Болячка никогда не сходила с его лба: этот шрам от болячки остался навсегда на лице Валерия Павловича.

— У нас Валериан-то со звездой растет, — говорили в семье.

Года три ему было, когда он на швейной машине прошил насквозь мизинец, а лет пяти он уже барахтался в волжской воде.

Зимой Валерия выпускали на улицу в шапке-папахе и полушубке с красным кушачком — наследство от старшего брата Алексея.

На морозе кушак он развязывал, папаху на затылок, полушубок нараспашку, за что и получил кличку «Чкалов-полушубник».

Рос он здоровым ребенком, как кряж, что вдоль, что поперек. Пойдет, бывало, на базарную площадь к большим весам — «виселице», поднимет гирю и начнет кидать ее то на себя, то от себя.

— Волька, Волька! Что ты делаешь? — кричит, выглядывая из палисадника, подруга матери Александра Васильевна Мятелкова, жившая рядом с базаром. — Грудь проломишь!

— Да полно, тетя Саша!

Или, рассказывают, притащит в дом лист судового железа.

— Что ты, Валерьяшка канальский, испортишься!

только скажет Павел Григорьевич и опять погрузится в свои думы и заботы.

Дела с пароходом день ото дня становились все хуже и хуже.

Операция с вывозкой хлеба в Рыбинск окончилась полной неудачей. Кто мог знать, что вода в реке Белой очень быстро спадет и придется делать на перекатах перевалку? Паузки принесли Павлу Григорьевичу большой убыток. Пришлось думать не только о том, чтобы свести концы с концами, но и о том, как расплатиться. Выход был один, и Павел Григорьевич им воспользовался: он заложил дом и пароход сроком на десять лет.

Настали тяжелые дни. В гости к Чкаловым перестал ходить церковный причт. Дьякон приходской церкви говорил при встрече с крестным Валерия:

— Что к Чкаловым-то ходить? Арина Ивановна пирогов-то нынче не печет.

Мать отдала старшую дочь учиться шитью. Четырнадцатилетняя Анна теперь шила на знакомых.

Арина Ивановна иногда стучалась в ее комнатку:

— Анюта, нет у тебя рубля? Отцу не на что телеграмму послать. «Русло» опять стоит без мазута.

А бывало, и сам Павел Григорьевич обращался к дочери:

— Нет у тебя денег, Анюта?

И девочка отдавала отцу последние сбережения.

До всего этого не было никакого дела маленькому Валерию.

Его окружали друзья-сверстники, смелые, озорные, с первым вдохом втянувшие волжский воздух. Старшие товарищи угадывали ночью в темноте по гудкам или силуэтам названия пароходов. Отец — с густыми сдвинутыми бровями, всегда молчаливый — был добрый, ни разу не воспользовался плетенной из кожи двухвосткой, которая, если помахать ею, издавала звук, похожий на комариный писк. За большим обеденным столом велись мирные беседы. В зимние вечера, когда сквозь разрисованные морозом окна проступали синие сугробы и липы, мать рассказывала то смешные, то грустные сказки. Слушая их, Валерий

играл на полу, у натопленной печки, на изразцовом зеркале которой по какому-то непонятному случаю был выбит барельеф, изображающий женщину со знаменем и мечом, занесенным над орлом без короны. Летом мальчик отправлялся на рыбную ловлю, ходил в лес по грибы или плескался на песчаных отмелях с маленькими заливчиками и одинокой избушкой бакенщика.

Зимой Валерий катался с крутой горы на мясных полка́х-санках, которые удавалось утащить с базарной площади в тот миг, когда сторож, завернувшись в тулуп, задремывал или заговаривался с кумой.

Привольно текло детство Чкалова на волжских просторах. С самой ранней весны он не расставался с рекой. Зацепится ли сеть за корягу — Валерий мигом под воду и обрежет ножом веревку. Отваливает ли пароход с Самолетской пристани — маленький Чкалов незаметно подплывет и усядется верхом на руль. Пароход огибает остров, а Валерий уже перелез потихоньку с руля на корму, оттуда на верхнюю палубу и притаился у трубы. Выберет удачный момент — и прыгнет в воду. Пассажиры кричат, капитан отдает приказание в машинное отделение: «Стоп!» А большая голова мальчика уже еле заметной точкой маячит на широкой желтопенистой дороге, взбаламученной пароходными колесами.

— Ну, конечно, это он, чертенок! — ругался капитан. — Глухаря Павла Чкалова сын! (Павел Григорьевич был глуховат: профессиональный недуг котельщиков.)

Причалив к Василёвской пристани, капитан иногда разыскивал Павла Григорьевича и кричал ему в ухо:

— Да не пускай ты своего пострела в воду, когда пароход идет. Непременно он у тебя под колесами погибнет.

— Вот я его выдеру! — отвечал Павел Григорьевич, а сам был доволен: ему нравились смелость и ловкость сына.

Любил Валерий качаться и на больших волнах от заднего колеса старинных «русинских» пароходов, ходивших в те годы по Волге. Валы катились ровно,

не торопясь, словно выжидали мгновенья, чтобы покруче поднять на свои гребни ловкое тело мальчика и низвергнуть его в пучину, расцвеченную золотисто-лиловыми пятнами нефти.

Игрушек Валерий не знал. Василёвские ребята предпочитали нырять под плоты, да не просто нырять, а старались проплыть под водой как можно дальше. А чтобы не сбиться со счета, пловцы для «сигнализации», проплывая каждую пару бревен, выпускали ртом пузырьки воздуха. Ныряние было самым любимым занятием Валерия. Легкие мальчика работали, как кузнечные мехи. Плывя под водой, он отсчитывал до сорока бревен плота.

— Пропадет наш Валерьяшка, ни за что пропадет, — скажет отец.

— Придет осень, успокоится, — утешали родные.

Но приходила осень, свистел ветер, раскачивая оголенные ветви яблонь и лип, по реке кое-где плыло «сало», а Валерий продолжал купаться. А весной... С каким нетерпением он ждал прихода весны! Как ловко забирался он на льдины — и плыл по течению.

— Кто это наверху стоит? — говорила Арина Ивановна мужу, любуясь с обрыва ледоходом.

— Кто стоит? Валька. Ты смотри, Арина, где напирает льдина на льдину, туда и наш лезет.

— Уйдем, Павел Григорьевич, уж лучше не смотреть.

Пароходные дела запутывались. Не оплатит вовремя Павел Григорьевич какого-нибудь векселя, вексель опротестуют и назначат опись имущества. В доме Чкалова появлялся судебный пристав.

Арина Ивановна, завидя издали худую фигуру с потрепанным рыжим портфелем, кричала:

— Батюшки, судебный пристав идет! Дети, прячьте енотовую шубу на чердак!..

— Опять приехал к вам из Балахны, уважаемая Арина Ивановна, — здороваясь, говорил пристав. — Как живем-можем? Денежки уплатить извольте. Должок.

Иногда не удавалось обмануть пристава, тогда

назначалась распродажа имущества с молотка. Торги происходили в домашнем зале, в котором присутствовало не более двух-трех покупателей — друзей Чкалова. Енотовая шуба, как наиболее ценный предмет, чаще всего оставалась за Павлом Григорьевичем.

Когда у Павла Григорьевича не было денег, шубу покупал его приятель Николай Иванович Шапошников. Спустя несколько дней он продавал ее обратно Павлу Григорьевичу. Так двенадцать раз переходила эта шуба из рук в руки, и все же осталась за неспокойным ее владельцем.

Павел Чкалов не любил сам просить денег в долг. Обычно он посылал старшую дочь с запиской, на которой с трудом выводил неровным почерком:

«Яков Петрович, занмообразно прошу пять рублей. Дайте Анюте. Буду вами очень благодарен. Павел Чкалов».

Анна бежала с запиской. Иной раз ее в дом пригласят, усадят, дадут конфетку. А иной раз заставят ждать в прихожей.

— Яков Петрович в бане парятся, ты посиди тут, девочка. После бани чаю напьются, тогда поговорят с тобой.

Павел Григорьевич терпеливо ждал возвращения дочери.

— Ну, как? — спрашивал он Анну.

— Дали, папа, пятерку.

— Вот и хорошо! Беги, Анюта, в лавок. С масленщиком Алексеем расплатись.

Вскоре постигла Павла Григорьевича новая беда. Заболела Арина Ивановна. Она дохаживала последние недели беременности и еще накануне была совсем здорова. Замесила тесто, утром вскочила с постели:

- Батюшки! Проспала. Тесто убежит!

Бросилась к печке, оступилась, упала, родила раньше срока. Проложав в кровати несколько месяцев, мать умерла.

Павел Григорьевич тяжело переживал горе, осунулся, стал еще молчаливее, чем прежде. Голос его звучал глухо и неуверенно, и только черные зрачки

из-под сдвинутых, тронутых сединой бровей, попрежнему пронизывали собеседника, как сверла.

Он весь погрузился в свои дела. Уехал на Белую выводить караван.

Однако хозяйка в такой большой семье была нужна. Стали поговаривать, что Павел Григорьевич познакомился с одной женщиной, которая займет это место. И действительно, вскоре Павел Григорьевич приехал в Василёво с новой женой, Натальей Георгиевной, милой женщиной, искренне полюбившей своего уже немолодого супруга.

— Вот тебе дети, Наташа, — сказал Павел Григорьевич, вводя в дом жену. — А вот, дети, вам мать. Слушайтесь, что будет вам наказывать, чему учить будет вас...

Однажды Павел Григорьевич пришел расстроенный и, повесив на крюк суконный картуз, прошел молча в гостиную. Через несколько минут он позвал Наталью Георгиевну и старшую дочь.

— Подумайте только, Колчин говорит, что я ему ничего не платил за пароход.

— Как же это так? — спросила дочь.

Но отец перебил:

— Подбери-ка все векселя, Нюра.

Векселей оказалось огромное количество. Все они были подшиты и сложены в ящике стола.

— Вот и хорошо, — сказал Павел Григорьевич, — теперь я в суд поеду.

Началось судебное дело. Колчин нанял адвоката. Чкалов — своего. Все уплатные документы, написанные на гербовой бумаге, перешли к прокурору.

На гербовой бумаге, как известно, все что угодно можно стереть, и будет не заметно, если не посмотреть на свет.

На счастье Павла Григорьевича, прокурор проверял документы вечером. Приложив гербовую бумагу к абажуру лампы, он обнаружил подделку. Документы были подчищены.

Узнав об этом, Павел Григорьевич воспрянул духом, и на его лице заиграла широкая улыбка.

— Мой адвокат дело выиграет, Нюра, — говорил

от дочери, луща подсолнухи. — Представь себе, приходит мой защитник к колчинскому адвокату и говорит: «Вот извольте посмотреть этот лист бумаги и вот этот. Этот, где роспись, худой, залощенный; меньше полтела в нем, а тот цел, светится ровно. Здесь соскоблено, говорит, и я бороться буду против неправильности». Колчинский адвокат так и смяк. Видно, Петрович его заборол...

Но как заблуждался Павел Григорьевич! Правда была на его стороне, закон — против него. Колчин передал дело вторично в суд. Пароходик «Русло» арестовали и поставили на прикол.

Суд опять присудил в пользу Павла Чкалова. Тогда Колчин подал жалобу в сенат. Павел Григорьевич туда же... но оттуда ни ответа, ни привета.

Эта история с «Руслом» тянулась несколько лет, и маленький пароходик попрежнему стоял на приколе у самого берега — с двумя караульщиками: Зверевым и кривым Терентием.

— Нас постиг, Анюта, трах! — говорил Павел Григорьевич старшей дочери. (Слово «крах» он произносил как «трах».)

Нашлись люди, которые хотели помирить Павла Григорьевича с Колчиным. Случалось, что недруги даже попадались друг другу на глаза, и купец кричал издали:

— Иди ко мне, Павел Григорьевич!

— Иди ты ко мне, — отвечал Чкалов. — Не о чем мне с тобой говорить. Вот возьму да и уведу пароход домой, он на меня гласит.

— Я богатый! — еще пуще кричал Колчин через дорогу. — В Петербург поеду, на высочайшее подам. А ты бедный, не поедешь.

— Ладно, разберемся. — И Павел Григорьевич, нахлобучив картуз, прибавлял шагу.

— У тебя уж больно муж-то горд! — говорил Колчин при встрече Наталье Георгиевне. — Он бы пришел ко мне да попросил, все бы и уладилось. А он кланяться не хочет.

— Павел Григорьевич вам платил, — вмешивалась

разговор Анна. — У меня все векселя целы. Суд-то все равно нам присудит.

— С сильным не борись, с богатым не судись! — отвечал Колчин с хитрой усмешкой.

— Куда вы деньги-то денете? — не унималась девушка.

— Умру и с собой возьму!

— Вот вас змеи-то на том свете и съедят, — говорила, раскрасневшись, Анна и убегала.

Колчин смотрел ей вслед и откланивался:

— Почтенье, Наталья Георгиевна. Дочка-то, видно, в отца пошла. Скажи, на той неделе сукна ей на платье пришлю.

Валерий не уступал никому первенства в мальчишеских играх. Уже многие переставали удивляться, когда встречали его с выбитыми зубами.

— Куда зубы-то девались? — спрашивали знакомые.

— В футбол играли. На поле я два зуба и выплюнул.

— Как это ты просто говоришь, Валя!

— Играть — не пировать, а отцу с матерью не жаловаться.

Особенно весело Валерий проводил время на масленицу. Всю неделю жители Василёвой слободы, кто побогаче, катались на тройках. Лошади были в сбруях под серебро, с бубенцами.

Перед нашими вороты
Разыгралися ребята.
Люли, люли, бурлаки.
Все ребята молодые,
Молодые, холостые.
Люли, люли, бурлаки.

Промелькнула тройка с расписными дугами в развевающихся лентах и пестрых бумажных цветах, — только облако пушистого снега повиснет над дорогой, а на другом конце слободы уже разносится эхом:

Ты садися, девка, в сани
Ты поедешь, девка, с нами.
Люли, люли, бурлаки.
С нами, с нами, молодцами,
С понизовы бурлаками.
Люли, люли, бурлаки.

Показалась еще тройка, все ближе, ближе... За ней — пара разгоряченных коней, и опять скрылись за сугробом розвальни, оставив за собой снежную пыль да след конских копыт. Посмотрит какой-нибудь молодец в дорожную даль и крикнет завистливо:

— Хоть что заложить, а масленицу проводить!

В среду — день лакомки — из окружных деревень в Василёво съезжался народ и справлял «столбы». Базарная площадь еле вмещала гуляющих. Овчинные тулупы, малахаи, куньи воротники, посеребренные от инея, модные дипломаты из аглицкого сукна и просто домотканные зипуны—все смешивалось, нестройно двигаясь по площади. Солнце заливало это сборище веселых людей. Перекатывался неясный гул голосов, точно где-то прорвалась плотина. Только на широком взвозе, круто поднимающемся от реки, было тише и строже. Там стояли рядами молодые, новообвенчанные. Богатые щеголихи, простояв битый час на морозе в модном дипломате, внезапно исчезали куда-то и вновь появлялись в бархатной «таратонде» на лисьем меху и в беленьком платочке, а поверх него в шляпке с зелеными или розовыми перьями.

Между рядами новообвенчанных прогуливались родители и любовались нарядами молодых.

С годами порядок изменился. Гуляли молодые, а отцы и матери смотрели на них издали.

Валерий любил со старшими братьями толкаться на базарной площади среди этих кумовьев, вдовиц, будущих женихов; ремесленников, лоцманов, хлебопашцев, багермейстеров, торговцев, котельщиков; румяных от мороза волжских красавиц и степенных стариков, тоже разрумяненных на морозе.

Были доступны Валерию и другие масленичные забавы — качели, ледяные горы и городки из снега.

Музей В. П. Чкалова. (Дом, где родился великий летчик.)

В. Чкалов в период учебы в Борисоглебской авиашколе. 1923 г.

В прощеное воскресенье жители слободы жгли масленицу. Валерий вместе с ребятами собирал по дворам корзинки, ящики, бочки, старые корыта. Все это свозилось на Волгу, на лед, складывалось в кучу, поджигалось. Большое зарево занималось над Васильёвом. Ребята прыгали, плясали вокруг гигантского костра и пели:

Как по нашей улице
Ехал чорт на курице,
А бабенки суются:
Не с яйцом ли курица?

И долго, до утренней зари, тлели уголья в недвижимом воздухе да сквозь разукрашенные морозом окна бревенчатых домиков раздавался приглушенный хохот или молодецкий храп подвыпивших гуляк.

Пришла пора, и Валерия отдали в сельскую школу. Он сел за парту охотно и с первого же дня обнаружил любознательность и стремление к точным наукам, — может быть, то было влияние отца, мечтавшего дать сыновьям техническое образование.

Закона божьего не любил мальчик. Начнет батюшка рассказывать из библейской истории, а Валерий возьмет да и сделает приставку к именам Мельхиседека или Валтасара, — выйдет какое-нибудь смешное слово, класс загогочет.

Павел Григорьевич не ругался, когда дети получали плохие отметки, он только ворчал:

— Ах ты, господи боже мой, как же это так? Да что это вы пользы-то своей не понимаете?

Впрочем, к десятилетнему Валерию это не относилось: учился он прилежно, хотя за поведение больше тройки никогда не имел.

Удивительно легко давалась ему арифметика. Бывало, лежит на кровати — ноги на подушке — и поет песню.

— Волька, чего ты поешь? — спросит Наталья Георгиевна.

— Не мешай, мама. Задачки по арифметике решаю.

— Да, наверное, не решаешь?

— Иди, чудная, погляди.

В школе он был очень живым, любил подраться и пошуметь.

— Смерти или живота? — спрашивал он басом (у него в голосе появились низкие нотки), подмяв под себя парня.

Иногда дрались классом, партия на партию. Случалось, что Валерий дрался один против пятерых. Парты сдвигали к стене. Валерий с засученными рукавами вставал посреди комнаты. Наступала тишина.

— Пока не скажу «начинать», не начинайте,—говорил Чкалов, вбирая в легкие воздух. — Любя — так любя.

Его тесным кольцом окружали сверстники, он спокойно излагал условия:

— Бить кулаком можно, только уговор — не пинаться. Ну, ребята, с богом! Начинайте!

Часто школьники играли в коней, садились друг другу на плечи. «Лошади» не принимали участия в драке — только носились с седоком по коридорам. Чкалов был самой выносливой «лошадью». Он скакал без отдыха сорок минут, всю большую перемену. Седок устанет, а «лошадь» все бегает — одного сбросит, другого посадит.

Прозвище ему дали «буйвол». Он ходил, наклонив голову, рукава засучены... Станет у стены в школьном коридоре и смотрит исподлобья.

В то время в Василёве дрались «стенка на стенку». Иногда на такое зрелище приезжал в лакированной пролетке пристав с урядником. Когда урядник, показывая длинной худой рукой, говорил:

— Дерутся, ваше высокоблагородие! — пристав перебивал его:

— Дурак, ну и пусть дерутся! Революцией будут меньше заниматься!

Василёвские ребята, разделившись на «базарских» и «горских», подражали старому обычаю взрослых и тоже бились на кулачках. Валерий был предводителем самой сильной группы ребят.

Шли годы. Валерий стал уже засматриваться на девушек, и все милее становился ему откос, где в тени деревьев гуляли василёвцы. Но и эта пора юных

увлечений и прогулок по волжскому откосу пролетела.

Павел Григорьевич мечтал видеть сыновей инженерами, в крайнем случае — техниками. Из Череповецкого ремесленного училища выходили техники, которые славились на всю Россию, и дальновидный старик, потратив уже немало денег на образование детей, решил обучить Валерия ремеслам, и нигде иначе, как только в Череповце.

Осенью 1916 года Наталья Георгиевна собрала Валерия в дорогу и проводила его в Череповец, где ему предстояло держать конкурсный экзамен.

На конкурсе он прошел третьим и, к общему удовольствию всех родных, был принят в училище.

— Хороший котельщик выйдет из Валерьяшки,— говорил отец, вспоминая, как сам в молодости играл кувалдой у листа судового железа.

После Октябрьской революции Павел Григорьевич пошел в затон работать котельщиком. Иначе не могло и быть: в конторе работать Павел Григорьевич не мог по своей малограмотности, и он с радостью пошел в котельщики к одному бывшему своему ученику.

Пароход «Русло» национализировали и направили с красноармейцами на Каму. Там он погиб в бою с белыми.

Старый котельщик весь отдался работе в затоне. Работал он от свистка до свистка и так быстро, точно плясал у раскаленного листа железа, указывая подручным, куда бить. Разгильдяйство ненавидел.

Кувалда его была тяжелее, чем у других, а бил он ею до того ловко и верно, что порой становилось непонятно, работает он или играет. Он требовал, чтобы заклепки лежали гладко. И когда подмечал в работе подручного недостатки, то говорил, указывая на заклепку:

— А ну, переделай! Неласково она у тебя лежит.

Павел Григорьевич облицовывал турбины, делал сварные топки, черпаки, заплатал как-то корпус парохода «Власть Советов», который получил пробоину,

задев днищем за якорь или камень. Весенняя вода в тот год быстро прибывала, и Павел Григорьевич подводил железные листы, стоя по горло в воде.

Однажды, идя на работу, он неожиданно встретил своего младшего, четырнадцатилетнего сына.

— Какими судьбами, Валерьяшка? — воскликнул старик.

— Из Череповца. Здравствуй, отец!

Из короткого разговора Павел Григорьевич узнал, что Валерий с Череповцом расстался навсегда, окончить ремесленное училище ему не удалось — плохо было с питанием. Павел Григорьевич выслушал, покачал головой, посочувствовал, что-то буркнул про себя и, предлагая сыну горсть семечек, сказал:

— Работай-ка ты со мной, Аверьян. Видно, не быть тебе техником.

И Валерий, взяв кувалду, стал работать с отцом в качестве его подручного, молотобойцем.

В затоне рабочий день начинался чуть свет.

Каждое утро Валерий сквозь сон слышал гудок, призывающий к работе, нехотя просыпался, натягивал на свои широкие плечи пиджак, обувался в громадные растоптанные отцовские валенки и шел на берег.

Работал он, как и отец, играючи, но иной раз сдавал и, возвращаясь с работы, говорил сестрам и брату:

— Ну уж, с отцом работать — замучает! Ничего не показывает, только ругается. «Ты, голова, говорит, приглядывайся, смотри, куда я бью. Нас никто не учил».

Ежедневная напряженная работа тяжелым молотом сильно утомляла подростка. Впрочем, недолго это продолжалось. В затоне объявляли набор на суда, и Валерий в поисках заработка решил переменить свою профессию, стал работать кочегаром на камнечерпалке, которая теперь называлась «Волжская двадцать первая».

Научили его ребята шуровать, познакомили с устройством котлов и манометров, и попал он первым рейсом в Кострому разрабатывать гавань.

Обзаведясь хозяйством, состоявшим из кулька муки и картофельных очисток, — голодные стояли времена, — Валерий навел в кубрике порядок и зажил припеваючи, в обществе приятеля — кочегара Ивана Анфимова и девушки, работавшей на камнечерпалке хлебопекаркой. Когда иссякали в тесном кубрике продукты и не оказывалось под рукой картофельных очисток, Валерий шел после вахты на остров за капустой и варил потом суп. Когда камнечерпалка посещала хлебные места, Валерий раздобывал муку. Веселая хлебопекарка пекла тогда лепешки.

Из Костромы поплыли в Казань. Там белыми была сожжена пристань и потоплено много оружия, которое надо было поднять со дна.

Из Казани направились к устью Камы. Там тоже была потоплена белыми большая баржа с камнями, чтобы загородить ход красным судам. День и ночь трудились рабочие камнечерпалки, очищая фарватер от камней.

Валерий не чувствовал усталости. Обливаясь потом, он ловко выгребал из поддувала золу, всегда ровно держал в котлах пар.

Стоило полюбоваться, как он шуровал кочергой дрова. Его упругое, стянутое в талии и широкое в плечах тело вздувалось под тонкой сеткой узлами мышц. Пурпуровые отблески, вырываясь из топки вместе с горячим воздухом, делали лицо его еще более рельефным, скульптурным. Эту рельефность усиливали резко прочерченные темные брови, одна чуть выше другой, и нос с горбинкой. Небрежно зачесанные назад светлые волосы слегка вились, и упрямая прядь спадала на крутой, высокий лоб.

Поработав в верхнем и среднем плесах, камнечерпалка на зиму стала в Криушинский затон Симбирской губернии. Когда пришла весна, начальник затона обратился к команде с предложением: не найдутся ли желающие шуровать дрова на пароходе «Баян»?

— Пойдем поплаваем на пассажирском, — сказал Валерий своему товарищу Ивану Анфимову.

И приятели вместе с хлебопекаркой, которая к тому времени уже стала женой Анфимова, поступили в команду комфортабельного волжского парохода «Баян». Пароход перевозил моряков, спешивших на фронт. Валерий с большим усердием выполнял свои обязанности. Бывало, закроет свою топку и кричит Анфимову:

— Дай-ка я за тебя пошурую!

Механик и капитан его очень любили.

Неизвестно, как бы дальше сложилась жизнь молодого Чкалова: может быть, из него вышел бы опытный боцман или капитан каботажного плавания,—если бы не один случай, которому Валерий не придал даже особого значения. В один прекрасный день пришла телеграмма, в которой предлагалось перевести «Баян» с дров на мазут. Капитан начал составлять штат.

Конечно, Валерий мог бы справиться и с форсунками, но ему не хотелось огорчать человека, претендовавшего на его место, и он, покинув пароход, вновь очутился на берегу.

Никто не ждал его в Василёве. Он появился там неожиданно, в зеленых обмотках и в старой шинели. На спине он нес подарок семье — мешки с картофелем и мукой, а в карманах — ситцевые пестрые кофточки для сестер Анны и Софьи.

Он поднялся с ношей по откосу, сбросил мешки с плеч и долго смотрел в ясную даль реки и вокруг. Те же старые липы и молодые яблоньки, посаженные отцовскою рукою, та же калитка на краю обрыва. Неужели по этому крутому, почти отвесному склону он мчался когда-то на лыжах? А там, за пристанью, у песчаной косы, стоит та же обветшалая баржа, с кормы которой он любил прыгать в реку?..

Нетерпение охватило его. Он толкнул калитку, ржавые петли заскрипели, и этот скрип снова напомнил ему детские годы.

— Ну, мать, вари пельмени! — говорил он спустя час, сидя в кругу родных. — Мукой мы теперь богаты. Видишь мешок? Ну, как дела, отец? — обратился он к Павлу Григорьевичу, который сидел, по обыкновению, молча и не сводил с сына глаз.

— Я по-старому, Валерьяшка, в затоне. Отрядную работу выполняю. Да вот мой ученик Лазарь серчает, что я под его руководством клепаю. Говорит, наоборот бы надо. Лазаря помнишь? Хороший мастер. А живем мы ничего. Ртов меньше теперь у меня. Алексей учится в Питере на инженера. Надолго ли к нам?

— Не знаю. О работе думать нужно.

— А мы с матерью в фино иногда ходим, — неожиданно сказал Павел Григорьевич.

Валерий улыбнулся: отец, следуя неисправимой привычке, вместо кино говорил «фино». И опять живо припомнились сценки из детства, когда он, подросток, поправлял отца. «Не рае, папа, а разве». «Не разурвал, а резервуар», а отец, прищуря глаза и приложив ладонь к уху, спрашивал: «Как? Что?»

Валерий вышел в сад. Вечерело. С Волги тянуло прохладой. Солнце медленно опускалось и било косыми лучами в стекла домиков и в железные крыши.

Вот он приехал домой. Что он будет здесь делать? Трудно было ему, пятнадцатилетнему парню, окончившему всего-навсего сельскую школу, разбираться в жизни. Но от товарищей он уже знал о событиях в Питере, о партии большевиков. В родных краях шла гражданская война. Партизанские отряды заменялись частями регулярной Красной Армии. В Нижнем Новгороде стоял 4-й авиационный парк. Иногда над городом летали самолеты.

Шагая в раздумье по саду, Валерий незаметно очутился под навесом сарая. Там, в углу, лежала двухпудовая гиря. Ему захотелось «побаловаться». Он поднял одной рукой гирю за ушко и подбросил ее. Повторил еще раз. Вдруг услышал голос сестры. Обернулся. Анна стояла вблизи.

— Что ты делаешь, Валерий? Голову проломишь!

— Вот еще чего выдумала! — засмеялся он. — Я могу гирю подбросить и грудью отшибить! Хочешь, покажу?

— Да она налетит на тебя! — испуганно сказала девушка.

— Ох, уж и налетит!..

Но недолго прожил Валерий в родных местах. Он был молод, силен, хотелось работать. И самым подходящим ему казалось работать в воздухе. Какие счастливые минуты пережил Валерий, слушая рассказы своего соседа Владимира Фролищева о полетах русских авиаторов. Встречаться с Фролищевым доводилось и в Василёве, и в Нижнем, где тот работал авиационным механиком. Рассказы Фролищева покорили Валерия и не выходили у него из головы. Самолет он видел лишь несколько раз, — маленький гидросамолет, круживший над пристанями и прибрежными зданиями Нижнего Новгорода. Еще на пароходе, услышав шум мотора, Валерий забывал о работе и выскакивал из кочегарки. Черный, обливающийся по́том, следил он за исчезающей на горизонте машиной. Мечта летать самому казалась ему несбыточной, и все же почти безотчетное стремление пережить это ощущение — когда человек один в воздухе — охватывало его порой, возвращаясь с непреодолимым постоянством и упорством.

Однажды, когда Валерий, стоя у обрыва, долго любовался машиной, плывшей в знойном воздухе, у него созрело окончательное решение: надо пойти к летчикам, попросить, чтобы они научили его летать.

Над Волгой спускалась темная ночь. Теплый низовый ветер сгонял тучи, раскачивая верхушки деревьев. Опавшие листья кружили по садовым тропинкам. Темный силуэт Телешина острова освещали зеленые вспышки зарниц, играя в черной толще кустарника фосфорическом блеском. Низко нависло над притихшей землей небо.

Валерий в ожидании парохода бродил по откосу около дома, вдыхая предгрозовый воздух. В окнах горели огни, но итти в комнаты не хотелось. Он медленно шагал по́ обрыву, чувствуя в темноте край дорожки.

Из-за ствола дерева показалась стройная фигура знакомой девушки. С ней он когда-то любил катать-

ся на санках с горы. Девушка первая негромко окликнула:

— Здравствуй, Волька!

— Здравствуй, Лёлька! Пойдем по яблоки!

Они вошли через калитку в сад. На Елене была широкая с напуском кофта. Валерий нарвал яблок, и девушка со смехом положила их за пазуху.

— Ты, говорят, сегодня уезжаешь, Волька?

— Уезжаю, Лёлька.

Помолчали. Зашли в комнату сестры Анны. Она читала книгу.

— Волька, уезжаешь? — спросила сестра брата.

— Да, Нюрка.

— Куда?

— Не знаю. До тех пор в Василёво не приеду, пока человеком не стану. Папа где?

— Наверное, в спальной.

— Я уезжаю, Нюра, проститься бы надо...

— Постучи в спальную.

Вышел Павел Григорьевич. Старик, вероятно, спал, волосы его были взлохмачены.

— Ну, как решил, Валерьяшка? — спросил отец.

— Уезжаю, папа.

— Что ж, с богом! Куда думаешь?

— Не знаю... Хорошо бы в летчики...

— Зря, Аверьян.

— А что?

— Страсть-то какая.

— Летать на аэроплане буду.

— Одумайся. Люди на земле дело делают, а ты в небо башку задрал. На что идешь-то?

— Всего на весах не взвесишь, папа.

— Ну, смотри, Аверьян, тебе видней...

И с этими словами Павел Григорьевич крепко обнял сына.

— Прощай, сынок... Ну, смотри же... — еще раз с суровыми нотками в голосе произнес отец.

Валерий весело шагал по садовой тропинке, задевая плечом ветки с плодами. Рядом с ним шла Елена. Из-за кромки острова ласково мигал огонек.

— Пассажирский, — сказал Валерий. — Пора.

Быстро залез на старую яблоню, сорвал несколько яблок, сдернул с девушки платок, завязал яблоки, предложил с очень серьезным видом:

— Ешь яблоки-то, не гляди, что маленькие да зеленые. Самые вкусные. Ну, иди домой. Мать ругаться будет, спросит, где была, — скажи, что Вольку Чкалова провожала. На пристань не ходи. Чего же стоишь, чуднàя? Беги домой.

И, толкнув девушку в плечо, Валерий направился к пристани. Он шел вразвалку, как ходят моряки, широко расставляя ноги, мимо амбаров и темных бревенчатых изб. Пароход уже привалпвал к пристани. Едва успел Валерий вступить на сходни, как упали первые крупные капли дождя.

Что представляла собой советская авиация в годы гражданской войны?

Исключительно тяжелы были условия ее работы. Авиационная промышленность, растеряв кадры, едва влачила существование. Простые обойные гвозди приходилось выдирать из старых, негодных самолетов. Россия не производила обойных гвоздей. В стране, богатой лесными массивами, не оказалось столярного клея и авиационного леса.

Единственно, на что можно было рассчитывать, — это на ремонт старых самолетов. Парки и поезда-мастерские находили выход из самых трудных положений.

Из всех старых самолетов повыдергали гвозди. Из обломков двух-трех аэропланов строили новый. Полотно на крыльях заменяли бязью. Тыл принимал героические меры к тому, чтобы сохранить на фронтах хотя бы постоянное число самолетов.

Некоторым источником пополнения являлись трофейные самолеты. Так, после ухода белых из Мурманска и Архангельска, английское авиационное имущество перешло к красным частям.

Им распорядились очень экономно и, с точки зрения англичан, нецелесообразно.

На мурманском складе было найдено двадцать мо-

торов «Сидней Пума». Англичане считали, что эти моторы давно отслужили свой срок. Поэтому они их изуродовали ударами кувалды и превратили в лом.

Советские механики разобрали моторы, починили, установили на самолеты...

Располагая даже такой материальной частью, советские летчики не только обеспечивали разведкой Красную Армию, но и боролись с технически сильнее вооруженным противником... Неоднократные воздушные победы наших истребителей отбили охоту у противника вступать в бой.

Летая на заплатанных машинах устаревших марок и выпусков — на этих «воздушных гробах» — то в жестокие морозы, в туманы и метели, то в невыносимую жару, советские летчики вели разведку, поражали врага бомбами, проявляли необыкновенную храбрость, вступая по одиночке в бой с целыми соединениями, сбрасывали над неприятельским расположением листовки, которые действовали сильнее бомб и вырывали у противника целые полки...

...В эти времена Валерий и приехал из Василёва в Нижний Новгород.

Встретился здесь со своим другом Фролищевым Владимиром.

— Получил расчет на «Баяне», слышал я... — спросил бригадир.

Валерий кивнул головой.

— Пойдем к командиру парка. Может быть, он примет тебя в мою бригаду учеником.

Все вышло гораздо проще, чем казалось.

Чкалов добровольцем поступил в ряды Красной Армии. Его приняли сборщиком в 4-й авиационный Канавинский парк, расположенный в заречной части города на берегу Оки. Валерию шел в то время шестнадцатый год. Работа пришлась по душе: плел он искусно тросы, покрывал лаком плоскости, ввертывал шурупы с таким усердием, что на ладони образовалась шишка; присматривался к тому, как товарищи производили сборку «фарманов», «ньюпоров», «моран-парасолей», «вуазенов». Чудом техники ка-

зались ему смешные, на наш взгляд, неуклюжие машины с винтом, расположенным позади летчика.

Изредка Чкалова посылали в другие города собирать старые авиационные детали. Валерий любил эти поездки, доставлявшие ему немало веселых минут.

В щели полуразбитой теплушки задувал ветер, не с кем было поговорить, но Валерий не унывал. Он что-то насвистывал, развлекая самого себя, или, свесив ноги с узеньких нар, хлебал из котелка водянистую кашицу. Чаще же всего он дремал, пристроившись на ящиках, полных запасных аэропланных частей.

Во время одной из таких поездок машинист, трогая поезд с места, дергал длинный состав с такой силой, что Чкалов каждый раз падал с ящиков на пол.

— Вот дьявол! — ворчал он, ощупывая бока и снова влезая на ящики. Он быстро засыпал, однако сон был хотя и крепкий, но короткий. Валерий от несносных толчков опять валился.

— Ладно, я тебя проучу, — буркнул он, потеряв, наконец, терпение, и, дождавшись остановки, выпрыгнул из теплушки и побежал к паровозу.

— Эй ты, механик... или как там тебя!.. Чего так дергаешь, спать не даешь? — крикнул Валерий.

Из паровозной будки высунулся машинист.

— Чего кричишь, малый?

— Спать, говорю, не даешь!

Машинист, попыхивая на морозном воздухе цыгаркой, небрежно протянул:

— Ишь ты, спать! Чего захотел... Дома выспишься. А то, гляди, как растолстел, медведь... Вредно тебе спать-то.

— Подергай, подергай, — ответил Валерий. — У меня в вагоне-то в ящиках бомбы лежат, гляди — так дернешь, что вместе с твоим паровозом на воздух взлетишь!

После этого разговора поезд пошел значительно аккуратнее.

Чкалов опять возвращался в Канавино, в парк. Собирал самолет, провожал готовую машину за город, на крошечный аэродром, огороженный дощатым

забором, наподобие загона для скота, — пилот садился в кабину, а Чкалов, с завистью следя за уходящим в небо самолетом, вздыхал: «Эх, мне бы полететь!»

Он добился того, что летчики стали брать его в полет. Побывав в воздухе, он почувствовал, что другой жизни, кроме как в небесных пространствах, у него и быть не может. Предметом его мечтаний стала Егорьевская школа.

Эта школа была первой советской теоретической школой летчиков.

Сюда с фронтов, из авиационных частей, отрядов и парков приходили в серых, потертых шинелях и рваных башмаках рабочие, красногвардейцы, мотористы. Они мечтали поскорее научиться летать и снова вернуться на поля сражений. Полуголодные веселые ребята изучали арифметику, геометрию, русский язык, немецкий, аэронавигацию, моторное дело, знакомились с истрепанными, побитыми машинами, присланными с фронта.

В 1921 году в Егорьевскую школу командование авиапарка и направило старательного сборщика Валерия Чкалова.

Наконец-то его желание было удовлетворено.

Что могло сравниться с той минутой, когда, перешагнув порог школьного здания, он увидел в списке принятых свою фамилию и получил койку и парту!

Хоть и трудновато приходилось Валерию, он ни на минуту не впадал в уныние.

В перерыве между уроками запевал он волжские песни; любил пошутить над учительницей немецкого языка, тщедушной женщиной, носившей старомодную прическу с фальшивыми локонами и неловко чувствовавшей себя в обществе здоровых ребят.

Учительница, бывало, направляется в класс на урок, а Валерий с ватагой товарищей встретит ее в дверях, — руки по швам, — и гаркнет на всю школу:

— Товарищ преподаватель, курсанты класса «ИК» все налицо!

Учительница вздрогнет.

— Почему вы так кричите, Чкалов?

А он еще громче оглушит ее рапортом.

Вообще курсанты любили кого-нибудь «разыграть», как они выражались.

Был в школе командир взвода, рассеянный человек. Когда он производил утреннюю проверку, курсанты никогда ему не отвечали «здесь», а говорили по-разному, кому что взбредет в голову, и взводный не замечал этого.

— Чкалов?

— Стою.

— Максимов?

— Тут.

— Вердеревский?

— Пришел.

— Кузнецов?

— Мы.

Чкалов всегда искал случая похвастаться перед товарищами своей силой и с гордостью заявлял:

— Я волжский кочегар. У нас на Волге, знаете, как кочегары шуруют уголь в колосниках? Могу и вас пошуровать!

Не всякий соглашался померяться с ним силой. Но с тем, кто давал почувствовать, что и у него есть силенка, Валерий еще крепче завязывал дружбу. Особенно любил он русскую борьбу и игру «мала куча».

Учение давалось ему легко. Задачи он решал в уме, поражая преподавателей своей памятью и способностями. Неплохо чувствовал он себя и в воздухе, на старых самолетах «вуазен» и «фарман». Более того, они уже не удовлетворяли его, и он мечтал о быстром истребителе. Он чувствовал, что из него выйдет летчик, и всегда говорил уверенно:

— Меня из школы не отчислят!

В школе находились ученики, которым безразлично было, на какой машине летать. Если же спрашивали Валерия:

— На чем будешь летать? — он отвечал:

— Только на истребителе.

Он мечтал об опасности, о трудных и рискованных положениях. Его привлекало, что летчик-истребитель летает один и больше, чем другие, ощущает стихию воздушного боя. Казалось заманчивым летать не по прямой, а всегда с выкрутасами, с задором, и не на спокойной машине, как, например, на разведчике, — полетал по прямой тихонько и вернулся или где-нибудь спрятался, — а на машине маневренной, «горячей», пыл которой можно охладить еле заметным движением руки.

Чкалов учился прилежно, но он не походил на тех учеников, которых принято было в старых школах называть зубрилами. В нем жила любовь к охоте, к удальству, к шуткам, от которых не всякому поздоровится.

По окончании учебы в Егорьевской школе Валерия перевели в Борисоглебск, в школу практическую, летную.

Школа эта только формировалась, на аэродроме кипела стройка, кавалерийский манеж переделывали в ангар. Чкалова вместе с другими учениками водили ломать стену конюшни.

— Не выломаешь этот кусок стены — не будешь вечером летать, — говорил Чкалову начальник школы.

И Валерий брал в руки кирку или лом. Обсыпанный известкой, он ловко ударял ломом, не гнушаясь черной работой. Он готов был ломать стену, мыть самолеты, чинить «козьи ножки» — трубки на шасси, лишь бы вторично, вечером, взяли его в полет. Это — главное. Там жизнь.

...Незабываемы ощущения первого полета. Все кажется необычайным: и маленькие люди, деловито шагающие по дорогам, и мягкие лиловые облака, и самый воздух, и пространство, отделяющее самолет от земли, — как в детстве, когда слушал Валерий любимые сказки.

...Учлет, как известно, летает с инструктором. Всегда он слышит в воздухе докучный его голос:

«Поверни направо!», «Поверни налево!», «Куда задрал?», «Куда опустил?», «Держи ровнее!», «Смотри на горизонт!» Или: «Выключай контакт!», «Убирай газ!», «Угол, угол держи!», «Не разгоняй скорость!», «Не выбирай из угла!»

До чего бывает тоскливо каждый день слушать эти слова!

Ученик только и мечтает о том, как бы отделаться от своего инструктора, полетать одному и не слушать его надоедливых поправок. Ему уже кажется, что он законченный летчик, — так бы и взвился сейчас вольной птицей, — и вот в этот самый момент он слышит:

— Если ты мне будешь так сажать самолет, я тебя костылем по башке из кабины выгоню!.. Вылезай скорей! Следующий! Плохо летаешь!

По традициям Борисоглебской школы, инструктор ругался до последней минуты, до самого выпуска, и считалось: чем крепче он бранится, тем, значит, лучше ученик летает.

И наступил, наконец, день выпуска. Что сделалось в этот день с инструктором? Человека точно подменили. Он превратился в заботливую, ласковую няню. Каждому ученику перед самостоятельным его вылетом он ласково улыбался, и по плечу гладил, и много нежных слов говорил:

— Голубчик ты мой, милый, дорогой, бесценный, золото ты мое! Ты уж поаккуратней над Чегараком. Делай все так, как тебя учил, ничего лишнего, и все великолепно будет, замечательно, просто чудесно, — только делай, как со мной: пролетишь, уголочек — и на посадку.

Слушал учлет инструктора со вниманием, а сам думал:

«Господи, когда ты отстанешь со своими увещеваниями? Скорей бы улететь, побыть одному в воздухе, не слышать за спиной: «Куда задрал?», «На горизонт смотри!»

И садился учлет в кабину, преисполненный великим минутным торжеством.

Вокруг стояли товарищи и завистливо на него смо-

В. Чкалов с группой учлетов. 1924 г.

В. Чкалов за игрой в шашки с сыном Игорем. 1935 г.

грели. Кто-то будет сегодня такой же счастливец? Кого-то следующим выпустит инструктор в воздух? Он вчера ругался крепче обычного, — выпустит ли сейчас?

А счастливец продолжал с важным видом сидеть в кабине. Вот взмахнул он рукой: разойдитесь, друзья, взлетать буду! Дал газ, сосредоточился в незабываемом мгновении, все быстрей, быстрей... Чувствует: оторвался самолет от земли. Вышел на прямую. Высота заученная: сто метров. За спиной — молчанье. Неужели никто не сидит позади? Оглянулся... Как хорошо лететь одному!..

Потом учлет вдруг вспоминал: надо ведь разворачиваться, он велел — до деревни и обратно. Заложит крен, как инструктор учил, развернется и идет обратно на посадку, соблюдая все наставления.

Но какая жалость! Под самолетом уже Чегарак, высохшая речонка на границе аэродрома. Тут старался ученик быть особенно внимательным, а то друзья освищут за плохую посадку. Посадил самолет — и на вершине блаженства! Шел он по аэродрому и земли под собой не чувствовал. Так и хотелось заплясать от радости, крикнуть встречному и поперечному: «Знаешь ли ты, добрый человек, я сегодня вылетел в первый раз!»

Его окружали со всех сторон, поздравляли, жали руки, инструктор расточал похвалы — хоть, может быть, и ошибку какую-нибудь допустил ученик, — все равно хвалил.

— Разреши, — говорил он, — поздравить тебя со вторым рождением. А раз ты сегодня родился, слетай еще раз.

И совершал ученик второй полет. День казался очень полным. Необычайную легкость во всех движениях чувствовал молодой летчик, как на большом и веселом празднике.

Инструктором Чкалова был Очев, человек серьезный, требовательный и к ученикам, и к себе. Очев знал, что каждое его необдуманное слово может подействовать на настроение курсанта, вывести его из равновесия, и поэтому был всегда внимателен и сдержан.

Курсанты любили Очева, звали «парасолиным богом», потому что он в совершенстве владел сложной машиной «моран-парасоль», капризной до того, что с ней нелегко было справиться даже опытному пилоту.

Девятнадцатилетнего Валерия Очев всегда ругал— признак того, что Валерий уже хорошо летал с инструктором.

Но однажды, в раннее августовское утро, Очев вдруг переменил тон обращения. Чкалов понял, что ему суждено сегодня лететь одному.

Ясное, опаловое по краям небо манило, вокруг было тихо, ни один стебелек не дрожал в степи, только где-то в стороне, у проселочной дороги, среди поля, омытого утренней росой, слышался скрип крестьянских телег, груженных свежим сеном.

Чкалов сидел один в кабине «Авро» и слушал ласковые, напутственные слова «парасолиного бога».

— Валюшенька милый, ты уж соблюдай, голубчик, делай точные движения, ничего лишнего.

Великая минута в его жизни наступила.

Когда Валерий очутился один в воздухе, ему хотелось и на землю-то посмотреть, узнать, что делается там, внизу, без него; и высохшая речонка Чегарак показалась ему полноводной; и радовался он, что машина не валится, а послушна каждому движению его руки; а, главное, радовался он потому, что видел не только горизонт и капот мотора, а весь окружающий мир: и деревеньку, и небесный купол, и телеги с крестьянами, и группу товарищей, ожидавших терпеливо на другом конце аэродрома своей очереди.

Еще только показался полукруг солнца из-за перелеска, а Валерий уже весело шагал, окруженный друзьями, и выслушивал поздравления. Ни на какие блага мира не променял бы он этих пяти-шести минут, проведенных в воздухе.

Валерий быстро совершенствовался в летном искусстве. Многих удивляло его бесстрашие. Ему не раз говорили об этом.

— Все равно два века не проживешь, — отвечал он, — а летать — хорошо.

Он безукоризненно производил расчет посадки, у него вырабатывался свой стиль управления машиной — решительный, резкий, напористый, уверенный. Не удовлетворял его спокойный полет.

Ему скажут: «Сделай вираж в шестьдесят градусов», — а он сделает в семьдесят пять. «Сделай одну мертвую петлю», — скажут, а он — три. Или заберется метров на тысячу и начнет спиралить. Уже близко земля, на аэродроме все за головы хватаются — вот-вот сейчас свалится, разобьется! А он на малой высоте возьмет да и выведет самолет из спирали ниже крыши элеватора. Станут его ругать, а он сдвинет брови и ответит угрюмо:

— Что ж я блинчиком-то ходить буду!

В нем жил волгарь, и как нельзя лучше ему шла фамилия Чкалов: от слова «чка», — так в верховьях Волги называют ледоход, все сокрушающий на пути своей безудержной силой.

Валерий окончил школу с хорошей аттестацией. Его командировали в Московскую высшую школу авиации по классу летчиков-истребителей. Здесь предстояло постичь искусство высшего пилотажа — отрабатывать петли, штопоры, перевороты и другие фигуры.

Окна школьного общежития выходили на аэродром. Из них хорошо были видны знаки сигнальной вышки. Курсанты, просыпаясь, тотчас же в одном белье подбегали к окну.

— Ну, братцы, вывешен шар! — кричал громче всех Валерий. — Погодка летная. Рассаживайтесь по местам. Максимов, дирижер, где твоя палочка?.. Ты на чем, Вася? — обращался он к другому товарищу.

— На кларнете. А ты?

— Я только на басе или на барабане.

Барабан заменяли венским стулом.

Все мигом садились на неубранные кровати, и кто на губах, кто кулаками, откалывали «польку-хохотунью» с таким задором и грохотом, что звенели стекла во всех ближних помещениях.

Когда же в окнах стояло серое, дождливое утро,

Чкалов, хмурый, шагал, широко расставляя ноги, по половицам спальной комнаты и говорил:

— Не летать нам сегодня. Рассаживайтесь, братцы, по своим местам. Что делать? Придется — похоронный марш Шопена.

Звуки грустной мелодии наполняли общежитие, курсанты нехотя одевались и шли в классы.

Каждый пилот военной школы переживает волнующие минуты, когда ждет от инструктора решения: в истребительную авиацию, бомбардировочную или разведывательную?

Чкалов продолжал мечтать об истребителе. По всему складу характера он наиболее подходил для этого.

Упорно работал он над собою, чтобы сдать экзамен, стал требователен к себе. Казалось, летает не ученик, а вполне законченный мастер летного искусства.

И однажды он, выйдя из кабины, наконец, услышал от инструктора два слова:

— В истребительную.

Это был счастливейший день его юности.

Летчику-курсанту истребительной авиации обычно очень трудно бывает овладеть искусством сложных виражей. Осваивая их, летчик каждую минуту рискует перейти в штопор, из которого ученик не всегда умеет выходить.

Обычно учлет идет к этому постепенно. Чкалов постиг «тайну» штопора в несколько дней.

Как-то раз на одном из виражей он сорвался в штопор. В глазах зарябила земля. Чкалов вывел машину из штопора. Наблюдавшие за полетом Валерия решили, что он пойдет на посадку. Не тут-то было! Чкалов повторил вираж, снова попал в штопор, опять вывел самолет, — так он делал до тех пор, пока не овладел капризной фигурой.

Его талант выделял его. Фигуры высшего пилотажа Валерий делал с таким изяществом и мастерством, что инструкторы открывали рот от удивления и после Чкалова поднимались в воздух сами, чтобы так же чисто выписать эти фигуры. Ученик превращался в учителя.

Московскую школу Чкалов окончил с высшей оценкой. Его направили в Серпуховскую школу воздушного боя. Здесь Валерий получил окончательную шлифовку как летчик-истребитель и провел несколько учебных воздушных боев.

С горизонтом он распростился, уже не держался за него, как говорят летчики, то есть следил не за машиной, которой управлял автоматически, чувствуя ее всем телом, а отдавал глаза «противнику».

Однажды так увлекся он, преследуя «противника», что вышел из боя только над макушкой леса: совершенно забыл, что существует земля.

Как ловко и быстро ловил он на прицел, кидался на «врага» сверху или, стремительно падая камнем, вдруг выводил самолет из отвесного пике и снова взмывал в голубой простор «свечкой», как ракета, пущенная с земли!

— Дайте мне Леньку, — говорил он, имея в виду своего приятеля, летчика Максимова. — Я ему наклею.

Максимов и сам был азартный летчик и тоже искал случая подраться в воздухе с Валерием.

Их не допустили к бою (убьются два смельчака!), а поручили им вместе совершить перелет из Серпухова в Москву.

Это был «великий» перелет по тем временам — сто километров.

Уже делал он круг над московским аэродромом, с тем чтобы итти на посадку, как вдруг увидел чей-то самолет, который, сорвавшись в штопор, падал, кувыркаясь в воздухе. Еще мгновенье — удар о землю. Облако пыли. Валерий круто повернул самолет к месту катастрофы и над грудами обломков начал делать фигуры высшего пилотажа.

Это называлось: отдать последнюю дань погибшему товарищу.

К счастью, в наше время эти традиции отжили, советской авиации люди дороги; но еще лет двадцать пять назад, когда хоронили летчика, товарищи, сбрасывая с самолета венки, делали головоломные фигуры.

Валерий, отдавая прощальную дань погибшему товарищу, в этот день переусердствовал, за что и получил выговор.

А вскоре выяснилось, что «покойник» не только жив, но и совершенно цел, без единой царапины. Чудом, отделавшись только испугом, он выбрался из-под обломков и тут же отправился с товарищами праздновать свое спасение.

Так закончился «великий перелет» из Серпухова в Москву.

Вскоре состоялся школьный выпуск. Чкалов — военный летчик-истребитель — в июне 1924 года уехал в Ленинград, в истребительную эскадрилью.

В эскадрилье служили старые, опытные летчики. Чкалов присматривался к их полетам. Впрочем, он и сам летал не хуже других. А когда налетал сотни часов, то заскучал.

Вот он достиг того, к чему стремился. Он летает. Какое это хорошее и простое слово: летать! Да, он летает и, кажется, неплохо, — так думал он, прогуливаясь в часы досуга по широким улицам Ленинграда. И все же его не удовлетворял «просто полет». Почему это? Отчего ему было скучно летать в строю?

Он вспомнил, как всего лишь несколько дней назад кувыркался низко над землей. Товарищи, наблюдавшие за его полетом, очень волновались, а у некоторых даже пробегали по коже мурашки. Кто-то даже зажмурил глаза. «Правильно ли я сделал, допустимо ли это?» — затягиваясь папироской, думал теперь Чкалов.

На этот вопрос он не мог дать ясного ответа. Может быть, неправильно, даже наверно неправильно. А быть может...

Он перерос дозволенные нормы высоты, был уверен в своих силах, — иначе разве он позволил бы себе выполнять фигуры на малой высоте?

И от этой мысли становилось как-то легче, спокойней на сердце. Оправдание было найдено.

Вспомнились волжские рыбаки, удалые ребята и молчаливые, строгие старики. С ними он не раз рыбачил, буря застигала на середине Волги. С каким спокойствием добирались они в непогоду до берега, и все обходилось благополучно. И теперь это хладнокровие, приобретенное еще в юношеские годы, часто выручало Чкалова. Возможно, поэтому проделывал он в воздухе то, что было не под силу другим.

Эх, в военное время он показал бы, что значит летчик-истребитель! Он нашел бы себе применение. Там бы, на поле сражения, никто его не укорил, — думал он.

Золотой купол Исаакиевского собора величаво высился в небе, розоватом от множества уличных огней.

Острая мысль блеснула в голове Валерия: не попробовать ли покружиться вокруг купола?..

Нет, чего ради понапрасну рисковать.

И, словно опасаясь, как бы эта мысль не засела глубоко, он ускорил шаг, свернул в переулок и уже не оборачивался больше в сторону собора.

Он пришел поздно в свою комнату, разделся и лег в кровать.

«Нет, рискованно... — рассуждал он сам с собой.— Если хочешь смелых опытов, иди, брат Чкалов, в штурмовую авиацию. Там всяко походишь...»

«Там всяко походишь», — с этой мыслью он просыпался. А почему в истребительной он не мог всяко ходить? — вдруг возникал вопрос. «Нельзя, — отвечал он на свои мысли. — Нарушение правил... Что же? Подождем. Будущее покажет».

Все дни он жил этим будущим, пока еще неясным, а вечерами, возвращаясь с аэродрома, снова ощущал в душе неудовлетворенность, в теле какую-то неловкость, словно на его широкие, сильные плечи надели тесное платье.

Он продолжал проделывать в воздухе какие-то ему одному понятные эксперименты, полюбил сложные, замысловатые фигуры. То улетит на сухопутном из-

ношенном самолете далеко-далеко в открытое море и сбросит вымпел на палубу корабля.

Его спросят:

— Что бы вы стали делать, Чкалов, если бы на вашем сухопутном самолете сдал мотор в восьмидесяти километрах от берега?

Он разведет руками и ответит:

— Утонул бы. Попробуйте-ка проплыть восемьдесят километров.

Или ринется с голубых высот в пике, испытывая при выходе из него влияние центробежной силы, которая вдавливает голову в плечи и прижимает пилота так крепко к сидению, что кажется, будто свернулся кольцом позвоночник.

Во всем этом его привлекала та непередаваемая свежесть ощущений, которую поймет только тот, кто сам пережил нечто подобное.

И вот однажды ему сказали:

— Чкалов, ты любишь испытывать самого себя. Испытывай лучше новые машины. В нашей эскадрилье есть самолеты, у которых надо проверить моторные рамы на прочность.

— Можно попробовать, — ответил он своим окающим нижегородским говорком, расправляя плечи.

Каждое утро приходил он на аэродром и садился в кабину, предвкушая удовольствие от высшего пилотажа. Меняя режим полета, он неистовствовал в воздухе вместе с машиной. Рамы ломались одна за другой. И когда Чкалов сломал последнюю, то сказал товарищам:

— Надо полагать, заграничный поставщик рам не очень-то останется доволен моей работой.

Это развлекало его некоторое время, но вскоре он опять заскучал.

Аэродром эскадрильи был расположен среди болот. Командовал частью Иван Панфилович Антошин, опытный летчик. Еще в годы империалистической войны сражался он с немецкими пилотами, а в гражданскую войну сбил польский самолет.

Чкалов любил своего командира, часто расспрашивал его о том, какое бывает у летчика самочувствие во время воздушного боя; какие нужно применять эволюции, когда самолет противника имеет превосходство, расспрашивал и о том, что нужно делать, если машина в маневренном отношении уступает машине противника.

Однажды Валерий делал над аэродромом настолько резкие фигуры, что благополучного исхода ожидать было трудно. Старый, потрепанный самолет «ньюпор—24-бис» мог рассыпаться в воздухе. К счастью, все кончилось хорошо. После полета Чкалов весело шагал по полю. У ворот аэродрома он встретился с командиром эскадрильи.

— Почему вы делали фигуры на самолете, который для таких целей непригоден? — спросил строго Антошин. — Вы нарушили мое приказание.

Валерий молчал.

— Приказываю отвечать на мой вопрос!

Чкалов опустил голову и тихо сказал:

— Товарищ командир, я нарушил дисциплину и за это должен понести наказание.

Помолчав немного, он добавил:

— Не мог сдержать себя... Весна дождливая... Летные дни выпадают редко... Подумайте, я ведь не был в воздухе больше месяца!..

Приближалось время выхода в лагерь. Все мечтали о тех днях, когда можно будеть полетать вволю, а главное, заняться стрельбой и воздушным боем.

И, наконец, эти дни наступили.

Каждое утро с лагерного полигона выпускали в воздух «шары-пилоты», окрашенные в черный цвет. Улетая, они превращались в черные крапинки на лазури неба. Летчики, кружась над землей, отыскивали их и расстреливали из пулемета.

— Не удается мне стрельба по шарам, — говорил возбужденно Чкалов, зайдя в палатку командира. — Помогите мне.

Антошин расспросил Чкалова, как он подходит к мишеням, с какой дистанции открывает огонь. Вале-

рий начал объяснять подробно, с увлечением, даже с некоторой досадой.

— Сразу ничего не дается, — сказал командир.— Чтобы метко стрелять, нужно много тренироваться. Вам надо пока заменить оптический прицел обыкновенным кольцевым, у которого гораздо больше поле видимости. Вот что мы сделаем. Завтра — день отдыха, летный состав я отпущу в город, для вас же назначаю полет. Вы будете стрелять по шарам, которые я буду выпускать сам. Вы увидите, насколько легче у вас пойдет с кольцевым прицелом.

В хорошем настроении Валерий покинул палатку. Спал он эту ночь неспокойно, проснулся раньше обычного, умылся быстро и отправился на аэродром. Антошин был уже там. Механик готовил машину к вылету.

— Готовы? Пристрелку пулемета проверили? — спросил командир и, получив утвердительный ответ, уехал с шарами на полигон.

Чкалов вылетел. Через несколько минут, набрав высоту, он уже покачивал самолетом с крыла на крыло — знак, что готов. Антошин выпустил шар. Валерий сбил его со второй атаки. Тогда командир выпустил следующий шар. Валерий сбил и этот с первой атаки. Решив дать своему ученику более сложную задачу, Антошин пустил два шара, один вслед за другим. И оба были тут же сбиты. Наконец, когда Чкалов начал очередную атаку, он обнаружил, что запас патронов у него кончился. Шар продолжал подниматься. Валерий, видя, что цель уходит, догнал ее и протаранил пропеллером.

Антошин видел с земли атаки Чкалова. Когда летчик возвратился с полигона на аэродром, командир спросил:

— Зачем вы разбили винтом шар?

Валерий ответил:

— Так я буду расправляться с неприятельскими летчиками, когда мои пулеметы перестанут стрелять!

Решимость Чкалова очень понравилась командиру эскадрильи, хотя сбивать шары самолетом было запрещено. Был доволен и Чкалов. Он благодарил

своего командира, долго пожимал ему руку и назвал его «батей». С того дня так и пошло: Чкалов в неслужебное время звал Антошина «батей». Друзьям он говорил с гордостью:

— Для меня сам командир эскадрильи выпускал шары, да еще в день отдыха.

Антошин, делая как-то ранним утром физкультурную зарядку, бежал вокруг рощи. Вдруг в густом кустарнике, поодаль от тропинки, он увидел Валерия. Командир прекратил бег и стал пробираться сквозь заросли. Валерий стоял в одних трусах у неуклюжей треноги, на которой было укреплено полено, служившее в данном случае моделью пулемета. На полене были укреплены оптический прицел Альдиса и кольцевой, визирный. Чкалов тренировался в наводке «пулемета» по обоим прицелам, чтобы овладеть «альдисом».

— Что вы здесь делаете в такой ранний час? — спросил Антошин. — Ведь из вашего отряда все еще спят, у вас полеты вечерние.

Чкалов не ожидал, что его застигнут врасплох, он смутился и, поправляя трусы, нехотя ответил:

— Батя! Я решил потренироваться в прицеливании. И вот приспособил модель, чтобы наводить сразу по кольцевому и по «альдису». Так думаю привыкнуть и к «альдису»... У меня просьба к тебе, батя, — добавил он, немного помолчав: — ты уж не говори, пожалуйста, никому из ребят, что я иногда тут вожусь с бревном в этих колючках. Дай слово...

Чкалов вскоре стал первым воздушным стрелком во всей части. Уже сам командир не удивлялся, когда Валерий просил «подраться» с ним в воздухе, хотя до этого ему, старейшему боевому летчику, никто не предлагал таких вещей.

Но и эти бои — с неожиданностями, резкими маневрами, головокружительными пике, крутыми виражами, внезапными атаками, свистом ветра, ревом мотора, быстрой сменой впечатлений, когда вершины деревьев проносятся под крыльями, а в следующее мгновение багровый солнечный шар выплывает из утренней дымки, — даже и эти бои вскоре перестали

удовлетворять Чкалова. Он дрался, забывая, что живет в мирное время, дрался, презирая всякую опасность, и, если б не осторожность «противника», он просто таранил бы его самолет, как это едва не случилось у него в учебном бою с летчиком Павлушовым.

Да, то были такие бои, что ставили командира эскадрильи втупик: в душе он гордился своими молодцами. Он искренне жалел, что не имел в отряде на фронтах гражданской войны таких летчиков, как Чкалов, как Павлушов. Но, с другой стороны, и допускать в мирное время между своими такие драки в воздухе он не имел права — это могло привести к печальным результатам.

Во всяком случае, командиру было ясно одно: Валерий — настоящий истребитель, отличный стрелок.

Чкалов говорил командиру:

— Хороший летчик должен, батя, летать и в непогоду, не только в ясный день. А я хочу быть только хорошим летчиком, или я не буду летать совсем! Уж лучше быть хорошим шофером, чем плохим летчиком.

— Все это так, — соглашался Антошин, — но вспомни, Валерий, ведь ты прошлый раз чуть не врезался в землю.

— Батя, ты же сам говорил: «чуть» в авиации не считается.

— У тебя «чуть», а у тех, кто подражает тебе, конец жизни.

— Товарищ командир, — начинал возражать Чкалов, переходя на официальный тон, — вы же сами говорили, что смелость и расчет необходимы для истребителя.

— Разумный расчет и разумная смелость.

— А у меня разве не разумный расчет? Надо учиться драться.

— Я и учу вас драться, товарищ Чкалов!

— В перчатках.

— Летчику необходимы перчатки.

— Красивые слова... Почему не разрешаете мне делать фигуры над самой землей? Сколько бьюсь!

— И не дам! — Антошин, волнуясь, прикуривал от зажженной папиросы вторую. — Ты что, с ума сошел? Смерти ищешь?

— Что ты меня, батя, все смертью пугаешь? Может, разобьюсь. Зато тысячи научатся драться как следует. Вы что, истребителей готовите? Или с дедом Ипатом поперек Волги паромы гонять?

— Опять с начала, — тяжело вздыхал Антошин. — Нормы есть нормы.

— Да дело же в том... — кипятился Чкалов. — Вы поймите, о чем я...

— В последний раз предупреждаю: вы ваши бурлацкие замашки бросьте. Вы все-таки не у себя на Волге, — строго говорил Антошин.

— Ты что, батя, Волгой попрекаешь?

— Летчик Чкалов!

— Конечно, на Волге воздух свежий...

— Чкалов! Не забываться!

Однажды командир отлучился из лагеря. Возвратившись, он узнал, что Чкалов совершил полет на «фоккере» вверх колесами. Антошин приказал немедленно вызвать Валерия.

— Докладывайте, как было, — сказал командир, смотря прямо в лицо Чкалова.

Валерий быстро произнес:

— Товарищ командир, я делал мертвую петлю, в верхней ее точке завис. Самолет вместо того, чтобы свалиться на крыло, стал планировать на спине... Вот и получился полет вверх колесами.

Он замолк. Молчал и командир. Нет, здесь было что-то не так... Антошин сам неоднократно зависал на петле, однако самолет не планировал, а сваливался тотчас же на крыло и входил в штопор.

— Удивлен, по меньшей мере, — сказал, наконец, командир. — Сегодня же вечером сам проверю, так ли ведет себя машина в воздухе. Вы свободны, товарищ Чкалов. Идите.

Вечером Валерий видел, как механик готовил самолет Антошина к вылету.

— Скоро полетит командир? — спросил он механика.

— Минут через десять, — ответил тот.

Чкалов быстрым шагом направился к палатке командира. Столкнулся с ним у входа, у самой линейки.

— Батя, повремени итти на аэродром, — сказал он дрогнувшим, таким сердечным голосом, что вызвал на лице командира улыбку. — Ругай меня, наказывай, но я хочу сказать, что полет вверх колесами я делал намеренно.

— Почему же ты с самого начала не сказал мне об этом?.. Что же ты молчишь? Тогда ответь: что заставило тебя притти с повинной?

— Совесть заговорила, батя... Кого-нибудь я, может быть, и обманул бы, но тебя, батя, обмануть не могу. Совесть не позволяет.

Антошину нравились в Чкалове честность и прямота, и все же ему пришлось на два дня отстранить своего любимца от полетов.

Валерий безропотно подчинился.

Наступила осень. Пронзительный ветер рвал в клочья густые облака, низко нависшие над громадами зданий. Как призраки, за сеткой дождя торчали на сером небе портовые краны. На гребнях волн покачивались баркасы.

Корабли Балтийского флота участвовали в больших маневрах. Случилось так, что флагманский корабль потерял радиосвязь. В это время разведка «красных» обнаружила главные силы противника и подготовку десанта. Сведения разведки нужно было передать флагману.

Это поручили авиачасти, которою командовал Антошин.

Трудна задача обнаружить с воздуха корабль, когда туман стелется над самой водой, идет дождь и видимость по горизонту исключительно плохая. Антошин выделил для этого самых лучших летчиков — Чкалова и Леонтьева, приказал им разыскать флагмана и сбросить на палубу вымпелы.

Летчики немедленно сели в кабины и скрылись в моросящем дожде.

Прошло два часа. Летчики не возвращались. Антошин нервно шагал по мокрому аэродрому. Им овладело сомнение: целесообразно ли было посылать в море сухопутные самолеты, да еще в такую непогоду? Где-то они кружат сейчас над водяной пустыней?..

Погода ухудшалась. Дождь перешел в ливень. Отвесными полосами низвергался он на землю. Вдруг из-за деревьев вынырнул самолет. Через несколько секунд машина опустилась на аэродром, поднимая столбы грязной воды. Леонтьев вылез из кабины, подошел к командиру, устало доложил:

— Встретил в море много кораблей, но флагмана не обнаружил, бензин был на исходе. Сбросить же вымпел на какой-либо другой корабль боялся. Корабль мог оказаться «неприятельским». Видимость отвратительная: облака, сильная болтанка, дождь. Сплошная вода сверху и снизу...

— Где Чкалов? — перебил командир.

— После того как мы разошлись на поиски флагмана, я Чкалова не встречал.

Прошел еще час, а Чкалов не возвращался. Антошин шагал по аэродрому под проливным дождем, не замечая, как ноги его вязли в грязи и как холодные струйки текли по лицу и шее. Он терялся в догадках: где же Валерий? Бензин в баке его самолета должен уже кончиться, — значит, Чкалов утонул, или, в лучшем случае, разбил машину. Ведь на побережье Финского залива почти невозможно найти клочок земли, пригодный для посадки. Нет, не может быть!.. Мотор надежный, — утешал себя командир. Чкалов — отменный летчик.

...Темнело. Дождь стал реже и мельче. На вечернем небосклоне в разрывах туч бледнели узкие полосы зари. С чувством беспокойства Антошин направился к дому. Вдруг он увидел: дежурный по штабу бежит к нему. Дежурный, как вкопанный, остановился перед командиром и, тяжело дыша от быстрого бега, доложил:

— Товарищ командир, вас просят к телефону из Ораниенбаума.

Приложив к уху трубку, командир услышал голос Валерия:

— Батя, несмотря на окаянную погоду, я нашел в море флагманский корабль. Вымпел сбросил. Задание выполнено. Из-за недостатка бензина сел благополучно у Ораниенбаума. Батя, вышли, пожалуйста, моториста и бензин.

Антошин хотел расспросить Чкалова об его самочувствии, узнать подробнее о всех испытаниях во время трудного полета, но Чкалов уже повесил телефонную трубку на рычаг.

На следующее утро Валерий прилетел с места вынужденной посадки. Через час он сидел в штабе и весело рассказывал:

— В тумане — а тут еще дождь моросит — корабли все на одно лицо. Как увижу в море корабль, я — к самой воде и стараюсь прочесть надпись на борту. Только таким путем, наконец, и разыскал флагмана. Я решил искать до тех пор, пока в баках не останется бензина ровно столько, чтобы добраться до берега... Как я мог, дорогой батя, вернуться, не выполнив твоего приказа? — добавил он, помолчав немного, и его суровое лицо осветилось улыбкой.

Дни шли. Командир эскадрильи уехал отдыхать на берег Черного моря. Там он получил от приятеля письмо, в котором сообщалось, что Чкалов пролетел под мостом, перекинутым через Неву.

«Да как пролетел! — писал приятель. — Он не задел колесами истребителя поверхности Невы, а концами крыльев — быков, хотя их отделяло несколько сантиметров!»

Да, это был полет поразительно точного расчета, требовавший исключительной храбрости и выдержки. Вряд ли из тысячи летчиков один согласился бы проделать что-нибудь подобное. Командир вспомнил, как Чкалов ловко пролетал в искусственные ворота из двух тонких длинных шестов, верхние концы которых соединены были белой лентой марли. Чкалов, проходя ворота, ни разу не задел колесами самолета за ленту и приземлялся всегда в точно установленном месте. Это увлекательное упражнение помогало лет-

ному составу эскадрильи усвоить правильную глиссаду планирования и сажать самолет на указанную точку.

Но полет под мостом! Шесты никак нельзя было сравнить с быками, а ленту марли — с мостовой аркой.

Да и сам Чкалов был взволнован этим полетом. В ушах несколько дней гудело точно так же, как тогда, когда над ним под сводами мгновенно пронесся адский гул, гул такой силы, что казалось — мост рушится.

Его вызвал комиссар.

— Вы хотели пощекотать себе нервы? — спросил комиссар.

— Я хотел проверить себя, — ответил Чкалов.

— Но ведь вы нарушили правила. Согласитесь со мной.

— Я истребитель, товарищ комиссар. Смелость и расчет необходимы для истребителя.

— Не спорю, и все же этого не надо делать.

Чкалов утвердительно кивнул головой.

— Скажи мне по совести, — спрашивал Антошин, вернувшись из отпуска, — что побудило тебя предпринять полет под арку моста?

— Дорогой батя, — начал оправдываться Чкалов,— ты сам заставлял нас проскакивать ворота на аэродроме. А пролет моста все же немного шире, чем твои ворота.

Командир молчал; про себя же думал: «Валерий настолько уверен в своем глазомере, в своих расчетах, в уменье управлять машиной, что спокойно совершил этот полет. Он искусственно создает для себя труднейшие препятствия!»

— Полет твой — трезвый, идеально точен, как математика, — сказал, наконец, командир, — и все-таки я должен его осудить. Это риск, ничем не оправданный. Не надо так делать.

Чкалов и тут соглашался.

Но проходили дни, и его опять тянуло к новым, дерзким опытам и пробам, «к проверке собственного организма», как он выражался.

Чкалов не удовлетворялся успехами, уже достигнутыми авиацией. Часто, никому не говоря ни слова, он уводил свою машину в сторону от аэродрома и там, где-нибудь за лесом, штопорил, делал резкие пике, неожиданно переворачивался и летел вниз головой. Увидел как-то с воздуха два дерева, расстояние между которыми было меньше размаха крыльев, — подлетел, поставил на большой скорости машину на ребро и проскочил узкое место.

Уже нетрудным казалось ему летать вдоль лесных просек. Сложней представлялся соблазнительный для него полет вокруг купола Исаакиевского собора, но и это оказалось выполнимым: в конце концов он не вытерпел и сделал несколько глубоких виражей вокруг купола.

Во мглистый день летел он однажды очень низко над полотном железной дороги, по обе стороны которого рос высокий лес. Слабенький мотор еле-еле тянул машину. Вдруг Чкалов увидел мчавшийся навстречу паровоз. Свернуть вправо или влево было поздно. В десятках шагов перед паровозом Чкалов поставил обледеневшую амфибию на дыбы, перепрыгнул через трубу и, едва не касаясь лыжами покрытых снегом крыш теплушек, скрылся за хвостом поезда в морозной мгле.

Над городом стояла большая летная весна. В белые ночи Чкалов продолжал заниматься воздушной стрельбой. Он целился и стрелял в самолет «противника», то лежа на боку, то головой вниз, то взлетая «свечкой» на своем истребителе.

Слухи о летных подвигах Чкалова, о его стиле пилотирования передавались из уст в уста. Слухи эти множились, обволакивались легендами, и уже трудно было отличить правду от выдумки.

Как зачарованные, стояли на земле товарищи и наблюдали за полетом Чкалова. Он делал «бочки», иммельманы, свечи с необычайным искусством. Он летал свободно, как птица... Что птица! Птица не может лететь вверх лапками, взвиться вдруг пулей в

синеву небес, а он все это проделывал с предельным совершенством: переворачивался вверх колесами, вертелся юлой, ввинчиваясь в небо, вел замедленный пилотаж, — тогда самолет его при самых сложных фигурах шел плавно, как в масле. И все это проделывал он легко, четко, изящно, без малейшего напряжения.

Иногда страшно было наблюдать за воздушным боем, который вел Чкалов. Этим искусством он владел мастерски. Он быстро и всегда метко поражал воздушные и наземные цели. Искусные маневры для выхода из-под обстрела чередовались с ошеломляющими атаками. Начинал он бой на большой высоте и заканчивал его почти у земли. В воздухе начиналась такая чехарда, что у зрителей захватывало дух.

Фигуры Чкалов проделывал не автоматически, а отдавая себе полный отчет во всех своих действиях. Особенно удавалась ему сложная и опасная фигура перевернутого штопора, вверх колесами. Движения летчика при этом следовали одно за другим в обратном порядке. И его толкало вон из кабины, а не прижимало к сиденью.

Каждую фигуру Валерий выполнял по-своему, вносил в нее особенное, чкаловское. И, вылезая из кабины, часто говорил басом:

— Воздушный бой может происходить на всяких высотах. Нужно уметь хорошо владеть машиной и на большой высоте, и на малой.

Он уже привык к тому, что во время выполнения фигур его прижимало к сиденью с силой, превышающей в несколько раз собственный его вес. Кровь перемещалась в сосуды нижней половины его плотного тела. Но как мгновенно исчезали неприятные ощущения во время воздушного боя! Организм напрягался, весь тогда он был стремление, порыв, и взор его становился орлиным. Сидя в овальной кабине, он почти сливался с крыльями, с коротким, сплющенным туловищем-фюзеляжем и делался похожим на большую птицу; крупная голова в кожаном тугом шлеме, чуть вдавленная в плечи, еще усиливала это сходство.

Ни секунды, ни доли секунды промедления! Доля секунды решает все. Победит тот, кто обладает железным здоровьем, мгновенной реакцией, безудержной храбростью и железной выдержкой, холодным расчетом и хитростью в бою. Чкалов обладал всем этим. Соколом кидался он в атаку, отвечая каскадом фигур на маневры «противника». Ветер, грозный рев моторов были его стихией, и, казалось, само воздушное пространство расступалось перед ним.

А он, сросшись воедино с машиной, то с угрожающей быстротой ринется в пике навстречу земле, то сделает глубокий вираж, вглядываясь в «мертвые конуса обзора» — куски голубого неба, закрытые дотоле крыльями и фюзеляжем. Мгновенье — и он снова перевернулся, координируя все свои пять чувств. И ими, пятью, управляло шестое чувство, которым его наделила природа: чувство воздуха.

На ничтожной высоте, у самой земли, Чкалов умел выполнять сложную фигуру — «четверную бочку». Он вел самолет с математической точностью. Никто не мог превзойти его в искусстве высшего пилотажа.

— Если идешь в бой, не отступай ни на шаг. Истребитель должен быть отважным, — учил он молодых пилотов.

Иные летчики любили показать свое превосходство над новичком, повертеть его в воздухе.

Чкалов этого никогда не делал. Он пролетал раза два над аэродромом и осторожно приземлялся.

— Человеку надо доставить удовольствие, а не трепать его так, чтобы он потом вспоминал о полете с отвращением и ужасом.

Да, он умел извлекать радость из своей работы и поэтому хотел, чтобы и другие чувствовали такую же радость, паря в воздухе.

Работал Валерий с упоением, со страстью, он переживал вдохновение художника-творца, вдохновение новатора, властителя стихии.

Под Новый год в клубе педагогического института собралось много нарядных девушек. В зале заж-

глись на старинных люстрах новогодние огни. Оживленную нарядную Ольгу окружили знакомые студенты, много смеялись, просили спеть...

Чкалов иногда посещал клуб института. И сегодня, налетавшись вдоволь, он решил встретить новый, 1925 год в кругу студентов.

Огни на люстрах потухли, а тяжелый, бархатный занавес на сцене еще не раздвинулся, когда Валерий вошел в зал и, пробравшись в темноте сквозь тесные ряды, сел в кресло.

Раздались дружные хлопки, на рампе вспыхнули лампы, заколыхались складки занавеса, и на сцену вышла Ольга. Она приблизилась к рампе настолько близко, что лицо ее оставалось в тени, и запела.

Она пела песнь Сольвейг:

Зима пройдет,
И весна промелькнет,
И весна промелькнет...
Увянут все цветы,
Снегом их занесет,
Снегом их занесет.
Но ты ко мне вернешься,
Мне сердце говорит,
Мне сердце говорит.

Все в ней было, в этой мелодии: и дикие скалы Норвегии, и снежные вершины, и ласкающая зелень долин с зеркальной поверхностью фиордов.

Девушка, исполнявшая песнь Сольвейг, была одета просто, но изящно. Платье с кружевным воротничком облегало ее гибкую талию, в руках она держала свернутые в трубочку ноты, но лица певицы попрежнему не было видно, и только луч от верхней лампы освещал ее затылок, на котором лежали стянутые в узел светлые волосы.

Чкалову показалось, что она посмотрела на него. Впрочем, ему также показалось, что волосы ее вдруг рассыпались и легли вдоль спины длинными волнами. Девушка пела превосходно, и велика была сила ее искусства.

Она кончила петь и удалилась за портал. Ей долго рукоплескали. Валерий поднялся с кресла и на-

правился за кулисы — зачем? Он сам не знал; он был взволнован взглядом ее синих грустных глаз, дыханием, голосом, нежным, как серебряный колокольчик...

Он увидел ее с темноалой розой в руке, и еще милей, грациозней показалась она ему.

— Ах, они уже увядают — лепестки! — сказал он, сам не понимая, зачем говорит об этом.

Она окинула взглядом его большую голову и широкое туловище в коричневой кожаной, лоснящейся куртке и улыбнулась.

— Спасибо за песнь Сольвейг, — сказал он, почтительно наклоняя голову. — Я никогда ранее не слышал...

— Да? — просто спросила она, делая движение к порталу и заглядывая на сцену, где студенты разыгрывали какой-то скетч.

— Вы тоже студентка? — спросил он голосом, достаточно громким, чтобы она с укоризной посмотрела на него.

— Тсс... тише... Вы мешаете им...

Он замолчал и отошел в сторону.

Занавес закрыл сцену. В зале опять зажглись огни на люстрах. Начался новогодний бал.

Он увидел ее в толпе, веселую, немного разгоряченную успехом. Сдерживая волнение, он подошел к ней и заговорил с жаром, убедительно:

— Отлично поете... Не всякая актриса так сможет... Но, простите, мы разговариваем, не будучи знакомы... Позвольте узнать ваше имя.

— Ольга, — ответила она.

— А меня зовут Чкаловым. Валерий Чкалов. Истребитель.

— Из эскадрильи, что на Каменном острове?

Валерий молча кивнул головой.

— Пойдемте завтра в Эрмитаж, — неожиданно предложил он. — Нет. Завтра нельзя. Полеты.

— Вы любите живопись?

Он не ответил на ее вопрос, а опять заговорил о впечатлении, которое произвело на него ее пение.

— Я не знаю, как вам выразить свое ощущение,

но в вашем исполнении я почувствовал что-то прозрачное, чистое, как родник.

Он взглянул на маленький золотой перстенек с изумрудной веточкой, который Ольга носила на безымянном пальце левой руки, и решил, что сплющенная зеленая веточка очень шла ей.

Она заметила его взгляд и сказала:

— Это от бабушки.

— Когда вы кончили петь... простите, я не вытерпел и побежал к вам... Песнь Сольвейг... Я никогда ранее не слышал этой песни...

Старинные стенные часы в деревянном футляре пробили двенадцать, в зале послышались возгласы:

— С Новым годом! С новым счастьем!

Грянул духовой оркестр, и с первыми же аккордами музыки молодые пары закружились в вальсе...

Был уже третий час, когда Валерий и Ольга вышли из клуба. И между ними завязался сам собой оживленный задушевный разговор, с каждой минутой сближавший их.

Яркий голубой снег блестел под уличными фонарями. Впереди расстилалась Нева, скованная льдом. Темным силуэтом вырисовывался парапет набережной.

Они неторопливо шли по тому мосту, под которым несколько месяцев назад пролетел Валерий. Он вспомнил и улыбнулся.

— Вы о чем-то задумались? — спросил он.

— Об экзаменах. Анатомию и физиологию еще не сдала.

Незаметно очутились они перед кинотеатром. Над входом висела большая реклама, изображавшая леопарда в Уссурийском крае.

— Так не бывает, — сказала Ольга, — там тигры водятся.

— Нет, леопарды тоже живут, — возразил он.

Они поспорили.

— А не страшно там? — спросила вдруг Ольга.

— Где?

Она показала глазами на небо.

— Это о полетах? А вы попробуйте, — пошутил он

Они подходили к дому, в котором жила Ольга. Расставаться не хотелось. Опять свернули в переулок и вышли на набережную. Валерий облокотился на парапет и долго смотрел в речную даль.

— Эх, сейчас бы наши розвальни, — вздохнул он. — У нас в эту ночь на парах катаются...

— Вы из каких мест?

— С Волги. А вы здешняя?

Она кивнула головой.

— Ну, значит, не поймете волгаря. Здесь-то давно живете?

— Двадцать лет. Отец машинистом работает на Приморской дороге.

— Ну? А мой — котельщик в Василёвском затоне. Василёво, конечно, не знаете?

— Папа у нас строгий... — продолжала она задумчиво. — Мать мы потеряли, когда мне двенадцать лет минуло.

— Моя мать тоже умерла... Мне шесть лет тогда было... Мы, мальчишки, охоту любили, — сам себя перебил Валерий, сгребая рукой с парапета пушистый снег. — Дружок у меня был, Левка... «Поедем, — бывало, скажет, — на ту сторону Волги, порох и ружье мои, а ты, Валька, дробь доставай». Я потихоньку от родных доставал дробь из противовеса той лампы, что висела над столом, сегодня горсть дробинок, завтра горсть... Отец не догадывается, видит только — лампа все ниже опускается. Убивали, конечно, больше ворон да воробьев.

Валерий ласково заглянул в лицо девушки, она слушала его со вниманием, изредка поднимая большие синие глаза.

— Сильный я был. К нам в Василёво борец Флягин приезжал. Ну, я его на обе лопатки... Как сейчас помню, отец покачал головой и сказал: «Вольно, Аверьян, тебе было его положить. Вишь, какого черта выворотил». А один раз с братьями Бурлаковыми дрался. Тогда еще ногу мне сломали в драке. Больно было, когда сапог стягивали. А кричать не хотелось. Отвезли в затонскую больницу. Шесть недель лежал. А катались знаете как? Утащим с базара полки

трехъярусные, на горе уже ждут парни, девчата. Кто помельче, усаживались внизу, а кто побольше — на втором ярусе. На третьем — кто попало. Человек тридцать всего. Я сбоку бежал, управлял. Другой раз не справишься — яма налево была, там старые лодки, бревна свалены — и всей компанией... бац! — прямо в столб. Хохоту, крику, синяков! А бывало и благополучно, прямо на Волгу. Хорошо!..

Он рассказал Ольге и о том, как стал летчиком, как упорно шел к своей цели. И Ольга, слушая Чкалова, ясно представляла себе его раннюю юность. Запомнилось ей, как он, слесарь, целый год упрашивал начальника авиационного парка и, наконец, тот сдался, помог Валерию поступить в летную школу... С тех пор прошло всего пять лет...

— Будем друзьями, — сказал Валерий, прощаясь с девушкой, и крепко пожал ее руку.

Поздно вернулась Ольга домой. Уже давно спал отец. Спала вся Петроградская сторона.

— А вы были неправы, — такими словами встретил он ее через несколько дней. — Леопарды живут и в Уссурийском крае. Я проверил по Брему. Я его почти всего читал. Меня не проведете.

Она обрадовалась встрече, и Валерий решился рассказать ей о своем плане: ему хотелось готовить с нею вместе водевиль для клубной сцены.

Валерию уже приходилось играть в любительских спектаклях. Были даже излюбленные роли: особенно удавался ему Любим Торцов.

Ольга согласилась.

Свои встречи с Валерием Ольга вначале скрывала от отца. Но вскоре она познакомилась с Анной, приехавшей погостить к брату. Молодые люди встречались чаще. Теперь и Валерий начал бывать в семье Ореховых.

Как-то Ольга и Анна гуляли по Каменноостровскому проспекту. Они увидели высоко в небе самолет, делавший непрерывно одну мертвую петлю за другой.

Анна насчитала более ста петель.

— Больше не могу... шея устала, — сказала она.

Через некоторое время Ольга узнала, что петли делал Валерий.

Он сам признался ей в этом.

— Двести пятьдесят мертвых петель крутанул. И дернула же меня нелегкая. Пришлось отсидеть на «губе».

Ольга не поняла.

— На гауптвахте, — пояснил он.

И, ощущая желание выговориться перед близким человеком, стал жаловаться, что его не понимают как летчика.

— Батю переводят в другую часть. Кроме бати, защитников нет. Вот недавно: профигурял у земли. Опять устав нарушил. Но если я все-таки могу летать лучше, чем по уставу? Вы знаете, в воздушном бою нашему брату-летчику приходится прижиматься и к самой земле. А фигурять — все равно фигуряй, хоть из кожи лезь. И если я не научусь это делать в мирное время, на войне враг меня убьет. А я умирать не хочу. Нам надо не умирать, а побеждать!.. Вот и ответьте, что я, преступник какой-нибудь?

Он пытливо заглянул в глаза Ольги. Но она молчала.

— Весь вопрос в разном понимании сущности дела, — продолжал он. — А потом... Ну что ж, в конце-то концов, говорить: я же все-таки чувствую, что могу так летать. Вот! А если бы я летал, как все, я, конечно, был бы дисциплинированным... Ну, да ладно! Когда-нибудь поймут и меня...

Валерий откинулся на спинку дивана и затянулся папиросой.

— Лёлик, обязательно напишу книгу о том, как надо летать. Вы мне поможете.

— Чем же я вам помогу? — спросила Ольга. — Я не разбираюсь в авиации...

— Ничего, — задумчиво ответил он, — обработать рукопись вы сумеете. Непременно с вами напишем.

Она смотрела на его большую голову и думала: только бы не полюбить его. Припомнились ей из ран-

него детства рассказы матери о летчиках. Много красных гробов возили тогда мимо окон их домика, стоявшего недалеко от аэродрома.

Валерий и Ольга виделись все чаще.

Молодые люди не раз совершали далекие загородные прогулки. Возвращаясь после прогулок в семью Ореховых, Валерий просил Ольгу рассказывать ему о музыке (в этом он находил лучший отдых), и Ольга с увлечением рассказывала ему о симфониях и сонатах Бетховена, о сюите «Пер-Гюнт» Грига и о мелодиях Чайковского, то убаюкивающих, то поднимающихся до торжественной гармонии и трагического пафоса... Иногда Ольга исполняла на пианино мажорные, солнечные пассажи Моцарта, и Чкалов, слушая музыку, чувствовал, как все его существо наливается жизненной полнотой и жаждой счастья.

Однажды, весенним вечером, они гуляли по окрестным полям.

— Как все чудесно! — воскликнул он с горячностью влюбленного юноши.

— Что? — удивилась она.

— Всё, всё, и вы, и эта белая ночь... Все хорошо. И эти капельки росы... Вам не холодно? — с заботливым участием спросил он.

— Свежо. Пойдемте по тропинке.

— Ночью будет гроза.

Они удалились в глубь поля, повернули обратно, остановились у речки, под шатром распускавшегося клена. Прозрачная тень от соломенной шляпы покрывала ее лицо.

Он тихо сжал ее руку.

— Выслушайте меня, Лёлик, — сказал он, еще крепче сжимая ее ладонь. — Я о вас думаю с той новогодней ночи... Я хочу сказать, что...

Далекие раскаты грозы донеслись до них, брызнул теплый дождь, но Валерий, не обращая на него внимания, продолжал:

— Если то, в чем я вам признаюсь, может хоть немного привязать вас ко мне, — знайте, я буду для вас всем, чем вы захотите.

Она улыбнулась сквозь слезы и прижалась к его плечу.

Это было началом не только любви, но и большой дружбы на всю жизнь.

Через год они поженились. В Ленинград приехал Павел Григорьевич. Новая семья ему понравилась.

— Мой Аверьян теперь в надежных руках, — сказал котельщик. — За него я спокоен.

Старики подружились. Отец Ольги, Эразм Логинович, старик с большими пушистыми усами, любитель книг, поклонник Тараса Шевченко и Льва Толстого, водил Павла Григорьевича по музеям. Ездили они и на острова, осмотрели дворцы, любовались и петергофскими фонтанами. Эразм Логинович хорошо знал достопримечательности родного города.

Однажды Валерий совершил с отцом воздушную прогулку над городом.

Павел Григорьевич спокойно сидел в кабине, позади сына, даже улыбался от удовольствия, поглаживая аккуратно подстриженную бороду.

Перед отъездом в Василёво котельщик сказал сыну:

— Вот уж нагляделся я досыта, Аверьян. Теперь и умирать можно!

— Поклонись от меня Волге! — крикнул Валерий, когда поезд тронулся.

— Приезжай яблоки есть. Скоро поспеют! — в свою очередь крикнул Павел Григорьевич и скрылся в вагоне.

Но побывать осенью на родине Валерию не удалось. Предстояли большие воздушные маневры.

Вот когда он смог показать, какая сила таится в нем!

Крыло в крыло летала на маневрах тройка Чкалова. Если бы можно было в голубом небе воспроизвести следы чкаловского полета, какой сложный чертеж из геометрически правильных узоров острых углов, смелых линий, мягких полуокружностей представился бы взору людей, наблюдавших за полетом.

В детстве иногда снится, что, делая еле заметные движения, летаешь по комнате медленно, словно плывешь под водой. Точно так Чкалов умел вести замедленный пилотаж. При этом, если грозила опасность, он сохранял полнейшее спокойствие. Большая сила воли и способность молниеносно, инстинктивно принимать решения в полете не раз помогали ему благополучно выходить из самых тяжелых, казалось бы — безнадежных, положений.

Однажды он показывал фигуру медленного иммельмана. И вдруг, в тот момент, когда самолет проделывал петлю, вернее, когда находился в верхней ее точке, остановился мотор. Потеряв скорость, машина вверх колесами стала падать.

Все это произошло так быстро, что люди на земле не успели ничего сообразить. Только глухой вздох толпы пронесся над аэродромом, да кто-то крикнул:

— Конец! Разобьется!

В следующую секунду встревоженные зрители увидели невероятное: Чкалов в двух метрах от земли резко перевернул самолет — небо опять блеснуло над его головой — и изящно приземлился.

И снова — теперь уже радостный — гул пронесся над полем. К Чкалову, перегоняя друг друга, бежали товарищи. Он спокойно сидел в кабине и тихо улыбался.

— Валерий! Жив? — раздавались отовсюду голоса.

— Признавайся, струсил?

— Конечно, струхнул, — перебил кто-то. — Но он и глазом не поведет. Разве вы не знаете его?

Чкалов молчал.

— Чего вы меня окружили, ребята? — наконец сказал он недовольно. — Дайте вылезти из кабины-то.

И, выпрыгнув на землю, зашагал вразвалку к ангару.

В этот день ничего не добились от него товарищи. И только спустя неделю, как-то в дружеской беседе, Чкалов рассказал о своих переживаниях, да и то рассказал скупо, коротко, двумя-тремя фразами.

— Нечего греха таить, была опасная минута в моей жизни, пришлось поволноваться. Но волнение я испытал гораздо позже: не в воздухе, а уже на земле, когда шел к ангару и вы приставали ко мне с вашими расспросами.

Приближалась десятая годовщина Великой Октябрьской революции. Эскадрилья вылетела из Ленинграда в Москву на всенародный праздник.

8 ноября Чкалов на аэродроме имени Фрунзе показал членам правительства фигурный полет на высоте 25—50 метров от земли.

Самолет Валерия то вертелся юлой, ввинчиваясь в синеву, то с ревом проносился над землей, сотрясая стекла ангаров и едва не задевая лыжами крышу. Витки штопора чередовались с боевыми разворотами. Влево, вверх, опять вниз, еще стремительней и круче, в небе снова возникал фантастический рисунок — то Чкалов проделывал классический вираж, выписывая замкнутую кривую. Наконец он повел самолет на посадку. В пятидесяти метрах от земли опрокинул он машину на спину, некоторое время летел головой вниз, и вдруг легко, изящно, приняв нормальное положение, опустил самолет у самого посадочного знака.

Вся глубина чкаловской натуры, бесстрашие и совершенное умение сказались в этом рискованном, но важном с точки зрения военного дела полете, требовавшем точной координации движений и исключительного «чувства земли».

Чкалов поздно вернулся в номер гостиницы. Возбужденный, он писал в эту ночь жене:

«Лёлик, ты не можешь себе представить, что я сделал здесь своим полетом. Весь аэродром кричал и аплодировал моим фигурам. Мне было разрешено здесь делать любую фигуру и на любой высоте. То, за что я сидел на гауптвахте, здесь отмечено особым приказом, в котором говорится: «Выдать денежную награду старшему летчику Чкалову за особо выдающиеся фигуры высшего пилотажа». Это было прочи-

тано в Большом театре на торжественном заседании. Начальство хочет видеть еще раз наш общий полет, а здесь много самолетов. Это будет что-то особенное...»

Через несколько дней, улетая обратно в Ленинград, Чкалов еще больше удивил своих товарищей.

Земля на Московском аэродроме освободилась от зимнего покрова, лишь кое-где оставались ноздреватые, побуревшие его островки. Тем не менее, Чкалову предстояло взлететь на лыжах: в Ленинграде наступила настоящая зима.

Один из летчиков эскадрильи пытался подняться с небольшого островка, но не рассчитал, — при разбеге царапнул лыжами мокрую землю и сломал машину.

Чкалов видел неудачный взлет товарища, но это не остановило его. Он выбрал узкую снежную полоску, прикинул расстояние в уме и начал взлет. Самолет бежал все быстрей, быстрей. Перед моментом отрыва машина все же царапнула лыжами землю, накренилась набок, полетели комья грязи, послышался глухой удар — и отвалился кусок крыла.

Все, кто наблюдал за взлетом, видели, как упал конец крыла. Подбежали к месту старта, но Чкалов был уже высоко в небе. Он уверенно вел самолет на север. Серьезное повреждение не помешало ему приземлиться в Ленинграде с обычной, присущей ему грацией.

У Чкаловых родился сын. Первенца назвали Игорем. На лето Павел Григорьевич пригласил невестку к себе, в Василёво. Валерий это лето проводил в лагерях в Белоруссии.

Ольга, живя в Василёве, часто получала письма от мужа.

Валерий опять испытывал тяжелую неудовлетворенность работой.

Он жаловался в письмах, что чувствует себя не у места и не при деле. О том, что сидел на «губе», не хотелось писать: Ольга кормила сына грудью. За

что сидел? Не по уставу летал. Почему же некоторые пользовались его методом воздушного боя? Другие пользуются, а он, выходит, виноват? Когда же, как не в мирное время, он должен успеть закалиться для войны, овладеть своим оружием. Поговорить бы с главными! Сказали бы: «Не годен», — ушел бы из авиации. А уж ежели сказали бы: «Молодец!» — такую бы жизнь начал...

«Я вот чего, Валерик, боюсь, — читал он в ответных письмах жены. — Если демобилизуешься, ты все-таки будешь тосковать по авиации. Ведь ты не просто службист-летчик, а человек творческий...»

Он долго думал, как лучше объяснить ей свое душевное состояние. Наконец он решился и написал:

«Дело в том, что меня отдают под суд за аварию, обвиняют, будто я сделал это умышленно. Вряд ли когда еще буду в воздухе. Ты, Лёлик, не осуждай меня, ты поймешь, я знаю. Мозги устали от всего,— и только о тебе могу думать, о сынке... Как-то ты, бедная, справлялась и со школой, и с Игоречком? Кормишь ли его грудью? Если да, сейчас же брось, иначе он тебя всю высосет...»

Чкалов перечитал письмо, подумал: «Нет. Расстроится, узнав, что отдают под суд». И начал писать другое:

«Ты мне нужна, Лёлик, как хлеб, как воздух. Без тебя скучаю, хандрю, даже летать стал хуже, нет прежней энергии...»

«Нет, и это не годится. Зачем ей знать?»

И начал третье письмо:

«Оля! Сегодня летал два раза. Особенно хорошо шли фигуры...»

«Нет!» — блеснула новая мысль.

«Лёлик! Мой хороший товарищ! Сегодня замечательная летная погода. Только летать и летать. Ты знаешь, по-моему, не может быть хорошим летчиком тот, кто природу не любит. Сегодня, такое небо, Оля...»

За окном раздался гул самолета. Чкалов, забыв о письме, вскочил на подоконник.

— Мою фигуру делает! Ай-да орел! Да не так, не так! Ну, ну!

Гул прекратился. Валерий опять оперся локтями на стол, мучительно стараясь высвободить плечи от тяжести, и принялся за новый вариант письма.

«Летаю я мало и не хочу, какая-то апатия. Машины сделаны плохо, летаешь с опаской... Вот вчера подломал самолет. Страшно неприятно, хотя и пустяки сломал, — объясняю плохим душевным состоянием. Да, жизнь тяжела, но она этим-то и интересна. Человек и рожден для того, чтобы бороться... О сынке ты ничего не пишешь...»

Прошло немного времени, и письма перестали приходить. Обманывать он не любил, а правду писать ему не хотелось.

Ольга догадывалась о надвигающемся горе и писала Валерию:

«Если нагрянет на нас беда, перенеси ее мужественно, так, чтобы она не подкосила нас обоих. Что-то случилось с тобой, Валерий... Чует мое сердце...»

Ее не обманывало сердце.

Случилось за это время вот что: перелетая из Гомеля в Брянск, Чкалов в туманный день врезался в телеграфные провода. Разбитый самолет упал на пахоту, а верхняя плоскость осталась между столбами на проволоке. Валерий отделался ссадинами и ушибами, но попал в исправдом. Осудили на год.

В Брянский исправительный дом он пришел сам, без конвоя. Долго тянулся первый день. Под вечер Валерий взял тетрадку и начал писать. Он писал и второй день...

«...Камера маленькая, но теплая. Как пришел, так сразу же начал писать. Ночью уснуть долго не мог. Мысли о Лелюське и Игоре не давали покоя. Как-то они там, в Ленинграде...»

Вставал он рано, с головной болью, набрасывался на книги. Но вскоре и книги все были прочитаны.

«Скука страшная, тяжелая, гнетущая тоска. Днем спал. Проснулся. Принесли обед. Сидел, лежал, ходил, — все надоело. Думы о жене, о сыне... Написал Лелюське первое письмо. Завтра оно попадет на поч-

ту. Лелюська будет его читать и плакать. Меня пугает, что она станет переживать, нервничать, худеть, — и всему виной я. Лёлик, еще раз прошу, не осуждай меня. Моя вина лишь в том, что не могу скрыть правоту свою и высказываю ее всегда, когда это даже портит мне в службе. Ну, да ладно... Спокойной ночи. Наша жизнь еще впереди».

Однообразно тянулись дни в камере № 12. Мысли о семье попрежнему не давали покоя. И он продолжал разговарить сам с собою, выводя в дневнике строчку за строчкой:

«Как Игорюшка, что нового, как проводите время? — вот вопросы, на которые я хотел бы ежеминутно иметь ответы. Как мало теперь мне нужно, чтобы быть спокойным».

Ночь под новый, 1929 год Чкалов был особенно взволнован воспоминаниями. Не изменяя привычке, ставшей для него уже потребностью, он развернул дневник и до рассвета писал:

«...Сегодня ровно год, как родился сын. На дворе вьюга, в камере я в полном одиночестве, а мыслями среди вас, Лёлик, Игорь, там, в далеком туманном Ленинграде, за нашим семейным новогодним столом. Все время неотступно передо мной твой образ, Лёлик. Ровно год назад это было. Я вижу тебя так ясно, ясно... Знаешь ли, даже чувствую твои боли, вижу лицо твое, искаженное мукой. Помнишь, я тихо вошел в палату. После родов ты отдыхала на больничной койке. И на лице твоем было написано такое неизъяснимо хорошее чувство материнства, чувство того, что ты подарила миру еще одно новое живое существо. Ах, как я был счастлив в то новогоднее утро! Мне хотелось бегать, петь, кричать, носить тебя на руках. И как много я сейчас бы дал, если бы со мной была ты, — ты, которая...»

Он оборвал запись на полуфразе. Потом долго ходил по камере, из угла в угол, напевая: «Вскормленный на воле орел молодой». Потом пробовал читать уже дважды прочитанную книгу. Опять тихо пел; останавливался в раздумье, задавал сам себе вопросы: «Вскормленный на Волге, на воле... А кто

же его вскармливал? Может, сам вскормился. А может, самому и не вскормиться бы никогда?»

Сквозь оконце просачивался мутный рассвет, когда Валерий развернул тетрадь и сделал приписку:

«А на дворе вьюга... Снег... Поземка. Метель и в душе...»

Чкалова освободили очень скоро, задолго до срока. Он пробыл в исправительном доме лишь девятнадцать дней. Однако жить в Брянске ему уже не хотелось. Он чувствовал себя одиноким и тосковал по семье. Письма к Ольге были полны расспросов:

«Лёлик, почему так долго у сынка нет зубов? Ты обрати внимание. Это плохо, если у него сразу пойдут потом. Правильно: два зуба внизу, потом два зуба наверху, четыре внизу и т. д. Как он сидит — сам или нет? Капризничает или нет? Как привилась оспа? Ты вот все эти мелочи про сынка не пишешь. Как он вырос? Вес какой его? Сейчас же сходи и взвесь его. Ты знаешь, как мне хочется все это знать... Ну, вот и все, что я могу написать».

Он приехал в Ленинград. Некоторое время не мог устроиться на работу. Из армии его уволили за нарушение летной дисциплины.

«Брошу, Лёлик, летать. Не понимают меня. Буду учиться. В вуз поступлю...»

В семье Чкалова наступили черные дни. Валерий замкнулся в себе, почти перестал разговаривать с близкими. Очень страдало самолюбие.

Жена видела, как он тосковал.

Наконец он устроился в Осоавиахим, катал желающих на пассажирском самолете над Ленинградом. В редкие минуты хорошего настроения он называл себя «воздушным извозчиком».

Как-то Валерий снял со стены свою фотографию. На ней он был изображен в военной форме. Долго смотрел он на карточку, махнул рукой, подошел к столу и написал на портрете:

«Бывший военный летчик-истребитель. Когда-то летал. Грустно мне смотреть на вас, Валерий Павлович! Самолет к вам не подходит, не по духу. Вам бы сей-

час истребитель или что-либо в этом роде, вот это еще подошло бы. Ну, а вообще, катайте пассажиров, и то хлеб».

Год он летал на тяжелом пассажирском самолете. Спокойная, однообразная работа не удовлетворяла. Хмурый приходил он домой.

— Нет, Лёлик, хватит! Учиться пойду, на инженера.

— Бросаешь летать? Валя! Да как же ты... Постой. Сам решил, значит...

Ольга задумалась.

— Вот и начнется у нас с тобой новая жизнь... Совсем другая она будет...

— Какая будет, а уж эта, проклятая, кончится, — коротко отвечал Чкалов.

— А ведь я полюбила тебя летчиком, ищущим, неспокойным, — сказала Ольга, задумавшись. — Когда же ты надумал?

— Под балычок. Там самая философия приходит.

Она обняла его сильные плечи, заглянула в глаза.

— Валерий! Я хотела тебя спросить... Валерий! Ты прости меня, ты не сердись. Только... Валя... Мне иногда кажется, что ты, ну, не всегда, но, может быть, иногда, бываешь неправ... ты не умеешь ладить с людьми... Ты такой резкий, всегда все прямо говоришь...

— И буду таким, — перебил Чкалов.

— Ну, хорошо, хорошо... И будешь таким. Взъерошился опять? Ты не горячись.

— Да я не горячусь. Но кто это смеет сказать, что нельзя пробовать новые вещи?

Он помолчал немного и, как бы спохватившись, продолжал:

— Горького читал недавно. Вот наш волгарь виден сразу. «Человек — это звучит гордо!» А мне кажется, Леля, это он про летчиков писал.

— Про летчиков... — задумчиво, с оттенком грусти, произнесла она. — Как же нам быть-то, Валя?

— Посиди со мной, как раньше... Помнишь, как мы с тобой пели «Не брани меня, родная...»?

Ольга подошла к пианино, взяла несколько аккор-

дов и, вдруг резко хлопнув крышкой инструмента, заговорила торопливо:

— Я уж не говорю про нашу с тобой дружбу. Ты все рвешь, всем пренебрегаешь. Дом, дружба, семья — ничто тебя не останавливает. Невозможно же так жить!

— Вздор! Тебя никто не просит вмешиваться... — и он крепко стукнул ладонью о стол. В голосе его слышалось сильное раздражение.

— Опять горячишься. Выслушай меня. Ты мечтал быть хорошим летчиком. Стал им теперь. Где же твоя гордость?

Он с изумлением смотрел на жену.

— Да, да... — продолжала она. — И ты не думай, что можешь бросить летать. Ты ведь теперь не только за себя отвечаешь. Сколько молодых за тобой пошло. Что же ты скажешь им: «Я сдался»? Военный пилотаж ты по-своему повернул. И вдруг сам-то Чкалов...

— Ольга!

— Что — Ольга? Посмотри на себя. Посмотри. Я не дам тебе бросить... Понимаешь?

— Ольга, ты же сама столько раз хотела мне сказать...

— Никогда я этого не хотела! — почти крикнула она.

Она прошлась по комнате.

— Бороться надо — не твои ли слова?

Он стоял перед женой — суровый, нахмурившийся, и вдруг складки на его лбу расправились. Не говоря ни слова, он крепко обнял Ольгу.

...Однажды его не было всю ночь. Ольга Эразмовна давно проснулась, встала, уже надела пальто, торопясь в школу на занятия. В раздумье подошла к окну. Было пасмурное утро. По улице полз туман. В это время на лестнице послышались знакомые тяжелые шаги.

Ольга Эразмовна повернула голову. На лице вошедшего Валерия она заметила какое-то особенное выражение. Она спросила спокойно:

— Почему ты так рано? Ведь не летал же ты ночью?

Валерий ответил, улыбаясь:

— Поездом приехал. Придешь из школы, расскажу.

Однако и вечером, когда Ольга вернулась домой, он ей ничего не сказал. О происшедшем с ним она узнала от домашних, с ними он поделился своими переживаниями.

Машина, на которой Чкалов летал с механиком, обледенела и не могла набрать высоту. Под крыльями расстилался лес. Сквозь лес пролегало железнодорожное полотно. Навстречу шел поезд. Сесть было некуда. Валерий нырнул под железнодорожный мост, но и за ним не мог совершить посадку: перед самолетом вырос семафор. Машина об него ударилась... В конце концов это даже оказалось лучшим исходом. Ведь если бы не ныряли под мост, то разбились бы о платформы идущего поезда. Так все-таки и Валерий, и механик остались живы.

Долго тянулся для Ольги этот вечер. Она смотрела на Валерия и видела, как он был счастлив дома, в семье. Она понимала его настроение. Накануне он был на волосок от смерти и сейчас не верил, что он тут, живой.

В конце августа 1930 года Чкалов ушел из Осоавиахима и уехал отдохнуть на Волгу.

На обратном пути он остановился на несколько дней в Москве. И вот он, наконец, прислал Ольге радостное письмо: после больших хлопот ему удалось поступить летчиком-испытателем в Научно-исследовательский институт Военно-Воздушных Сил РККА.

На летном поле института встретились впервые Валерий Чкалов и Георгий Байдуков.

Познакомились они ночью, перед полетом; Чкалову было поручено проверить, как летают в темноте молодые инструкторы, прибывшие в институт из строевых частей. Было так темно, что Байдуков даже не рассмотрел лица Чкалова, а видел только плотную, приземистую фигуру, казавшуюся высеченной из камня.

— Проверим, как ты ночью летаешь, — сказал

Чкалов, садясь в кабину позади Байдукова и любуясь красным узором неоновых огней — оградительных знаков. — Как фамилия?

— Байдуков.

— А зовут?

— Георгий.

— Ну, значит, Егор, а по-нашему, по-волгарски, Егорушка...

По рассказам летчиков, Георгий знал, что обычный, спокойный полет не удовлетворял Чкалова. Опасаясь, что тот станет его переучивать — чего доброго не выпустит в испытательный полет, Георгий сразу же, как только оторвал машину от земли (а ночью нелегко и разобрать, где земля, не освещена она), схитрил и заложил глубокий вираж.

Это очень понравилось Чкалову. Он одобрительно похлопал Байдукова по плечу и буркнул:

— Тихий, тихий, а здесь, в небе, ты на чорта похож.

«Кажется, схитрил на пользу себе», — подумал Георгий и, осмелев, ушел в зону. Там он сделал еще несколько глубоких виражей и пошел на посадку.

Луч прожектора скользнул по самолету. Георгий разглядел лицо Чкалова. Оно было сосредоточенно-спокойно. Нос с горбинкой, резко очерченные губы. Упрямый подбородок. Глаза, искрящиеся задором.

Когда приземлились, Чкалов вылез из кабины первым. Ничего не сказав Георгию, он вытащил ручку управления и помахал ею в темноте. Это означало: можешь летать один.

Георгию в самом деле посчастливилось. Многих летчиков Чкалов не сразу допустил к испытательным полетам. Одного заставил сделать шесть полетов и все же не выпустил. Байдуков спустя несколько дней признался в своей хитрости.

— Я такой номер сознательно выкинул. Помнишь, тогда ночью? — сказал он.

Чкалов улыбнулся и ответил, грозя пальцем:

— Ты еще молод, Егор. Смотри, не зазнавайся, а то убьешься. Но летаешь ты так хорошо, что я тебя с первого полета выпустил, без провозных.

Так произошло знакомство, а потом на многие месяцы они потеряли друг друга из виду.

Встретились они снова, когда Байдукова перевели в истребительное звено летчика Анисимова. У Анисимова же работал и Чкалов.

Чкалов не просто ценил Анисимова как летчика, он его боготворил. Анисимов, со своей стороны, так же относился к Чкалову, хотя и любил при случае подзадорить друга и бывал очень доволен, когда удавалось вывести его из терпения.

Байдукову Чкалов казался скрытным, неразговорчивым, даже грубоватым. Но чем внимательней он всматривался в энергичное лицо Валерия, с резко сдвинутыми бровями, в суровый взгляд исподлобья, который становился иногда нежным, почти ребячьим,— тем большее влечение испытывал он к этому человеку. Особенно привлекало Байдукова, что его новый товарищ говорил всегда откровенно, от души, напрямик.

Чкалов, встречая летчиков, делавших опасные ошибки при выполнении фигур на малой высоте, предупреждал, глядя прямо в глаза:

— Смотри не убейся.

Но ведь сам он тоже проделывал высший пилотаж почти у самой земли. Почему же он не боялся встречи с ней? Наоборот, кувыркаясь над самыми крышами ангаров, он управлял самолетом с удивительным спокойствием.

— Я понимаю, — допытывался Байдуков, — одно дело храбрость, но ведь у тебя это иногда приводит к таким действиям, которые, с точки зрения целесообразности, необъяснимы. Непонятно мне, для чего ты это делаешь, Валерий...

Чкалов помолчал немного.

— Ты еще молокосос, Байдук. Ты земли боишься.

— А ты даже и не знаешь, как это люди боятся?

— Только дураки ничего не боятся. Но я побеждаю страх. Уверен я в себе, Байдук.

— Я тоже уверен, когда на высоте метров пятьсот. А вот фигурять на стометровой высоте — рука дрожит. Это все же опасно, и не нужно этого делать.

Чкалов вздохнул глубоко и буркнул:

— Мало ли что не нужно делать. Натура у меня такая...

«Они с Анисимовым хотят приучить меня к своей школе, — думал Байдуков. — Если не угроблюсь, то наверняка выучусь...» Когда он думал об этом, ему хотелось зажмурить глаза.

Однако ему предстояло выполнить задание своего командира Анисимова, сделать иммельман с переходом на «бочку» на стометровой высоте. Слегка волнуясь, Байдуков направился к самолету. Чкалов стоял сбоку и, насупившись, следил за его нерешительной походкой.

Увидя на лице друга не очень-то веселое выражение, Чкалов ободряюще сказал:

— Чего боишься? Иди, иди...

И Байдуков взлетел и заложил над головой командира глубокий разворот. Затем перешел в непрерывную восходящую спираль. Это показалось ему таким восхитительным, что он осмелел, ввел машину в штопор, вырвался из штопора в трехстах метрах от земли, последовала стремительная серия фигур, затем он снизился до двухсот метров и повторил весь набор фигур. Набрав высоту, он яростно обрушил машину вниз и стал проделывать иммельманы, двойной переворот, «бочки» — на высоте, не превышающей ста метров.

Чкалову понравилась его смелая техника пилотирования. Он первым подошел к Георгию, сделал несколько замечаний, хвалить не стал, а только спросил:

— Откуда ты родом, Байдук? Сколько годов летаешь-то?

Чем чаще встречался Георгий с Валерием, тем яснее и шире раскрывался перед ним образ нового друга. Чкалов не отказывался иной раз выпить, сытно поесть, вкусно говорил о пельменях и стерляди. Баню он любил с паром и с лохматым березовым веником. С друзьями прогуливался в обнимку, а уж если схватит в свои объятия — косточки хрустнут. В компании через несколько минут после знакомства

становился душою общества; задумал что-нибудь сделать, — только держись, поспевай. Для каждого находил хорошее слово, а иной раз и резкое, если человек того заслуживал. Любил посмеяться, пошутить, лихо забивал в «азы» — домино — пристрастие со школьных лет. Играл с азартом и никому спуску не давал; всегда стремился быть впереди всех и достигал этого только честными и открытыми приемами, даже в мелочах. В его натуре, очевидно, была какая-то страсть к преодолению препятствий.

На земле никогда не подчеркивал он своего превосходства, был очень скромен, в воздухе же никому не уступал первенства.

Байдукову приходилось завоевывать свое «право» с бою. Только после одного воздушного «поединка» Чкалов признал его настоящим летчиком.

— Мы условились, что Валерий покажет мне бой на встречном курсе, — рассказывал Байдуков молодым летчикам. — Начали сближение с дистанции двух километров. Я не отрывался от коллиматора[1] и время от времени стрелял фотопулеметом[2], целился в мотор Валерия. Я успел рассмотреть, что его мотор дымился...

Когда от двух километров осталось метров пятьсот, я стиснул ручку, чтобы отвалиться влево и вверх; секунда задержки — и в «пространстве смерти» уже ничто не спасло бы нас. Я выглянул и в то же мгновенье сильно взял ручку на себя, чтобы «перепрыгнуть» через Валерия, то есть пошел на петлю. В верхней точке я сделал переворот. Получился классический иммельман. Валерия я потерял из виду. Механики потом рассказывали, что мы в одну и ту же долю секунды задрали носы машин, бросившись почти вертикально вверх. Однако до этого мы мчались лоб в лоб, и теперь дуга несла наши машины колесами навстречу друг к другу. Мы были так близко, что казалось, вот-вот колеса сцепятся. Но все обо-

[1] Вид прицела для авиационных пулеметов.

[2] Учебный прибор, снимки которого дают возможность судить о том, правильно ли прицеливались в момент выстрела.

шлось, и мы иммельманами разошлись каждый в свою сторону.

Когда мы подошли друг к другу на земле, первое, что я услышал, было: «Дурак, так убьют тебя!» Я говорю: «По-моему, и ты не из умных, если лезешь на рожон! Тебе нужно было ложиться в вираж». Он мне только показал кукиш и, шагая к своей машине, крикнул: «У тебя такой же упрямый характер, как и у меня. Мы с тобой обязательно столкнемся. Лучше ты, Байдук, сворачивай первый, а то так по глупости и гробанемся».

Товарищи смеялись, слушая рассказ Байдукова. Обаяние Чкалова, который летал «с перцем», остро, уже давно пленило их, молодых летчиков; некоторые из них старались даже подражать его манере, разговаривать на «о», ходить медленно, слегка раскачиваясь. Словом, он был среди них настоящим воздушным вожаком, как некогда был вожаком самой сильной группы василёвских ребят. Задор не пропал в нем.

Служба в воздушном флоте отшлифовала черты его смелого, общительного характера, упрямого и добродушного, — черты, которые зародились еще на волжских отмелях, на откосе родного села, среди берез и просмоленных лодок, соловьиных песен и пароходных гудков, несущихся вдаль и вширь над раздольем великой русской реки.

Павел Григорьевич продолжал работать в затоне Василёвской слободы. Попрежнему считали его лучшим котельным мастером.

Старший сын, Алексей, окончил институт и получил звание инженера-технолога. На радостях Павел Григорьевич выслал ему двести рублей. Старик всю жизнь мечтал видеть Алексея инженером. Вообще он гордился своими детьми. Любил вспоминать, как летал с Валерием на аэроплане...

— И как ты решился сесть в машину-то? Сердце ведь у тебя больное, — говорила Наталья Георгиевна.

— А сердце тут, Наташа, ни при чем, — возражал котельщик. — Очень даже спокойно с Аверьяном летать: как на пароходе едешь. Хорошо. Мудрое его ремесло. Землю всю по-другому увидал. Речка мне как ручеек казалась... Не думал я, грешный, что из него такой большой человек выйдет. И супруга у него добрая... Кошель у них один... Одно плохо: деньги на черный день не берегут, — неожиданно заканчивал старик.

После работы Павел Григорьевич приходил домой, переодевался во все чистое и отправлялся гулять. Это он делал ежедневно, с твердой последовательностью, так же как в юности и в зрелых годах.

Работа кувалдой, да еще особенной, чкаловской, то есть тяжелее, чем у других, расшатывала его здоровье. Он жаловался на сердце.

— Не пора ли, Павел Григорьевич, на пенсию? — робко спрашивала жена.

— Ах ты, Наташа! — начинал сердиться старый котельщик. — Как же я брошу работу? Кто турбины-то будет обкладывать?

— Ну хоть полечись, Павел Григорьевич.

— Погоди, будет время хворать, належимся...

И словно чувствовал! Накануне работал в затоне да еще рассказывал молодым, как много лет назад сменил топочный лист, не вылезая тридцать пять часов из пароходного котла. А на рассвете проснулся и, разбудив жену, сказал:

— Наташа, захворал я...

— Вот тебе, новое дело!

Мрачное настроение Павла Григорьевича сменилось недолгой радостью, вызванной внезапным приездом семьи Валерия. Увидев внука, котельщик вскричал, откуда только голос взялся:

— Игорюшка, канальский ты мой! Иди-ка скорей ко мне, миленький! Дай-ка я тебя обниму...

Как-то Наталья Георгиевна получила от сестры в подарок новенький кошелек для денег. Раздраженный, измученный тяжелой болезнью, еле передвигающий ноги, Павел Григорьевич ворчал:

— Зачем подарила? В двух кошельках никогда денег не будет. Один должен быть кошель.

Хозяйственные заботы не оставляли Павла Григорьевича и в болезни. Вглядываясь в окно потускневшими глазами на привезенные саженцы яблонек, частенько говорил он жене:

— Когда копать будем, подсоби, Наташа.

Потом переводил взгляд на большую яблоню, захваченную прошлогодним морозом, и произносил тихо, слегка мечтательно:

— Смотри, как отходит хорошо. Видно, совсем поправится.

Погостила немного у стариков Ольга Эразмовна с сыном и уехала. В доме котельщика стало опять тихо.

Время тянулось медленно для Павла Григорьевича, не привыкшего хворать, лежать в постели.

— Ой, тоска, Наташ... Поедем в Москву, к Аверьяну!

— Куда мы с тобой тронемся? Вот полегчает тебе...

— В Москве к профессорам меня сводила бы, Наташа. У Аверьяна погостили бы.

— Валерушка писал, что по службе в другой город улетает, — возражала жена.

Павел Григорьевич пристально и недоверчиво смотрел на Наталью Георгиевну. И взгляд его, упрямый, темный, из-под сдвинутых густых бровей, говорил: «Э, врет баба!»

— Не хочешь в Москву, поедем тогда на козью ярманку в Нижний, — настаивал больной.

— Батюшки! Да кто нам рад будет на козьей ярманке! Не поеду я никуда, Павел Григорьевич!

— Озорница ты... — сердился котельщик. — Больной, не нужен стал.

— Был бы здоров, поехала бы.

— Ладно, подождем. Напиши Валерушке, чтобы рыбки и икорки прислал. Лучше телеграмму отбей.

Приходили посылки от сына. Павел Григорьевич всегда сам распаковывал их.

День ото дня старик слабел, и уже наступило вре-

мя, когда Наталья Георгиевна, ухаживая за мужем, стала подбадривать его:

— Ты еще сильный, Павел Григорьевич, меня можешь поднять, как перышко.

Но старик уже не верил этому.

В один из мартовских дней, когда с крыши на теплую землю падали сосульки, а по крутому взвозу, ворочая камни, весело бежали ручьи, Павел Григорьевич умер.

Валерий летал теперь на самолетах самых разнообразных типов. Через его руки проходили истребители, бомбовозы, разведчики...

Однажды, выполняя задание, Чкалов прилетел на тяжелом бомбовозе в Одессу. Там он неожиданно встретился с Антошиным.

— От души рад видеть тебя, батя! — говорил Валерий, обнимая старого своего учителя. — Что поделываешь?

— Начальник летной школы.

— Вот как!.. Нет, ты не представляешь, как я рад...

— А ты немного изменился.

— Стареем, что же ты хочешь: отец семейства! Сын родился.

— Поздравляю! Надолго прилетел?

— С месяц поживу. Испытать одну машину поручили мне. Тяжелую. А ты на чем летаешь?

— На истребителе.

— Батя, дорогой! Дай, пожалуйста, душу отвести на твоем самолете. Давно не летал на истребителе. До того соскучился по ястребку!

Антошин четыре года не видел Чкалова. Он не мог ему отказать.

На следующее утро встретились на аэродроме.

Валерий проверил мотор, взлетел, над самой землей стал проделывать фигуры высшего пилотажа в таком темпе, что трудно было определить, где кончалась одна и начиналась новая. Весь полет его был сплошной фигурой.

С ближних огородов сбежались колхозники, хлы-

пули на аэродром, — никто не мог остановить их. Когда Чкалов приземлился, колхозники вместе с курсантами школы подбежали к самолету, вытащили летчика из кабины и долго качали.

Полет Валерия произвел на Антошина сильное впечатление.

— Ты совсем другой, — признался Антошин. — Взрослый стал, опыта много приобрел...

Так было и в Москве.

Пикирующие полеты, беззвучное падение сменялись растущим рокотом мотора, полетом по горизонтали. Глубокие виражи чередовались со штопорами, полетами на спине. Красный истребитель пилота, как метеор, проносился над окраинами столицы.

А на земле уже ждали товарищи. И стоило Чкалову появиться среди них, как его окружали со всех сторон. Воздушные бойцы спрашивали, как лучше вести бой на новом самолете; молодые летчики интересовались оценкой их работы; конструкторы советовались с ним, как удобней разместить приборы в тесной кабине скоростного истребителя...

...Как-то Ольга уехала погостить к родным в Ленинград. Возвратившись домой, она отперла комнату, по привычке поправила одеяло на кровати, взглянула на выбеленную стену с ковриком... Там висела новая фотография Валерия. Лоб его был туго забинтован. Глаза из-под повязки смотрели сосредоточенно, с хмурой настороженностью, как после суровой беды. Долго не могла она оторваться от этого взгляда.

День прошел в хлопотах, в уборке комнаты. Уже совсем вечером — Ольга накрыла к обеду стол — раздались знакомые шаги. Вошел Валерий.

Она сразу же подвела его к фотографии, взволнованно спросила:

— Что случилось?

Он ответил спокойно:

— Ничего особенного, шел по лестнице и задел об угол.

— Ты от меня скрываешь, Валерий. Ты, наверно, испытывал самолет. Почему ты не хочешь...

Он промолчал, насупился. И лишь через две недели

Ольга узнала от соседей, что Валерий недавно чуть не разбился, облетывая новую машину. Ее охватил ужас.

Ночью у них произошел разговор; собственно, говорила только она, он молчал.

Он стоял у окна, задумавшись, как будто ее слова относились не к нему. Потом подошел ближе и нежно обнял ее.

— Лёлик...

Рабочий день летчика-испытателя начинался затемно. Чкалов начинал летную работу раньше всех.

Частенько без обязательного завтрака в столовой аэродрома, в самый сильный мороз, в утренние сумерки, в непогоду, когда никто не шел в полет, взлетал Чкалов...

Потом он приходил в столовую — ледяные сосульки еще не успевали оттаять вокруг рта, — отказывался от стакана молока, садился около печки и думал о чем-то своем, суровый, неразговорчивый.

Ощущая в воздухе биение мотора, он что-то прикидывал в уме. Он сам еще до конца не знал, чего хочет от себя и от машины. Ему знакомо было волнующее чувство новизны, та грань, где давно знакомое, освоенное, открытое превращается в совершенно новое. А многие из окружавших его не переставали жить старыми авиационными нормами и представлениями, которые он обязательно должен был разрушить.

На него поэтому часто сыпались нарекания. Зато близкие, хорошо знавшие его смелое мастерство, говорили ему:

— Если бы нам быть такими, как ты!

Иногда им овладевали «фантазии». Бывало, перед вылетом загляпет в столовую, подойдет к летчикам и скажет:

— Сегодня сяду на товарную платформу на ходу поезда.

— Что ты говоришь, подумай!

Чкалов хмурился и отвечал:

— Ну, не буду! Я пошутил.

В памяти его друзей навсегда запечатлелось мо-

ковское зимнее небо с несущейся низко над крышами домиков машиной Чкалова.

Утомленный, широко шагая, подходил он к крылечку, на котором любили собираться его друзья.

— Зачем ты это делал сейчас? Страшно смотреть было.

— Пробую. Можно еще не то показать.

— Летчик ты замечательный, а носишь только четыре кубика на петлицах.

Чкалов отмахивался, вздыхая:

— Хорошо хоть это имею. Хотели из армии уволить. Будет время, правда свое возьмет. Поймут, что я учился владеть машиной, а не занимался акробатикой. Я технику пилотирования осваивал, совершенствовался, а не лихачествовал.

Он присаживался на ступеньках, закуривал и долго молчал. Иногда неожиданно вставал, улыбался, вспоминая что-нибудь смешное:

— На прошлой неделе один из начальников уж гонял меня, гонял на земле. А мне, как инструктору, пришлось на следующий день знакомить его с полетом на бомбовозе. Взлетали до солнышка. Только поднялись, я и взял его в работу. Что-нибудь не так сделает, а я ему строго: «Сиди, слушай». Он показывает рукой вниз: на посадку, мол, пора, — а я ему еще строже: «Летай, летай!» Уж отыгрался я на нем, братцы.

С аэродрома Чкалов направлялся в гостиницу, где занимал с семьей маленький номер.

Ольга Эразмовна готовила на керосинке ужин.

— Контрабандой занимаешься, — шутил он, шумно входя в номер и показывая на керосинку. — Смотри, амуров на потолке не закопти.

— Как же быть? В столовой питаться не по карману.

— Давай есть, Лёлик. Ужином ты командуй, а я на сына погляжу.

Полюбовавшись спящим ребенком, он садился за стол. Ел молча, глядя в тарелку. И уже перед самым сном делился с Ольгой впечатлениями прожитого дня.

— Знаешь, Лёлик, когда поднимаюсь в воздух, я во весь голос пою. Без конца. «Распрягайте, хлопцы, кони». И несусь, лечу... И сегодня пел.

— Как дела-то твои? В воздухе ты поешь, а посмотреть на тебя — хмурый.

— Эх, Лёлик, устала ты от всех неприятностей. Ничего, скоро по-другому заживем. Правда, повышения по службе я не получаю, но...

— Я не о том, Валерий...

— Я понимаю тебя, разделяю твою обиду, но прости — в тебе все же какой-то избыток сил... ты не любишь спокойной будничной работы. Но ведь и в воздухе есть свои будни...

Он опять не дал ей договорить. При чем здесь будни! Вопрос в другом.

— Может быть, ты и права... Но я не могу, понимаешь, не могу преодолеть в себе страстного желания вечно искать новое, совершенствовать, шлифовать технику пилотирования.

Она посмотрела на мужа. Потом тихо сказала:

— Успокойся.

...Между тем его служебные дела обстояли опять неблагополучно.

Его попрежнему не понимали. Валерий остро чувствовал это и часто возвращался к одной мысли: «Как истребитель я прав и буду впоследствии еще больше прав».

Однажды, придя домой, он застал Ольгу с подругой. Молодые женщины весело о чем-то разговаривали. Валерий сидел в уголке, погруженный в свои мысли. Когда начали ужинать, он неожиданно поднялся из-за стола, походил по комнате, опять сел, вздохнул и тихо сказал, сдвигая брови:

— Эх, Клавка, махнуть бы через Северный полюс!

— Не выдумывай глупостей! — ответила молодая женщина. — Работать нужно, а ты о полюсе...

— Эх, Клавка!..

Он снова зашагал по комнате, попыхивая трубкой, и продолжал уже более спокойно:

— Так хочется чего-нибудь такого, чтобы люди

сказали: вот сделал дело! Какой-нибудь дальний полет совершить, какой еще никто не делал! Что-нибудь такое, понимаешь, Лёлик...

Вскоре Ольга Эразмовна узнала, что Валерия отчислили в дисциплинарный батальон. Она осталась одна с маленьким сыном.

Виделись с Валерием редко, и после каждой коротенькой встречи оставалась одна и та же беспокойная мысль: «Как изменился, совсем замкнулся в себе».

Чкалов находился в школе спецслужбы, куда собрали недисциплинированных из разных частей. Там он был на положении курсанта: без разрешения не имел права отлучаться, летать, ходил в строю и на поверку. Держался он очень отчужденно, в его голове никак не укладывалась мысль, что он в дисциплинарном батальоне. Он ни в чем не был виноват, разве только в излишней смелости.

Каждое утро курсанты строем приходили в столовую. Валерий садился в стороне. Он почти не дотрагивался до еды.

— Кушайте, Валерий Павлович, — упрашивала его заведующая столовой, старая знакомая.

— Я знаю, вы хотите, чтобы я был сыт. Но я не хочу. Не буду.

На его лице появлялась улыбка.

— Дайте лучше пачку папирос.

В школе на первом же занятии Чкалов увидел Антошина. Иван Панфилович Антошин занимался с курсантами.

— Ну вот, батя, опять встретились... Скажи мне, батя, за что я попал сюда? Ты не скроешь от меня.

— Честное слово, не знаю. Может быть, ты скажешь?

— Я хочу пробовать новые вещи, натура у меня такая, а меня хотят «перевоспитать». Но я же прав, батя. Не могу я считаться с их нормами. Не по мне сшили эту рубашку... Знаешь что, батя: помог бы ты мне устроиться на какой-нибудь завод испытателем!.. Поможешь?

— Не смогу, Валерий. Я ведь только преподаватель.

Чкалов махнул рукой.

— Эх, батя, нескладно все... Был грех в молодости, но за что меня теперь наказали? Я уже давно перестал играть со смертью по пустякам.

Испытание нового самолета — это битва, схватка со стихией, опасная борьба. Выйти победителем из этой схватки может только тот, кто хорошо подготовлен к ней. Поэтому летчик-испытатель тщательно изучает машину, прежде чем подвергнет ее всем испытаниям в воздухе.

Чкалов не раз говорил, что испытатель только в представлении людей, не имеющих непосредственного отношения к авиации, — человек слепого риска. В действительности он приступает к своему делу после долгого, всестороннего и глубокого изучения машины. Он знакомится с нею задолго до ее рождения, еще в чертежах, потом присутствует день за днем в цехе, где она постепенно складывается, крепнет, обрастает множеством мелких и жизненно необходимых частиц — металлических и деревянных, — пока не превращается в могучее воздушное оружие.

Десятки молоточков ударяют по серебристым крыльям, от ударов стоит несмолкаемый гул и звон. Испытатель ходит вокруг самолета, по-хозяйски прикидывает глазом. Опытный пилот может много полезного рассказать расчетчику. Каждый болтик и трос он ощущает как части живого организма, как нервы живого существа.

Ему хочется познать машину в движении, в действии, очутиться с нею в воздухе наедине. Он уже знает машину до последнего винтика. Но верить ей он не имеет права. И вот он сначала рулит на ней по аэродрому, делает подлеты на метр — полтора, совершает один-два круга над полем.

Инженеры тщательно осматривают машину, устраняют мелкие недостатки.

В нормальном положении машина летает отлично. Но как она поведет себя при полете на спине или во время штопора? Прочна ли она?

И тут-то начинается самый ответственный, самый опасный момент испытания.

Летчик, поднявшись на большую высоту, бросает машину в пике и мчится к земле со скоростью шестьсот километров в час. Шестьсот километров в час — это сто шестьдесят шесть метров в секунду. Если на такой скорости летчик высунет голову, ему свернет шею. Стоит при выходе из пике замешкаться на пол секунды — и он врежется в землю. Сила инерции настолько велика, что она стремится раздавить летчика. Он старается возможно равномерней распределить свой кажущийся вес, величина которого под давлением центробежной силы иногда доходит до семисот—восьмисот килограммов...

...Машина испытана на подъем, на маневренность, управляемость, устойчивость, на километраж, в фигурных полетах, в «потолке», в штопоре. Испытатель внимательно следил за работой мотора и приборов; он записывал все свои наблюдения.

Если обнаружен какой-нибудь крупный дефект, то самолет снимается с заводских испытаний; его переделывают заново. Затем испытания возобновляются и продолжаются до тех пор, пока в машине не останется, как говорят летчики, никаких неясностей.

Выявление штопорных свойств самолета является конечным и самым ответственным этапом испытаний. Фигурные полеты и штопор испытатель проводит с максимальной осторожностью, продумав предварительно каждое движение.

Давая самолету такие нагрузки, каких он никогда не будет переносить впоследствии, испытатель должен уметь быстро ориентироваться во всех свойствах машины, подметить ее недостатки, определить причины их. Конструктор ждет от летчика-испытателя правильно поставленного диагноза.

Свое счастье Чкалов нашел на авиационном заводе. В кропотливой и чрезвычайно напряженной рабо-

те летчика-испытателя он видел свое настоящее призвание. Здесь он получил то, к чему стремился всю жизнь.

И в этой новой для него работе он попрежнему не останавливался перед риском, но это был уже иной риск: трезвый, осторожный. Одно неправильное движение — и машина разбита.

Именно боязнь разбить новый образец самолета, который должен служить обороне страны, заставила Валерия отказаться от неоправданного риска. Он стал более спокойным, сдержанным.

Общение с конструкторами — высокообразованными специалистами авиационного дела — расширяло его кругозор. Ему стали понятны широкие масштабы летной работы.

Со многими самолетами, которые еще только зарождались в чертежах, он связывал большие надежды.

Нередко встречался он с Байдуковым.

— Эх, Байдук, никак не удается зацепить такую машину, чтобы на ней отхватить без посадки тысячи километров! Я показал бы, как надо летать. А то прыгаем, как блохи.

Чем труднее было испытание тем охотнее брался за него Чкалов.

Его техника пилотажа была тончайшей художественной работой.

— Главное — тренировка. В авиации, как и в музыке, ежедневно упражняться нужно, — было его излюбленным изречением.

Во время подготовки к воздушному параду Чкалову предложили вести целое соединение. Прежде всего он сам испытал каждый корабль. Затем приступил к тренировке летчиков.

Многие командиры поражались: откуда у рядового летчика, который никогда не командовал строевыми частями, такое уменье объединять людей?

На параде корабли шли сомкнутым строем, крыло к крылу. Командование фотографировало их с земли. Соединение Чкалова особенно выделялось четкостью своего построения.

Усталые пилоты вернулись на аэродром.

— Славно поработали сегодня, — сказал Валерию летчик Моисеев.

Чкалов засмеялся:

— Пустяки какие! Это же прогулка! Подожди, Яша, будем летать не столько, а по двадцать, сорок, пятьдесят часов. Непременно начну приучать себя к длительным полетам. Подумай, вспыхнет война...

Готовясь к будущим схваткам с врагом, он упорно продолжал заниматься воздушным боем. Каждый нелетный день казался ему выброшенным из жизни.

Как-то раз Валерий заканчивал испытание самолета на прочность. Маленький истребитель, точно ястреб, сложивший крылья, летел отвесно к земле. Трепетали стрелки приборов. Скорость росла с каждой секундой.

Четыреста, пятьсот, шестьсот километров. Ветер пронзительно свистел в ушах. Во рту пересохло. Глотая слюну, Чкалов смотрел на крылья. Обшивка их вспухла с верхней стороны и продавилась снизу.

«Довольно», — подумал пилот и взял ручку на себя. Самолет рванулся из пике. Центробежная сила, как огромное незримое чудовище, вдавила голову в плечи. Кровь отлила от головы, в глазах поплыли огромные круги, разноцветные зигзаги.

Чкалов на мгновенье ослеп.

Но вот зрение снова вернулось к нему. Машина летела уже горизонтально.

«Все отлично. Крылья крепки», — подумал Валерий, и его охватило хорошо ему знакомое, ни с чем не сравнимое чувство победы.

«Пойду на посадку», — решил он, чувствуя испарину на всем теле и ноющую боль в пояснице.

Он начал выпускать шасси.

И тут произошло неожиданное и очень неприятное событие: правая «нога» шасси благополучно вышла, а левую заело. Очевидно, трос, подтягивающий шасси, свернулся в петлю.

Чкалов стал кружить над аэродромом, чтобы выиграть время и попытаться придумать способ спасти машину. Он не допускал и мысли погубить свой истребок.

«Истребитель новый, опытный, — размышлял он, сохраняя полное спокойствие. — Если сесть на одно колесо, самолет разобьется. Прыгать с парашютом? Машина наверняка уже разобьется, пропадет труд рабочих, инженеров. Нет, ни за что! Надо «потрясти» самолет; может быть, петля распутается тогда и «нога» вылезет...»

С этой мыслью Чкалов вновь ринулся в пике. Самолет понесся стремительно, почти отвесно. Где-то внизу, словно из утреннего тумана, замелькала в глазах земля. Камнем пролетел Чкалов вниз тысячу метров и резко вывел самолет из пике. Лоб его стукнулся о колени. Опять потемнело в глазах, Валерий потерял сознание. Это был миг.

Режущая боль наполняла грудь. Он очнулся и посмотрел усталым взглядом на щит. Рядом с зеленой попрежнему горела красная лампочка. Левая «нога» шасси все еще не вышла.

«Не сдамся», — промелькнуло в голове Чкалова. Он начал бросать машину из стороны в сторону. Он делал двойные перевороты, внезапно развертывал самолет то вправо, то влево, бросал его колесами вверх. Все было безрезультатно. Колесо не выходило.

Снова Чкалов ринулся с большой высоты вниз в страшном крутом падении. Выходя из пике, почти теряя сознание, Чкалов опять увидел рдеющий внимательный красный огонек.

Ломило спину. Из носа показалась кровь. Но Чкалов не прекращал каскада разнообразных фигур.

И, наконец, в последний раз он взметнулся в голубой сверкающий простор, к солнцу.

Швырнув машину с большой высоты, он так резко выровнял ее, что лоб его опять коснулся колен. Сорокапудовая тяжесть навалилась на плечи. Пришел летчик в себя, когда самолет шел вверх. Застрявшая «нога» стала на место.

Чкалов вздохнул и посмотрел на часы. Неужели сорок минут проделывал он фигуры высшего пилотажа? Он чувствовал смертельную усталость. Сердце его стучало. Летчик вытер лоб, передвинулся, усаживаясь удобнее, и пошел на посадку: он спас машину.

Было тихо и немного страшно, когда к Чкалову подбежали товарищи и спросили, почему он не воспользовался парашютом.

Валерий выпрямился во весь рост. У него ныла поясница. Недовольно он ответил охрипшим басом:

— Благодарю по-покорно! Одно дело, когда в машине сидит учлет, а другое дело — наш брат. Мне коллектив, целый ко-о-ллектив доверяет машину, свои труды... Это надо понимать.

Валерий с Байдуковым все чаще встречались по вечерам.

Валерий, шагая по комнате, остановится, смотрит в окно.

— Совершим этот полет, — в Австралию махнем... Эх, милый, доживем мы с тобой, когда и вокруг земного шарика летать будет тесно. Увидишь, Егор.

Разговоры заканчивались обычно чтением книг. Летчики узнавали во всех деталях историю полярных экспедиций, казалось — сами путешествовали в торосистых льдах Северного океана. Иногда все это казалось настолько близким, осуществимым, что Чкалов показывал даже, как в Арктике надо охотиться и готовить пищу.

Они запирались в комнате, раскладывали на полу большие географические карты, до глубокой ночи ползали по ним, проводя линии цветным карандашом.

Эти линии отмечали путь героев, пробивавшихся к Северному полюсу. Валерий и Егор во всех мелочах знали уже историю борьбы за полюс. Любой пункт цветной линии оживлял перед ними образы и карти-

ны прошлого. На помощь приходили книги исследователей Севера.

«Ледяные глыбы, — писал Нансен в своей путевой тетради, — поднимаются высокими грудами почти наравне с такелажем судна. Ледовый шум постепенно возрастает и становится подобным звуку всех труб орга́на вместе. Судно дрожит и трясется. Но мы сидим в наших уютных каютках совершенно спокойно и даже не выходим на палубу посмотреть на хаос. Приятно сознавать, что судно крепко, — другие суда были бы давно раздавлены. Чорт возьми! Было бы совсем не комфортабельно уходить с корабля каждый раз, как начинается сжатие, или покидать его с мешком на спине».

«Погода ужасная, — записывал Нансен, когда они зимовали с Иогансеном на земле Франца-Иосифа, в хижине, напоминавшей скорее звериную нору. — Ревет такая буря, что почти задыхаешься, когда высунешь нос наружу. Я лежу в норе и пытаюсь спать. Но это удается не всегда. Ох, эти долгие бессонные ночи, когда ворочаешься с боку на бок, поджимаешь ноги, чтобы хоть немного согреть окоченевшие ступни, и желаешь только одного в мире: заснуть! Безустали работает мысль над тем, — что-то теперь дома... А длинное, тяжелое тело тщетно пытается найти удобное место на неровных камнях. Иогансен спит и храпит на всю хижину. Я рад, что его мать не видит его теперь. Она, наверное, пожалела бы своего мальчика, если б увидела, как он сейчас черен, безобразен и грязен».

«Мы будем летать, как орлы, и ничто не сломит наших крыльев», — вспомнились слова другого полярного путешественника — Соломона-Августа Андре.

«...Сколько несчастий годами и годами несло ты человечеству, сколько лишений и страданий дарило ты ему, о бесконечное белое пространство! — писал в своем дневнике Амундсен. — Но зато ты узнало и тех, кто сумел поставить ногу на твою непокорную шею, кто сумел силой бросить тебя на колени. Но что ты сделало со многими гордыми судами, которые держали путь прямо в твое сердце и не вернулись

больше домой? Что сделало ты с отважными смельчаками, которые попали в твои ледяные объятия и больше не вырвались из них? Куда ты их девало? Никаких следов, никаких знаков, никакой памяти — только одна бескрайная белая пустыня».

Валерий задумался. Может быть, и в его жизни наступит день, когда он побывает над этой белой пустыней.

Он любил историю, прошлое своего народа, мог ночи напролет читать о путешествиях на «вершину мира». В такие ночи перед его взором возникал во всем обаянии образ сына азовского рыбака, лейтенанта русского флота, легендарного Георгия Седова. Чкалова волновал образ этого одинокого героя, павшего смертью храбрых в ледяной пустыне...

Седов сколотил на скудные средства частных благотворителей жалкое суденышко «Святой Фока» и с горстью отважных матросов рванулся к полюсу.

— Я ставлю на карту свою жизнь, — сказал Седов, — без полюса мы не вернемся!

Чкалов перелистывал страницы книги...

...Никогда Седов не ощущал так сильно, как в дни сборов, всю черствость и ограниченность царских чиновников. Все было против него: правительство, пресса, военно-морские круги, для которых он был всего-навсего дерзким «выскочкой из крестьян».

К полюсу Георгий Седов отправлялся на свой страх и риск, предоставленный целиком произволу судьбы.

В последний день нужно было закупить и доставить на судно собак, гвозди, олово, башлыки, тросы, бензин, кислую капусту, шоколад, ружейные пистоны и брезент. Хлопот было столько, что к вечеру Седов выглядел осунувшимся и бледным.

С любопытством смотрели жители Архангельска на парусно-паровое судно с двумя мачтами, с двумя пушками на баке; во всю ширину капитанского мостика выделялась четкая надпись «Святой мученик Фока».

Утром 29 августа 1912 года на корабле прозвучала громкая команда: «Отдать носовые!», и «Фока» ти-

хим ходом двинулся по Северной Двине к морю. Перед выходом в океан навстречу кораблю подул свежий ветер севера. Судно пошло медленнее, часто отказывалось повиноваться рулю. Ветер свежел. В лицо вахтенного била снежная крупа.

Пятого сентября моряки увидели острые хребты в косых полосах снега, — то была Новая Земля.

Море закипало. Низко над землей проносились откуда-то внезапно появившиеся буревестники. Ветер свирепел с каждой минутой. Через час волны украли одну из шлюпок и разбили собачью клетку. Одна из собак погибла.

— Право! Еще право! Так держать!

Седов сам стоял у штурвала. Буря разыгрывалась не на шутку: она сорвала кливер, оборвала крепление у бизань-паруса.

«Святой Фока», минуя бродячие льды, мчался одиннадцатиузловым ходом. Лейтенант Седов торопился скорее достичь Земли Франца-Иосифа, где он предполагал основать базу для похода на полюс. Но морозы Арктики сковали море; кое-где только темнела в прогалине вода да ныряли какие-то одинокие птицы. Льды теснили корабль. Седов приказал спустить пар в котлах. «Святой Фока» стал на зимовку в небольшой бухте Новой Земли.

Лед взломало только через год. Корабль вновь взял курс на Землю Франца-Иосифа.

Топливо подходило к концу. Вместо угля в котельных топках уже жгли звериное сало, тросы и старые паруса.

Механик Зандер поднялся на мостик и доложил:

— Я подсчитал топливо; его вряд ли хватит на завтрашний день.

Седов задумался и долго молчал.

— Что поделаешь! — наконец произнес он. — Будем зимовать где-нибудь поблизости.

И «Святой мученик Фока» стал на вторую зимовку в одной из бухт острова Гукера, которую Седов назвал бухтой Тихой. Предстояла зимовка без топлива. Экспедиция располагала несколькими моржовыми шкурами, тремя сотнями килограммов искрошивше-

гося в порошок каменного угля да порожними ящиками и бочками. Надолго ли хватит этого? Вскоре стали выламывать межкаютные переборки и отапливать ими судно. Из восьмидесяти собак оставалось менее половины.

Не успела опуститься полярная ночь, как почти все на корабле заболели цынгой. Заболел и Седов. У него опухли ноги, появилась сонливость, он тяжело дышал.

Новый, 1914 год, как и прошлый, экспедиция встречала во льдах, — читал далее Чкалов. — Собравшись в каюте, люди общими силами старались хотя бы на несколько часов отогнать от себя тяжелые мысли. Напрасно! Веселья не получалось.

В пасмурное предрассветное утро 15 февраля Седов, возвратившись с ледовой разведки, прошел в свою каюту. Там он пробыл недолго. На палубу он вышел с лицом, побледневшим и строгим; в руке у него был исписанный лист бумаги. Гидрометеоролог прочел приказ.

Седов закрыл глаза. Все ждали, что скажет начальник. Но вместо слов у него с губ сорвался едва уловимый стон и на ресницах сверкнули слезы. Он глубоко вздохнул, поборол себя, взглянул на товарищей и сказал твердым голосом:

— Совсем не состояние здоровья беспокоит меня больше всего, а другое: выступление без тех средств, на какие я рассчитывал. Сегодня для нас и для России великий день. Разве с таким снаряжением надо итти к полюсу? Вместо восьмидесяти собак у нас только двадцать; провиант истощен, да и сами мы не так крепки здоровьем, как нужно... Все это, конечно, нам не помешает исполнить свой долг. Долг мы исполним. Наша цель — достижение полюса. Все возможное для осуществления ее будет сделано.

После завтрака, которому суждено было быть последним общим завтраком, Седов поднялся из-за стола.

— Нужно итти, — сказал он.

Семь километров провожала команда по льду своего начальника. У Северного мыса острова группа

разделилась на две: три человека направились к полюсу, а девятнадцать кричали им вслед:

— Счастливого пути!

— До свиданья, а не прощайте!..

Салют из револьвера — и узкая полоска трех нарт стала таять в сгущающейся тьме безмолвного ледяного простора. В начале дороги Седов скрывал от двух спутников — матросов Пустошного и Линника — свое недомогание. Но вскоре силы изменили ему. И когда матросы убеждали его вернуться, он слабо улыбался и махал рукой, — фанатическая страсть исследователя, заветное желание видеть полюс покоренным русской наукой звали, толкали Седова вперед.

Наконец он вынужден был лечь на нарты; сознание часто покидало его.

В руках он сжимал компас и потухающими глазами следил за направлением магнитной стрелки, — он боялся, что матросы повезут его на юг. Убеждаясь, что стрелка показывает на север, он успокаивался, откидывался опять на нарту и снова впадал в забытье. Вблизи острова Рудольфа три друга раскинули лагерь. Не один сутки завывала буря. Палатка содрогалась от порывов ветра. Седов умирал...

Матросы держали голову своего начальника на коленях, согревая его холодеющее тело горящим примусом.

— Туши примус! — приказывал Седов, покрываясь испариной. Матросы тушили.

Через четверть часа Георгий Яковлевич начинал так дрожать от холода, что с палатки осыпался иней.

— Зажги! — просил снова Седов. — Нет, не нужно, — голос Седова срывался на шопот, — надо беречь керосин... Впрочем, все равно.

Пятого марта Седов стал задыхаться.

— Линник, Линник, поддержи... — были последние слова Седова. Но эту просьбу человека, который никогда не просил, а всего добивался сам, исполнить было уже нельзя.

Седов умер. Был второй час пополудни.

Долго молчали матросы, стоя на коленях и глядя

друг на друга. Затем Линник чистым носовым платком покрыл лицо начальника.

Примус погас. Полярная буря стихла.

Два верных спутника похоронили Георгия Седова на мысе Ауке Земли кронпринца Рудольфа, в каменном грунте, у подножия обрывистого берега, на самом краю ледника... Когда матросы Пустошный и Линник вернулись на борт своего корабля, они рассказали о последних днях жизни Георгия Седова. В тот же вечер экипаж читал вслух путевой дневник начальника экспедиции. Кончался дневник на первом дне марта; под этим числом отмечено появление солнца арктического дня. Запись обрывалась словами:

«Посвети, солнышко, там на родине. Как тяжело нам здесь, на льду!..»

Давно все это было... Ураган Арктики сровнял со льдом каменистый холмик над могилой Седова. Много раз всходило и гасло скупое полярное солнце.

Но то солнце, о котором мечтал Седов, — солнце родины — уже давно взошло и, разгораясь все ярче в высоком синем небе, щедро светило счастливому народу.

Чкалов перебирал в памяти рейсы ледоколов «Красина», «Литке», «Сибирякова».

В эти вечера, когда за окнами стояла зима, он осторожно, боясь разбудить сына и жену, шагал по жарко натопленной комнате и как бы видел за окном первые льды; вестников Полярья — сов и кайоров, летавших с криком над черными разводьями; приветственные огни новых зимовок с домиками, убранными коврами и картинами; теплицы с яркокрасными помидорами и редиской; обсерватории; откормленных свиней; собак — лучших друзей человека на севере, спавших на коньках крыш, тонущих в сугробах; груды заготовленной пушнины — голубого песца, белого медведя. А над всем этим спускалось с холодного небосклона северное сияние. Оно спускалось то в виде гигантского занавеса — и будто веером его колыхало, — то в виде множества острых стрел и пик, то в виде многоцветной ленты, повисшей над белой пустыней.

...Байдуков уходил, а Валерий долго еще шагал по комнате. Склоняясь над глобусом или картой, он так ясно видел места, над которыми мечтал пролететь, точно ему доводилось уже не раз бывать там.

Мечтая о дальнем арктическом перелете, Чкалов с Байдуковым не прекращали своей повседневной работы.

Георгий попрежнему летал в тумане и облаках, совершенствуясь в слепых полетах.

Валерий ежедневно кружился над «пятачком» аэродрома, разгадывая в воздухе характер и повадки новых стальных птиц.

Так шла жизнь друзей, пока не произошло одно очень важное событие.

Горяч и недвижим весенний полдень. Густая синева голубеет, светлеет, становится почти незримой у горизонта.

Веселые зайчики прыгают на серебристых крыльях готовых к полету машин.

День безоблачен и просторен. Излучина реки сверкает. Огромное поле все закрыто сотнями настороженно застывших в строю самолетов.

И вдруг аэродром вздрагивает от края до края. Воздух зарокотал, метнулись, разбрызгивая полуденное марево, светлые диски работающих винтов, и могучий, разноголосый шум моторов рванулся в небо.

Таким был полдень 1 мая 1935 года в Москве.

Сияла на солнце медь оркестров, рдели штандарты, колыхались древки знамен. Над Красной площадью плыли как бы связанные невидимой нитью тяжелые корабли. Высоко в небе, ярко освещенная солнцем, застыла еще одна группа самолетов.

Чкалов вел пятерку истребителей, которая с молниеносной скоростью пронеслась над стенами Кремля.

После парада ему долго не хотелось покидать аэродром; он стоял на вышке и смотрел, как одна за другой садились машины.

На следующий день, 2 мая, на Центральном мо-

ковском аэродроме имени Фрунзе лучшие конструкторы и летчики страны приготовились для встречи с руководителями партии и правительства. Почти на два километра растянулись шеренги летчиков и механиков.

Вытянувшись в струнку, спиной к мотору своего маленького краснокрылого самолета стоял Чкалов. Сила и спокойствие чувствовались во всем его облике — и в синеватых глазах, и в линии крупного рта, и в резких контурах профиля. Профессия наложила отпечаток суровости на его лицо: он выглядел старше своих лет.

Аэродром вдруг замер. Начался парад. Дружно ответили летчики на приветствие наркома обороны Ворошилова. Рядом с Климентом Ефремовичем шли товарищи Сталин и Орджоникидзе. Около некоторых летчиков Климент Ефремович останавливался и, называя каждого по фамилии, обменивался с ними несколькими фразами. Валерий был взволнован. Приложив руку к шлему, он, не отрывая глаз, смотрел на Сталина. Он видел его спокойную походку, его чуть улыбающиеся глаза. Обходя ряды, приветствуя бойцов, товарищ Сталин поднимал правую руку.

«Неужели он подойдет сюда?» — подумал вдруг Валерий. У него перехватило дыхание, но тут же он почувствовал себя таким же внутренне собранным, как во время испытательного полета.

Валерий шире расправил плечи. Да, Сталин и Ворошилов приближались. Вскоре они остановились перед ним. Полуденное солнце освещало их сбоку. Иосиф Виссарионович поздоровался с Чкаловым. Началась беседа, во время которой Чкалову казалось, будто он видит Иосифа Виссарионовича вовсе не в первый раз, будто они знакомы уже давным-давно. Обаяние простоты этого великого человека захватило Валерия целиком.

Он старался отвечать товарищу Сталину как можно точнее и короче.

Иосиф Виссарионович, внимательно выслушивая ответы пилота, заинтересованно посматривал на него. Он спросил:

— Почему вы не пользуетесь парашютом, а обычно стараетесь спасти машину?

— Материальная часть дорога, товарищ Сталин, — ответил Чкалов. — Я летаю на опытных машинах, ценных, губить их неохота. Стараешься спасти машину, а вместе с ней и себя. Мысль во время испытания направлена на то, чтобы узнать машину...

Наступило короткое молчание.

— Я обожаю парашюты, — добавил Чкалов, — но предпочитаю обходиться без них.

Слово «обожаю» он произнес густым басом, окая по-нижегородски. Все засмеялись. Улыбнулся и товарищ Сталин. Он подошел еще ближе к Чкалову и заговорил тихо, до того просто, что сердце пилота снова переполнилось. Он говорил о том, что надо обязательно пользоваться парашютом, что если в воздухе случилось что-нибудь неладное с машиной, нужно спасать собственную жизнь.

— Ваша жизнь дороже нам любой машины, — закончил Иосиф Виссарионович, глядя в открытое, обрамленное тугим летным шлемом лицо Чкалова.

Валерия потрясли эти слова. В его глазах все окружающее вмиг преобразилось, приняло другие, неизмеримо более яркие краски, иной смысл. Этот голос, который, казалось, он слышал не раз, внезапное рукопожатие...

Человек дороже машины! Двенадцать лет он летает — шутка сказать! В какие только тяжелые положения не попадал в воздухе и никогда не задумывался над этим. А, оказывается, жизнь его, Валерия Чкалова, дороже вот этих удивительных машин... Чем он заслужил такое отношение?.. Почему раньше никто не говорил ему об этом?.. Если бы можно было выйти сейчас из строя, он побежал бы к жене и сыну, он обошел бы сегодня же всех своих друзей, рассказал бы о пережитых минутах, он не упустил бы ни одной детали, ни одного малейшего движения, оттенка — все запомнилось ему.

«Ах, да, — подумал летчик, — сейчас надо показать гостям фигурный полет». И при этой мысли он немного успокоился и стал терпеливо ждать. А ког-

да наступила его очередь, он в каком-то приподнятом состоянии вскочил в кабину красного истребителя, запустил мотор и стремительно поднялся на небольшую высоту. Что ему следовало сделать? С разбегу ринуться по вертикали вверх, опрокинуть машину на спину и, летя вниз головой, набирать вновь высоту? Это была его любимая фигура. Он хотел отблагодарить вождя.

Как все это выглядело с земли, объяснить невозможно. Какая тайна была скрыта в машине Чкалова? В руках его, позволившего машине преодолеть силу тяжести и инерцию, она превращалась в сказочную жар-птицу. Она горела багрянцем своих крыльев, уменьшалась, вырастала, кружилась с мягкостью и свободой танца — и казалось, будто плещется в небе красный платок; машина то плавно ложилась на крыло, то переворачивалась и снова скользила вниз, чтобы набрать еще большую скорость для нового чудесного взлета.

Делая каскад фигур на высоте, Чкалов думал о Сталине. И, совершая петли низко над самой землей, он думал о нем. В голове все еще звучали его слова. Он чувствовал, что Сталин следит за его полетом. И поэтому, пересиливая волнение, он вкладывал сейчас всю страсть летчика, все свое мастерство в каскады великолепно выполняемых фигур.

Он приземлился, наконец. Выпрыгнув из кабины, похлопал ладонью по фюзеляжу машины.

— Выходит, дорогуша, — сказал он, прищурив глаз, — моя жизнь, понимаешь — моя, дороже тебя. Эх, ястребок, как мы еще полетаем!

...Возбуждение не покидало его ни на минуту.

— Лёлик, что было сегодня! — говорил Валерий жене, переступая порог прихожей.

— Что такое? Случилось что-нибудь? — с тревогой в голосе спросила жена.

Она уже привыкла за долгие годы к опасной профессии мужа, но легкое волнение охватывало ее всякий раз, как она провожала его на аэродром.

— Говори же, что-нибудь необыкновенное случилось?

— Да... вот именно необыкновенное.

— Да что? Что?

— Сталин сказал...

— Что сказал?

— Моя жизнь, Лёлик... — Валерий дотронулся рукой до сердца, — дороже любой машины. Так сказал Сталин.

Валерий не мог больше говорить. Боясь, что жена увидит его глаза (она всегда видела его только веселым или немного суровым), отвернулся, повесил шлем на крюк и быстро вышел.

— Куда же ты, Валерий?

— Скоро приду, — коротко ответил он.

Ему надо было успокоиться, чтобы еще раз пережить все, впитать в себя ясную силу этих простых слов. Валерий вышел на бульвар. Клейкие весенние листья, звонкие голоса детей, возившихся с песком, воздух, полный бензиновых испарений и весенних запахов зелени, воды и земли, воспринимались с особенной свежестью.

Нет, все это было удивительно просто и в то же время очень сложно!

Жизнь летчика дороже машины! Но ведь и машина тоже очень дорога! Чтобы ее спасти, он готов был отдать свое здоровье, кровь. Хватит ли у него сил покинуть машину, когда есть хоть слабый проблеск надежды спасти ее?

Поднимаясь в воздух испытывать опытную модель, каждый раз чувствовал он огромную ответственность перед конструкторами и тысячами рабочих. В его руках была судьба их труда. Погибнет самолет, и все пойдет прахом! А оказывается, его жизнь дороже любой, самой совершенной машины.

Он встретил на улице летчика Мавриция Слепнева, сказал ему:

— Мавр, мне Сталин руку жал, — и пытливо заглянул в глаза.

— Знаю, Валерий, слыхал.

— Понимаешь, Мавр, сам Сталин подошел, пожал руку и сказал, что люди нам ценней всякой машины, в случае чего — прыгайте... Вот какие дела!

Много дней он жил под впечатлением этих слов. Друзья поражались перемене в нем.

— Что с тобой сделалось, Валерий? — удивлялись близкие. — Тебя не узнать.

Это пожатие сталинской руки, теплоту которой он ощущал до сих пор, это глубочайшее внимание к нему человека, о встрече с которым он мог только мечтать, совершенно переродили Валерия Чкалова.

Он стал вдруг необычайно дорожить временем и с какой-то особой тревогой следил за скользящей по циферблату часовой стрелкой.

Высшая награда, которую он получил от правительства — орден Ленина — за мужество и смелость в испытании самолетов новых конструкций, — обязывала его ко многому.

Валерий и раньше проводил немало времени в заводских цехах, лабораториях, на летном поле, в кругу конструкторов и рабочих, испытывая новые самолеты или всматриваясь в контуры будущей машины и нащупывая на чертеже зорким глазом ее сильные и слабые стороны. Теперь же он с головой ушел в работу.

Дома, в семье, стало шумно. Валерий всегда был рад гостям. Да и когда расходились гости, еще долго, до поздней ночи, раздавался по всей квартире его веселый хрипловатый голос (профессиональная болезнь: простуда) и добродушный раскатистый смех.

— Спой, Лёлик, мою любимую, — не унимался Чкалов.

— Что ты, Валерий, уже поздно! Устал, небось? Ты сегодня хохотал громче всех. Спать пора.

— Вот еще чего выдумала! Я еще гирей перед сном побалуюсь. Не хочешь петь — я запою.

И он запевал басом:

Вдоль по улице метелица метет,
За метелицей мой миленький идет.
Ты постой, постой, красавица моя,
Дозволь наглядеться, радость, на тебя...

— Хорошая песня, Лёлик, за душу хватает!

— Право же, устала я, Валерий, — говорила жена

Как-то раз он сказал ей:

— Ты вникни, Лёлик, в эти слова: «Ваша жизнь дороже любой машины»! Понимаешь, Лёлик? Ведь это не только мне он сказал, а всем летчикам. Я уже решил про себя: он доверит нам совершить перелет, он поймет нас... Он так говорил со мной, что я понял: он знает, любит нас, как отец своих сыновей. Нужно крепко беречь себя, чтобы оправдать доверие...

С этой мыслью Чкалов и заснул. А снилось ему, будто ведет он большой самолет, под крыльями плывут облака, и в разрывах туч — необозримые ледяные поля, на фоне которых резко очерчены величавые и молчаливые острова арктической земли.

Уже давно Чкалов познал тревожный лет скоростных истребителей. Теперь он чувствовал новое влечение — к тяжелым машинам с дальним радиусом действия.

— Одни истребители в будущих боях не решат дела, — говорил он. — Нужна еще воздушная артиллерия, сжатый стальной кулак — тяжелые корабли.

Уходя каждый день в очередной испытательный полет, Валерий выжимал из машины все, что она могла дать. Он продолжал шлифовать замкнутую кривую в горизонтальной плоскости. Он очень ценил эту фигуру и говорил:

— Мне она еще пригодится в бою. В поединке истребителей победит тот, кто с наибольшей точностью выпишет классический вираж.

Но не меньшее значение придавал Валерий и бреющему полету. Бреющим полетом летал он так, как об этом могли только мечтать немногие пилоты.

— Ты часто идешь на риск, — говорили ему друзья.

Чкалов перебивал:

— Летчик, не умеющий умно и расчетливо рисковать, не может называться полноценным мастером.

— Вчера, Валерий, ты едва успел взлететь, как уже сделал «бочку» над самой землей. Крыло прошло у

самой травы. Понимаешь, у самой травы. Мы же видели: блеснуло. Мы так и ахнули.

— Есть еще порох в пороховницах, — смеялся Чкалов. — Рука-то моя не дрогнула, повела самолет на подъем. Значит, риск себя оправдал. Испытывать машины надо, ребята, в труднейших сочетаниях, на различных скоростных режимах.

— Вот это мы тоже смотрели. Ты и на малых скоростях выполняешь фигуры, как бог, честное слово!

— Это уже вы зря, ребята... Не люблю, когда хвалят. Думка есть у меня...

— А что?

— Ладно... Когда-нибудь узнаете.

Борт-механики, техники считали, что если Чкалов испытал машину, то на нее может положиться любой пилот: все остальное — в воле летчика. Они не раз говорили ему об этом.

— Довольно, ребята, хвалить, — всегда отвечал он. — Ей-богу, осерчаю и прогоню.

— Да ты и сердиться не умеешь.

— Ну, это как сказать... — ворчал Валерий.

— Чкалов, вот мы здесь спорим: на какой скорости лучше делать «бочку»?

— Смотря где: на земле — одно дело, а вверху — другое. На земле нужен, как говорит мой друг Егор Байдуков, запас кленовых досок, а вверху — запас скорости. Остальное все от тебя зависит.

— Подеремся завтра с тобой в воздухе, — предлагали ему.

— Не хочу.

— Почему?

— Тебя жалко — смеяться над тобой будут. Ты все же мне приятель.

— Ну, давай тогда в биллиард сыграем...

Он искусно загонял шары в угол. Обыгрывая партнера, заставлял его пролезать под столом, а для большего наказания высыпал на пол кулек мела. Если же приходилось подлезать под стол ему, Валерию, то он это проделывал так ловко, что не задевал мела и краешком одежды.

Утром он всегда был на аэродроме: или летал, или

подолгу сидел в тесной кабине самолета и записывал показания приборов. Часто бывал он там и ночью, когда на крышах ангаров горели красные огни заградительных знаков, а на старте темнели силуэты самолетов и вдоль них вырывались из выхлопных коллекторов длинные языки голубоватого пламени.

Над аэродромом происходили нередко удивительные вещи. Вылетал молодой пилот, чтобы сделать мертвую петлю, а у него получалась не петля, а какая-то новая, неизвестная фигура. Пилот, не обладающий особой наблюдательностью, не замечал, не оценивал этого, повторить фигуру не умел.

— Да эту фигуру сделал не ты, а машина! — шагая навстречу пилоту, кричал издали Чкалов.

С ним самим подобного случиться не могло. Если машина совершала неожиданную, но чем-то примечательную фигуру, то в памяти Чкалова это запечатлевалось надолго. Валерий всесторонне исследовал такую фигуру, запоминал, в каком положении она получалась, и, освоив ее, передавал другим.

С еще большим упорством, чем прежде, он продолжал учить летчиков быть бесстрашными и находчивыми. Чкаловских учеников можно было безошибочно определить в воздухе «по походке».

Сам Чкалов не считал себя человеком выдающимся, но был глубоко убежден, что победителем оказывается тот, кто умеет по-настоящему дерзать.

Он говорил обычно ученику, вылезая из кабины:

— Ты еще не освободился от скованности во время маневров самолета. Сбрось все это, дорогуша, как ненужную шелуху. Но помни: в воздухе каждую минуту подстерегает опасность. Что такое опасность? Это прежде всего неожиданность. А раз так, то надо все предугадать, ко всему быть готовым. С завтрашнего дня мы начнем вырабатывать в тебе защитный рефлекс на всякие воздушные сюрпризы. Человек — хозяин пяти своих чувств.

После работы Чкалов спешил домой, на подмосковную дачу, где обычно проводил с семьей лето.

Однажды в июньский полдень его навестил там Антошин. Валерий обрадовался встрече:

В. П. Чкалов. 1936 г.

— Батя! Какими судьбами! Идем в сад, а Лёлик сообразит нам закусочку.

— Стол уже накрыт! — крикнула из палисадника Ольга Эразмовна.

Позавтракав, друзья направились в сосновый бор.

— Привольно здесь, батя. Местность немного напоминает мне наше Василёво. Березка кругом, овражки. Пойдем-ка поглубже, поля посмотрим. Хлеба здесь знаменитые, в прошлый раз пролетал над ними. На зорьке, случается, проснешься, выйдешь в поле, небо высокое, светлое, и в нем коршун... Долго его наблюдал вчера.

— Ты все такой же, Валерий, неугомонный. Я много думал о тебе и не знаю, чего в тебе больше: мужества или сентиментов. Ты вот любишь технику, сам говоришь, что у тебя «пафос винтика», — и наслаждаешься природой...

— А как же без природы-то нам-то, волгарям! Пойдем, батя, посидим на бережку. Смотрю я сейчас, батя, на Москва-реку, и тянет меня на Волгу. Широкая она, воздуха там много. Как ее Левитан изобразил! Помнишь, «Над вечным покоем»? Зоркий был художник.

Друзья помолчали немного.

— Эх, батя, время летит! Дел много. Всего не успеваешь...

— Ты стал теперь спокойнее в воздухе.

— Пора, батя.

— Помнишь, как ты дрался с Павлушовым? — спросил Антошин.

Вспомнили годы, проведенные в ленинградской истребительной эскадрилье.

— Вы сошлись, как сейчас все вижу, на высоте километров трех — и ни за что ни тот, ни другой не уступает. Сцепились, как петухи. Ведь дрались до тех пор, пока чуть не задели за деревья. Я порядочно переволновался: ну как же, что же там до земли-то оставалось!..

— Помню, батя. Ты меня тогда здорово отчитал. Но ты не учел того, что Павлушов первый нарушил

дистанцию сближения. А если мой командир так сделал, то почему я не мог так поступить?

— Разобраться было трудно, Валерий, кто прав, кто виноват. Одно было ясно, что оба вы настоящие истребители.

— Жаль мне Павлушова. Любил я его, батя, — сказал Чкалов, хмуря брови. — Настойчивый был. Я много думал и до сих пор не согласен с тем, что погиб он по собственной ошибке. Ведь он же летал, как бог. Ты же сам знаешь. Помнишь, на Дудергофе?

— Разве это забудешь...

Речь шла о случае, когда на самолете Павлушова загорелся мотор и летчик, заставляя машину скользить в воздухе, сбил пламя и виртуозно приземлился.

— Да еще где! — напомнил Чкалов. — На клочке пляжа, у Дудергофского озера. Трудно даже представить себе.

Чкалов задумчиво смотрел на другой берег реки.

— Батя, а ведь я на самолете чувствую себя гораздо устойчивее и крепче, чем на земле, на ногах. Неужели когда-нибудь и я окажусь в таком же положении, как Павлушов, и не смогу выйти из беды? Не может быть. Есть парашют... Всегда можно...

Он оживился, подсел ближе к Антошину и, оглядываясь вокруг, словно боясь, чтобы его не подслушал кто-нибудь, заговорил:

— Давно, батя, запала мне в голову мысль, о ней никому не говорил, но тебе скажу, хочу знать твое мнение. У нас есть прекрасные самолеты, на них можно делать чудеса. Так вот я и решил совершить какой-нибудь особый полет, ну, например, вокруг земного шарика, без посадки. Как ты смотришь на это? — и он пытливо заглянул в глаза другу.

— Не знаю, Валерий. Мне кажется это дело трудным. Нужно подготовить не только себя, но и материальную часть.

— Ну, а если с посадкой?

— Смотря где и сколько...

— Вот ты какой, батя. И помечтать не дашь. Ну, а ежели через полюс махнуть?

— А другие направления, говоришь, тебя не устраивают?

— Тьфу, какой же ты несговорчивый. Мы с Байдуковым думаем крепко о полете на продолжительность. Байдука-то знаешь?

— Насчет дальнего перелета одобряю, Валерий. При твоей настойчивости и при твоем...

Но Чкалов уже не слушал Антошина. Он смотрел в сторону, сквозь кустарник, откуда приближался мальчик, несший небольшое ведерко.

— Юрка, поди сюда! — крикнул он. — Что несешь?

Мальчик поставил на песок ведерко; в зеленоватой воде плавал линь.

— Богатый у тебя улов, — засмеялся Чкалов. — Гляди, линь какой. Глаза-то как таращит. Убери, малец, руку. Укусит!

Мальчик испуганно отдернул руку.

— Да ты не бойся, я пошутил, — еще раскатистее засмеялся Чкалов. — Я их тут всех знаю, рыболовов, — продолжал он, когда мальчик, взяв свою ношу, зашагал вдоль берега. — Значит, батя, благословляешь?.. Добре. Айда купаться!

И Чкалов, быстро раздевшись, бросился в воду. Он поплыл саженками, по-волгарски, нырнул, показался вновь с черной корягой в руках и опять нырнул.

— Хорошо! — крикнул он, вынырнув.

Купался долго. Наконец вышел на берег и докрасна растерся полотенцем. Потом предложил:

— Давай поборемся, батя.

— Да неужто тебе некуда силу девать?

— Не хочешь — не надо... А через полюс когда-нибудь все же махну, — неожиданно с задором вырвалось у него. — Эх, батя, сколько у меня планов разных!

Он начал рассказывать о самых фантастических проектах дальних перелетов.

Уже давно спустилось солнце, кое-где зажглись огни, над головами порхали ночные бабочки, а друзья все сидели на берегу. Валерий рисовал на мокром песке веткой лозы трассы перелетов (он уже побывал в

Мексике, и в Австралии, и в Канаде) и заглядывал в глаза Антонины, стараясь выпытать его мысли, поймать сочувствие в его глазах. И неизвестно, сколько бы времени они оставались здесь, но в кустах зашелестело и показалась голова сына.

— Чего тебе, Игорь?

— Мама сердится, обед давно простыл.

— И тут не дадут помечтать, — проворчал Чкалов. — Ладно, пойдем.

Он бросил на песок окурок и, придавив его по летной привычке ногой, обнял Антонину и зашагал к даче.

Испытание новых, только что рожденных и поэтому «таинственных» самолетов позволило Байдукову глубже познать авиационную науку и высокое искусство пилотажа. Совершал он на тяжелых самолетах и длительные «прогулки». Это заставило его серьезно изучить технику слепого полета. Он стал специалистом в этой области. Когда же начались перелеты советских военных машин с визитами в иностранные государства, Георгий инструктировал и тренировал летчиков.

В 1931 году он повел вместе с флагштурманом Беляковым эскадрилью тяжелых воздушных кораблей в Варшаву и Париж.

Байдукову хотелось быть летчиком-инженером. Последние два года он просиживал ночи напролет, готовясь поступить в Военно-Воздушную академию. И, вопреки надеждам командира его части, не желавшего расставаться с ним, выдержал конкурсный экзамен и был зачислен на инженерный факультет.

Он уже переходил на второй курс, когда однажды Сигизмунд Леваневский (с ним Георгий не был знаком) вызвал его по телефону и попросил приехать для важных переговоров. Когда они увиделись, Леваневский предложил Георгию Филипповичу принять участие в полете через Северный полюс. Стояла летняя весна. Георгий тосковал по длительным перелетам. Он согласился.

Перелет не удался. Достигнув Баренцова моря, летчики вынуждены были вернуться из-за неисправности масляной системы.

Что предстояло Байдукову? Продолжать прерванную учебу в академии или испытывать самолеты? Из экипажа он остался один. Сигизмунд Леваневский уехал в Америку на заводы, где ему предстояло познакомиться с новейшей авиационной техникой Соединенных Штатов. Мысль об арктическом перелете не выходила у Байдукова из головы. Ради него он расстался с академией. Георгий Филиппович не мог больше спокойно сидеть за партой.

К этому году и относится начало их более тесного сближения с Валерием Чкаловым.

Тем временем, в дни пребывания в Соединенных Штатах, Леваневский задумал большой перелет из Лос-Анжелоса в Москву через Арктику. На заводе «Волти» строился специально для этого перелета быстроходный комфортабельный моноплан.

Старый товарищ Леваневского по полетам, штурман Виктор Левченко, жил в Москве. Пилот пригласил его принять участие в перелете. Левченко обрадовался предложению: пересечь полмира на поездах, пароходах, самолетах — об этом он мечтал еще в детстве.

В один из весенних дней летчики провожали штурмана.

Обычно веселый, живой, Левченко, окруженный товарищами, стоял сейчас на перроне молча. До отхода поезда оставалось полчаса. Валерий, участвовавший в проводах, был озадачен неожиданно грустным видом Левченко и искоса поглядывал на него.

— Ты что такой скучный, Виктор?

Левченко поправил фетровую шляпу, дотронулся рукой до борта драпового пальто.

— Будешь скучным в такой непривычной робе. Я чувствую себя в штатском костюме, как девушка, которая в первый раз влезла в туфли на высоких каблуках... Да и не знаю, как там-то будет все-таки... Ни тебе по-русски, ни тебе по-украински...

— Ну, вот! Ты, брат Виктор, не журись. Такие

слова, как «Москва», «большевик», «комсомолец», «советы», давно уже стали международными. Это, брат, почище эсперанто. Гляди веселей! Чего тебе нехватает? Одет как пижон! Деньги есть! Кормить будут! А встретишься с Сигизмундом — всласть по-русски наговоритесь...

Они прошлись вместе по перрону.

— Тут, брат, другие думки приходят. Весна... А как в Европе весна, так нюхай, откуда раньше запахнет порохом.

Он взял под руку Левченко.

— Я, Виктор, если что будет, попрошусь на восточный фронт. Пусть наша молодежь на западе себя покажет, а я — на восток. Там, говорят, есть летчики-«смертники». Они себя заранее на смерть обрекли, дали обещание таранить летчиков в воздухе — себя погубить и противника; так, по крайней мере, похваляются. Вот этих самых смертников я и буду разыскивать. Попробуй возьми меня на таран! Я найду его в воздухе и скажу: «Ты смерти искал, на, получай ее! Нашего брата на таран не возьмешь! Мы еще полетаем!..»

Левченко оживился, разговорился.

Паровоз разводил пары. Левченко попрощался с товарищами и поднялся на подножку вагона. Поезд тронулся. Чкалов ускорил шаг вслед за удалявшимся составом.

— Счастливого пути, — крикнул Валерий, — и успеха!

И, еще раз махнув рукой, он направился к выходу.

Возвратившись домой, Валерий весь вечер рассматривал географические карты и делал какие-то выписки из книг, посвященных арктическим экспедициям.

Валерий Павлович вначале скрывал от жены, что замышляет полет на полюс. Он давно договорился с ней «на всю жизнь», чтобы она не вмешивалась в его летные дела.

Но, в конце концов, и ей все стало известно.

Первое время Ольга Эразмовна волновалась и с тревогой в глазах поглядывала на мужа. Но постепенно, сама того не замечая, привыкла к частым по-

сещениям Байдукова и перестала настороженно прислушиваться к их разговору.

Однажды Байдуков пришел, возбужденный, поздно ночью.

В столовой он застал гостей.

— Входи, Егор, входи! — крикнул Чкалов. — Тебя как раз тут и недостает. Мы разбирали случай, который произошел со мной недавно.

— Какой случай?

— Неприятность с лыжами... Садись, Байдук, расскажу. Лечу навстречу земле и вдруг вижу: у моего ястребка оторвалась лыжа и встала перпендикулярно линии полета. Я попытался сбавить скорость, лыжа закачалась. «Постой, думаю, голубушка, я тебя направлю на место». А она опять болтается, негодница! По снежному полю уже бегут санитары. Делаю круги над аэродромом, все думаю, думаю...

— И что же придумал?

— Ничего другого придумать не мог, как сесть с одной лыжей. Что же делать? Не сутки летать. На малой скорости плюхнул машину на землю, не дав ей зарыться носом. Она, конечно, опрокинулась на спину.

— А с тобой что?

— Повис на ремнях. Как видишь, здоров.

— Да ведь ты мог гробануться, Валерий, — сказал один из гостей. — Ты чуть-чуть...

— «Чуть» в авиации не считается, — шутливо перебил Чкалов.

— Вот опять ты не прыгал с парашютом, Валерий? Почему же?.. — сказала взволнованно жена. — Вот посмотрите, Георгий Филиппович, ну что же он опять за старое...

— Успокойся, Лёлик. Я ж понимаю. Как видишь, и жизнь, и машина спасены... Значит, все в порядке.

В столовой наступило молчание.

— Валерий, разговор есть к тебе, — тихо сказал Байдуков.

Чкалов оживился:

— Ну-ну, говори, Егор. В чем у тебя дело?

— Неудобно. Гости.

— Да ну, давай, что же нам компанию ломать!

— Видишь ли, вчера на заводе я узнал...

— Ну?

— Не спеши. Выйдем. Скажи, что меня проводить идешь.

— Лёлик! — крикнул Чкалов жене, которая вышла в спальню посмотреть, как спит дочь. — Я сейчас вернусь. Егора только провожу.

Друзья вышли на улицу.

— Ну, что там, Байдук?

— Я узнал, что самолет N 0-25 переделан, стоит готовый в ЦАГИ, без применения. Я сказал, что мы найдем ему хорошую работу. Значит, самолет есть. Нужны только экипаж и разрешение.

— Егорушка, милый! Что же ты, дуралей, меня томил! Вот обрадовал! Ну, дальше, дальше?

«Загорелся», — подумал Байдуков.

— Ох, Егорушка! Дело-то какое громадное!..

— Полагаю, обдумать надо, — окая и передразнивая Чкалова, засмеялся Байдуков.

— Чего мы с тобой остановились? Пойдем дальше. Значит, через полюс летим с тобой, орел! Машина, говоришь, есть?

Они незаметно очутились в тихом переулке. Чкалов шел медленно, не замечая редких пешеходов.

— Взгляни, Валерий, небо-то какое звездное...

— Подожди, Егор. Шут с ним, с небом. Ты мне лучше скажи: кого же мы из штурманов пригласим?

— По-моему, Белякова, — ответил, не задумываясь, Георгий. — С ним мы летали в Польшу и во Францию. Он же участвовал в подготовке перелета Леваневского. Нашу машину знает хорошо. А по-твоему, кого?

— Добре, Егор, давай твоего штурмана. Завтра же пойдем в ЦАГИ.

— С маху нельзя, Валерий, не горячись.

— Чего «не горячись»? Завтра же составим бумагу и с Серго переговорим.

Чкалову в последние годы доводилось встречаться с Серго Орджоникидзе на совещаниях, на которых обсуждались вопросы самолетостроения. Он любил

своего наркома. И Серго, восхищаясь смелостью и мастерством пилота, ценил опыт Чкалова, его суждения о строящихся машинах.

— Может быть, подумать, обсудить еще раз? — заметил Байдуков.

— Нечего думать. Звони по телефону твоему штурману. Скажи, готовиться, мол, начинаем.

— Тебя гости ждут, Валерий, — сказал Байдуков и протянул руку. — Добрый путь.

— В добрый, далекий путь, Егорушка, — ответил Чкалов и хлопнул друга по плечу.

2

Беляков никак не предполагал, что его приглашают штурманом перелета через Северный полюс. О Чкалове он слышал давно, но работать вместе не приходилось.

В тот же день после встречи с Байдуковым он отправился на аэродром, захватив с собой сведения о машине и кое-какие расчеты, которыми хотел поделиться с Чкаловым.

Он долго разыскивал его у ангаров, между рядами разведчиков и бомбардировщиков, заглянул в цех, где происходила сборка самолетов. Чкалова нигде не было.

— Где же Валерий Павлович? — спросил Беляков механика, который провертывал винт.

— А вон в воздухе маленькая машинка кувыркается, — ответил равнодушно тот, указывая рукой на небо. — Там и есть Валерий Павлович.

Через полчаса над головой штурмана пронесся красный истребитель. Приземлившись на большой скорости, машина неуклюже запрыгала по аэродрому. Беляков, глотая пыль, быстро направился к самолету. Он увидел Чкалова, вылезающего из кабины.

— Разрешите представиться, прибыл к вам по просьбе товарища Байдукова.

Чкалов не сразу ответил, а сначала расстегнул во-

рот комбинезона, поглядел в даль, на старт, и только потом, спрыгнув на землю, протянул руку.

— Холодок сегодня... — сказал он, хлопая в ладоши.

— Да, денек не весенний, товарищ командир.

Чкалов улыбнулся:

— Зови просто: Чкалов. Ты ведь такой же командир, как и я. Ну, здравствуй, Беляков!

И, взяв штурмана под руку, он зашагал к ангарам.

В первую же минуту Беляков почувствовал, что имеет дело с добродушным, открытым человеком. Ему показалось даже, что эти ласковые глаза, эти глубокие складки на щеках и орлиный изгиб носа он уже видел когда-то.

— А ты, Валерий, долго сегодня летал, — произнес он, не удивляясь тому, что назвал летчика Валерием и сказал ему «ты».

Чкалов помолчал немного.

— Тебе Егор сказал, что надо делать?

— Приблизительно сказал.

— Ну, так и делай. А вечерком ко мне приходи. Придешь?

— Конечно, буду.

— Ты прости меня. Спешу в чертежную помочь конструктору... Одна машинка тут строится...

И, тряхнув крепко руку Белякова, Чкалов скрылся в дверях заводского здания.

Вечером Беляков постучался в квартиру Чкалова. Дверь открыл мальчик. Александр Васильевич сразу же заметил в ребенке сходство с отцом. Подождав, пока незнакомец разденется, мальчик воспользовался случаем и проскользнул вслед за штурманом в дверь, ведущую в отцовский кабинет.

Беляков увидел Валерия Павловича в облаке табачного дыма. Чкалов стоял перед небольшой географической картой и попыхивал трубкой. Байдуков, облокотившись о подоконник, что-то насвистывал.

— Входи, Саша. А мы с Егором без тебя уже до полюса долетели, — сказал Чкалов, не отрывая глаз от карты. — На «крыше» мира побывали. — Он

выпрямился, протянул руку Белякову и увидел Игоря. — А ты зачем сюда? Ты лучше нам скажи, как насчет уроков...

— Приготовлю... — неуверенно ответил Игорь.

— А ты смелее — приготовишь все-таки или нет? Смотри, завтра проверю... Ну, брысь отсюда!

Мальчик со смехом выбежал из кабинета, и Чкалов рассмеялся так же громко, довольный в душе тем, что сын любознателен, смел, немного озорной — весь в него.

— Ну, мушкетеры, за работу! Егорушка, тебе слово, — сказал Чкалов.

Говорили долго в тот вечер, исчертили карандашом карту, молча втроем вглядывались в тонкую линию будущего своего маршрута, пересекавшую полюс. Уже два пробило за стеной, а спать не хотелось, летчики продолжали тихо разговаривать. Все было им ясно: надо лететь.

Беляков притащил для развлечения выписку из дневника Роберта Пири:

«Северный полюс — такое место на земле, где нет времени, там есть только один день и одна ночь в году. Там все небесные светила движутся горизонтально к земле и одна Полярная звезда видна над головой. Там дует только южный ветер. Там нет ни севера, ни запада, ни востока...»

«Мушкетерам» осталось решить еще одну задачу, самую легкую, но она оказалась наиболее трудной: выбрать командира.

Чкалов отказывался:

— Егор, берись ты.

Но Байдуков настаивал на своем. Беляков его поддерживал. Желая прекратить спор, Байдуков громко крикнул:

— Валерий, мы с Сашей единогласно утверждаем твою кандидатуру! Понимаешь, единогласно.

— Тсс... тише, дочку разбудишь, — сказал Чкалов и пошел проведать девочку. А когда вернулся снова в кабинет, о споре позабыл и больше к нему не возвращался.

За окном громыхали первые утренние трамваи, ког-

да Чкалов начал диктовать письмо в Центральный Комитет ВКП(б). Он просил разрешения совершить полет через Северный полюс. Байдуков писал под диктовку быстро, взволнованно.

— Не годится, Егорушка, — Чкалов покачал головой. — Больно пишешь размашисто, неаккуратно. Разбужу жену... Она лучше нас умеет это делать...

Вошла Ольга Эразмовна, ровным почерком переписала заявление, прочитала вслух.

— Добре, — сказал Валерий. — Завтра с Серго повидаюсь.

Проводив друзей, Чкалов снова разложил карты. Но мечтал он уже не так, как полгода назад, теперь мечтания его были предчувствием больших событий. Что скажет Сталин? Как отнесется он к идее перелета?

— Полагаю, он скажет свое мнение. Не может быть, что дело повиснет в воздухе, — говорил Чкалов жене, уходя на аэродром.

Все эти дни летчики обдумывали свой перелет. Вечерами они встречались и обсуждали детали маршрута. Эти встречи вошли в привычку, Чкалов говорил:

— Не повидаю вас — и нет у меня дня.

Вскоре все уже было готово, и только разрешение на полет не приходило.

В начале июня на одном из заседаний Центрального Комитета ВКП(б) обсуждался вопрос о борьбе с авиационными авариями.

Во время перерыва Чкалов и Байдуков, приглашенные на заседание в числе прочих командиров авиации (Белякова в тот день не было в Москве), подошли к товарищу Орджоникидзе и спросили его, как расценили их проект.

Серго, ласково прищурившись, оглядел их.

— Не сидится вам, все лететь хотите. Машину нужно хорошо проверить.

— Машина проверена. Хоть сегодня лети... — сказал Чкалов.

— Ладно, — улыбнулся Орджоникидзе их нетерпению. — Я вас с товарищем Сталиным сведу. Что он скажет...

Вдруг дверь открылась, и вошел товарищ Сталин. Он поздоровался, крепко пожал летчикам руки и спросил, улыбаясь:

— В чем дело? Чего вы хотите, товарищ Чкалов?

— Просим вашего разрешения, Иосиф Виссарионович, совершить полет к Северному полюсу, — сказал Чкалов.

В это время подошли товарищи Молотов и Ворошилов.

— Вот хотят лететь на Северный полюс, — обратился к ним Серго.

Наступило минутное молчание. Летчики, взволнованные встречей, ждали от Сталина ответа. Разрешит ли он полет на полюс? Доверит ли им эту ответственную и почетную задачу?.. А вдруг откажет?..

— Зачем лететь обязательно на Северный полюс?— сказал товарищ Сталин. — Летчикам все кажется не страшным — рисковать привыкли. Зачем рисковать без надобности?

— Да ведь машина хорошая, мотор хороший, и риска мало, товарищ Сталин, — вступился Чкалов.

Сталин немного подтрунивал над летчиками, но тут же стал уже вполне серьезно объяснять, что прежде надо хорошо и подробно изучить условия полета у Северного полюса: туда лететь надо наверняка... А пока можно использовать необъятные пространства нашего Союза. Можно совершить очень далекий и трудный перелет над нашей территорией.

Сталин помолчал, внимательно взглянул на летчиков.

— Вот вам маршрут для полета: Москва — Петропавловск на Камчатке.

В первый момент летчики даже растерялись. Их охватило волнение. Они летят! Маршрут выбран интереснейший и выбран удивительно точно. Человек, чье внимание и время поглощены делами всего мира, так тщательно обдумал их предложение. Задача, которую он перед ними выдвинул, имела огромное практическое значение для родины.

Грузный, с широкой спиной, Валерий стоял, слегка

расставив по-матросски ноги. Он порывисто протянул руку. Сталин крепко пожал ее.

— В добрый путь, товарищи!

Над Москвой спускался вечер, когда летчики вышли из Кремля.

— Байдук, летим с тобой, орел! — произнес Валерий, подмигнув другу и ласково подтолкнув его плечом.

Сели в автомобиль, пересекли центр города, но ехать дальше не хотелось. Вылезли из машины и пошли пешком по аллее Ленинградского шоссе. Зажглись фонари.

— Ну, Егорушка, что скажешь?.. «В добрый путь»?..

По лестнице Валерий взбежал и забарабанил в дверь своей квартиры. Открыла Ольга Эразмовна. Она по лицу мужа поняла, что он пришел с радостной вестью.

— Все в порядке! — громко объявил он.

Ольга, улыбаясь, показала на дверь: ребята спят.

— Ладно, — понизив голос, сказал Валерий, — пусть спят. Все в порядке.

Весь вечер провел он с Ольгой, шутил, смеялся, вспоминал детство. Жаль, что отец не дожил до этого дня. Он разделил бы сейчас его радость. Волнение Валерия усиливалось тем, что на послезавтра пришло приглашение в Центральный дом Красной Армии, где руководители партии и правительства примут командиров, награжденных орденами.

— Выпьем, Лёлик, по бокалу вина! — сказал Валерий. — Скоро перехожу на нарзан.

Он поднял бокал, торжественно чокнулся с женой.

Многое вспомнилось ему в эти минуты. Такое близкое, будто вчера, детство в Василёве, работа с отцом в затоне. Авиационный парк. Годы учения. Во всей Советской России была одна авиационная школа, когда он начал учиться. Вспомнил он и гауптвахты, и по-новому осмыслил свои столкновения с начальством. Иногда его не понимали, незаслуженно сажали на гауптвахту за слишком смелые полеты, а он, давным-давно уже их освоив и мучаясь «однооб-

разием и простотой» своей профессии, мечтал в это время о еще больших дерзаниях. Но иногда он был сам неправ: ему казалось, что воздушные трюки — это и есть настоящий героизм, он не замечал того, что за смелостью и отвагой нередко крылась недисциплинированность...

Валерий подумал об Антошине. Скольким он был обязан этому человеку! Он вырвал лист из блокнота и быстро написал:

«Дорогой батя! Живу великолепно — мои летные дела идут как нельзя лучше. Сообщаю тебе радостную весть для меня и не менее радостную для тебя. Твой «непослушный сын» получил задание — да еще какое! — пролететь по небывалому в истории авиации маршруту. Задание дал не кто-нибудь, а... Сталин. Будь уверен, тебе краснеть за меня не придется. Подробности потом. Твой Валерий».

Спал Чкалов в эту ночь крепко; утром, по обыкновению, уехал на аэродром, летал, проводя последнее испытание новой машины. Он был спокоен. Давно уже прошли тревожные минуты волнений, в воздухе он находился в привычном состоянии сосредоточенности и подтянутости, когда все внимание приковано только к машине.

На аэродроме Валерий увидел старого знакомого— летчика Моисеева. Чкалов был очень весел, на расспросы отвечал загадками.

— Что-то ты задумал, Валерий Павлович? — спросил Моисеев.

— Помнишь, я говорил тебе, что нам придется летать по нескольку суток. Вот и понимай...

— Ну что же, Валерий, я тебе всегда желаю самого лучшего.

Чкалов пожал товарищу руку.

— Спасибо. Дело предстоит большое.

Вечером следующего дня Валерий отправился в Центральный дом Красной Армии. В зрительном зале вместо рядов стульев он увидел длинные сервированные столы. На белых скатертях стояли вазы с цветами.

Здесь встретилось много друзей. Всюду слышались

оживленные возгласы, смех, шутки. И вот внезапно шум голосов стих. И сразу громкие рукоплескания огласили зал: вошел товарищ Сталин в сопровождении товарища Ворошилова и других своих боевых соратников.

— Позвольте считать наш вечер, посвященный приему командиров-орденоносцев, открытым, — обратился к собравшимся товарищ Ворошилов.

Климент Ефремович сумел сразу придать простой и задушевный тон этой торжественной встрече. Провозглашалось множество тостов. Климент Ефремович поднял бокал за тех, кто еще не награжден, но, как он надеется, будет награжден, «а таких у нас будут не сотни, а тысячи», — закончил он. Эти слова были покрыты долгими аплодисментами.

Вскоре встал Иосиф Виссарионович. С затаенным дыханием все слушали его речь. Он говорил о несокрушимом могуществе и успехах Красной Армии, надежно обеспечивающей нам возможность спокойно работать и строить бесклассовое общество.

— В нашем народе, — сказал Иосиф Виссарионович, — скрыты неисчислимые источники новых побед. В ближайшее время мы организуем беспосадочный полет по маршруту Москва—Петропавловск на Камчатке...

Сердце Валерия забилось. Он огляделся вокруг. Рядом, плечо к плечу, стояли командиры, молодые и старые воздушные бойцы, много было участников гражданской войны. Было хорошо чувствовать себя плотно слитым с их средой.

Иосиф Виссарионович кончил говорить. Уже давно все сели, а Валерий продолжал стоять и попрежнему не сводил глаз с товарища Сталина.

Чем дольше он вглядывался в его улыбающееся лицо, в густые, зачесанные назад, слегка седеющие волосы, тем сильнее охватывало его желание сказать, что значит Сталин для советского человека, как бесконечно дорог он людям нашей авиации; хотелось крикнуть на весь зал, что советские пилоты во славу родины с именем Сталина на устах готовы преодолеть любые преграды.

Сталин увидел Чкалова и позвал к себе. Пилот подошел. И вдруг все слова исчезли. Он стоял смущенный, молчаливый, взволнованный и только широко улыбался.

— А я думал, что вы уже на Камчатке, — тепло взглянув на него, пошутил Иосиф Виссарионович.

— Машина подана на горку аэродрома, — ответил Валерий, — мы приступили к тренировке.

Он замолчал и с грустью подумал, что ничего особенного не может сказать человеку, который вошел в его жизнь прочно, навсегда.

Сказать Валерий ничего не мог, но глаза его так светились, что Сталин привлек его к себе и обнял.

Прием командиров затянулся до глубокой ночи.

Войдя в свой кабинет, Валерий увидел на письменном столе еще не отправленное письмо Антошину. Он распечатал конверт, вынул листок и дописал:

«Знаешь, батя, я раньше не мог себе представить и не верил в то, что один человек может отдать жизнь за другого без колебаний. Признаюсь, я был не прав. Есть такие люди, за которых без рассуждений отдашь жизнь. Вот я тебе прямо и говорю — если нужно будет, не колеблясь, отдам жизнь за Сталина».

Руководители перелета предложили летчикам переселиться в подмосковное местечко Щелково. Там, на берегу Клязьмы, близ летного поля, была для них уже приготовлена просторная комната.

— Заживем отшельниками, Егорушка, — шутил Чкалов, вешая на стену большую географическую карту. Он прислушивался к шелесту деревьев. В распахнутые окна доносился смолистый запах хвои. — Хорошо здесь.

Открывающийся полупрозрачный синий пейзаж с лесными тропинками и желтым песком, горевшим в лучах солнца, напомнил ему детство и волжские отмели. Светлая полоса горизонта, скошенные луга, обрамленные кустарником и молодыми деревьями, вызвали на минуту воспоминания о любимом развлечении — охоте.

Чкалов отошел от окна и задумался о гигантском прыжке, который предстояло совершить.

На карте будущий маршрут был намечен тонкой серой линией, пересекающей голубые, желтые и шоколадные пятна горных хребтов, морей и островов.

— И через полюс слетаем, Егорушка. И хорошо бы вокруг шарика. Непременно. Неплохо бы и в стратосфере на скоростной машинке. Как полагаешь?

Байдуков молча кивнул головой. Ему было приятно помечтать с Валерием. В душе, про себя, он называл его человеком с сердцем орла. Он знал, что Чкалов, давая простор воображению и своим мечтаниям, с упорством претворял их в действие, в жизнь.

Дел было по горло. Предстояло овладеть техникой посадки и взлета на перегруженной машине; натренироваться в слепых и маршрутных полетах; изучить радиосвязь; познать еще глубже самолет; усвоить рельеф и климат местностей, над которыми пойдет их машина; почитать описания арктических экспедиций прошлого; составить подробнейшие карты, нанести на них маршрут, радиостанции, зимовки, величины магнитного склонения; выработать график режима полета при наименьшем расходе горючего; установить распорядок работ и отдыха во время полета. А Белякову, как штурману, предстояло, кроме того, тренироваться в аэронавигационных и астрономических измерениях.

— Саша, Егор, вставайте! — кричал каждое утро Чкалов, сбрасывая с себя одеяло.

Позавтракав, летчики отправлялись на аэродром.

На двухкилометровой широкой бетонной дорожке стоял, распластав крылья, самолет. Валерий и Георгий производили взлеты, изучая все тонкости «характера» своего самолета. Взлету перегруженной машины Чкалов придавал большое значение.

— Мое дело — хорошо взлететь и удачно сесть, — говорил он друзьям со свойственной ему скромностью.

На самом деле его работа была неизмеримо сложней. В часы испытательных полетов он опять превращался в прежнего искателя и, в то же самое вре-

мя, строго и неуклонно следовал окончательно укрепившейся привычке не быть с машиной «запанибрата», «не разговаривать с ней на ты», а обращаться с нею осторожно и почтительно.

Наконец летчики убедились, что самолет с полетным весом в одиннадцать тонн побежит в день старта строго по середине дорожки и, оторвавшись, плавно пойдет в воздух.

Экипаж провел практическую проверку летных свойств машины, составил график полета на весь предстоящий рейс.

Чкалов знал Арктику лишь по книгам и рассказам товарищей. Но разве не доводилось ему летать в бурю и в тумане, в сплошных облаках? Выручали Чкалова в этих случаях приборы. Но, однако, бывало и так: приборы показывали, что машина идет прямо, а Валерию казалось, что она дает крен. Тягостную раздвоенность ощущал иногда он в слепом полете. И сейчас он больше всего работал именно над слепым полетом. Его тренером был Байдуков, замечательный мастер вождения самолетов в этих труднейших условиях.

Байдуков, в самом деле, любил часами летать в «подходящую» погоду: «подходящей» он называл такую, когда тучи, туман, пурга и непроглядная тьма совершенно закрывают все кругом.

Друзьям не терпелось скорее в путь.

Даже рассудительный Байдуков повторял частенько:

— Скорей бы лететь!..

— Ишь ты, Егорушка... — говорил Валерий. — Надо с холодным умом и с горячим сердцем.

В свободные от ночных полетов часы Чкалов отправлялся вместе с Байдуковым в Москву.

После напряженного дня и поездки на автомобиле развивался волчий аппетит. В Москве заезжали в восточный ресторан. Валерий заказывал любимое харчо — острое кавказское блюдо с пряностями и две бутылки нарзана.

Друзья не брали в рот ни капли даже легкого вина, соблюдая перед полетом строжайший режим.

В первый раз официант, быстро подав аппетитно пахнувшее харчо, поставил на стол графинчик водки с отпотевшими от холода стенками. Чкалов удивленно посмотрел.

— Кто просил водки?

— А как же харчо без водочки? — ответил официант. — Уж не захворали ли вы, Валерий Павлович?..

Валерий рассердился:

— Больше не буду к вам ходить.

Он молча принялся за еду. Поужинав, повеселел и, расплачиваясь с официантом, сказал ему на прощанье:

— Не сердись. Через месяц полет закончим, тогда обязательно приедем к тебе и вот уж тогда закажем с водочкой.

Интенсивная работа чередовалась с отдыхом. Катались на лодке, играли на биллиарде, купались — все это стало привычкой. Врач неотступно следил за режимом летчиков.

Врач снабдил Байдукова медикаментами и перевязочными материалами и учил оказывать помощь при переломах, обмороках.

— Эх ты, Байдук, «фельдшер», — подшучивал Чкалов. — Свободный полет, стихию хочешь променять на хирургию...

Однажды врач прописал Белякову стакан кахетинского вина. Чкалов узнал об этом.

— Милый доктор, у меня тоже расстройство желудка. Жду от вас и я стаканчик кахетинского.

— После финиша, Валерий Павлович. Потерпите немного. Я запаковал в аварийный запас даже бутылку коньяку.

— Да вы нарочно, дорогой доктор, упрятали коньяк подальше, на дно резинового мешка, чтобы не достать его, — шутил Чкалов.

Но спустя немного времени его лицо снова принимало озабоченное выражение, и он молча подолгу глядел то на компас, то на кислородные приборы или на карты, изучая маршрут и мысленно пролетая по нему.

Как близко ему теперь было безмолвие Арктики. Ему все чаще начинало казаться, что он уже бывал когда-то в этой ледовой пустыне, среди черных разводий и хаотически нагроможденных торосов, размолотых грозными силами природы. Скалистые пики Якутии, редкие яранги эскимосов, стойбища, оленьи и собачьи упряжки, снежная могила Седова, моряки «Св. Анны», безвестно погибшие где-то севернее острова Рудольфа, — все живо вставало в его воображении. Он склонялся над книгой. Со страниц безмолвно смотрели на него лица полярных путешественников — Фритьофа Нансена, Челюскина, Соломона Андре, Роберта Пири, Малыгина, Харитона Лаптева, Роальда Амундсена. Увлекаясь с детства историей, Чкалов читал о новгородских боярах, посадниках и купцах, которые в поисках товаров и наживы посылали в Поморье и Студеное море своих холопов. Холопы добирались до моря по рекам и волоком и разъезжали на легких лодках — «ушкуях» — вдоль морского берега, где основывали промысловые селения, нередко занимаясь и грабежом местных жителей.

На полке над столом лежали карты, справочники, инструкции, ветрочет, хронометр, счетные линейки, транспортиры. Оторвется Валерий Павлович от книги, подойдет к окну. Белесоватое от фонарей небо раскинулось над затихшей землей. Поблизости, на тихом дворике, упражняются в астрономической ориентировке Беляков и Байдуков. В ночном воздухе раздается голос штурмана:

— Отыщи, Георгий Филиппович, Полярную звезду и Арктур.

— Это Альфа из созвездия Волопаса?

— Угадал, Егор Филиппович.

Из окна было видно, как Байдуков с помощью секстана измерял высоту звезды, которая бледной, еле заметной точкой мерцала на желто-пепельном небосклоне.

Беляков давал новое задание:

— А теперь возьми высоту Веги из созвездия Лиры...

— Пожалуйста... это нас нисколько не затруднит,— отвечал Байдуков.

Длинные тени двух друзей долго скользили по травянистой земле, влажной от росы. С реки тянуло прохладой.

— Орлы вы мои... — шептал Чкалов и думал: «С такими ничто не страшно».

Он спускался по лестнице во двор и тихо звал:

— Саша, Егор... Спать пора...

И ложился сам, натягивал одеяло, закрывал глаза, притворяясь спящим.

Но мысль его работала.

Что предстояло ему делать в ближайшие дни? Шлифовать приемы воздушной навигации, еще раз проверить маршрутные карты, поговорить с портными, готовящими для экипажа полярную одежду, поспорить с упрямым врачом, который настаивал на том, чтобы в полет были взяты чайные ложечки. Слов нет, они были изящны и могли бы порадовать самую взыскательную хозяйку, но они ведь все же весили хотя бы несколько граммов. Нет, он решительно откажется брать в полет эту лишнюю утварь — пусть доктор так и знает!

Хмурились брови. Но начинал он думать о другом, и с каждой секундой все более разглаживался его лоб и на широкой переносице исчезала морщина. Да, большая задача стояла перед ним и его товарищами. Но он был спокоен. Правительство, отправляя экипаж в дальний путь, приняло все меры предосторожности. Северная флотилия и Тихоокеанский флот обязывались держать наготове суда и гидропланы. Предписывалось также держать под парами от Москва-реки до Колымы речной флот, а на зимовках организовать специальные сухопутные экспедиции.

Мотор не вызывал никаких сомнений. Он мог работать сотни часов и в тропическую жару, и на трескучем морозе.

Но была еще одна причина — самая главная, — она особенно поднимала дух. Чкалов знал, что в часы перелета о них будет думать весь народ, будут заботиться родина, партия, Сталин.

Он припомнил мельчайшие подробности встречи с великим вождем. Его поражало, что Сталин глубоко знает авиационные вопросы, хорошо знаком со сложнейшими отраслями авиационной промышленности и деталями самолета.

Оглядывая мысленно свой жизненный путь, Валерий Павлович был исполнен благодарности Красной Армии, которая воспитала его. Она научила его дисциплине работы над собой, умению совершенствовать свои способности, обогащать их новыми знаниями, быть выдержанным, внутренне напряженным, хладнокровным и в то же время оставаться прежним, горячим, смелым — уж такова его натура!

Утром Байдуков с Беляковым на лесной опушке, у походной радиостанции, упражнялись в налаживании двусторонней связи: самолет — земля, изучая код и добиваясь, чтобы радиограммы были краткими и содержательными. Иногда они намеренно портили станцию и тотчас же исправляли ее.

Глядя издали на них, Валерий думал: «Конечно, каждый из нас порознь тоже чего-нибудь да стоит, но вместе мы можем сделать не втрое больше, а вдесятеро».

На самолете техники устраняли последние неполадки. Они привыкли видеть Чкалова молчаливым, порой даже грубовато-придирчивым. В кепке козырьком к затылку, в шелковой косоворотке, он ходил вокруг машины, что-то напевал или бормотал себе под нос, потом садился за штурвал, еще и еще пробовал рули или, заведя мотор, ловил ухом ритм оборотов винта.

Давно знакомы были ему скрип оживающего металла, легчайшее придыханье мотора. Он тысячу раз проверял рули и тяги, каждый винтик и болт.

Наступал вечер, и Валерий продолжал изучать систему бензинопитания или водяного охлаждения мотора.

— Ну-ка, Валерий Павлович, — старался «подковырнуть» трудным вопросом Беляков, — представь: мы летим над Землей Франца-Иосифа, и вдруг ты замечаешь, что уровень бензина в расходном баке понижается. Что ты будешь делать?

Чкалов отвечал.

— А теперь ты скажи, — обращался он, в свою очередь, к Белякову: — Я подкачиваю воду в расширительный бачок, а насос не берет. Запасный бачок под тобой, ты на нем сидишь. Что ты будешь делать, дорогуша?

И Беляков также давал точный ответ.

Байдуков в это время сидел на койке, поджав по-турецки ноги, и выстукивал телеграфным ключом по азбуке Морзе: точка — тире, тире — две точки, три тире — две точки... Он обучался приему радиограммы на слух.

Чкалов был занят больше всех. И все же даже здесь, в Щелкове, он ухитрялся читать для собственного удовольствия. Он уходил в лес и располагался на лужайке. Когда рядом с ним оказывался Байдуков, они любили поговорить о своих родных реках. Георгий вспоминал сибирское многоводье, высокие берега, девственные просторы. Чкалов слушал, а потом говорил:

— А все-таки Волга лучше. Обжитая река.

Изредка удавалось выбраться на охоту. Особенно внимательно относились теперь друзья к ружьям. Предстояло выбрать в дорогу самые лучшие и надежные.

Валерий стрелял, как снайпер. Попадал в серебряный гривенник, выбивая из него середину. Ружья он изучал в тире, стрелял сосредоточенно, что-то прикидывая и соображая вслух. Он отделил три новенькие трехстволки. Ласково погладил ладонью вороненую сталь:

— Эти три возьмем с собой.

День старта приближался.

Экипаж отправился в очередной тренировочный полет по маршруту.

Моноплан пролетал над слободой Василёво. Из окна кабины Чкалов видел песчаную косу, баржи и плоты.

Необозримые луга открывались впереди. Он повер-

нул самолет и полетел к крутой горе, покрытой густой зеленью с мелькающими в ней хлебными амбарами и белыми трубами домиков.

Знакомые места!

Показалось поле, заросшее бурьяном. Валерий снизился и издалека угадал могилу отца.

Сделал крутой разворот, под крыльями блеснула проселочная дорога, самолет набирал высоту. Валерий увидел крышу родного домика, и ему захотелось еще раз снизиться. Кто-то даже вышел в сад — может быть, старушка-мать (он привык звать Наталью Георгиевну матерью) или ее подруга, тетя Саша, — разобрать он не мог: летел высоко.

«До скорой встречи», — подумал он и повернул к Заволжью.

Широкой лентой, вся в серебре, вилась позади река, зеленые острова правильными треугольниками возвышались над водой. И чем дальше отдалялся он от Волги, тем больше охватывали его воспоминания о родных краях.

Ночью ему не спалось. Он просидел до зари в лодке, закинув удочку. Но рыбешка попадалась мелкая, не стоящая внимания, и он, в конце концов, зачерпнул широкой ладонью все, что было в ведре, и выкинул обратно в воду.

— Это, брат, тебе не Волга, красавица! — сказал он всердцах и побрел к дому.

Но стоило ему увидеть разложенную в комнате карту или услышать за стеной дробный телеграфный стук, как он становился веселым и даже необычно словоохотливым.

Между тем комната, смежная с той, в которой жили летчики, все больше и больше становилась похожей на магазин «случайных вещей». Сюда привозили снаряжение и продовольствие. Широкополые, ниже колен кухлянки из пыжика, сапоги из рыжего собачьего меха, одеколон, рюкзаки с шелковым бельем, куриное филе, яблоки, лимонные вафли, зажигалки, тающие во рту галеты из пшеничной муки, маленький топор, табак, сгущенное какао — все это лежало вместе с лыжами-вездеходами, копчеными колбасами,

ружьями, порошками от головной боли, примусом, консервами из бычьего языка, веревками, финскими ножами, алюминиевыми кастрюлями, куртками, покрытыми вельветином, и с великим множеством других предметов.

Уже казалось, что больше комната не способна вместить ничего, а люди продолжали подвозить новое снаряжение. И ассортимент пополнялся аварийной радиостанцией, походной мачтой с антенной, прорезиненной лодкой, шатром, веслами, охотничьими сапогами, спальными мешками, спасательными поясами и ракетами.

— Хватит, ребята! — говорил охрипшим басом Чкалов, осматривая вновь привезенные тюки.

Он не доверял этикеткам и сам взвешивал на весах каждую вещь, приговаривая:

— Ух, какая тяжелая!

Байдуков, которого также волновал каждый лишний килограмм, косо поглядывал на эти груды и норовил отложить кое-что в угол.

— Это что такое? — кричал Чкалов, извлекая из груды тюков кожаные сапоги, которым мог бы позавидовать любой охотник. — Они два пуда весят.

— Возьмите, Валерий Павлович, — упрашивал врач. — Не пожалеете.

— Да вы с ума сошли! Поберегите их до нашего возвращения. Вот закончим перелет, сяду в машину да улечу на Волгу. Купаться, охотиться буду. Тогда мне ваши сапожки пригодятся.

— Вы сегодня за обедом плохо пережевывали пищу, — говорил в пику ему доктор.

— Ладно... — добродушно сердился Чкалов. — Лучше скажите: зачем вы подсовываете нам чайные ложечки? Вы бы еще самовар предложили взять в полет. Ни за что не возьму ложки, мое последнее слово.

Постепенно Чкалов и Байдуков разделили все вещи не на хорошие и плохие, а на легкие и тяжелые.

Развернув новый мешок, они извлекли легкую надувную лодку. Прорезиненная лодка понравилась Чкалову, вечером он испытал ее на реке Клязьме.

— А за сколько минут её можно надуть? — спросил он.

— За четырнадцать, — ответил Байдуков.

— За сколько? — прищурив глаз, переспросил Валерий.

— За четырнадцать минут, — повторил Байдуков.

Чкалов расхохотался:

— Вот так здорово! Ну, значит, Егор, мы ее будем надувать под водой.

Все же он согласился погрузить лодку в самолет. Повезло также кухлянкам. Длительный спор вызвала шелковая палатка, хорошо выделявшаяся на льду своим красным цветом.

— Полагаю, нам не придется жить робинзонами на каком-нибудь необитаемом острове, но, пожалуй, палатку и спальные мешки возьмем, — говорил Чкалов, любуясь изящной отделкой ткани. — Кстати, сколько весит стержень шатра?

— Два килограмма, — сказал врач.

— Ого! Ну, так оставьте его себе на память, а мы, если потребуется, подопрем шатер веслом. Весла ведь все равно надо брать.

— Так я и знал! — взмахивая руками, говорил врач, и в его голосе появлялись горькие нотки.

— Стержень шатра, на страх доктору, вон...

— Вы смотрите, пропеллер не вычеркните. И все-таки оба крыла оставьте, — начинал сердиться врач. — Трудный вы пациент, Валерий Павлович. То весь день в ангаре проводите, во-время не позавтракаете; то ловите рыбу бреднем всю ночь; то, вместо того чтобы поужинать, катаетесь на велосипеде, да еще на моем собственном!

— Зато после обеда, во время отдыха, вы, доктор, просто безжалостны! Как только переступишь порог комнаты, откуда ни возьмись — вахтер. Никого не пропускает.

— С вами нельзя иначе,—хмурясь, отвечал врач.— Подумайте, сколько вы уже доставили мне огорчения. Когда ешь, надо тщательно пережевывать пищу, а вы с полным ртом разговариваете. То приятели-пилоты, то газетные репортеры... Хороший обед! Нечего ска-

зать! Вам отдохнуть надо, а вы — глазом не успеешь моргнуть — уже на учебном самолете кружите над аэродромом.

— Это и есть настоящий отдых,— оправдывался Чкалов.

Дошла очередь до лыж. Всевозможных конструкций — длинные, беговые, широкие, следоступы, вроде лаптей,—рассматривал и примерял Валерий Павлович.

Выбор его остановился на широких канадских лыжах. Чкалов надел их и чуть не полдня ходил на них по комнате. Испытанием он остался доволен. Лыжи оказались легкими. Их удобно было запрятать в крыло самолета.

Валерий Павлович продолжал угрюмо поглядывать на новые мешки с какими-то консервными банками, всевозможными порошками — молочными, мясными, яичными, недовольно ворчал: «К чему все это?»— в душе же гордился тем, что родина, посылая его экипаж в перелет, снабжает их блестящим снаряжением, а самолет оснастила новейшими, совершенными приборами.

Давно ли, вылетая, он говорил: «Эх, пойду по железке!» Только ей, железной дороге, доверял он, чтобы не сбиться с пути. А сейчас синоптики осаждали его прогнозами погоды, астрономы показывали заранее приготовленные на будущее вычисления высот и азимутов солнца и луны.

Было время: молодая советская республика отмечала первую годовщину своего существования. На Красной площади Москвы был дан парад войскам революции. Сурово стояли бойцы, сжимая в руках винтовки. В пустынном осеннем небе кружил одинокий самолетик. Им управлял старейший русский летчик Россинский. Позади него сидел пассажир и разбрасывал над площадью листовки.

Владимир Ильич Ленин, чуть закинув голову, с большим вниманием наблюдал полет единственного аэроплана, участвовавшего тогда в параде. Кто знает, что думал тогда Ильич, следя за этой одиноко парящей машиной! Может быть, перед его внутренним взором возникали грандиозные авиационные парады наших дней.

Через семнадцать лет над той же Красной площадью в первомайском параде, сотрясая небо ревом моторов, плыла армада тяжелых бомбардировщиков, за ними мчались зоркие разведчики. Отливая на солнце холодным блеском стали, пронесся низко над землей еще один самолет, великолепной формы. Он взмыл ракетой и скрылся в высокой синеве. И вслед за ним стремительно, как снаряд, промчалась пятерка скоростных истребителей. Головную машину вел Чкалов.

Какая это была по счету машина, на которой Валерий летел? Сколько испытал он самолетов? Он не помнил, он не вел им счета...

Ранним июльским утром Чкалов повел N 0-25 в маршрутный рейс.

Его друзья были на своих местах. Беляков с радистом настраивали радиостанцию. Байдуков сквозь маленькое оконце поглядывал на желтый дым, валивший густыми клубами из труб щелковских заводов, следил за тем, как пашни, переливаясь на солнце всевозможными оттенками, от бурого до яркозеленого, с каждой минутой уменьшались в размерах. Небольшой электромотор наматывал трос и подбирал колеса внутрь самолета.

Внезапный треск заставил всех вздрогнуть. Зеленые лампочки не зажигались. Подъем шасси приостановился. Обе ноги самолета застряли в подогнутом положении.

— Повидимому, оборвались тросы, — сказал Георгий Белякову.

— Надо сообщить Валерию.

Георгий пробрался в пилотскую кабину, где за рулем, ничего не подозревая, сидел Чкалов. Рассказали о происшедшем.

— Вот так штука, — вздохнул Чкалов, — долетались!

— Может быть, сесть на воду? — предложил Байдуков.

— Посмотреть кстати, как работает плавательное приспособление, ты это хочешь сказать? — улыбнулся Чкалов.

Но спустя мгновение лицо его сделалось опять строгим. Он напряженно о чем-то думал.

— Спокойствие, ребята, — наконец сказал он. — Вот что, Егор. Ты нарисуй схему лебедки, тогда будет легче разобраться в ее повреждении. Потом сменишь меня. А ты, Саша, передай по радио на землю все, что полагается. Да скажи летчикам, чтобы они не кружились около нас. Нам некогда будет оглядываться по сторонам. Давайте, ребята! До ночи еще далече, а горючего у нас хватит на двое суток!

Георгий нарисовал схему и, усевшись на заднее пилотское кресло, повел самолет. Беляков поднял переднее кресло, на котором несколько минут назад сидел Чкалов, и долго смотрел вниз.

Да. Лебедка была повреждена. И вдруг его осенила мысль, которой он не замедлил поделиться с товарищами. Что, если захватить покрепче чем-нибудь выпускные тросы и потянуть?

Чкалов обрадовался, как ребенок.

— Добре! Неси скорее парашют! — крикнул он.— Мы его сейчас приспособим, разорвем, — благо, что он единственный на всех четверых.

И, прикрепив разорванные лямки к тросу, он начал что есть силы тянуть, напевая:

Эх, да вот пейдет-пейдет!
Нейдет, да пойдет-пойдет,
Да у-ух!

С его высокого, крутого лба лил пот. На обветренных щеках выступил румянец. Но сколько Чкалов ни напрягался, ему не удавалось вытянуть тросы.

— Бесполезно! — Он махнул рукой, вытирая рукавом пот. — Эх, Егорушка, милый... Долетались... Что мы теперь скажем Иосифу Виссарионовичу?

— Садись теперь ты за управление, — сказал Байдуков.

— Будем летать, Егорушка, двое суток, а что-нибудь все-таки придумаем.

Опять он говорил спокойно, даже с улыбкой, несмотря на всю свою тревогу. От предстоящей посадки зависело: состоится ли дальний перелет, которому отдано так много сил и сокровенных дум. С другой стороны, летный опыт его был огромен, и это рождало надежду и ту бодрость, которые облегчают тяжелое душевное состояние, когда человек попадает в беду.

Десятки новых мыслей возникали у летчиков, вызывая мимолетную радость, но первая же попытка применить их заставляла снова опускать руки.

Люди, наблюдавшие с земли за полетом, уже давно догадались: случилось что-то неладное. Радио подтвердило это. И теперь, выложив на поле знак, запрещающий посадку, инженеры предлагали послать на помощь два самолета. Время от времени запрашивали Чкалова: «Что вы намерены делать?» И получали неизменный ответ: «Дайте подумать».

— До каких же пор он будет думать? — взволнованно говорили друг другу механики, мотористы и стартеры. — Уже скоро вечер.

Действительно, солнце склонялось к горизонту, над вершинами лесов крупными клочьями скоплялся туман. Темнело. Большое летное поле, сквозь летние сумерки, с воздуха казалось морем, голубоватым и зеркально-спокойным, а длинная стартовая дорожка походила на гигантский след от парохода.

В кабине N 0-25 шла напряженная работа. Испробовав все возможное, летчики решились на последнюю меру: пробить ломиком в крыле дыру, пробраться сквозь паутину нервюр, крючков, острых подкосов — к стойке шасси, которая доставляла сейчас столько тягостных переживаний, и еще раз попытаться тянуть рывками трос.

— Ну, бурлачки, носы не вешать! — кричал Чкалов. — Если бы я мог бросить руль, вспомнил бы вместе с вами «Дубинушку», матушку Волгу. Раз, два, взяли! Крепче! Егор, Саша, понатужься! Пошел, братцы, пошел, пой веселей, пошел ходом!

Вот пошел-таки, пошел,
Он пошел да и пошел!..
Он и ходом-ходом-ходом,
Ходом по ходу пошел!

Два друга за широкой спиной своего командира продолжали тянуть лямки парашюта, превратившегося в тряпку.

С каждым разом они пели все громче и громче: «Раз, два, три, бери!»

И чем крик был сильнее, тем менее тяжелой и безнадежной казалась работа.

Наконец внезапно, когда друзья уже выбивались из сил, зажглась зеленая лампочка. Бас Чкалова, казалось, перекрыл гул мотора:

— Егорушка! Ребята! Все в порядке! Левое колесо на месте, вылезло, окаянное! Принимайтесь за правое.

— Дай передохнуть, — сказал Байдуков, тяжело дыша. У него ныли спина и бок.

На земле заметили, что самолет кружил с одним колесом, это успокаивало. Но вскоре беспокойство вновь возросло: вторая нога шасси не показывалась.

Срочно послали за Михаилом Громовым, шеф-пилотом ЦАГИ. Его не оказалось дома.

— Он в театре, — доложил посланный.

— Поезжайте немедленно в театр, — сказал работник штаба.

Через несколько минут Громов приехал на аэродром.

— Попытаюсь на тросах опустить инструменты, — сказал он с присущим ему спокойствием и уже хотел садиться в самолет, как с борта N 0-25 последовал ответ:

— Не надо, справимся сами.

Однако, сколько экипаж ни тянул, все было бесполезно. Убедившись в невозможности выпустить второе колесо, Байдуков обратился к Чкалову:

— Пойдем на посадку, Валерий, ты ведь мастер сажать на одно колесо. Покажи и на этот раз свой талант, и самолет будет спасен.

— Эх вы, бурлачки! — ответил Чкалов, сдвинув

сурово брови, но в глазах его горел веселый огонек, и было видно по всему, что он обрадовался предложению друга. — Айда на посадку! — сказал он. — А то ночь не за горами, садиться будет хуже.

И лицо его вновь стало суровым и собранным.

Чкалов молча вел корабль на посадку. По мере снижения самолета беспокойство на земле возрастало.

— Не сломается машина? — перешептывались люди. — Только бы цел остался экипаж...

— Чкалов неоднократно садился на одно колесо, — успокаивал Громов, не сводя глаз с неба.

— Вот увидите, все кончится хорошо.

— Смотрите, смотрите, как он искусно подводит эту махину.

На земле снова наступила тишина. Не дыша, все смотрели в потемневшую даль, на самолет, который уже бежал на одном колесе, ровно, слегка кренясь набок.

— Бог! Великий мастер! — крикнул кто-то. И этот крик, вырвавшийся из глубины сердца, послужил сигналом к общему ликованию. Все наперегонки бросились к самолету. Одни обнимали усталых летчиков, поздравляли, расспрашивали, другие ограничивались только рукопожатием, помогали поднять краном машину, чтобы осмотреть злосчастное место, откуда не выходило колесо.

Под шестеренкой подъемной лебедки нашли сверло.

— Ясно, тут и волжские бурлаки не вытянули бы! — воскликнул Чкалов, вертя в руках сверло, которое испортило ему и его друзьям столько крови.

Случай со сверлом заставил экипаж еще внимательней относиться ко всем мелочам в подготовке самолета.

Спустя пять дней экипаж взлетел снова. Это был последний тренировочный полет...

Подготовка требовала громадного напряжения. Сотни разнообразнейших забот наполняли головы летчиков.

Валерий засыпал плохо, долго ворочался на кровати, наконец, не выдерживал и окликал друга:

— Ты спишь, Егор?

— Нет.

— Давай закурим.

Курили в полном молчании. Рядом находился душ. Чкалов любил холодную воду. В ночной тишине они шли в душевую.

Байдуков обращался к Валерию:

— А у нас в Сибири обычай был: один раз в году обливать водой всякого, кто бы ни шел по улице. Так и гонялись друг за другом, кто с ведром, кто с ковшом...

Прошло еще немного времени. Экипаж был снова вызван в Кремль.

В небольшом зале летчики увидели товарищей Сталина, Молотова, Орджоникидзе и других членов правительства. Иосиф Виссарионович подошел к летчикам, приветливо поздоровался.

— Все готово, товарищ Сталин, — сказал тихо Чкалов.

Товарищ Сталин прежде всего указал летчикам на вред беспечности и такой излишней доверчивости, какую они обнаружили в случае со сверлом.

— Проверять нужно всегда, а в таком деле — особенно тщательно.

Затем он выразил желание познакомиться с тем, как идет подготовка к рейсу.

— Разрешите повесить на стену карту перелета?— попросил Чкалов.

Валерий Павлович прикрепил карту, на которой была нанесена трасса перелета, и приготовился отчитываться перед правительственной комиссией.

Но не прошло и минуты, как он понял, что доклад его выливается в задушевный разговор.

Товарищи Сталин, Молотов и Орджоникидзе стояли вместе с летчиками около карты и слушали Чкалова. Он подробно объяснял маршрут.

— Почему вы избрали такой северный вариант? — задал вопрос товарищ Сталин.

Советские летчики должны проникать все даль-

ше на север, — ответил Чкалов. — Как видите, можно разными путями достигнуть из Москвы Петропавловска на Камчатке. Первый, наиболее простой путь лежит вдоль Сибирской железной дороги и представляется нам менее опасным, хотя имеет ряд неудобств. Второй вариант пути, по дуге большого круга, — самый короткий: всего шесть тысяч семьсот семьдесят пять километров. Он тоже неудобен, проходит по мало исследованной местности. Болота, тундры, мало земных радиостанций. Вынужденная посадка тут нисколько не легче вынужденной посадки где-нибудь в районе Полярного моря. Маршрут же с выходом за Полярный круг удобен тем, что пролегает в районе многочисленных радиостанций Северного морского пути. Кроме того, выход за Полярный круг избавит нас во время перелета от двух ночей. Солнышко будет нам светить. По нему будем вести общую ориентировку...

Товарищ Сталин очень быстро разобрался во всех обстоятельствах и сказал:

— Летите из Москвы до Земли Франца-Иосифа, оттуда свернете на Северную Землю и пересечете Якутию. От Петропавловска на Камчатке надо вернуться на материк через Охотское море к устью реки Амур, а дальше можете продолжать путь до тех пор, пока будут благоприятные условия погоды и хватит горючего.

Наступала минута прощания. Когда Чкалов со своими друзьями собирался уходить, товарищ Сталин уже совсем по-отечески обратился к ним:

— Ну, говорите по совести: как у вас там, — и он сделал рукой легкое кругообразное движение около сердца, — все в порядке? Нет ли там у вас червяка сомнения?

— Нет, товарищ Сталин, — хором ответили летчики. — Мы готовы к старту.

Дружески пожав им руки, Иосиф Виссарионович сказал:

— Ну, хорошо, пусть будет по-вашему.

Когда летчики вышли из Кремля, им долго не хо-

тёлось нарушать молчание. Они были переполнены этой встречей.

— Все знает, обо всем заботится, — наконец проговорил Чкалов. — Ну, теперь только бы похолодало...

Старт, действительно, зависел уже только от погоды. Конструкция мотора допускала взлет тяжело перегруженной машины при температуре воздуха не выше пятнадцати градусов.

А дни, как назло, стояли душные и жаркие.

— Когда же вы обещаете похолодание? — пытливо спрашивал Чкалов метеорологов, но они были столь же нетверды в своих ответах, сколь неустойчива и сама погода.

— «Темное» дело, — махая рукой, говорил Валерий. — Эх вы, мудрецы! Всё колдуете...

— В районе Печоры скоро ожидается область пониженного давления, — докладывал синоптик. — В районе Таймырского полуострова антициклон, Валерий Павлович.

— Дай мне прохладную погоду, — наступал на него Чкалов. — О циклонах я и без тебя знаю.

И, наконец, однажды Байдуков сказал Валерию, показывая сводку:

— Погода меняется.

— Вот обрадовал, орел!

И в то же утро улетел на учебном самолете в Москву. Несколько минут побыл он дома, поиграл с Лерочкой и Игорем.

— Все в порядке, — весело сказал жене. — Возможно, завтра улетим. Ты не провожай нас, Лёлик. Лучше так. А встречать приходи непременно. Ну, до свиданья! Может быть, сегодня и не увидимся. Ты не волнуйся. Игорю скажи, что в следующий раз обыграю его в шашки. Ну, вот и все. Да, вот еще... топорик подари Игорю. В полет не беру. А ему все же память об отце.

Поцеловав жену, направился к двери, о чем-то подумал, бросил с порога:

— Вернусь, поедем в Василёво отдыхать. Стерлядки наловим, уху будем варить. Готовь, Лёлик, тарел-

ки и ложки да размером побольше. А за нами дело не станет.

Он быстро, не оборачиваясь, спускался с площадки четвертого этажа.

Вернулся в Щелково после полудня. Как мальчик, взбежал по лестнице, ворвался в комнату к друзьям и крикнул издалека:

— Саша, Егор, все в порядке! Серго благословил!

И тотчас же занялся делом: проверил рюкзак — его беспокоило, главным образом, положены ли туда спички, табак и трубка; посмотрел еще раз карты погоды. Затем вытряхнул из пепельницы кучу окурков; побрился. Его примеру последовал Беляков.

— А ты станешь бриться? — спросили они Байдукова.

— Отращу бороду, — пошутил тот, — буду отпугивать на льду любопытных медведей.

Помолчали.

— Накуриться нужно, трое суток придется воздерживаться, — сказал Чкалов.

— Кури, кури, брат, — ответил Байдуков. — Пока ты брился, я из твоего рюкзака табак выбросил.

Валерий забеспокоился:

— Неужто, Егор, выбросил? Врешь, поди... Наверно, где-нибудь оставил?

— Пачку папирос спрятал в крыле...

— Знаешь, я думаю все же взять прокуренную трубку, буду хоть пустую сосать, и то ладно.

И Валерий, жадно затянувшись папиросой, стал приглашать друзей в столовую.

Съели легкий обед.

— Не сытно. Ох, уж эти врачи! — сказал Чкалов. Впрочем, на врача он больше не сердился. Он считал, что самое главное сделано: разрешение на вылет получено, — и это создавало ему хорошее, приподнятое настроение. С покорностью ребенка он даже разрешил доктору, чтобы тот очистил ему желудок: согласился, что от этого во многом зависит самочувствие в полете.

— Ну, самое серьезное дело сделано, — сказал он, смеясь, — а теперь, ребята, спать.

Он опустил шторы и лег в кровать, стараясь сосредоточиться на одной мысли: поскорей заснуть. Но другие мысли отвлекали его ото сна. Не признавать страха в борьбе, стремительно двигаться вперед и только к победе — вот что значит Сталинский маршрут. Не для личной славы — во славу родины отправится он завтра в далекий, опасный путь.

Перед ним вырисовывались еще невиданные картины: высокие прозрачно-голубые купола глетчеров; гигантские их обломки — айсберги, легко опрокидывающиеся и производящие водовороты и волнения; миражи, возникающие в ледяной пустыне с такой же неверной легкостью, как и в знойной, песчаной; солнце в радужных кругах, не опускающееся за горизонт...

— Саша, Егор, — сказал он, очнувшись от забытья, — чешем, значит, прямо на Землю Франца-Иосифа!

Ответа не последовало. «Спят», — подумал Валерий и затянулся папироской. Красноватый ее огонек тускло осветил краешек подушки.

— Саша...

— Ты что? — услышал он невнятный голос.

— Ну, спи, спи... Саша, Егор...

Чкалов наклонился над спящими друзьями и прошептал:

— Сразу сморило... Богатырский сон...

Валерия и самого начинала одолевать дремота.

Спал он недолго — не более часа. Вскочил и, стараясь осторожно ступать по половицам, вышел в коридор к телефону, вызвал аэродром.

— Как дела? — спросил он шопотом.

— Спите.

Он вздохнул глубоко, положил трубку на рычаг и опять зарылся головой в подушку.

Между тем на аэродроме шла предстартовая работа. При смешанном свете прожекторов и фар механики с тряпочками в руках осматривали моторы. В бездонное чрево N 0-25 уходили последние декалитры горючей смеси, состоящей из бензина-экстра и пиробензола. Врач укладывал в крылья аварийный

запас продовольствия и прорезиненный мешок с питьевой водой.

Все снаряжение было уже погружено, каждый предмет тщательно проверен, и его место занесено под соответствующей цифрой на специальный чертеж.

Длинная цепочка автомобилей, освещая фарами путь, двигалась бесшумно навстречу разноцветным огням—маякам аэродрома. В ночной мгле вдоль бетонной прямой, как стрела, дороги, выложенной шестигранными плитами и с черной полосой посередине, стояли, точно статуи, стартеры с флажками в руках.

Было еще темно, когда Байдуков и Беляков проснулись от громкого оклика Валерия:

— Саша, Егор, вставайте!

Комната наполнилась веселыми голосами. Летчики стали одеваться. Чкалов низким басом пел: «Распрягайте, хлопцы, кони», натягивая на себя шелковое белье, свитер и меховые брюки.

Через несколько минут он стоял в толстой кожаной куртке, в унтах с длинным меховым клином, лихо засунутым под ремень, стягивающий стан, и с финским ножом на боку.

— Ну, Байдук, готов? — спросил он друга, который, сидя за столом, дописывал письмо в «Правду». — Прочти, Егор, — попросил Чкалов и, присев на кровать, приготовился слушать.

— «Пройдет несколько минут, — читал Байдуков, — и наш самолет подымется в воздух и полетит по курсу: Москва—Петропавловск на Камчатке. В эти последние прощальные минуты все наши мысли обращены к родному, великому Сталину, лучшему другу советских летчиков, чью ласку и заботу мы чувствовали на каждом шагу... Волю нашей страны мы увозим в своих сердцах, несгибаемую волю большевиков...»

— Хорошо, Егорушка. Допиши: где бы мы ни были — над материком, Арктикой, морями, — всегда и всюду мы будем чувствовать ласковую руку родины, сынами которой мы являемся... Ну, а теперь пойдемте, ребята.

Он посмотрел в последний раз на стол с рулонами бумаги, на недопитый стакан вчерашнего чая и толкнул дверь.

Светало. Низко стелилась пелена предутреннего тумана. В розовых сумерках блестел черный лак «капота» над мощным мотором. У лилово-серого фюзеляжа самолета толпились провожающие. Чкалов молча поздоровался с ними и, отойдя в сторону, стал наблюдать, как маленький тягач тащил по бетонной дороге громадный самолет.

— Смотри. Слон и моська! — шепнул он Байдукову.

Вдруг он услышал знакомый голос. Обернулся: взволнованный врач стоял рядом.

— Почему вы не спите?

Чкалов ответил:

— Ох, какой же вы умный! Да какой же, к чорту, я командир перелета и летчик, ежели буду спать, когда моя машина снаряжается?

— Но вы же ничем не поможете ускорить старт, — возражал врач.

— Все равно я должен присутствовать.

— Идите лучше позавтракайте.

Он покорился.

По дороге в столовую его обступили фоторепортеры. Сколько раз удавалось ему скрываться от назойливых глаз фотоаппаратов! Но сейчас это было почти невозможно. Репортеры забегали вперед, нацеливались сбоку.

— Не к чему портить пленку, — недовольно говорил Чкалов, отмахиваясь от них. — Вот прилечу, тогда снимайте. А сейчас зачем? Довольно! Хватит! Категорически отказываюсь! — уже кричал он.

И вдруг, резко повернувшись, весело сказал им:

— Становитесь все в ряд, ребята. Давайте-ка лучше я вас сфотографирую. Протяните кто-нибудь аппарат. Снимаю. Так, так! Веселей! Еще раз!..

Он рассмеялся и зашагал в столовую. Там, к счастью, было безлюдно. Беляков и Байдуков допивали чай. Валерий тоже выпил чаю. От второго стакана отказался.

— Боюсь, как бы туман не задержал вылета.

Ему не сиделось на одном месте.

— Ну, я пойду, что ли, — медленно сказал он, вставая из-за стола.

Туман, к его радости, рассеивался. Когда летчики появились на аэродроме снова, самолет стоял в конце дорожки, на вершине бетонной горки. В лучах восходящего солнца горели его рубиновые крылья, серебром сверкали узкие металлические лопасти винта.

В переднюю кабину через люк залез механик. Он подал четко команду «к запуску», винт сделал два-три судорожных движения.

Чкалов стоял невдалеке и внимательно прислушивался к рокоту мотора, небрежно попыхивая папироской и внешне не подавая вида, что самолет его сколько-нибудь интересует. Наконец борт-механик вылез из кабины.

Последние прощальные минуты наступили.

— Пора, — сказал Чкалов двум своим спутникам.

Они втроем, сняв кепки (такие легкие в сравнении с тяжелым меховым обмундированием), подлезли под крылья машины и начали, по-братски целуясь, прощаться с рабочими.

Чкалов первым поднялся в кабину.

Сегодня же он увидит суровую зиму, завтра пролетит над местами, где светит полуденное солнце, в то время как над Москвой будут звезды. Одно государство, но какое различие климата, времени, природы, облика городов, сел! Величественны масштабы Страны Советов...

Чкалов повернул кепку козырьком назад, еще раз оглядел широкое поле, закрыл над головой люк и, обернувшись, жестом спросил Байдукова и Белякова:

— Все готово?

— Все.

Вдруг в небе, описав дугу, рассыпалась зеленая ракета: стартер разрешал вылет.

От самолета взвилась ответная белая ракета: «Приготовились». За ней — другая: «Стартуем». Валерий дал полный газ. Ревущий на полных оборотах мо-

гор потянул своим пропеллером самолет вниз, с горки. Загремели листы обшивки и стенки баков. Панели бетонной дорожки мелькали ровно с каждой стороны. Самолет бежал точно посередине. И когда между дорожкой и самолетом показались первые сантиметры свободного пространства, всех провожающих охватило такое ликование, такой силы раздался взрыв рукоплесканий, что казалось — не слышно было гула пропеллера.

Твердая рука Чкалова в какую-то неуловимую долю секунды оторвала одиннадцатитонную громаду от земли.

Не более как через минуту на светлом, безоблачном небе смутно виднелась только темная горизонтальная полоска, да и она вскоре исчезла. Кругом сияло голубое пространство.

— Улетели...

Когда самолет, подпрыгнув, повис в воздухе, Байдуков стал быстро убирать шасси. Под крыльями мелькнули трубы щелковских заводов и перелесок; широкие поля зеленели вокруг. Моноплан, красиво и свободно развернувшись, лег на курс.

В порыве благодарности за безупречный взлет Байдуков пожал плечи Чкалова, который сидел впереди за штурвалом. В ответ Валерий прищурил глаз и задорно тряхнул головой.

— Ну вот, Егорка, и полетели! — прошептал он, улыбаясь.

Георгий занял штурманское место. Согласно расписанию вахты, Беляков должен был отдыхать. Он лежал на масляном баке и старался уснуть. Но ему не спалось. Холодные струйки воздуха, идущие откуда-то сбоку (наверное, у Валерия было открыто боковое оконце), обдавали его.

Уже через несколько минут после старта Георгий связался по радио с землей и принял первую сводку погоды: «Давление воздуха на уровне моря 760 мм, t+13°. Через три часа t+10°. На пути самолета гре-

бень повышенного давления медленно смещается к востоку. Фронтов нет».

Байдуков ответил:

«Принял. Вас слышу хорошо. Все в порядке. Привет».

Он взял остро отточенный карандаш, прикинул в уме цифры и сделал очередную запись в бортовом журнале — толстой книге из ватманских листов в красивом красном переплете. Потом перевел взгляд на Валерия. Тот попрежнему сидел за штурвалом спокойно, выпрямившись и посасывая пустую трубку.

«Хочет курить», — подумал Байдуков и сам ощутил непреодолимое желание затянуться папироской. Но вскоре другие мысли овладели им. Итак, прямо на север, к острову Виктории! Отчего же он так спокойно чувствует себя в тесной кабине под целлулоидным колпаком — среди радиоаппаратуры, пронумерованных карт, треугольников и циркулей, лежащих на деревянном столике? Одно мгновенье ему показалось даже, что он не в кабине самолета, а в крохотной своей прежней студенческой комнатке и должен сейчас засесть с линейкой и циркулем в руках за подготовку к дипломному проекту.

Легкий туман, тянувшийся длинным шлейфом, привлек его внимание. Байдуков выглянул в оконце и стал смотреть вниз. Березовые и сосновые леса бежали навстречу самолету.

Валерий также изредка посматривал на землю...

Волга сверкнула широкой лентой. С большой высоты караван судов казался неподвижным.

За косой выступал островок. Его хорошо было видно из окна.

На этом островке Валерий в детстве рыбачил бреднем, варил в котле уху и до рассвета рассказывал ребятам сказки и страшные истории пещеры Лейхтвейса.

Под крыльями проплыл город Череповец. Здесь Чкалов когда-то учился в ремесленном училище. Валерий улыбнулся и, высунув из окошечка руку, помахал ею.

Его радовала ясная погода; самолет был перегру-

жен бензином, в первые часы полета трудно было бы вести машину выше облаков.

Утренние лучи солнца били в лицо. Чкалов передвинул кепку козырьком вперед и, обернувшись, весело крикнул Белякову:

— Саша, что не спишь? Береги силы.

Беляков закрыл глаза. Долго ворочался он, лежа согнувшись на баке, и, наконец, слегка задремал...

...Озера, забившиеся в дремучие леса, сменялись редкими селениями.

Валерий по старой привычке дотронулся рукой до кармана, но вспомнил, что все-таки забыл захватить табак, вздохнул глубоко, как ребенок, и опять положил руку на штурвал.

Ему стало немножко скучно.

— Пишешь? — крикнул он в сторону Байдукова, который, склонившись над разграфленной страницей бортового журнала, продолжал время от времени заносить цифры высоты, скорости, оборотов мотора и личные впечатления.

«Все кругом бело, как зимой», — записал Георгий и подумал: «Белозерск».

Леса редели. Изредка в разрывах туч виднелись болота, тундра. Летчики были приятно удивлены, когда убедились, что самолет вышел в устье реки Онеги к Белому морю. Внизу расстилался небольшой городок с лесопильными заводами и складами бревен.

«Город и лесозаводы видны», — записал Байдуков и отправил очередную радиограмму: «Все в порядке, находимся Онега. Два часа шли над облаками на высоте 2000 метров. Теперь погода ясная. Самочувствие хорошее. Привет».

Пока он отправлял радиограмму, Валерий подтолкнул Белякова в плечо:

— Вставай, сменяй Егора.

Беляков приподнялся с бака.

— Уже пора? — удивился он.

— Двенадцатый час по-московски...

— Сопровождавший самолет где?

— Хватился! Небось, в Москве! — рассмеялся

Чкалов, его смех потонул в ровном гуле мотора. — Ребята махали нам руками. Мы с Байдуковым тоже подняли руки. Ты малость подремал, Саша. Теперь, Егор, твой черед. Егорушка, слышишь? Спать!

Беляков сел на штурманское место и занялся вычислениями. Вскоре он обнаружил, что самолет уклонился от заданного пути на пятнадцать километров вправо.

«Надо изменить курс», — подумал штурман, но в это время в карбюраторе раздался сильный хлопок.

— Давай уменьшим обеднение и подогрев, — услышал Беляков голос Валерия.

Вскоре обеднение и подогрев были доведены до нормы, штурман спокойно записывал в журнал:

«Байдуков лег спать. Курс изменил. Скорость 57 километров за 21 минуту. Светит солнце. Видимость отличная».

Ветер между тем усиливался. Самолет пересекал Кольский полуостров. Унылый холмистый пейзаж расстилался вокруг. Где-то за этими горами рос новый город Хибиногорск.

Тут Беляков вспомнил, что самолет, промчавшись над тундрой, выйдет скоро к Баренцову морю. Надо поторопиться над сушей определить скорость и направление ветра, над морем это сделать труднее. И он занялся вычислениями.

Тем временем Чкалов, продолжая пилотировать корабль, увидел, как навстречу плыли темные и тяжелые, точно горы, разорванные тучи. Море быстро закрылось туманом.

Чкалов, оглядываясь назад, делал руками знаки, извещавшие об ухудшении погоды. Самолет, набрав высоту, помчался поверх облаков, ярко освещенных солнцем. Жмурясь от света, Валерий надел очки. Уже девять часов сидел он за штурвалом.

— Егор, требую смены! Ноги онемели! — крикнул он Байдукову, который, вместо того чтобы отдыхать, проверял механизм, подающий масло.

Беляков приготовился занять заднее пилотское сиденье и хотел было уже взять управление, но Валерий его остановил:

— Занимайся, Саша, своим делом. Без тебя обойдемся.

С этими словами Чкалов отодвинулся, не слезая с кресла, в сторону, обе ноги поставил на одну педаль.

— Ты рыбкой, Егор, рыбкой! — прокричал он.

В открытые окна врывался шум мотора. Байдуков не расслышал слов, но догадался, о чем его просил командир. Усевшись на край кресла, он поставил ноги на педали и взялся за руль. Чкалов боком, съежившись, выкарабкался из кабины.

Ноги его, действительно, онемели. Он с наслаждением растянулся на баке, подстелив мешок, и закрыл глаза. Но так же, как и Белякову, уснуть ему не удавалось.

— Что, не спится?.. — немного погодя шутливо сказал штурман. — Меня уговаривал, а сам...

— Ладно. Обо мне не беспокойся, — ответил Валерий и перевернулся на другой бок, укрывшись спальным мешком.

Но сон все же не приходил. Чкалов ворочался, иногда приподнимал голову, вслушивался в работу мотора, молча глядел то на товарищей, то на приборы.

Наконец он встал, раздосадованный бессонницей, и, ежась от холода, попросил:

— Саша, включи отопление.

Запах горелого наполнил кабину.

— Выключи, не надо.

Он замолчал на несколько минут и снова заговорил, уже ласково:

— А ведь знаешь, Саша, до нас ни один самолет еще не пересекал Баренцова моря от Мурманского побережья до Земли Франца-Иосифа.

Беляков не ответил. Он был занят исправлением радиоприемника, в котором слышался сплошной шум. Однако старания штурмана настроить приемник оказались тщетны. В 12 часов 45 минут Беляков вынужден был дать радиограмму. Он сообщал, что приемник испорчен, — в остальном все в порядке. Кроме

того, он указывал, что самолет находится на широте 69°50′ и долготе 38°.

Высокие желтоватые облака застилали море и сами казались застывшими пенистыми волнами. Облака начинали надоедать летчикам. От однообразного их вида становилось скучно. Сидящего за рулем Байдукова потянуло ко сну.

Беляков еще раз попытался наладить приемник, но, убедившись в невозможности его исправить, передал радиограмму: «Не работает приемник. Мое место широта 77°30′, долгота 37°».

Вдруг облака разорвались, и в просвете показалось темное синее пространство с большими льдинами. Беляков поторопился по ним определить путевую скорость и проверить снос.

Чтобы проконтролировать свои вычисления, ему было достаточно в положенное время (на 42-й минуте каждого часа) измерить секстаном высоту солнца, затем отыскать высоту и азимут солнца в таблицах, которыми его снабдил Московский астрономический институт, и нанести на карту так называемую сомнерову линию.

Воды Баренцова моря синели недолго. Облака вновь сомкнулись, окутав самолет точно пуховым одеялом.

— Распакуй-ка, Саша, мешок с продовольствием,— попросил Чкалов.

Беляков вынул из мешка кусок курицы.

— Дай лучше бутерброд с икрой и лимон.

Чкалов проглотил маленький кусочек и поморщился: пища имела неприятный вкус.

— А ты, Егор, закусишь? — крикнул он.

— Не хочется. — Он завязал мешок и положил его на прежнее место.

Снова наступила очередь Чкалова управлять машиной. N 0-25 приближался к острову Виктории. Отсюда было прямое направление на Северный полюс. Предстояло менять курс.

Вдруг Валерий, не отрывая руки от штурвала, повернулся к Байдукову и, улыбаясь, кивнул головой в сторону полюса

— Чешем, ребята, на прямую через полюс в Америку! — пошутил он, подмигнув глазом. — Пять часов лету, и мы там.

Байдуков и Беляков громко рассмеялись.

Валерий притих и начал сосать прокуренную трубку. Как ни велик был соблазн подойти к полюсу, он все же повернул самолет на восток, где в бухте Тихой работала полярная станция.

Море попрежнему закрывали мощные облака, самолет опять поднялся над ними.

Чкалов снял было очки, но кругом разливался такой яркий свет, такой снежной белизной сверкали гряды облаков, что он поспешил надеть их снова.

Однообразие картины начинало его утомлять все больше.

— Егор, — громко произнес он, чтобы рассеять чувство одиночества, — неужели не взял табак? Наверное, где-нибудь спрятал? И я-то хорош! Сам же рюкзак смотрел...

— Честное слово, Валерий, ни крошки.

— Ну да, ведь ты у нас доктор! — вздохнул Чкалов и принялся еще энергичнее сосать пустую трубку.

Радиоприемник не работал уже более пяти часов. Беляков попрежнему пользовался астрономической ориентировкой. Куда ни кинь взгляд, всюду простирались облака.

— Эх, и погода! — говорил Георгий Белякову. — Вероятно, так и не придется увидеть архипелаг.

— Уже семнадцать часов летим, — ответил штурман. — Из них только два...

Но не успел штурман закончить фразу, как Чкалов крикнул:

— Смотрите, ребята, земля! Земля Франца-Иосифа!

Под самолетом открывалась сказочная панорама. Сквозь редеющие облака проступали острова и черные скалы; вершины их были покрыты снегом и льдом. Часы показывали гринвичскую полночь, но над Землей Франца-Иосифа солнце стояло высоко над горизонтом. Льды хаотически громоздились. Сюда еще не дошла весна.

Проливы были забиты льдом, и лишь густые, чер-

ные тени давали возможность увидеть очертания берегов.

Георгий через открытое окно сфотографировал панораму архипелага. Беляков передал радиограмму: «Привет славным зимовщикам бухты Тихой... Все в порядке. Проходим Землю Франца-Иосифа. Видим острова...»

Острова все продолжали выплывать, таинственно и величаво, из ледяных полей ослепляющей белизны.

Приветствие разнеслось по всей Арктике. Его услышали не только в Мурманске, Кировске, Архангельске, на мысах Желания и Челюскина, но и на островах Уединения, Диксон, в бухте Тихой, в Нордвике и даже в Якутске. Радиоприемник, наконец, исправили, и Беляков, довольный, улыбающийся, всматривался сквозь темные очки в карту Арктического бассейна, стараясь сличить ее с той местностью, над которой мчался самолет.

Острова уходили один за другим. Байдуков услышал голос Валерия:

— Садись-ка за штурвал, Егор. У меня опять что-то ломит ноги.

Георгий, сгорбившись, пробрался в тесноте на переднее сиденье. Пока летчики менялись местами, самолет проделывал замысловатые, но безобидные пируэты. Впрочем, на этот раз сменились быстро. Перекинув ноги на педали, Байдуков сказал:

— А знаешь, Валерий, лазить таким образом веселей, уж больно утомляет однообразный полет.

Чкалов что-то сказал про себя и уполз в сторону.

В последний раз оглянулся Георгий на острова. Теперь его больше занимало бескрайное пространство чистой воды. Оно простиралось на сколько хватал глаз. Сначала плыли по этой поверхности небольшие льдины, потом — целые ледяные поля с длинными черными трещинами, которые показались Егору похожими на размытые весенние дороги. Белесоватая пелена тумана постепенно закрывала эти поля, медленно утолщаясь; солнце потускнело и спряталось, — только где-то далеко-далеко виднелся клочок голубого неба, но и его вскоре затянуло угрюмыми тучами.

Не прошло и часа, как облака стали возникать перед самолетом на такой большой высоте, что пробиться сквозь них вверх летчикам показалось невозможным. Оставалось одно: лететь внутри облаков.

— Циклон. Уж ты веди, Егор, вслепую, — сказал Чкалов, ежась от холода и влезая в спальный мешок. — А я подремлю.

— Все равно не будешь спать, — остановил его Байдуков.

— Что верно, то верно.

И Валерий занялся подкачиванием масла.

Байдуков, не желая залезать в бурлящее месиво облаков, попытался обойти циклон справа, но вскоре убедился, что в этом случае самолет вынужден будет итти не только к Карскому морю, но даже к Новой Земле, то есть как бы начнет возвращаться к Москве. Поэтому, посоветовавшись с Чкаловым и Беляковым, Георгий Филиппович решил обходить циклон слева: с севера и северо-востока.

Наступили напряженные минуты поисков правильного курса. Беляков девятнадцать раз менял курс. Его штурманская работа усложнялась еще и тем, что в районе, над которым летел моноплан, магнитное склонение доходило до +40° и +50°. Держать курс по магнитному компасу стало невозможным. Из-за облаков, закрывавших водное пространство и ледяные поля, невозможно было определить величину и направление сноса.

— Холодно! — прошептал Байдуков и передал вторичную вахту. Чкалов снова сел за штурвал, но через час он опять потребовал смены. В горле у него пересохло. Он выпил три рюмочки воды, откусил кусочек шоколаду и отложил плитку в сторону. Отсутствие аппетита говорило о начале кислородного голода. Валерий лег на масляный бак и накрылся спальным мешком. Задремал на несколько минут и снова очнулся. Байдуков вел самолет «вслепую», по приборам. Машину болтало. Медленно она набирала высоту в опаловом тумане.

— Позеленел что-то наш Саша... — ласково заме-

тил Валерий, не обращая внимания на то, что у него самого ныли ноги, точно у ревматика.

Беляков не слышал слов командира. Он был поглощен работой. На страницах его бортового журнала уже не оставалось свободного места, а он продолжал с прежним усердием вписывать цифры курсов, высоты, скорости.

«Идем в обход циклона со встречными ветрами»,— писал он.

Тусклый желтоватый шар просвечивал время от времени сквозь облачный слой, — тогда штурман, склонившись над картами и компасами, старался проверить курс по азимуту солнца. Незадолго до наступления полуночи он записал:

«Напрасно Байдуков стремится сюда, тут не пробьешься».

Незаметно наступили вторые сутки полета — 21 июля.

Чкалов ворочался на баке. Где-то в Москве сейчас глухая ночь. Его дети спят, вероятно спит и Ольга, а может быть, не спит, а с тревогой смотрит на большую карту, что висит в кабинете, или принимает телефонные звонки из штаба перелета. А он... как далеко он от них!.. Дети, несомненно, спят. Валерий, поднявшись с бака, высунул в окошечко руку. Он почувствовал покалывающие удары ледяной крупы.

Байдукову между тем надоели обходы и слепой полет. Он решил пробить облачный слой вверх.

Однако, как ни старался он подняться выше, сырость все равно чувствовалась на руках, если снять перчатку, и стекла кабины оставались запотевшими. Одно мгновенье Георгию показалось: еще немного терпения — и он выведет самолет выше облаков, к долгожданному солнцу. Но, посмотрев на вариометр, он убедился, что каждая сотня метров высоты стоит многих минут полета.

— Иду на снижение! — крикнул он Чкалову. Взглянул на крылья и не поверил своим глазам: крылья покрылись блестящей коркой льда. Корка росла с каждой минутой. Красивая на вид, она таила в се-

бе страшную опасность. Самолет покрывался прозрачным льдом.

— Валерий! — крикнул Байдуков изо всей силы. — Обледеневаем!

Чкалов быстро пробрался к переднему пилотскому креслу и также крикнул что есть мочи:

— Снижайся скорей, Егор! Слышишь, иди на снижение!

Пробив несколько слоев облаков, самолет, наконец, вышел из них сначала на высоте тысяча двести, а затем девятьсот. Внизу лил дождь, машину болтало, под крыльями плыли разорванные в клочья сизые тучи.

Вдруг справа по курсу, среди безбрежного арктического океана, летчики увидели скользкий белый горб, круто обрывающийся коричневой кромкой земли.

«Северная Земля», — мелькнуло в голове Белякова.

Он не ошибся. Сличая с описанием Северной Земли скалистые берега, покрытые мощным ледником, он все больше и больше убеждался в правильности своего предположения. В три часа утра, воспользовавшись солнцем, он взял его высоту, определил сомперову линию и окончательно убедился, что самолет находится именно у Северной Земли, в районе мыса Ворошилова.

Штурман поспешил об этом сообщить в очередной радиограмме.

— Ох... — вздыхал Чкалов, сменяя Байдукова. — Кажется, циклон миновали. Главное, Егор, лобовой ветер; километров семьдесят в час дул, окаянный. Ложись спать, Байдук. Ты что-то тоже позеленел...

Он с такой трогательной нежностью говорил это, что вызвал на лице друга благодарную улыбку.

Георгий, слегка пошатываясь, направился к масляному баку — постоянному месту отдыха, — облокотился о стенку кабины и, подложив под щеку ладонь, тотчас же уснул.

Самолет передвигался вдоль восточных берегов Северной Земли на юг, к материку. Лицо Валерия осунулось, морщины тяжелыми складками легли на лоб.

Он продолжал пилотировать корабль, питая уверенность, что вскоре выведет его на побережье Таймырского полуострова, западнее мыса Челюскина.

Изредка он оборачивался назад и видел то кусок прямоугольной рамы, в которой заключена приемно-передающая станция, то усталое, сосредоточенное лицо Белякова, склонившегося над картами.

«Точно после рукопашного боя», — думал Валерий, глядя на инструменты, карты и клочки бумаги, лежавшие в беспорядке на штурманском столике.

Беляков, не торопясь, брал солнечные высоты. С трудом он соображал, — почти засыпал, сидя.

Стараясь отогнать сон, Беляков взглянул на хронометр: было 5 часов 45 минут. Его бессменная вахта длилась почти 21 час.

Он подошел к Георгию и остановился перед ним в раздумье.

— Эх, Байдуков, жаль тебя будить... уж очень крепко ты спишь. А придется... — проговорил штурман и тихо толкнул друга в плечо.

Крепкий часовой сон освежил Белякова. Сквозь оконце видны были сплошные ледяные поля. Самолет пересекал Хатангскую губу, продвигаясь к материку. В 7 часов 10 минут штурман передал радиограмму: «Все в порядке. Находимся на побережье к востоку от Нордвика». Но, передав сообщение, он снова почувствовал такую усталость, что следующую радиограмму отправил только через четыре часа.

— А ведь, пожалуй, Егор, когда будем лететь над Якутией, солнышко не будет заходить, — услышал он голос Валерия, который, уступив пилотское место Байдукову, принялся подкачивать масло из главного бака в расходный. Масло с каждым часом густело, и Чкалов медленно работал ручкой насоса. От физического напряжения у него запеклись губы и покраснели глаза.

— С опозданием идем. Три лишних часа отнял циклон.

— Самое трудное позади, — ответил Беляков, —

теперь можно по-настоящему заняться ремонтом радиоприемника.

— Посмотри, красота-то какая под нами. Очевидно, Лена. Кривая. Вся в серебре! Экая досада, дымка мешает!

Валерий проверил графики, сел за штурвал. Солнце стояло низко над горизонтом, освещая косыми лучами горные хребты; от них ложились глубокие темно-синие тени. Во многих местах земля попрежнему была подернута дымкой, сквозь которую трудно было рассмотреть, что находится под самолетом.

Пока Чкалов любовался пейзажем, Байдуков, несший штурманскую вахту, передавал радиограмму:

«Пересекли Лену в 12 часов 42 минуты. Идем на Петропавловск. Высота 4400 метров. Сегодняшний день отнял большую часть энергии экипажа в борьбе с Арктикой. Сильные лобовые ветры, облачность 3—4-ярусная с обледенением заставили нас сегодня потратить много времени и горючего для выхода с Виктории на Землю Франца-Иосифа и мыс Челюскин. Все это прошло, идем с закатывающимся солнцем на Петропавловск. Все устали, потому поочередно отдыхаем. Мы убедились сегодня в коварности Арктики, какие трудности она несет и какие вместе с тем сказочные прелести таит она в себе. Неуклонно выполняем Сталинское задание. Трудности нас не пугают. Всем привет. Байдуков».

Из сумрачной мглы выступали вершины ледников и скалистые черные пики, лишенные снега.

«Вот она, Якутия!» — записал Георгий в бортовой журнал.

Он сфотографировал горный хребет, и опять карандаш быстро забегал по страницам журнала:

«Солнце цепляет горизонт. С высоты 5000 метров непонятная конфигурация гор. Очень мощные горы и красивые. Кончается бензин в средних баках».

За Куларом появились хребты Бао-Хоя и Черского. Вечерняя мгла сгущалась, самолет мчался над облачным слоем. Беляков пользовался астрономической ориентировкой. Он уже давно исправил радиоприемник, хорошо слышал Хабаровск.

У Байдукова болела голова. Уткнув лицо в маску, он изредка посасывал кислород.

— А ты не хочешь омолодиться? — предложил Георгий Валерию.

— Дай глотнуть, — ответил Чкалов.

Струя кислорода освежила его организм, дыхание стало ровным, пульс забился нормально. Впрочем, вскоре он протянул маску обратно Байдукову и сказал:

— Хватит, Егор. Кислорода у нас немного, а путь еще далек; может, придется лететь и повыше.

В это время облака расступились, и летчики увидели морской берег. Беляков сличил карту с местностью и установил, что самолет вышел совершенно точно к Охотскому морю, над заливом Бабушкина.

— Молодчина, Саша! — крикнул Чкалов. — Я всегда говорил, что у тебя штурманская душа!

...Истекали вторые сутки. Самолет летел над морем, покрытым необозримой пеленой облаков.

Едва ли можно найти на всем земном шаре другое место, где бы пилот встретил столько трудностей и опасностей! Облака здесь обычно лежат в несколько слоев, плотно закрывая солнце. В огромной и мрачной котловине зарождаются страшные по своей силе циклоны. Они бродят над этим вечно бурлящим морем, вызывая грозы и бури с градом.

На этот раз летчики пересекли Охотское море спокойно, но к пище попрежнему не притрагивались. Даже глоток чая вызывал у Белякова рвоту. Чкалов и Байдуков тоже устали, — и не только физически, — вяло работала и мысль. В эти тяжелые для них минуты на борт самолета пришла радиограмма от товарищей Сталина, Молотова, Орджоникидзе: «Вся страна следит за вашим полетом. Ваша победа будет победой Советской страны...»

Чкалов правой рукой обхватил за шею Байдукова и крепко его поцеловал.

Внизу плыли густые облака.

Валерий уступил пилотское место Георгию и подполз к Белякову. Указывая рукой на снежную вершину, выступавшую из облаков, он произнес:

У карты перед полетом по Сталинскому маршруту. 1936 г.

Слева направо: Г. Ф. Байдуков, В. П. Чкалов и А. В. Беляков у самолета N 0-25 на острове Удд (остров Чкалов) после окончания перелета.

— Ну вот и Петропавловск. Видишь гору? Пора поворачивать к Николаевску. Давай, Саша, новый курс.

Беляков молчал.

— Ну, что же ты? О чем думаешь? — торопил Чкалов.

— У меня расчеты другие, — наконец ответил штурман. — До Петропавловска еще часа полтора лету. Это еще гора Хаошень, а не сопка Коряцкая.

— Возможно, — согласился Валерий, глядя на друга утомленными глазами. — Ты ведь у нас мозговитый.

Беляков без труда убедил Чкалова, что следует повременить с изменением курса. Он оказался прав. Ровно в три часа серая пелена раздвинулась, и с высоты четырех тысяч метров летчики увидели сопку Коряцкую, в шапке облаков. Вскоре показались бухта и маленький городок.

— Петропавловск на Камчатке! Несомненно! — крикнул весело Беляков.

— Ребята, ура! — подхватил Чкалов. Глаза его заблестели, усталость мигом слетела, и лицо приняло прежнее мальчишески задорное выражение. — Саша, сколько часов мы в воздухе? Сорок восемь, говоришь? Выходит перелет завершен? Ну, нет, будем лететь дальше! Егор, Саша, ребята вы мои хорошие, скорей вымпел готовьте! Аппарат-то у кого? Нужно Петропавловск сфотографировать, ведь город под нами, наш город. Ох, уж эти облака... надоели, окаянные!

Беляков выполнил желание командира. Он вырвал из журнала листы ватманской бумаги и быстро написал:

«Самолет 22 июля в 3 часа по гринвичскому времени сбросил вымпел над Петропавловском на высоте 4300 метров. Привет жителям Петропавловска от экипажа самолета Чкалова В. П., Байдукова Г. Ф., Белякова А. В. Надеемся, что под руководством товарища Сталина наши окраины вскоре будут такими же цветущими, как наша столица. Беляков».

Штурман вложил записку в жестяной цилиндрик, плотно закрыл его крышкой, привязал яркую широ-

кую ленту и укрепил поплавок. Потом он открыл люк в днище самолета, сбросил вымпел и занялся вычислением курса на Николаевск.

Вторично приходилось пересекать Охотское море. Тысячу сто километров предстояло преодолеть сухопутному самолету над водами этого коварнейшего из морей. Метеорологические сводки предсказывали очень тяжелые условия полета: на море — штормовой ветер, густой туман с дождем; в Николаевске — нолевая видимость, частый дождь с туманом. С юга, со стороны Маньчжурии, двигался циклон. А тут еще нарушалась радиосвязь: то молчал Петропавловск, то исчезали позывные Якутска.

Чкалов вновь взял штурвал в руки, напрягая нервы и мысль, чтобы трезво оценить обстановку.

Как же быть? Идти на Читу? Ночь провести в самолете, над гористой малонаселенной местностью. Погода плохая... Граница близка... Хватит ли горючего? Да и как соблюсти точную ориентировку в темноте? Отыщешь ли аэродром? А до утра, пожалуй, не продержишься...

— Саша! — крикнул охрипшим голосом Чкалов.— Решил садиться в Хабаровске. Составляй радиограмму. Ты бы поспал, Егор!

— Куда ж теперь спать! Видишь, что впереди?

— Ох, Егорушка, не пробить это месиво!

— Уж лучше спускаться к воде. Ночью пойдем над Амуром.

— Долиной? Добре! А то покажутся горы... как бы крылом не задеть.

И Валерий повел машину на снижение.

Полет осложнялся с каждой минутой. Моноплан трепало, хвостовое оперенье вздрагивало, будто по нему катали тяжелые ядра. Дождь лил такой частый, что было почти невозможно определить расстояние до поверхности воды. Вцепившись в штурвал, Чкалов сквозь открытую боковую створку напряженно всматривался в белесую мглу, нависшую над угрюмой котловиной.

Мимо проносились низкие клубы тумана, в кабину

врывался порывами ветер, и холодный пар мельчайшими капельками оседал на лице и руках Валерия.

Мелькнуло побережье Сахалина. Беляков вывел самолет точно на маршрутный пункт. Но остров быстро кончился, и снова буруны Татарского пролива закипели под крыльями моноплана.

Пытаясь обойти косые полосы дождя, Валерий менял курс, разворачиваясь над самой водой. Однако здесь где-то очень близко был мыс Меншикова. Самолет каждую минуту рисковал врезаться в скалу. Иногда Валерий не видел ничего в двух метрах перед собой. Туман закрывал все.

— Надо итти снова на высоту! — крикнул он товарищам и, отойдя от берега обратно в Татарский пролив, стал пробивать облачность. Он надеялся, что в облаках дождь прекратится. Но этого не случилось; на высоте две с половиной тысячи метров началось самое страшное: красные крылья стали белеть, стекла затягивались корочкой льда. Самолет затрясся.

— Ну, и пляски! Эдак на куски разлетимся! — крикнул Валерий.

Друзья не слышали его. Беляков покрасневшими от усталости глазами смотрел на термометр. Георгий, сидя у передатчика, посылал радиограмму:

«Туман до земли. Беда. Дайте немедленно Хабаровскую широковещательную. Срочно запускайте десятикиловаттную. Обледеневаем в тумане. Давайте наш позывной непрерывно словами».

Обледенение продолжалось с такой быстротой, что Чкалов, опасаясь за прочность машины, поспешил сбавить газ и повел самолет на снижение. Удары и тряска стихли, в дождливых сумерках самолет пошел ровней.

— Пробивайся к берегу! — закричал Байдуков.

— Ничего другого не остается, — ответил Валерий. Его напряжение достигло предела. — Ты связался с Николаевском?

— Безрезультатно. Молчит.

— Что?

— Молчит, говорю.

— Буду держать курс на...

Он не успел закончить фразы. Байдуков, сидевший с наушниками, взволнованно поднял руку.

Георгий поймал шедшие из эфира непрерывно слова:

«Приказываю прекратить полет... сесть при первой возможности... Орджоникидзе».

Не опуская руки, Байдуков доложил Чкалову о полученном из Москвы приказе.

«Это значит — перелет наш заканчивается? — проносилось в голове Валерия. — Сесть? Но куда? К берегу безопасно можно пробраться только над поверхностью моря. На материке же самолет обязательно воткнется в какую-нибудь сопку».

Выход был один: немного пролететь обратно к водам Татарского пролива.

Так и сделали. Внизу лежали песчаные скучные островки или отлогая коса с заливчиками, а может быть, и отмель — трудно было разобрать. На одном из островков как будто даже серели постройки.

Беляков вглядывался в карту, отыскивая островки. На карте, в заливе Счастья, он обнаружил какой-то остров Ур.

Посоветовавшись с друзьями, Чкалов решил итти на посадку. Машина носилась над островом. Делая круги, летчики видели крыши деревянных домов. Валерий искал площадку. Ему хорошо было видно, как там, внизу, люди, испуганные рокотом мотора, выбегали из дверей; коровы, задрав хвосты, в ужасе шарахаясь, прыгали через овраг; нартовые собаки бросились в воду. Какая-то женщина взбежала на вышку, махая руками.

Байдуков посмотрел на Чкалова и рывком выбросил за борт самолета вымпел о посадке. Красная лента, извиваясь змеей, упала на землю.

Один из гиляков, с длинной косой, одетый в короткий кафтан, быстро схватил круглую коробочку, не догадываясь открыть ее; он любовался красивой лентой, показывая ее другим.

— Вот чертяги! — выругался Чкалов. — Не сообразят прочитать, что мы написали!

Он сделал еще круг и, наконец, выбрав удачный

момент, когда малюсенький клочок почвы оказался свободным от людей, повел самолет на посадку, пытаясь разглядеть бегущую навстречу гальку и песок. В последний миг, заметив зияющую чернотой выемку оврага, он мгновенно дал газ, самолет сделал прыжок, колеса плавно коснулись грунта и вскоре замерли, врезавшись в вязкую гальку.

Через задний люк по очереди вылезли летчики. Чкалов первым бросился к колесам.

— Все в порядке. Чуть только фланец лопнул.

Сказав это, он почувствовал вдруг такую невыразимую усталость, что прислонился к крылу самолета и закрыл глаза. Байдуков с Беляковым в такой же позе стояли рядом. Упадок сил застиг всех троих мгновенно.

Вдали, в ночной сырой мгле, мигали огоньки рыбацкого поселка. Великий покой окружал трех людей, до этого пятьдесят шесть часов слышавших непрерывный рокот мотора. Валерий двинул ногой, галька, шурша, покатилась вниз. И этот дробный звук камешков показался ему чудесным.

И опять только дождь нарушал тишину.

Впервые после пятидесяти шести часов полета, прикрывая ладонями огонек папиросы, Валерий закурил.

Совсем просто сказал друзьям:

— Ребята, вы не волнуйтесь. Сделали мы дело, теперь будем отдыхать. Достанем коньячку из крыла, обсушимся, и все будет в порядке.

Через сетку дождя к самолету бежали мужчины. Почти у всех были косы.

Из надвигающейся темноты раздались гортанные голоса, летчики поняли, что их спрашивают: откуда они?

— Москва... Мы прилетели из Москвы.

— А как называется ваш остров? — спросил Беляков.

Разобрав вопрос, они ответили:

— Удд.

— А у меня на карте — Ур.

Жители островка смотрели настороженно

Чкалов расправил плечи, подтянул промокшие унты. Сделал несколько шагов вперед. На время он забыл свою усталость. Ласково обнял одного старого безрукого охотника.

— Москва... Знаешь, столица Советского Союза? Мы оттуда.

И так велика была сила обаяния этого изнутри осветившегося сурового, небритого лица, что у всех растаяло недоверие и на губах заиграла улыбка.

Георгий, возившийся у антенны, которую он тут же устанавливал, чтобы послать в эфир известие о посадке, искоса поглядывал на лицо друга.

Беляков ключом отстукивал радиограмму по азбуке Морзе.

Все вместе зашагали на огоньки. С одежды лилась вода. Плохо слушались ноги. Короткий путь до аккуратного домика начальника лова Тен Мен-лена показался бесконечным. Постучали в дверь. В уютной комнате горела под потолком висячая лампа; желтый круг лежал от нее на столе. Портреты Сталина и Ворошилова делали комнату родной и близкой.

Летчиков встретила краснощекая, сильная женщина. Звали ее Фетинья Андреевна, это была жена Тен Мен-лена.

Скоро на сковородке уже шипел ужин. Из разрезанного резинового мешка пилоты вынули консервы, коньяк. Только сейчас они поняли, как голодны. А рюмка коньяку распространила по всему телу теплоту. Комната показалась еще приветливей, ласковая хозяйка еще милее.

Фетинья Андреевна, накладывая гостям полные тарелки, вспомнила о переполохе на острове.

— Я на вышку залезла, небо гудит, вижу — большущие крылья, а на них не по-нашему написано.

Чкалов, улыбаясь, разъяснил, что буквы URSS обозначают: Союз Советских Социалистических Республик.

— А я подумала: уж не иностранный ли самолет? Граница близко. Нет ли, думаю, подвоха какого. Уж сознаюсь перед вами, сразу же к рыбакам побежа-

ла, трое сели в лодку и через залив Счастья, наперерез, к пограничникам поплыли...

— Хорошо ваш залив называется, — перебил Беляков, — залив Счастья.

Спать устроились на полу, в полярных мешках. Фетинья Андреевна ходила на цыпочках, боясь разбудить гостей. А когда возвратился хозяин Тен Мен-лен (он искал свою заблудившуюся корову), Фетинья Андреевна приложила ко рту палец и, жестом отозвав его в уголок, рассказала, кто у них в доме.

Бесстрашный на рыбной ловле в бурном Татарском проливе, Тен Мен-лен был в жизни, в семье, очень чутким и деликатным. Ложась спать, он старался не дышать, чтобы не разбудить летчиков. Но они спали так крепко, что даже выстрел из пушки, пожалуй бы, их сразу не разбудил.

Низкие невеселые облака плыли над бревенчатым домиком Тен Мен-лена.

Валерий, проснувшись, резко повернулся в спальном мешке. Он первым уловил за тонкой стеной знакомый гул. Сначала даже не верилось, подумал: может быть, спросонья? Но нет, в окошечко смотрел туманный скучный день и шум не прекращался.

Чкалов принялся тормошить друзей.

Байдуков, открыв глаза, долго не понимал, что ему делать: садиться ли за штурвал или занять место штурмана.

— Вставай же, десять часов отхватили, Байдучок!

Одним движением накинув куртки, все трое выбежали из двери. В облачном месиве никакого самолета не было видно.

— Экая досада, ребята! — вырвалось у Чкалова, но Георгий его перебил, показывая рукой на небо:

— Смотри!

Вести с материка принесла маленькая амфибия, похожая на резвую игрушку. Машина ловко опустилась в лагуне и, разбрасывая пену, выползла на сушу.

Летчики горячо поздоровались. Прилетевшие гости сообщили, что лишь отрывки чкаловской радиограм-

мы приняла поздно ночью одна из ближайших радиостанций. Трудно было понять, где именно приземлился экипаж N 0-25. Только благодаря зоркости пограничных постов, которые заметили летевший в дожде и тумане моноплан, удалось установить место посадки.

Валерий показывал гостям свой самолет. Тут же, под длинными узкими крыльями N 0-25, обсудив положение, решили: Белякову лететь на амфибии в Николаевск и доложить Москве об окончании перелета, а Чкалову и Байдукову остаться на островке и попытаться установить связь с пограничным сторожевым судном, которое уже вышло из Охотского моря.

Днем островок показался Валерию иным. На нем росло много цветов. Тонко пахли фиолетовые ирисы и маленькие розы. Редкие карликовые сосенки скорее похожи были на кустики. На противоположной стороне залива высились сопки. Они поросли дремучим дальневосточным лесом. Ближе к берегу виднелись плоскодонки и одноэтажные постройки рыбного завода. Около них рабочие готовились к путине. С яростью бушевали у берега волны, выбрасывая свежую гальку.

К вечеру островок ожил. Приезжали приветствовать летчиков из района, из области. На якоре покачивался сторожевой корабль пограничников. Моряки, жизнерадостные, шумные, привезли для чкаловской тройки охотничьи ружья. Фетинья Андреевна еле успевала принимать новых гостей.

Фетинья Андреевна попала на остров из города Омска. Отличалась она сибирской домовитостью. Стены и потолок ее горенки выбелены до ослепительной чистоты. Она постоянно проявляла большое дружеское расположение к смелым охотникам-гилякам. Для них и для их ребятишек всегда лежал у нее на столе русский букварь. Валерий скоро понял, какую роль она играла на маленьком советском островке. К таким людям его всегда тянуло, и он никогда в них не ошибался.

Шли часы на острове. Беляков сидел над штурман-

скими записями. Георгий охотился с новыми ружьями. Чкалов искал площадку для взлета. Он нашел ее в полутора километрах от самолета, за поселком. Теперь он был озабочен устройством деревянного настила.

Прозвенел медный колокол — сигнал к обеду. Он вывел Чкалова из раздумья. Упряжные собаки, лежавшие возле кухни, подняли бешеный лай. Валерий повернул голову.

«Условный рефлекс, — подумал он, — чувствуют, что сейчас кормежка им будет».

Маленькая гилячка, лет пяти, с черными блестящими колечками волос, как куколка, стояла на берегу. В руках она держала пучок диких роз и нерешительно смотрела на больного человека. Он шагнул к ней, ласково провел ладонью по ее густым волосам.

Чкалов редко бывал полностью доволен тем, что делал; всегда хотелось продолжать работу, сделать еще лучше, совершеннее. В нем жила постоянная неудовлетворенность достигнутым, какое-то прекрасное беспокойство, присущее людям могучей души. Но здесь, у бесконечной волны, тащущей гальку, он глядел на крохотную гилячку и чувствовал себя необыкновенно счастливым от того, что она с детской щедростью протягивала ему букет.

— Называется залив Счастья, — негромко проговорил он.

Байдуков возвращался с охоты. Он держал привязанную на веревочке тройку тощих уток и собирался пройти, по возможности, так, чтобы не привлекать к себе внимания, но Валерий обернулся и заговорил первым:

— Ай да Байдук! Дичина великолепная! Сейчас из нее наша хозяюшка устроит пир на весь мир! Ну, и Егор!..

И они вместе с окончательно пристыженным Егором зашагали на голубоватый дымок к домику Тен Мен-лена. Егор стал рассказывать, как ему сегодня посчастливилось из маузера подстрелить кулика. А Валерий перебивал его своим рассказом:

— Был у нас на Волге ветхий старичок такой, Гор-

деич, совсем глухой, меховая шапка рваная, один наушник всегда торчком. Охотник был страстный, ружьецо у него, как сейчас помню, лихое. Вот вышли мы с Гордеичем как-то по пороше на зайца. Я вскоре обогнал старика. Вижу: беляк! Ударил на вскидку. Удачно! Взял я битого зайца, положил на снег, на бугорок, будто на лежке, в ухо ему записочку воткнул, тут же ее написал. Потом бегу к Гордеичу, кричу: «Горденч, гляди! Заяц! Стреляй!» Старик загорелся, вскинул ружье, — и бац! Заяц упал. Подходим. Мой старик с гордостью поднимает зайца. Довольный — страсть! А я ему говорю: «Смотри, Горденч, у него в ухе какая-то записка». Он вынул из заячьего уха бумажку, надел очки и прочитал: «Милый Горденч, ты меня не убивай, я уже убитый». Вот он сначала рассердился! А потом вместе хохотали.

Байдуков громко смеялся.

— Чудак ты, Валерий!

И Чкалов был доволен, что развеселил друга, огорченного результатами охоты.

В домике их ждали рыбаки колхоза «Поми», что значит дельфин. Сам хозяин, специалист по лову (таких людей на Дальнем Востоке называют сендо), сидел у дымящейся миски со щами. Беляков в соседней комнате разбирал радиокорреспонденцию.

— Фетиньюшка, готовь большие сковородки. Егор куликов принес! — кричал Чкалов на пороге в горенку. — А погода опять задерживает вылет. Сендо, когда обещаешь прояснение? Байдук, угощай рыбачков коньяком.

Он звонко чокнулся с жителями острова.

— Саша, Саша! Хватит тебе с письмами возиться. Народ ждет тебя.

В горенку вошла группа корреспондентов. Они только что приехали с материка. Чкалов весело встретил новых гостей.

— Только уговор, ребята: нашу хозяюшку не мучайте расспросами. Она уж и так стала вашей жертвой. Верно, хозяюшка? Знакомьтесь: Егор — бог слепого полета. А вот Саша — золото, не человек. Имейте в виду, кроватью они завладели надолго; ес-

ли останетесь ночевать, ребята, устраивайтесь на полу. Закуривай, товарищи. Егорушка, поднеси вот этому, длинному, чару. Вижу по глазам, пить здоров. Меня не проведешь. Правильно, Егор, действуй!

Валерий долго отказывался дать интервью корреспондентам, но, в конце концов, сдался на уговоры друзей.

— Что, мы, собственно, ребята, сделали? Полагаю, каждый бы так выполнил задание товарища Сталина, как мы...

Все же о перелете он рассказал, правда, скупо, — немного разговорился лишь в конце беседы.

— Татарский пролив пересекли вслепую, знали, что где-то тут поблизости находится устье Амура. Но где? Здесь же находятся и возвышенности. Надо, думаем, пройти между ними. Как? Мы потыкались, потыкались, два раза чуть не задели горы крылом и решили: надо искать посадку в другом месте. Набрали высоту, верно, Егор? Вот тут-то и началось самое страшное: обледенение. Тогда мы вернулись к морю, вынырнули в пятнадцати метрах от воды, повернули к берегу и, как сами знаете, сделали посадку недалеко от домика, где сейчас сидим. Ну вот и все, ребята.

В заливе Счастья часто спускались гидросамолеты, привозившие пачки телеграмм с Большой Земли.

Много народа побывало в те дни на острове. Было много и подарков.

Превосходную трубку подарил Валерию один из моряков.

Очень довольный, Чкалов целый день показывал ее друзьям:

— Вот это трубочка, я понимаю...

Разбирая новые отклики и приветствия, доставленные на остров по радио, Валерий сказал Байдукову:

— Вот, Байдук... тебе адресовано...

Тот, пробежав записку, дал Валерию посмотреть, что писали ему из родных мест.

Валерий громко прочитал:

— «Узнал, Егорка, о твоем геройстве. Ваш перелет принес мне великую радость на 89-м году моей жиз-

ни. Желаю тебе летать еще дальше и выше... Целую крепко. Твой дед Максименко».

У Чкалова блестели глаза. Он похлопал друга по плечу.

— Молодец твой дед!

На следующее утро летчики проснулись раньше обычного. За чаем они обсуждали вопрос, как лучше перетаскивать самолет. В это время они увидели в окно группу людей, шагавших от деревушки к домику.

Через несколько минут Чкалов с волнением развертывал только что полученную телеграмму.

Она была от Иосифа Виссарионовича. Сильные пальцы Чкалова слегка вздрагивали, когда он читал ее. Георгия, Саню и его награждали званием Героя Советского Союза. В первые мгновенья все это показалось сном. Их знала вся страна. Их поздравлял Сталин.

Трое летчиков стояли, тесно прижавшись друг к другу, склонившись над телеграммой. По щекам Георгия катились слезы. Валерий от волнения часто дышал.

Вдруг он заторопился, забегал по комнате.

— Ребята, где мой летный шлем с очками? — крикнул он. — Слетаю в Николаевск и передам ответ товарищу Сталину.

Чкалов угадал общее желание.

Из Николаевска он вернулся скоро; привез пачку газет, журналы, фрукты.

Вслед за ним на остров прилетели новые корреспонденты. Валерий в этот вечер был разговорчив, описал перелет, подробно рассказал о Байдукове и Белякове, о том, как героически бодрствовали они на своих вахтах, в тумане и в обледенении... А о себе не сказал ни слова.

Журналисты слушали и записывали в блокнот. Один из них не вытерпел и спросил:

— Валерий Павлович, скажите, а Чкалов участвовал в перелете?

Валерий нахмурился:

— Да лапю тебе!

...Каждое утро, умываясь во дворе, пофыркивая и

крепко растирая себя полотенцем, он поглядывал на небо. Однако погода явно не благоприятствовала.

— Эх, Фетинькошка, сейчас бы нашу василёвскую баню, с паром, веником, капустой да редькой!.. А какой квас мать варит!..

Вылететь в Москву Валерий стремился как можно скорее: хотелось поделиться с женой, с друзьями всем, что было пережито, повидать детей, а самое главное, подробно доложить товарищу Сталину о перелете и постараться передать всю полноту их общей благодарности ему, великому их другу и вдохновителю; при этом он чувствовал, что слова иногда бывают недостаточны: нужны новые дела, — и он знал, что совершит их.

С такими мыслями он в свободное время уходил на охоту — опоясанный патронташем, в высоких кожаных сапогах. Как во всем, он и на охоте был азартен и любил первенствовать. Зорко всматривался он в напуганного низко летящего кулика, вскидывал ружье, целился, и тогда светлый его глаз с настороженным темным зрачком чем-то напоминал глаз могучей птицы.

На охоте он мог молчать подряд три, пять часов, весь поглощенный ею. К этому уже привыкли его друзья.

Иногда он неожиданно спрашивал Белякова:

— А полетим еще?

Тот кивал головой в знак согласия и спрашивал в свою очередь:

— А куда?

Валерий отвечал с серьезным видом:

— Белых медведей пугать...

Дожди не переставали. Заливало специальные карманы и сумки, пристроенные на самолете; хранившиеся там карты, записи и путевые журналы могли испортиться. Беляков перенес их в домик.

Пробная рулежка показала, что грунт острова «не надежен», он не выдерживал тяжести чкаловского корабля. Попробовали, копнули, думали, что земля,

а ее оказалось на один вершок, дальше шла бесконечная галька.

Чкалов решил перекатить увязавший в зыбучем грунте самолет на такое место, с которого был бы возможен взлет. Помогать пришли старики, девушки, охотники, рыболовы, женщины с грудными ребятами. Пришел даже однорукий гиляк-охотник, старый Пхаи. С песней, с «Дубинушкой», тянули машину.

Вечером отдыхали, слушали рассказы Валерия, Егора, Саши; только здесь, на острове Удд, друзья узнали от скромного Белякова, что ему выпала великая честь сражаться в рядах Чапаевской дивизии...

Днем работали не покладая рук.

Вскоре остров стал неузнаваем. Строили широкую деревянную дорожку для взлета. На сотни метров протянулась гирлянда электрических ламп. Доставленные на судах тракторы с прицепами, погружаясь колесами в гравий, ползли по острову. Люди укладывали доски на деревянный настил. Голубые дымки вились от походной кухни. Стук топоров, молотков, конский топот распугали кроншнепов, которые обычно садились на холмы поклевать ягоды. Полевые радиостанции поддерживали постоянную связь с Николаевском на Амуре. Бойцы, колхозники, краснофлотцы перетаскивали на плечах брусья и доски с барж

У острова скопились быстроходные катеры, пароходы. Люди дружно пели «Дубинушку». Валерий подтягивал басом.

Возвращались через Сибирь. На каждой остановке в пути народ восторженно встречал героический экипаж. Всюду устраивались митинги. Задолго к месту встречи несли огромные букеты цветов, знамена и стяги с приветствиями.

Весь обратный перелет был триумфальным.

Москва открывалась необъятной громадой домов, заводов, каменных кварталов, перехваченных зелеными бульварами и лентой реки, закованной в гранит, арками мостов, стенами Кремля, его башнями и дворцами.

Внизу был светлый, солнечный город.

Краснокрылая птица несла на себе запахи якутских ветров, болот Белозерья, влажные пары облаков, а память пилотов хранила теплое воспоминание о затерянном островке, поросшем на холмах низкорослой морошкой, о высоких сопках, нахмурившихся хвойными лесами и как бы охранявших устье величественного Амура, о дружной семье гиляков, с которыми пришлось провести две недели.

Чкалов всматривался в знакомую до мельчайших подробностей, убегающую ровной полосой двухкилометровую дорожку, и вспоминал, как несколько дней назад, улетая с острова, он отрывался с огромного настила, похожего больше на стол и разделенного посередине черной линией — грязью, которой натаскали с заливчика.

На Щелковский аэродром приземлились ровно в семнадцать часов. Чкалову показалось, будто только вчера он покинул его. Из окна пилотской кабины Валерий видел множество лиц, алые знамена, вереницы лакированных автомобилей, трубы оркестров, отливавшие золотом, — все это сливалось, двигалось, сверкало и было залито солнцем.

У самолета остановилось несколько машин. Из передней вышел товарищ Сталин, за ним — товарищи Ворошилов и Орджоникидзе. Иосиф Виссарионович спокойной походкой направился к самолету.

Горячая волна счастья охватила Чкалова, стоявшего в эту минуту на крыле. Увидя Иосифа Виссарионовича, он поискал глазами стремянку, махнул рукой, сел на крыло и, скатившись по полированной обшивке на землю, побежал навстречу. Сердце его сильно билось. Стараясь побороть волнение, он вытянулся и рапортовал:

— Товарищ Сталин, ваше задание выполнено, маршрут окончен.

Иосиф Виссарионович крепко обнял Чкалова и расцеловал. Потом он передал Чкалова Клименту Ефремовичу, а сам шагнул к Белякову и Байдукову и расцеловался с ними.

Валерию очень хотелось как можно подробнее рас-

сказать о перелете, но Иосиф Виссарионович, расспросив о главном, вскоре, смеясь, поднял руку:

— Вам надо отдохнуть. Ведь вы устали.

Валерий шел покачиваясь, в ушах звенели позывные сигналы РТ и УО, от волнения он еле владел собой. Он видел, как к Иосифу Виссарионовичу нестройной гурьбой подбежали дети и протягивали ему букеты роз.

— Это героям. Дайте все цветы Чкалову, Байдукову и Белякову, — сказал Иосиф Виссарионович, обнимая ребятишек...

...На машинах, празднично украшенных цветами и пышными венками, двигались, как триумфаторы, летчики по знакомым улицам. С верхних этажей, с балконов, с крыш — отовсюду сыпался на них снег листовок.

Валерий сидел рядом с Игорем и Ольгой. Он не мог выговорить почти ни слова. Он только все время с огромной радостью ощущал: как много он еще сумеет дать своей стране, своему народу...

То, что переживала Москва, переживали и Киев, и Ленинград, Баку и Архангельск, Хабаровск и Луга — все города и села Советского Союза. Вся страна как бы присутствовала в те дни в Москве.

Нелегко было бы Чкалову решить, что больше взволновало его — окончание ли перелета, труднейшая ли посадка на острове Удд или те волны, потоки народной любви, которые буквально ошеломили трех героев.

В своей квартире Валерий увидел груды газет. Бегло просматривая статьи, опубликованные в мировой печати (нехватало времени, — квартира уже была полна друзей, знакомых, незнакомых), Валерий разводил руками, еще не понимая до конца значения всего совершенного тройкой советских летчиков.

На следующий день Чкалов отчитывался перед коллективом завода, на котором работал летчиком-испытателем.

Это был даже не отчет, а подробный рассказ о по-

На острове Удд. Чкалов помогает перекатить увязший в зыбучем грунте самолет.

Триумфальная встреча Чкаловского экипажа в Москве.

лете. Но прежде чем начать рассказывать, Валерий обратился к рабочим с такими словами:

— Я пришел на завод не совсем чистым. Кое-что было у меня в прошлом, был грех молодости: расхлябанность, недисциплинированность. Работая вместе с вами, я научился дисциплине. Наступила зрелая пора. За мое перевоспитание — большое вам спасибо, товарищи!

Чкалов был убежден, что среди его слушателей можно выделить не один такой экипаж, какой был на N 0-25. Эту мысль он высказал на следующий день на грандиозном митинге в Центральном парке культуры и отдыха. В тот вечер накрапывал дождь, тучи сгущались, но двадцать тысяч рабочих столицы, собравшихся в Зеленом театре, не расходились. С напряженным вниманием они слушали Байдукова и Белякова. Валерий выступил последним.

— Мы были маленьким коллективом из трех человек, — говорил он, окидывая взглядом колышущееся море голов. — Если бы не было вас, не было бы и нас. Мы такие же работники, как и вы. Ничего особенного в нас нет. Что же, товарищи, вдохновило нас на преодоление тех тяжелых трудностей, которые встречались в пути?.. Много хороших слов есть в богатом русском языке, но одно слово горит в моем сердце: Сталин. Не в полярный день, а в полярную ночь экипаж готов повторить еще раз Сталинский маршрут. Если нам в продолжение пятидесяти шести часов, не переставая, светило солнце, то и в полярную ночь нам будет светло, потому что нас ведет товарищ Сталин. А где есть Сталин, там нет тьмы — там яркое солнце!

Прошел еще день. Чкаловскую тройку пригласили в Большой Кремлевский дворец. В Георгиевском зале Чкалов сидел за столом рядом с руководителями партии и правительства. Он слушал речи товарищей Орджоникидзе и Ворошилова, изредка бросал взгляд на Ольгу. Счастью его не было предела. Наконец дошла и до него очередь произнести речь. Он встал с лицом возбужденным и немного бледным, откинул

рукой непослушную прядь волос, спадающую на лоб, и тихо начал:

— Вот говорят, будто мы превосходный перелет сделали. Да этот перелет совершили не мы... Рабочие сделали его, служащие, инженеры, которые построили нам машину. Вся страна летела вместе с нами, а нашим штурманом был великий Сталин. Поэтому перелет этот так и близок всем людям Советского Союза.

Он на минуту замолк и продолжал окрепнувшим голосом:

— Мы летели на замечательном самолете... Спасибо тебе, дорогой ты мой, — и Чкалов протянул через стол руку конструктору мотора, — за то, что ты сработал сердце нашего самолета — мотор. А за великую награду, за такую встречу, — продолжал Чкалов, обращаясь к Иосифу Виссарионовичу, — разрешите нам, товарищ Сталин, повторить маршрут!..

В тихом Малом Власьевском переулке Валерий остановился у знакомой двери и нажал кнопку звонка. Одноэтажный высокий особняк этот хорошо знали многие летчики. На голубой эмалированной дощечке выгравировано: «Борис Илиодорович Россинский, заслуженный пилот СССР».

Дверь открыл сам «дедушка», большой, оживленный, с громким голосом. Совсем молодыми движениями он обхватил Валерия и по-юношески горячо поцеловал его тут же на ступеньках. Он хотел было провести Валерия в кабинет через широкую комнату с массивным биллиардом посередине — хозяин был заядлым биллиардистом, но Валерию приятнее было посидеть в крайней, угловой комнате с узкими окнами, где на цветных стеклах были изображены готические рыцари в плащах, в доспехах, с мечами. В этой комнате помещался личный музей Россинского.

Десятки фотографий на стенах повествовали о славном пути, пройденном русской авиацией.

Большая фотография в раме изображала француз-

ского авиатора Луи Блерио, в изящном крахмальном воротничке. На фотографии была надпись самого Блерио.

На одной из фотографий изображался летчик, сидевший верхом на аэроплане, свесив ноги, совершенно открытый; авиатор не был даже привязан, и казалось — слабого толчка достаточно, чтобы его стряхнуло с аэроплана, построенного из полотна и палок, скрепленных проволокой.

— И все это держалось, по меткому выражению одного француза, только силой рассуждения, — шутливо пояснял Россинский.

Портрет хозяина, тогда еще молодого пилота, с бородкой узеньким клинышком, в желтых крагах, висел тут же. Рядом виднелись фотографии «фарманов» и «вуазенов», напоминавших поваленные этажерки, и картина, изображавшая Ходынское поле с крохотным сарайчиком, в котором вместе со своим хрупким аэропланом жил Россинский.

С противоположной стены глядели портреты старейших летчиков, среди них лицо легендарного капитана Нестерова, подтянутого, в офицерской шинели, с холодным взглядом.

Чкалов любил заходить по вечерам к Россинскому и рассказывать «деду» о событиях своего летного дня, дня испытателя только что рожденных машин. Он обычно садился в удобное кресло и делился с «дедом» своей давней мечтой о сверхскоростях, о никем в мире не осуществленных рекордах. Иногда он перебивал свой рассказ:

— А я сегодня летал и все пел. Хорошо, дед! А на улице мороз, снег...

Совсем не старый «дед» смеялся, вскакивал, обнимал гостя.

— Молодец ты, Валерий! Люблю я тебя.

Иногда Чкалов просил:

— Ну, давай рассказывай, живая история: на чем в старину кости ломали?..

— Да что ж рассказывать! Ты вот, Валерий Павлович, о сверхскоростях мечтаешь, а я, когда летал, то развивал скорость не свыше шестидесяти километ-

ров в час, и то казалось сверхскоростным достижением, и мне приходилось всем своим корпусом преодолевать сопротивление воздуха — того и гляди отбросит к мотору. А потом зимой мне доводилось испытывать и довольно сильное охлаждение, я мог в айсберг превратиться так же, как ты, Валерий, когда к полюсу полетишь.

— Ну, Боб, я, положим, не мерзну, у меня в кабине тепло, все закрыто.

— Знаю, знаю, пошутил, но ведь ты, Валерий, на советских самолетах летаешь, а я, — Россинский лукаво прищурился, — а я... на аэропланах поднимался.

Чкалов переводит взор на портрет элегантного Блерио, а Борис Илиодорович эпически переходит к описанию аэропланов его системы.

— А на «блерио» я сидел посередине, уже только наполовину высунувшись. Мотор помещался передо мною.

Валерий Павлович вначале удивлялся отсутствию капота у «блерио».

— Мотор-то слабенький, всего двадцать пять сил, с воздушным охлаждением. Если его закрыть капотом, он моментально бы перегрелся и остановился. В открытом же виде его хорошо продувало... ветерком, и он не утомлялся. — Россинский неподражаемыми интонациями оттенял свои словечки. — Это что, — продолжал он, — еще бóльшую неприятность приходилось испытывать нам, авиаторам. Мотор смазывался касторкой, она смешивалась с гарью, и ее выбрасывало вместе с отработанными газами из мотора. Черная такая, едкая, горячая масса залепляла глаза.

— А очки?

— Очки тоже заплевывало этой дрянью. Начинаешь их протирать, совсем замажешь.

— Выходит дело, «слепой полет»! — пошутил Чкалов.

— Тогда, Валерий, и зрячими-то не умели летать. А знаешь, как нас к такому слепому полету приучали? Как пожарных к дыму. Посадят в стоящий на

земле аэроплан, запустят мотор и велят глаза открыть и смотреть. Минуту посидишь, совсем глаза разъест. Вылезешь, — другого сажают на твое место, для тренировки, а инструктор сбоку стоит с секундомером в руках, записывает, кто сколько выдержал. Бывало, вечером после такой тренировки сидишь со свинцовой примочкой на глазах, три дня из дому не выходишь. Но ничего, привыкали... А я рассказывал тебе, как мы с Николаем Егоровичем Жуковским в тысяча девятьсот восьмом году первый раз в синематографе полет аэроплана увидели? Кино тогда синематографом называли. Кто-то и сказал мне, что будут показывать на экране полет знаменитых братьев Райт. Как сейчас помню, синематограф на Петровке помещался, против пассажа. Пришли с Жуковским на Петровку, на окнах большие афиши, и на них громадными буквами напечатано: «Похождения Глупышкина». Это был герой тогдашней кинематографии, любимец публики. Я был немало смущен, увидев эти афиши. Я, студент, привел уважаемого профессора на подобную картину! Говорю: «Простите, Николай Егорович, сейчас все выясню». Пошел я к кассе, Жуковский у окон прогуливается. У кассы сам хозяин синематографа, пожилой купец. «У вас,— говорю, — полет на аэроплане показывают?» — «Показывают», — отвечает. «А почему же, — говорю,— на афишах об этом не объявлено, а красуется Глупышкин?» Купец мне ответил, и я навсегда запомнил его ответ: «Что нам ваши полеты! Разве на них зарабатываешь? Аэропланами интересуются только чудаки, а Глупышкин полные сборы мне делает».

Я купил два билета и вышел к Николаю Егоровичу. Полет братьев Райт показывали в конце сеанса, в кинохронике «Патэ-журнал», всего три-четыре минуты. Ничего мы толком не разобрали. Что-то промелькнуло на экране. Один из братьев, Вильбур, сел на аппарат, разогнался по деревянной рельсе, взлетел и вскоре опустился. Вдруг — свет в зале. Сеанс окончен. «Не посмотреть ли нам еще раз полет?» — робко спрашиваю Жуковского. Он согласился. Я снова купил два билета, битый час смотрели опять

Глупышкина... И в третий раз покупали билеты, чтобы составить все-таки представление о полете этих самых братьев Райт.

— Что же, Боб, охота пуще неволи...

— Да, Валерий... А когда пришел домой из кино, всю ночь не спал, все мечтал, как бы самому аэроплан построить и... полететь. В те годы я не имел возможности мотор получить, авиации в России еще не было, начал строить планер из бамбуковых палочек. Вот он, на снимке.

На старой пожелтевшей фотографии Россинский был изображен на своем планере.

— Планер мой вышел двухъярусный, я должен был висеть на подмышках, видишь: бамбуковые палки полотенцем обложены, чтобы не резало. А площадку для взлета я выбрал в Тарасовке, дачной подмосковной местности... Один берег реки гористый, другой — равнинный. Однажды раскатился на санках с политой горки — чувствую, что лечу! Ветерок был. Представь, удалось перемахнуть Клязьму.

— Выходит, Клязьма русским Ламаншем была, а ты, Боб, — русским Блерио, — резюмировал Чкалов.

— Ну, как же! У нас и обслуживание было соответственное. Вам-то теперь погоду предсказывают синоптики, что они еще там скажут, а мы, когда совершали публичные полеты в городах, имели свою походную метеорологическую станцию. Перед полетом авиатор вынимал носовой платок и, держа его кончиками пальцев, проверял, есть ли ветер. Публика возмущалась, кричала: «Что он там с платком колдует?» А все дело в том, что если платок не колышется — значит тихо, лететь можно...

Полеты совершались на ипподромах, огороженных высоким дощатым забором. Авиаторы не имели своих машин и заключали с предпринимателями договор, который обязывал пилотов не подниматься выше забора, чтобы бесплатная публика не могла любоваться полетами...

...В этом музее появлялись и живые экспонаты. Так и в этот раз: раздался звонок. Слышно было, как

кто-то поднимался по лестнице. В дверях появился солидного роста мужчина.

— А, старый приятель! — приветствовал его Борис Илиодорович. — Входи, входи. Это мой «лапотник», — обратился он к Чкалову, знакомя с новым гостем. — Не понимаешь? Сейчас расскажу. Было это в десятом году. Я на Ходынке совершал свой очередной полет. Погодка — чудо: ни ветерка, воздух — благодать. Дышишь и не надышишься. Я сделал один круг, другой, третий. С аэроплана хорошо было видно моих постоянных поклонников: ребятишек с окрестных улиц. Они задрали головы и не отрывали глаз от моей машины. Вдруг один из них снял с ноги лапоть и запустил прямо в меня. Летел я низко. Слышу треск: пропеллер поломался. Сделал вынужденную посадку. Хотел поймать виновника аварии. А сейчас вот он перед тобой: авиационный инженер...

Вечер провели все вместе: «дед», Валерий и «лапотник» — с семьей Бориса Илиодоровича, в уютной столовой, за бесконечными рассказами, воспоминаниями, тостами.

...Дни, проведенные по окончании перелета в Москве, ознаменовались важнейшим событием в жизни всех трех летчиков.

Чкаловскую тройку пригласили в редакцию «Правды». С работниками «Правды» у летчиков установились уже давно исключительные отношения, и на вечере встречи с работниками центрального органа партии экипажем N 0-25 были переданы заявления с просьбой о принятии в ряды ВКП(б). До этого Чкалов и Беляков были беспартийными, Байдуков — кандидатом партии.

Валерий писал:

«В ЦК ВКП(б).

Прошу о принятии меня в члены великой партии Ленина—Сталина.

Буду все силы отдавать за дело партии, за прове-

дение в жизнь директив вождя и учителя — великого Сталина».

К этому шагу он был подготовлен всем развитием своей жизни.

...

Винт быстроходного катера резал волжскую волну, сзади оставалась желтая борозда пены.

Чкалов стоял на носу катера, широко расставив ноги. С берегов, на которых сплошь стоял густой стеной народ, неслось «ура». Пароходы салютовали гудками.

Рыбаки-колхозники бросались вплавь задолго еще до приближения катера и сейчас держались на самой стремнине. Когда катер проносился мимо них, они махали руками и кричали:

— Ура земляку!

— Здравствуй, Чкалов!

— Павлычу привет!

Валерий Павлович увидел знакомую заплатанную, старенькую землечерпалку, на которой он когда-то работал кочегаром. Она оставалась все такой же.

На моторке сидели Ольга Эразмовна, Игорь, сестры — Софья и Анна и брат Алексей... А он возвращался в Василёво, совершив перелет на маленький, до того никому не известный островок в Татарском проливе. Название островка и его имя облетели мир.

На родную землю вступили ровно в три часа. Валерий первым выпрыгнул с катера на мостик. Берег встретил его восторженными криками.

Валерий шел по взвозу, со всеми здороваясь. На него надвигались радостные лица, тянулись руки. Дети забрасывали его полевыми цветами. Он видел задранные бороды стариков, улыбки, сотни устремленных на него глаз. Он пожимал руки старым и малым, справа и слева, и народ все валил за ним Гремел оркестр. Колыхались полотнища знамен.

Чкалов услышал позади себя знакомый голос:

— Ну, Наталья Георгиевна, поздравляю! Сын-то какой у тебя, матушка!

Он обернулся и увидел тетку Сашу, подругу родной его матери, Арины Ивановны.

— Здорово, тетя Саша! — крикнул он. — Иди с нами!

С бугра кричала ему молодая женщина:

— Валерий Павлович, здравствуйте!

— Лёлька, — обрадовался он, — поди сюда, милая, я тебя расцелую.

Женщина протиснулась сквозь толпу.

— Помнишь, Лёлька, как провожала меня из Василёва? Ночью. Ветер тогда теплый-теплый был...

— На горе — ни души. Вы меня еще яблоками угощали.

— Иди с нами, Лёлька!

Взволнованный, выступал Валерий на митинге. Благодарил земляков. Рассказал о перелете, меньше о себе и больше о Георгии Байдукове и Александре Белякове.

Потом толпа родных и друзей потащила его к отцовскому дому. Он взбежал на обрыв. Внизу открывались места рыбной ловли, заливные луга и купальни. Кругом жили волгари — котельщики, лоцманы, кочегары, капитаны буксирных пароходов.

Прислушиваясь к знакомому шуршанию песка под ногами, Чкалов явственно ощущал себя членом их обширной и хорошей семьи. Его вдруг потянуло неудержимо, не откладывая, сегодня же на рыбную ловлю.

— Игорь! — крикнул он сыну и, подведя мальчика к самому краю обрыва, сказал: — Высоко-то как! С этого откоса мальчонкой я на лыжах бегал... Поедем сегодня рыбу ловить?..

На веранде кипел самовар. Все расселись вокруг стола. Постаревший, но все еще крепкий дед Ипат осторожно передал Валерию Павловичу стакан с чаем, подвинул ему блюдо с домашними пирогами и закуской. Видно было, какое большое уважение чувствовал к гостю старый лодочник.

Первой заговорила Соня, обращаясь к Ольге Эразмовне и брату:

— Как я его полет переживала!.. Включила тогда

радио и вдруг слышу: Валерий говорит из Хабаровска. Я как раз пироги пекла. Я и к печке подбегу и от радио никак не могу оторваться. Руки в муке. Тесто бежит. Сама хохочу, а на глазах слезы. Как закричу на всю кухню: «Валька, Валька, что ты наделал! Вот молодец!» От радости у меня чуть сердце не остановилось...

— А я в тот день на базар шла, мимо газетного киоска, — перебила Анна. — Смотрю, в газете портрет Валерия. Я обрадовалась, домой побежала. Мы тебе, Валя, сейчас же телеграмму послали, поздравительную...

Валерий Павлович перебил ее, улыбаясь:

— Помнишь, сестра, я тебе говорил: до тех пор в Василёво не приеду, пока человеком не стану.

— А помнишь, как ты на гауптвахте сидел?.. Я тебе пшенную кашу принесла. Вхожу, а ты на нарах сидишь и поешь: «Что она мне, не жена, не любовница и не родная мне дочь, так почему ж ее доля проклятая спать не дает мне всю ночь...»

— Каша вкусная была. А на «губу»-то я из-за тебя, Соня, попал. На свадьбе твоей пировали. Вернулся в авиапарк на рассвете. За это «губу» и заработал.

Расспрашивали его без конца о перелете. Чкалов скупо отвечал на вопросы.

— Ногу ломило сильно, — сказал он между прочим.

Анна Павловна пояснила:

— Ему семь лет было, когда он ногу повредил. Боролся с ребятами. И вот ведь какой! Шесть недель пролежал, только встал, поправился, встретил на улице Павлушку Бурлакова и кричит: «Ну, давай теперь доборемся!»

— Аверий Палыч, страсть-то какая лететь над океаном! Поди, боязно было? — спросил дед Ипат.

Чкалов закурил, угостил деда Ипата папиросой.

— Есть такой, дедушка, остров в океане — Северная Земля. Около нее мы попали в жестокий циклон, в бурю, через этот самый циклон перепрыгнуть не

смогли. Толщина облаков была верст шесть, это — вверх-то, а машина наша перегружена и бензином, и маслом, не могла подняться выше. Я выглянул в окошко: ну и жуть! Куда попали? Кругом чернота. А машину болтает. Мотор пошаливает: такая стрельба из мотора поднялась... Не вырваться, думаю, из облаков. Ни черта не видно. Оставалось одно — обойти с севера. Но не вышло наше дело, циклон стоял полукругом. Опять врезались в облака. Я боюсь, вот начнем обледеневать... Так и случилось. Лед сел на фонарь, потом, гляжу, уже и на кромке крыла, гляжу — на стабилизаторе. Обледенение, если ровно ложится, как краска, не так уж страшно: ну, отяжелел бы наш самолет, скажем, на тонну. Но беда в том, что оно, проклятое, неровно ложится. А ведь это же что: самолет разламывает на куски... Пять часов пятьдесят три минуты мы шли слепым полетом... А на острове Удд, когда приземлились, один километр целый час шли по гальке, — вот только тогда мы почувствовали, как устали...

Караван землечерпалок дал первый гудок, затем второй, протяжный, — и воздух задрожал от частых гудков. Это капитаны и матросы, уходя на нижний плес, прощались со своими земляками.

Валерий пошел к калитке. Крутой берег был усеян народом. Босые ребятишки — веснущатые, белесые, жены, матери багермейстеров, машинистов махали пестрыми платками, косынками и ветками. Гигантская змея — рефулер — в серебряной чешуе волн тянулась, извиваясь, за буксиром. Все скрылось вскоре за островом, берег опустел.

Долго не могли наговориться в тот вечер.

Пришел крестный Чкалова, Николай Иванович Шапошников, вслед за ним — учительница Славина. Валерий Павлович радушно встретил старых друзей, усадил рядом с собой. К отцу подбежал Игорь.

— Сын-то — в точности вы, — сказала учительница. — Сильный, большеголовый... Помните, как в школе игрушки клеили? Для елки.

— Вы строгой были. Мы побаивались вас.

— А ведь у меня, Валерий Павлович, ваша фотография хранится. Вот она.

И учительница вынула из сумочки небольшой снимок. На нем был изображен Валерий совсем молодым. Под карточкой было написано отливающими радугой чернилами: «Моей первой учительнице, которая показала мне букву «А» и велела ее запомнить».

Чкалов долго смотрел на фото.

— А как с горы-то вы меня катали на санках! — вспомнила учительница. — Дух захватывало. Искры так и вылетали из-под полозьев.

— Зимой прокатимся с вами, Людмила Ивановна, — сказал Чкалов. — Хорошо было...

Он задумался. Молчанье нарушил Шапошников. Черный, как жук, приземистый, без единого седого волоса, несмотря на свои семьдесят лет, — он поправил на переносице старинные очки в железной оправе, вынул из кармана большой кумачовый платок, откашлялся и заговорил:

— Немного не дожил Павел Григорьевич. Вот уже порадовался бы сыну.

— Силой-то Валерий в отца вышел, — вставила опять Наталья Георгиевна. — Какой силач Павел Григорьевич был! Где за конец семь человек берутся, а он один.

— Сила у него от отца, — добавила Анна, — а храбрость-то макаровская, по матери.

— Жалко, что так рано отец умер, — проговорил Чкалов.

— Могучий человек был, — обратился к нему Шапошников. — От нагретой заклепки все мог делать. И клепать, и чеканить, и выгибать. Самое главное — выгибка. Очень трудная штука — рубашку для турбины сделать. А ему, бывало, нипочем. Надо мягко, чтобы ни трещины, ни зазора...

В разговор вмешался дед Ипат:

— А уж радушный... Соберет нас всех — и яблоками угощать. Котельщики и сейчас поминают: Чкалова, говорят, нет, и яблоков нет.

Дед Ипат потянулся к хозяйке за десятой по счету чашкой чаю.

К веранде подходили новые гости: затонские рабочие.

Наталья Георгиевна хлопотала по хозяйству. Она еле успевала мыть посуду и добродушно ворчала:

— Господи, твоя воля! Столпотворение-то какое! Народ валит и валит, из кухни все столики перетаскали, от соседей скамьи. В саду ломберный стол накрыла, а очередь не убывает. Чай и вино пьют, пироги кушают да хвалят. Во что только лезет!

— Радуйся, матушка, — утешала счастливую старуху тетка Саша, — наш Волюшка приехал.

— Уж не знаю, кому еще такой почет.

— Когда с лодки-то сошел, народ весь за ним. Случись пожар в селе, некому бы и тушить.

Хлопнула калитка. Чкалов окликнул вошедшего — это был старый школьный товарищ Мятелков.

— Входи, входи, Костя.

— Валерий Павлович, и без меня много.

— Как тебе не стыдно!

Валерий расцеловал приятеля, угостил бокалом вина.

— Костя! Померяемся силой? — вдруг предложил Чкалов.

— А ну!

Они схватились руками, положив локти на садовую скамейку.

Валерий быстро положил руку Мятелкова.

— Еще раз! Давай левую!

Схватились снова.

— Ага! Нашла коса на камень. Э-э... Хитришь, Костя. Локоток-то отставил. Так любого одолеешь. А ну, еще! Так, так. Сдаешься на милость победителя?

Мятелков вытирал со лба испарину и не сводил с Чкалова глаз.

— Поступай, Костя, учиться на летчика, — пошутил Валерий.

Но дед Ипат, допив десятую чашку, принял чкаловскую шутку всерьез.

— Не ворошите его, Аверий Павлович. Ваше занятье вовсе не людское. Птичье.

— А тебя не спрашивают, дед. Больно быстер.

С Волги донесся пароходный гудок, Ипат, спускаясь с веранды, ворчал про себя, глядя на реку:

— Зачадили матушку Волгу, продымили, нефтью залили...

— Что ты там кряхтишь, дед? — ласково спросил Чкалов.

— Говорю, одного дыму да шуму-то сколько. Тут уж никакой старинной-то, праведной благодати нету.

— Что это ты, Ипат, на машину ополчился? — сказал Валерий, провожая деда до калитки. Подошел снова к Мятелкову.

— Устал я, Костя, — вздохнул он, отводя друга в сторону. — Хорошо бы сегодня на рыбалку. Как, Лёва? Устроим это дело?

Тут же кто-то из друзей отправился к рыбакам попросить их приготовить невод.

Старый рыбак Щипакин организовал все наславу. Поехали ближе к городу, на Нижний остров, богатое место.

Валерий тащил невод по темной воде. Живая добыча — желтобрюхие остроносые стерляди — билась в мокрой сетке.

На острове варили в чугунном рыбацком котле уху. Все уселись вокруг котла. Чкалов похваливал любимое блюдо.

У костра потекла беседа. Потрескивали сучья и хворост. От людей ложились длинные тени. Все остальное тонуло в темноте. Из глубины острова доносились ароматы скошенных трав.

Валерий Павлович рассказывал, какие моря он видел во время полета, какая в них водится рыба, вспоминал об охоте на острове Удд. Напомнил семидесятилетнему Щипакину, как, еще мальчуганом, помогал ему тянуть сети. Старик, довольный, улыбался в усы, угощая дорогого гостя.

Где-то сбоку прогудел пароход, и эхо многократно повторило его густой голос.

Валерий никак не собирался кончать свое изуче-

ние Арктики только что сделанным перелетом. Заветный вариант нового, более сложного перелета: Москва — Северный полюс не переставал волновать его. И здесь, на родных берегах, на любимом острове, особенно хорошо было думать о нем ночью в кругу рыбаков.

Гасли звезды. Рассвет окрашивал край неба. Подул ветерок. Запахло утренней водой. Валерий Павлович заводил мотор своей лодки. Прощаясь, он пригласил рыбаков на следующий день к себе.

Пришедших рыбаков Валерий Павлович провел в столовую, в которой покойный Павел Григорьевич любил сидеть за самоваром.

Старейший из гостей, дед Щипакин, одетый во все новое, держался торжественно. Пока пили чай, из сада принесли три большие корзины, доверху наполненные яблоками, и Валерий Павлович преподнес их гостям.

Валерий торопился. Его неожиданно известили, что в этот день ему надо выступать в Катунках.

— Вот что, ребята, мне сейчас по срочному делу ехать надо, вы уж такого хозяина не ругайте. А вам без меня кинокартину покажут. Пойдемте-ка.

В одной из комнат были уже плотно закрыты ставни. На стене устроили небольшой экран.

Не отрываясь смотрели все киноленту «По Сталинскому маршруту», каждый по-своему выражал свои чувства. Многие василёвцы помнили Чкалова в раннем его детстве и сейчас переживали подвиги земляка, заслуженную им славу и честь, как свое родное, кровное.

Валерий вернулся поздним вечером.

За чаем дед Ипат попросил рассказать, как были в гостях у Сталина в Сочи.

Валерий задумался.

— Как это было... Приехали мы на курорт. Ну, что полагается делать на курорте? Лечиться. Вот я и лечился... только своим способом. В часы, которые отводились под медицинские процедуры, я предпо-

читал прогуляться, сыграть в теннис и, конечно, на биллиарде. Как-то с Егором купались в бурю...

— Вышли из воды с шишками и ссадинами, — добавила жена.

— Ладно, дело прошлое, — сказал Чкалов.

— Прости, что перебиваю, — сказала Анна: — Не помню, кто-то говорил мне, будто директор вашего санатория недоволен был, не знал, что делать с таким непослушным пациентом, как ты.

— Это он с досады, сестра. Я его на биллиарде обыгрывал. Действительно, проводил я на берегу много времени... Ну вот, так мы и отдыхали. Как сейчас помню, завтракал, вдруг звонок. Вызывают к телефону меня. Товарищ Сталин приглашал нас с женами на дачу. Мы попросту несколько секунд сидели и слова не могли сказать. А потом заговорили все сразу. Егор сперва не верил... Ну, а тут он же первый — к парикмахеру. Лёлик и Тоня, Сашина жена, — платья гладить. Я бегом на берег купаться. Словом, собрались бы раньше, чем требовалось, но в самый последний момент воротничок у меня «заело»: крахмаленный, никак не могу его приладить. Ребята ругаются... Шут с ним, думаю, с воротничком. «Давай, Егор, косоворотку!» Погрузились в машину, поехали. И вот, знаете, чем ближе мы подъезжаем, тем сильней волнуемся. Ведь тут дело еще и в том, что я надеялся урвать минутку и поговорить с товарищем Сталиным о перелете в Америку. Ехали вместе с Михаилом Ивановичем Калининым. Помню вышли из машины, идем небольшой аллеей. Иосиф Виссарионович вышел к дверям нас встретить. Рядом с ним стоял товарищ Жданов. Мы подошли всей гурьбой, поздоровались. Поздоровались и не знаем, что делать. Товарищ Сталин видит, что мы растерялись, помог нам: повел осматривать фруктовый сад. Водит нас, рассказывает, что за растения. У лимонного куста подпорку поправил. И тут вдруг видит: Саша воззрился на лимон. Иосиф Виссарионович и говорит: «Если вам нравится, сорвите... Кто хочет?»

Саша немедленно воспользовался разрешением, и

самый большой лимон очутился у него в кармане. Хотелось сохранить что-нибудь на память о том, как мы были в гостях у Иосифа Виссарионовича.

Около самой дачи росла какая-то сосна. Таких я и не видывал. Хвоя длинная, пахучая. «Здесь раньше рос дуб, — сказал Иосиф Виссарионович, — но он был чем-то болен, и мы решили его заменить сосной. Узнавши об этом, агрономы и садоводы стали говорить, что сосна здесь расти не будет; но мы все-таки решили попробовать, и, как видите, сосна растет и даже очень хорошо».

Я тогда говорю: «Видно, товарищ Сталин, всякое дело можно выполнить, если к нему руку приложить». — «Да, верно, — отвечает, — только не нужно унывать при неудачах. Если не выходит, надо второй раз попытаться. Если прямо нельзя взять, надо со стороны обойти. Этому нас, большевиков, еще Ленин учил».

Заговорили об авиации... Иосиф Виссарионович опять указал нам на то, что летчики иногда рискуют и не пользуются парашютом даже в тех случаях, когда положение становится явно угрожаемым.

«Вот, недавно был случай, — сказал он, — один из наших самолетов потерпел аварию в воздухе, на нем было четыре человека; трое выпрыгнули, а один остался на самолете и погиб. Когда мы вызвали тех, которые благополучно спустились на парашютах, и стали расспрашивать, как это все произошло, то один из летчиков, докладывая, стал извиняться, что он принужден был выпрыгнуть с парашютом. Он считал себя в этом виноватым... Какая у вас, летчиков, ломаная психология, — продолжал товарищ Сталин: — мы его хотели наградить за то, что он выпрыгнул с парашютом, а он стал доказывать нам, что он виноват. Жизнь одного летчика нам дороже многих машин».

Потом еще играли на веранде в кегли. Иосиф Виссарионович здорово играет. Саша нас перед ним осрамил поначалу, пока не приспособился.

Когда пошли обедать, Иосиф Виссарионович предупредил, что сегодня за столом не будет хозяйки: его маленькая хозяйка — дочка Светлана — несколь-

ко дней назад уехала в Москву, в школах уже начались занятия. «Она у меня,—говорит, — дисциплинированная. Раз начались занятия, нужно учиться!»

За столом мы себя так просто и легко чувствовали, ну, вроде бы как сейчас. Товарищ Сталин каждого угощал, к каждому был внимателен.

Ну, ясное дело, мы терпели, терпели, а потом и бряк насчет полета на полюс!.. Иосиф Виссарионович до конца все выслушал и говорит: недостаточно мы, дескать, еще изучили материал, мало пока в нашем распоряжении ясных метеорологических и других научных данных. Он нас настойчиво предупреждал: в таком деле излишняя поспешность может только все испортить. Одной уверенности в себе и надежды на машину недостаточно. Тут нельзя рисковать, «авось» тут не годится, надо действовать наверняка.

Больше мы пока о перелете и не говорили. Да, по правде сказать, было не до того.

Большое счастье выпало нам в этот день: выслушать рассказ нашего Сталина о годах, которые он провел в подполье в царской России. Как его сослали в Сибирь, в район Иркутска. Как он бежал оттуда. Как ямщик вез его за «пол-аршина» водки. Эти самые «пол-аршина водки», которые потребовал ямщик, — это, значит, на пол-аршина надо в ряд выставить винные стопки с водкой. И так этот ямщик глушил на каждой станции. Как тут они доехали — не знаю. Только после каждой станции ямщик веселел и веселел, а под конец прямо-таки подружился с товарищем Сталиным и все удивлялся: «Хороший ты мужик! Откуда ты такой, парень?»

И даже сам купил Иосифу Виссарионовичу билет на железную дорогу.

Товарищ Сталин — такой гостеприимный хозяин. Сад нам показывал — еще я не сказал, как он нам про разные деревья и растения рассказывал, память у него редкостная! В кегли играл, занимал нас рассказами. Потом стал патефон заводить.

Ставил народные песни, много русских народных песен: «Стонет сизый голубочек», «Уж ты, сад, ты, мой сад», наши волжские, бурлацкие. Тут уж забрало

за душу. Товарищ Жданов угадал настроение и стал запевать нашу хоровую. Мы так грянули... Иосиф Виссарионович сам подтягивал... Потом товарищ Жданов позвал всех играть на биллиарде. Кончили игру уже в половине второго ночи. Когда стали прощаться, Саша подошел к хозяину и попросил его написать в блокнот хотя бы два слова. Иосиф Виссарионович сказал, что сейчас уже поздно, но он удовлетворит его просьбу завтра.

Уехали.

Саша, конечно, и не думал, что товарищ Сталин запомнит свое обещание: и без его просьбы у Иосифа Виссарионовича много дел, и вот, представьте, на следующий день Саша получает с посланным от товарища Сталина фотографию Светланы с надписью — вверху в левом углу: «Светлана», а внизу — «т. Белякову на память. И. Сталин».

Напряженно, не отрывая глаз, смотрел на отца Игорь, сидевший рядом с Ольгой Эразмовной.

— Ты еще не спишь, Игорюха! — воскликнул Чкалов. — Милые мои, времени-то сколько!

Никто не ответил. Из теплого сентябрьского мрака доносился запах вереска. Сквозь ночную листву просвечивали далекие красные огоньки бакенов на Волге; казалось, будто они висели на ветвях деревьев.

Дни шли незаметно. На рассвете Валерий тянул закинутые еще накануне сети, кричал весело, стоя по грудь в холодной воде:

— Соня, Алексей, Анюта! Чего глядите? Помогайте, а то таким манером у нас вся рыба убежит!..

Однажды он проснулся раньше обычного, — в небе еще не погас бледный полумесяц, — и вышел за калитку. Там его поджидали сельские ребята. Увидя Чкалова, они с пронзительным криком бросились навстречу, обступили, повисли на его руках. Он долго отбивался.

— Опять вы здесь, полуночники?

— Мы вас с вечера стережем! — хором ответили дети.

Он сделал шаг вперед: девочка тащила его за рукав.

— Дядя Валя, пойдем на каруселях кататься. Вы вчера с Шуркой кружились.

— Нет, со мной... со мной пойдем... — жалобно тянул вихрастый рябой паренек.

Чкалов погрозил пальцем:

— Я тебя, тихоня, четвертый день вижу, с утра до ночи за мной бегаешь, а в школу, небось, тебя леденцом не заманишь. Погодите, ребята, начну я от вас задними дворами удирать. Через забор и крыши...

— А мы вас и на крыше поймаем!

— Экие баловники! — сурово произнес он, делая серьезное лицо.

— А почему вы не по-военному одеты? Где ваши ордена? — спросил тот же вихрастый паренек.

— Дома оставил. Сыну.

— У вас такого права нет — ордена оставлять. Я знаю, — уже осмелев, продолжал паренек.

— Ишь ты! Ему даже права мои известны. Ты лучше скажи, на какой яблоне в мамином саду яблоки спелей?

— У чьей мамы, у вашей? — вмешался в разговор другой паренек, стоявший все время поодаль. — Если у вашей мамы, товарищ Чкалов, так в левом углу, вторая от забора!

Чкалов на мгновенье опешил. Потом захохотал. Он смеялся долго, отмахиваясь рукой от одолевшего его кашля и хватаясь за живот. Затем посадил на плечи парня, заграбастал еще двух подмышки, толкнул ногой калитку и пустился бежать к яблоне, крича:

— Живо, орлы! По тропинке! Ко второй с края, в левом углу. Кто быстрей?

Тряхнул старую яблоню и стал накладывать тяжелые яблоки в карманы ребятишкам, приговаривая:

— Молодец ваш дружок! Прав, пострел, прав! Я с этого дерева яблоки тоже обирал когда-то...

Солнце поднималось медленно из-за зубчатой кромки заволжских лесов, окрашивая холодным розоватым светом ближний бугор, белую колокольню и верхушки лип. Над водой еще лежали синие тени. Но

направо, вниз по течению реки, кудрявые заросли тальника на трех братьях-островах Гусенце, Телятинце и Череповце уже блестели в солнечных лучах.

Эта много раз виденная, знакомая с первых детских дней картина часто возникала в его памяти, как бы далеко его ни забрасывала судьба.

Он пошел к обрыву. Оттуда открывались светлые дали. Медленно проплывал караван судов, ломая прозрачные отражения. Черный дым от мощного буксира повис над Волгой.

В памяти вставало далекое детство, когда он вместе с другими ребятами издали умел безошибочно узнавать название любого парохода по свисткам, по шуму колес, еще задолго до того, как пароход появится из-за острова. Пароходные плицы стучали по-разному — у одних реже, у других чаще. Заслышав их гулкий шум, василёвские ребятишки бросались, как горох, в реку, чтобы не упустить удовольствия покачаться на широкой и мощной волне.

В те годы ходили пароходы нескольких обществ: «кашинские» — «Михаил», «Анна», «Матвей», «Верочка», «Аввакум». Это были грязные посудины, на которых перевозили, главным образом, скот. С плотов подростки слышали, как на корме ржали лошади, хрюкали поросята, мычали коровы. Еще грязнее «кашинских» пароходов были «русинские», с двумя большими старинными колесами позади. Сверкая широкими стеклами салонов и ослепительной белизной палуб с удобными плетеными креслами, проходили мимо василёвского бугра быстроходные красавицы — «Боярышня», «Дворянка», «Крестьянка», принадлежавшие крупнейшему акционерному «Обществу по Волге». С борта этих пароходов доносились по ночам звуки рояля. Купить на них билет жителям Василёва было не под силу. «Самолетские» пароходы, отличавшиеся от других своей розовой окраской, обладали легким, быстрым ходом и давали небольшую волну, на которой неудобно было качаться. За это маленький Чкалов питал к ним глухую враждебность...

Валерий сел на скамейку. Солнце уже поднялось над длинным прямым плесом. Утренние облака быст-

ро таяли, тени на воде исчезли, только кое-где над рекой висели клочья тумана.

С караваном барж прошел еще один буксир, медленно, тяжело, точно под ним была не вода, а густая патока. Чуткое эхо торопливо повторяло шум пароходных плиц.

— Давно проснулся? — услышал Чкалов голос младшей сестры.

Он пригласил ее посидеть рядом с ним, обнял, неожиданно сказал:

— Ты уж, Соня, не сердись на меня. Как вспомню, что обижал тебя в детстве... У тебя, маленькой, были раскосые глаза, ты удивительно походила на нашего дедушку с белой-белой бородой, и целыми часами сидела, обложенная тряпками, в овальной плетеной корзинке, в куклы играла... У тебя, как сейчас, были косички, а у меня башка бритая. Поэтому, когда дрались, я тебя за волосы, а ты меня за уши... Я кричу: «Пусти, Сонька!» А ты: «Нет, ты пусти!»

— А потом, Валерий, ты, бывало, рассвирепеешь, прижмешь меня к половицам и процедишь сквозь зубы: «У-у, японка толстопятая, седая борода, старьевщица!»

— Неужели так ругался? — удивился Чкалов, поднимаясь со скамейки и направляясь в дом. — Ты уж не сердись на меня, Соня, — добавил он, искренне думая о том, что сестра до сих пор помнит обиды, которые причинял ей в детстве.

...Днем Валерий Павлович катал василёвцев на самолете. На аэродроме собралось очень много народа. После короткого митинга Чкалов зашагал прямо к машине. Первой захватил сестру. Она никогда еще не была в воздухе. Самолет мягко оторвался от земли. Анна сидела и улыбалась. Летели над родными домами. Валерий сделал большой плавный круг над Волгой и стремительно пошел вверх. У Анны закружилась голова, ее начало тошнить. Валерий сразу это заметил. Внимательно посмотрел на нее сквозь очки. Машина под его управлением начала терять высоту. После двух кругов пошли на посадку.

Катал Валерий Павлович стахановцев Василёвско-

го затона. С ними летел над Городцом. Временами спускался низко. Они видели широкую и сверкающую реку. Вспугнутые самолетом, поднимались с воды утки.

Потом посадили в самолет мать. Ее поднимали особенно осторожно.

Он жалел, что ему не удается подольше пожить в Василёве. Но его ждала Москва. Уехал он в столицу вместе с Ольгой Эразмовной и сыном.

После отъезда Валерия Павловича друзья попрежнему каждый вечер собирались за большим самоваром на веранде в чкаловском доме.

Старик Щипакин рассказывал, как в Катунках Валерий, сортируя стерлядь и распределяя свежий улов между рыбаками, похвалил рыбу:

— Хороша! Кто не едал стерляди, тот ничего не понимает в рыбе. Утверждаю, что лучше волжской стерляди нет другой.

— Потом, — говорил Щипакин, — Валерий Павлович обратился к нам с просьбой.

Старик важно посмотрел на своих собеседников и продолжал:

— Валерий Павлович сказал нам: «Поймайте стерлядь-аршинник, телеграфируйте мне. Прилечу на самолете и живую доставлю ее в подарок товарищу Сталину».

Рассказывал Флорищев:

— А я вот помню, как мы с Валерием Павловичем приехали на машине в детский дом. Детвора его так и облепила. Любят его дети очень. Поговорили с ребятишками, все осмотрели, сели в машину. Валерий Павлович махнул им на прощанье шляпой, потом, когда мы поехали, обращается ко мне: «Смотри, какие замечательные дети растут... Ничего не боятся, смелые, не то что дети до революции, и никакого детского подхалимства в них не увидишь». Любит он детей, разговаривать с ними умеет. Я вот слышал, как он позавчера затонским ребятам рассказывал про наших летчиков-героев. Заслушаться можно. Зато они, ребятишки-то, так его и зовут: «Наш Чкалов». А когда из родильного дома дочку Лерочку вез на своем автомобиле, сам управлял машиной, руки у него так

и дрожали, руль совсем не слушался... Я помню, на вечере в рабочем клубе один подросток спросил Валерия: какая у него мечта? «Моя мечта? Иметь кучу детей. Желательно шестеро. Не меньше».

Наталья Георгиевна переживала свой полет.

— Села с ним, — говорила она Щипакину, — не слышала, как и от земли оторвались, как и опустились. Земля. «Вылезайте, пожалуйста, — прилетели». Как хорошо летать-то! Там громко говорить нужно, а я что пойму, что нет. Вот он говорит мне: «Волга, Волга». А она, как речушка маленькая, кажется... Я еще с двумя другими летчиками подымалась. Какие-то порывы у тех — в полете-то, так душа в пятки и уходит, а у Воли этих порывов нет... Больно хорошо с ним летать!

13 сентября 1936 года на Щелковском аэродроме перед Вячеславом Михайловичем Молотовым стоял Леваневский и отдавал рапорт:

— Товарищ председатель Совета Народных Комиссаров! Разрешите доложить: перелет Лос-Анжелос — Москва благополучно завершен.

Пилота поздравляли, жали руки. Лазарь Моисеевич Каганович передал Леваневскому приветственное письмо от товарища Сталина.

Чкалов в эти дни напряженно следил за событиями в авиационном мире, которые с необычайной быстротой следовали одно за другим. Только что Москва торжественно встретила Леваневского и Левченко,— Архангельск спустя неделю встречал Василия Сергеевича Молокова, завершившего огромный трансарктический рейс. Валерий с большим уважением относился к Молокову, называл его скромным, неутомимым тружеником Севера и в его только что законченном перелете видел решение сложной задачи в борьбе за освоение арктических просторов, за могучий дальнейший рост советской авиации.

— Да, ребята, трудный этот год для северных летчиков, Арктика не баловала погодой, — говорил Валерий навещавшим его товарищам, — и подумай-

те: Василий Сергеевич все же двадцать пять тысяч километров отмахал! Влюблен он в Север! А чего уж там особенно-то хорошего? Я думаю, ему нравится, что там летчику все время надо быть начеку. Каждую минуту жди беды! Вот за это я и люблю Василия Сергеевича. Только больно молчалив: «Мне, говорит, легче в пургу слетать, чем речь держать».

Чкалов любил рассказывать, как Молоков в дни спасения челюскинцев перевез со льдины на материк тридцать девять человек. Размещая их в узком парашютном ящике, подвешенном под крыльями самолета, Василий Сергеевич мастерски взлетал с небольшой льдины и с такой же виртуозностью вновь опускался на нее, чтобы забрать новых пассажиров. А одного, худого, низкорослого, пристроил в кабине у себя в ногах, держа его голову на коленях...

— Ну и дела! Что ни день, то новость! — не переставал восхищаться Чкалов. — Василий Сергеевич к Баренцову морю летит, а Михаил Михалыч Громов-то — из Москвы в Ленинград и обратно в скоростной рейс: три часа тридцать восемь минут. Его штурман мне рассказывал, что еле успевал вести записи в бортжурнале. Да, милые вы мои, новые времена наступают в авиации.

В самом деле, 1936 год был годом триумфов советских летчиков и советского самолетостроения. Коккинаки и Юмашев поднимались с грузом все выше и выше, завоевывая рекорды высотных полетов. У них нашлись последователи. Чкалов потирал от удовольствия руки.

— Вот так Кокки! Ну, понятно, — шутил он, — ему привычное дело грузы таскать, грузчиком-то спину наломал — восемнадцатипудовые тюки ворочать. Кокки еще покажет!

После возвращения в Москву Чкалов в течение долгого времени не знал покоя. Телефонные звонки донимали его беспрерывно. Он не успевал отвечать на телеграммы и письма, выступал на многолюдных

митингах, рассказывал о полете друзьям и знакомым.

Изредка, после обычных испытательных полетов, Чкалов посещал цирк. Глядя на работу укротителя со львами, он, пожимая плечами, с восхищением говорил:

— Вот это работенка!

И, помолчав немного, добавлял:

— Я бы ни за что не согласился — опасная профессия.

Осенью он слетал в Париж, на Всемирную авиационную выставку.

Густые туманы в ту осень покрывали всю Европу и чрезмерно усложняли полет. Но чкаловскому экипажу, испытавшему много трудностей в большом перелете, «прогулка» в Париж на N 0-25 — не казалась такой уж сложной. Недаром летчики впоследствии шутили, что свой самолет они «отвезли» в Париж на выставку.

Еще за несколько дней до того, как Чкалов приземлился на парижском аэродроме Ле-Бурже, под огромным стеклянным куполом дворца Гран-Пале на Елисейских полях шли последние приготовления к открытию советского авиационного павильона. Стучали молотки, распаковывались ящики, устанавливались модели и аппараты. Ночью на Гран-Пале обрушился водопад огней, и парижане далеко за полночь любовались парадом этих огней.

Как только N 0-25 поместили в выставочном зале, он стал предметом всеобщего внимания и «несчастьем» для парижской полиции. Желающих видеть советский самолет было так много, что администрации пришлось вызывать дополнительный отряд полицейских, чтобы они наводили порядок в людском потоке на лестнице.

Как-то сам Байдуков встал в хвост очереди и оказался двухсотым. Стоя в длинной шеренге, Байдуков наблюдал, как одни посетители внимательно читали список рекордов советской авиации, другие рассматривали огромные фоторепродукции с портретом товарища Сталина на Щелковском аэродроме.

Были здесь и такие, которые молчком, заложив руки в карманы, старались пробраться к N 0-25 вне очереди. Среди шумной толпы попадались и фашисты. Когда дежурный по стенду заговаривался с посетителями, фашисты пытались приклеить где-нибудь внутри N 0-25 агитационные листовки.

От экспонатов, выставленных многими иностранными фирмами, чкаловский экипаж ожидал большего.

— Уж пусть они не сетуют на нас. Мы сами шагаем вперед так быстро, что опытная Европа начинает потихоньку отставать! — говорил Чкалов друзьям, расхаживая вокруг своего N 0-25 и любовно поглядывая на его красные длинные крылья. — На выставке много объектов, которые мы давно проверили и отбросили как негодные. Но есть и дельные новинки, — на них мы поучимся.

А дни шли. Чкаловский самолет продолжали осматривать то любопытные парижане, пришедшие со своими дамами, то французские генералы из штаба и академии; иногда N 0-25 обступали со всех сторон авиационные специалисты или французские солдаты. Расспросам, восторгам, записям, казалось, не будет конца.

Каждый полдень большие часы на выставке отбивали двенадцать ударов, залы быстро пустели.

Увидя в первый же день, как в этот час, точно по мановению волшебной палочки, замирает деловая жизнь, Валерий с недоумением спросил:

— Что это означает?

— О, это священный час для французов, — объяснили ему: — время завтрака. Этот час во Франции, между прочим, строго соблюдался и на войне, еще в пятнадцатом году: от двенадцати до двух на фронте заключалось как бы негласное перемирие, и пушки с обеих сторон переставали стрелять.

В субботу облик городского района, где размещалась выставка, изменялся до неузнаваемости. Сотни такси окружали тесным кольцом Гран-Пале. С пятифранковыми билетами в руках спешили на выставку тысячи людей. И, как всегда, легендарный совет-

ский N 0-25 был в центре внимания шумной толпы парижан.

Вечером, после закрытия выставки, Чкалов с друзьями совершал прогулку по городу. Париж был полон очарования. Замедляя на мосту через Сену шаг, Валерий любовался закатом солнца — светлорозовым, смягченным перламутровой дымкой, свойственной только Парижу. Где-то вдали обрисовывались башни старого Трокадеро.

Иногда заходили в кафе на Сан-Жерменском бульваре, попробовать «солнца в бутылках» — бургонского, бордо, котдюрон. А ночью, в отеле «Режина», перед сном Чкалов перелистывал газетные и журнальные страницы, обильно иллюстрированные снимками советских самолетов, или делился с Байдуковым и Беляковым впечатлениями прожитого дня.

Несмотря на задушевные беседы со своими друзьями, дни в шумном Париже Чкалов переживал как флюс, болезнь не очень опасную, но нудную и тягучую, и был рад, как ребенок, когда, покинув отель «Режина», сел в кабину своего испытанного самолета и с аэродрома Ле-Бурже улетел в Москву.

В Москве Валерий весело рассказывал о своих парижских впечатлениях.

Но порой с него слетала веселость. Он становился задумчив и серьезен. Не оставляла его постоянная забота, всегдашняя настойчивая мысль. В любую минуту способен он был, оборвав разговор, остановиться, подойти к карте, задуматься и спросить:

— Как думаешь, Егор?

— Думать — одно. Как осуществить?

— Сталин сказал, погоду нужно знать. А кто узнает? Как поверней погоду-то узнать? Может, слетать на разведку к Земле Франца-Иосифа?

— Не сидится тебе, Валерий!

— А что, Егор? Я полагаю так: сначала через полюс, а потом вокруг шарика. А уж после шарика поготовимся-приготовимся да в Австралию махнем.

— Ну и мечтатель же ты!

— Брось, какая тут фантазия! Эх, Егор... ты посмотри!

И рука Валерия тянулась к глобусу.

Новый дальний перелет не давал ему спокойно жить и работать.

В конце зимы Егор с Валерием побывали у Климента Ефремовича и заручились его согласием на перелет. Климент Ефремович обещал обо всем переговорить с товарищем Сталиным и членами правительства.

Настроение у Чкалова заметно поднялось. Друзья начали готовить самолет втайне — «контрабандой», как сами говорили в шутку.

Усиленно готовилась и папанинская четверка, — об этом хорошо знал Валерий Павлович. Тяжелые воздушные корабли должны были вылететь на остров Рудольфа в архипелаге Франца-Иосифа. Оттуда до полюса оставалось девятьсот километров пути. Чкалов хотел всячески изучить опыт полярников; его все интересовало: теплая одежда, процесс варки пищи в Арктике, транспортные средства. Он внимательно рассматривал фотографии пушистых лаек, запряженных в нарты.

В Подмосковье шла весна. Понесло теплым ветром, полились мутные воды. С юга прилетели вальдшнепы и утки. Оживали леса. Набухали почки калины и березы. Из зарослей ивняка и осинника серые куропатки переселились на болота, поросшие мхом. На утренней и вечерней заре покрикивали бекасы.

В редкие свободные дни Валерий с Байдуковым отправлялись на охоту. Хорошо было в лесу под вечер. Багровый диск солнца скрывался. В сумерках трубили журавли. Мелькал в кустах белыми штанами быстрый заяц-русак. На фоне еще горевшей зари показывалась одинокая птица. Начиналась тяга.

Валерий стоял с ружьем у ствола старой ели, чувствуя, как с каждым мгновеньем поднималась в нем какая-то радостная, неясная тревога.

«Контрабандные» работы быстро подвигались вперед и, как казалось Чкалову, «в строгом секрете». Валерий и Егор часто поднимались на своей машине в воздух, испытывая то новую систему обогрева, то мотор, то какой-либо новый прибор. Если на аэродро-

ме спрашивали, для чего готовят машину, Чкалов неизменно отвечал одно и то же:

— Для чего? Просто так... очередной ремонт, — при этом он избегал смотреть в глаза собеседнику.

Однажды Чкалов пригласил Сашу и Егора к себе и торжественно объявил:

— Ребята, начинаем готовиться вплотную. Разрешение на вылет получено.

И он назвал даже срок вылета.

— Да ты, Валерий, проверь. Так ли это? — начал уговаривать его Байдуков.

Но Валерий вместо проверки уехал на аэродром и там тоже рассказал, что перелет разрешен. Впрочем, через сутки выяснилось, что полученные Чкаловым сведения оказались ошибочными.

Взбудораженный, несколько даже разочарованный, Егор настойчиво выпытывал при встречах:

— Как же это так, Валерий, с нашим делом получилось? Выходит: торговали — веселились, подсчитали — прослезились.

— Потерпи, Егор, полетим, непременно полетим. Не сомневаюсь, — успокаивал Чкалов. — Только боюсь я, как бы не нагорело за нашу «контрабанду». — Ну, богатыри, за работу! Прошлый раз Саша обещал кое-что уточнить.

Чкалов расстилал карты сначала на столе, потом на полу, разворачивал рулоны, снимал со шкафа глобус и, медленно поворачивая его вокруг оси, задумчиво оглядывал страны мира.

Байдуков смотрел на своего друга и думал: «Где причина, побуждающая этого жизнерадостного человека менять спокойную жизнь на постоянные схватки со стихией, на путь борьбы, полной трудностей и неожиданностей?»

И Байдуков невольно вспоминал частые задушевные беседы с Валерием.

«Там, где трудное и неизвестное, там мое место, — бывало, говорил его друг. — Там, где речь идет о счастье и славе моего народа, там я ищу себе работу. Лишь в борьбе я чувствую жизнь...»

— О чем, Егор, задумался? — спросил Чкалов, опу-

скаясь на одно колено перед лежавшей на полу большой картой. И, не дождавшись ответа, заговорил с жаром, торопливо, водя пальцем по карте: — Здесь шли Челюскин, Малыгин...

— Вот этот обход — верно. А вот этот выход к океану надо поправить, — сказал Беляков.

— Мастер своего дела! — воскликнул Чкалов. — Бог, а не штурман.

— Да вы погодите к океану, — горячился Байдуков. — Надо сначала первые этапы отработать.

— Нет, нет, Егор! Саша верно говорит, это мы уже всё знаем. Чего мы будем толочься на одном месте? Мы уже над Канадой...

— Я повторяю, этапы слепого полета... — продолжал настаивать Байдуков, но Валерий ласково подшучивал:

— На то ты и бог слепого полета. Это уж известно. Лёлик, — кричал он в дверь, — тут все боги собрались. Ты им сооруди какую-нибудь пищу богов...

Друзья Чкалова, помимо подготовки к перелету, были заняты своей постоянной работой. Беляков готовился к традиционному воздушному параду Первого мая. Георгий Филиппович задался целью установить новый советский и международный рекорд скоростного беспосадочного полета с грузом в пять тонн. Беляков принял участие в тренировке. Но в самый полет Москва — Мелитополь и обратно ему пойти не удалось. Самолет, пилотируемый Байдуковым и Кастанаевым, покрыл расстояние в 2002,6 километра за 7 часов 8 минут 11,7 секунды.

Валерий радовался успеху друга.

— Говоришь, средняя — двести восемьдесят километров двести сорок шесть метров в час? Молодец, Егор! — похвалил Чкалов Байдукова. И задумался. Он хорошо знал, что, несмотря на достигнутые — большие, казалось бы, — скорости, конструкторы самолетов и летчики всего мира работают над повышением и этих скоростей.

— Да, Байдуков, авиация — это непрерывные состязания технической фантазии. Сегодня — мировой рекорд, завтра уже отсталость...

И Валерий попадал на любимую тему о сверхскоростных полетах.

— Мы, испытатели, счастливцы с тобой, Егор. А разве неверно? Садишься первым в кабину и получаешь все удовольствия. И все же у земли мы зажаты в тиски. Вот в стратосфере бы, Егор... на стратоплане... Тысячу километров в час, а то и побольше!

Первого мая Чкалов, вернувшись с воздушного парада, прилег на часок отдохнуть.

От спущенных штор в кабинете стоял полумрак. Приятная прохлада и тишина располагали к дреме, но легкой, такой, когда ощущаешь, что все мускулы расслаблены, а мысли прозрачны и радостны.

Валерий любил это состояние покоя, и сейчас, лежа на диване, он то забывался в полусне, то вспоминал живописную, ликующую Москву, виденную с воздуха.

В прихожей раздался звонок.

— А, батя! Мой старый командир! — приветствовал Чкалов Ивана Панфиловича Антошина. — Давненько не виделись. Ну, смотри, смотри на своего блудного сына! Не стареешь ты, батя! О! Кажется, Егор и Саша идут...

И спустя минуту он тянул всю компанию в столовую, к празднично убранному столу.

В этот вечер друзья засиделись допоздна. Взволнованный встречей со своим питомцем, Антошин собирался уходить, но хозяин его не отпускал.

— Батя, ты еще не слышал рассказа о фрачной паре.

— О какой паре? — удивилась Ольга Эразмовна.— Ну, и выдумщик ты, Валерий.

При упоминании о фраке Беляков захохотал.

— Ваш муж, действительно, великий выдумщик. А дело было ранним парижским утром. Только что открылись для посетителей двери авиационной выставки, — вдруг вижу, у нашего стенда появляется Валерий. На нем — фрак, прекрасный цилиндр, белые перчатки, а через руку перекинут шелковый плащ и черный шарф, как сейчас помню, на белоснежной подкладке. Ну, прямо английский лорд! «Честь имею явиться», — говорит. Я, знаете ли, растерялся. Фран-

цузский этикет не позволяет днём надевать фрак при всех условиях, даже на свадьбу. А тут еще не день, только утро. «Иди, говорю, скорей переоденься. Не полагается во фраке до заката солнца!» А он отвечает: «Дорогой Саша, да у меня еще вечер продолжается!» И так искренне сказал, что невозможно было на него сердиться... Все-таки ушел...

— Ты, Валерий, с какого-нибудь ночного банкета прямо на выставку? — спросила жена.

— Какие вы, женщины, любопытные! — засмеялся Чкалов. — Ты вот лучше Егора послушай, как над Парижем он совершал дипломатический полет.

— Ох, тяжело летать с министрами! — вздохнул Георгий Филиппович.

— А перед дипломатическим полетом он на четырехмоторном бомбардировщике такую пулю отлил...

Уселись плотней на диване, приготовились слушать.

— Что касается моего полета на нашем четырехмоторном корабле, ничего особенного не было, — начал Байдуков. — Машина превосходная, и на ней можно было делать разные эволюции без особого риска. Признаюсь, мне было приятно слышать от французских летчиков похвалы нашей машине и неприятно думать, что я мог произвести впечатление недисциплинированного летчика.

— А что, струхнули они? — перебил Валерий.

— Лица были бледноваты. Я чувствовал, что все мои спутники в душе проклинали меня за такой полет. Но, честное слово, мне искренне хотелось показать нашу машину во всей красе. Первое, что я сделал, — это на разбеге поставил ее на одно колесо. Взлетев, я положил ее в глубокий вираж. Крыло словно уткнулось в землю. А потом, набрав всего метров триста, я начал демонстрировать полную потерю скорости, пошел в пике. Опустившись к самой земле, я стал непрерывно кружить над летным полем; неожиданно для всех с полного газа развернулся на аэродром и аккуратно притер своего послушного гиганта у ангара.

— Молодец! — не утерпев, воскликнул Чкалов. — Моя школа! Говоришь, струхнули?

— А шут их знает! Покинув корабль, они столпились под крылом и, кажется, отпускали по моему адресу нелестные замечания. Меня выручил приезд на аэродром новой группы, которую, по совести говоря, я и не ждал.

— Ну, ну?

— Шикарные авто подвезли министра французской авиации и его адъютантов. Мне было приказано полетать с ними без фокусов, спокойно; после лихого полета, такая задача, конечно, не соответствовала моему боевому настроению. Я сел за штурвал, справа от меня — министр авиации, а адъютанты и порученцы заполнили проход. Убедившись, что все готово, я, как всегда, свистнул своему бортмеханику и начал плавный разбег. На этот раз я летел осторожно, как будто вез молоко, которое вот-вот может выплеснуться из неприкрытой бочки. Вскоре показалась высокая Эйфелева башня, и я направился к ней, чтобы сделать вокруг нее несколько виражей.

— Ах, Байдук! — опять воскликнул Чкалов.

— Ну, так вот... Я уже было приготовился покружить над этим мировым сооружением, как вдруг меня начал кто-то трясти за рукав и плечо и кричать на ухо по-французски. Я обернулся и увидел адъютанта министра авиации. Но ты знаешь, Валерий, что мой французский лексикон ограничивается одной только фразой: Je ne parle pas français. Эту фразу я сказал разукрашенному в аксельбанты адъютанту.

Однако адъютант продолжал нервничать и дергать меня за рукав. Я жестом попросил назойливого гостя не мешать мне пилотировать корабль. В это время башня была уже рядом, и я стал кружиться вокруг нее.

— Ох, упрямец, Егор! — сказал Чкалов укоризненно, хотя в душе ему и нравилось упрямство друга. — Ну, и какое было самочувствие твоих пассажиров?

— Не наблюдал за ними — все мое внимание было сосредоточено на другой стороне города, которая быстро закрывалась туманом. Опасаясь быть застигнутым скверной погодой, я оставил в покое Эйфелеву

башню и повернул к аэродрому. Адъютант начал вести себя прилично и перестал хвататься за мое плечо. Но, на беду моих пассажиров, туман рассеялся, я вновь повернул корабль в сторону города, чтобы получше рассмотреть заинтересовавший меня бульвар. Адъютант начал опять нервничать, громко кричать мне в ухо и указывать пальцем на землю — скорей, мол, на аэродром. Да. Тяжело летать с министрами...

— А помнишь, Саша, как мы гуляли по Парижу? — вдруг обратился Валерий к Белякову.

— Ты был в осенней велюровой шляпе, она очень шла тебе...

— Да, Париж. Я вспоминаю вечер, когда мы покупали пачку папирос «Честерфильд». Продавец дал сдачи, к нам подошел какой-то человек и показал на эти гроши. Я ему их отдал. Да... Мировой город, а это уже был пятый нищий за последний час... Вот и сейчас я думаю: как много и у нас осталось богатых, сильных, талантливых натур безвестными, зачахли они в сутолоке мелкого, нищенского существования, задохнулись, погибли, скованные по рукам и ногам царскими чиновниками, помещиками, лавочниками. Но наш народ всегда оставался верен своему инстинкту, я хочу сказать: стремлению к подвигу. Это чувство бессмертно. Помните, друзья, как писал об этом Гоголь? «Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади...» Это пророчески сказано. Да иначе и не мог сказать Николай Васильевич, ибо он знал свой народ и потому не ошибался, не мог ошибиться в истолковании истинных черт русского народа. Мы, дорогие мои, живем во времена, когда подлинно все в мире «отстает и остается позади» от страны социализма, где невозможное стало обычным, где человек нашел свое призвание. Жизнь мне представляется золотой горой, — только трудись, копай золотые слитки...

— А мне приходят на ум еще и другие слова Гоголя, — сказал Беляков. — Помнишь, Валерий: «Еще пройдет десяток лет, и вы увидите, что Европа придет

к нам не за покупкой пеньки и сала, но за покупкой мудрости, которой не продают больше на европейском рынке».

Заговорили о судьбах родины.

Беляков любил русскую историю, знал ее хорошо, он также был и немалым знатоком отечественной литературы. И в тот вечер он много рассуждал, приводя примеры из родной истории и литературы.

Много часов длилась беседа друзей.

Чкалов любил такие разговоры.

Шел май. Эскадра тяжелых кораблей доставила экспедицию папанинцев на остров Рудольфа. Чкалову невольно вспомнилось, как Иосиф Виссарионович прошлым летом говорил, что лететь в Америку через полюс еще рано. Нужно прежде изучить Полярный бассейн и только тогда предпринимать такой грандиозный полет. Теперь, когда вылетела к полюсу папанинская экспедиция, Валерий больше уже не ожидал возражений против полета. Целыми днями он не выходил из дому, ожидая звонка из Кремля.

Телефон звонил беспрестанно, до сотни звонков в день принимал Чкалов; однако долгожданного звонка из Кремля не было.

Валерий решил уехать за город — поохотиться: еще не прошел тетеревиный ток. В лесу пахло хвоей и прелыми листьями. Еще дружней, чем в прошлые дни, пели на все голоса птицы, громче всех трещал дрозд. Вечером, вернувшись, Валерий узнал новость: в его отсутствие звонили из Кремля... Пораженный и огорченный, он долго не мог заснуть.

Байдуков, услышав о звонке, сердито накинулся на друга:

— Здорово, охотник! Говоришь, «с пером» приехал? Показывай, чего убил-то?

— Какое там, — виновато оправдывался Чкалов,— как ни выстрелю — дробь кольцом около птицы. Ни одна дробинка не угодила.

— И дернула ж тебя нелегкая уехать, Валерий!

— Ну, уж теперь-то я носа не высуну из дома, в затворника превращусь.

Через четыре дня он не вытерпел и решил сам позвонить товарищу Молотову.

— Приветствую. Что скажете хорошего? — услышал он в телефонной трубке знакомый голос.

— Хочу, товарищ Молотов, напомнить о нашем ходатайстве: мы просим разрешить нам лететь через Северный полюс, — сказал он раздельно, нервно заминая левой рукой окурок в пепельнице. Но окурок, как на грех, продолжал дымиться.

— Что загорелись?

— Мы давно уже загорелись.

— А как у вас с материальной частью?

— Машина готова. Все готово.

— Как «все готово»? Ведь разрешения нет!

— А мы... на всякий случай... — неуверенно доложил Чкалов, вытирая рукавом выступившие от волнения капельки пота на лбу. Он слышал, как стучало сердце.

«А вдруг мы поспешили с подготовкой?» — тревожно подумал он и повторил более уверенно:

— На всякий случай.

Вячеслав Михайлович рассмеялся:

— Хорошо, товарищ Чкалов. На-днях обсудим ваш вопрос.

Валерий осторожно положил трубку. Потом нетерпеливо расстегнул ворот рубашки, широко вздохнул, выбежал из кабинета в комнату Ольги. Она, лежа на диване, читала книгу. Он подхватил жену за талию и высоко поднял:

— Лёлик, летим к белым медведям!

Она, испуганная неожиданностью, смотрела на него расширенными глазами. И только когда Валерий рассказал подробно о последних днях, о том, что делал с друзьями всю зиму втайне от нее, чтобы не пугать — она немного успокоилась и, улыбаясь, спросила:

— Что же, и у них жены ничего не знали? Ну, и скрытный вы народ...

Все мысли были прозрачны и ясны. Предстоящий доклад перед руководителями партии и правительства (Валерий знал, что должен уложить свое выступление в несколько минут) он ощущал как некое стройное целое — продуманное, прочувствованное: каждая цифра рождалась в волнениях, в горячих спорах и в подробнейших обсуждениях.

Двадцать пятого мая Чкалов с Байдуковым поехали в Кремль. Беляков в этот день был в полете.

За длинным столом сидели товарищи Сталин, Молотов, Ворошилов и другие члены правительства. В глубине комнаты стояла модель N 0-25, очевидно, преподнесенная Сталину после прошлогоднего чкаловского перелета.

— Что, опять земли нехватает? Опять собираетесь лететь? — спросил Иосиф Виссарионович, здороваясь с Чкаловым и Байдуковым.

— Да, товарищ Сталин,—ответил Валерий, — пришли просить разрешения на перелет через Северный полюс.

— Куда же вы собираетесь лететь? Кто из вас будет докладывать?

— Экипаж — наша прошлогодняя тройка — готов к полету. Самолет также приготовлен...

И Валерий начал излагать свой заветный план. Он так увлекся, что едва не рассказал о том, как прошлым летом, пролетая над Землей Франца-Иосифа, летчики чуть было не решили изменить курс, чтобы лететь через полюс в Америку. Но Байдуков во-время одернул друга. Валерий замолчал. Сталин улыбнулся:

— Продолжайте, товарищ Чкалов.

Валерий перешел к характеристике самолета и, опять увлекшись, начал докладывать об окончании «контрабандных» подготовительных работ...

Байдуков, сильно побледнев, вторично дернул его за пиджак, у Чкалова перехватило горло, он замолчал, но вновь раздался голос Сталина:

— Продолжайте, товарищ Чкалов.

Валерий говорил подробно, отвечал на вопросы присутствующих. Уже более часа длилась беседа,

хотя ему казалось, будто он только что вошел в этот зал.

— Так, значит, как у них обстоит дело с машиной?—спросил Сталин одного из руководителей авиационной промышленности.

— Они давно готовы, товарищ Сталин, вот вы слышали... — улыбнулся тот.

Иосиф Виссарионович рассмеялся.

— Да, слышал. Впрочем, я об этом знал раньше.

На душе Чкалова отлегло.

Товарищ Сталин делал пометки в бумагах, затем перебросился несколькими фразами с товарищем Молотовым, с другими наркомами и вновь начал прохаживаться по кабинету. Заговорив о полярниках, он заметил, что теперь, наверное, чкаловскому экипажу будет легче лететь через полюс.

— Товарищ Сталин, — пожаловался Валерий, — для нас это хуже: ведь Папанин будет давать с полюса все плохую да плохую погоду... Так никогда и не полетишь!..

— Вот тебе и на! Мы думали — будет лучше, а вот оказывается, что для летчиков лучше бы и не делать полета на полюс, — пошутил товарищ Сталин.

Вячеслав Михайлович улыбнулся, взглянул на Валерия. Тот хотел было привести еще несколько убедительных доводов в пользу маршрута, но в это время Иосиф Виссарионович спросил:

— Так вы, товарищ Чкалов, говорите, что выбор самолета правилен? Все-таки один мотор!.. Этого не надо забывать.

— Мотор отличный. Это ведь доказано, и нет оснований беспокоиться, — ответил Валерий. — А кроме того, — пошутил он, — один-то мотор — сто процентов риска, а четыре — четыреста.

Все засмеялись. Чкалов и Байдуков волновались необычайно. Сейчас будет сказано решающее слово. Иосиф Виссарионович задал еще несколько вопросов. Потом задумался. Помолчав, он тихо сказал:

— Я — за! Но предлагаю обязать экипаж в случае неблагоприятной обстановки прекратить полет в любом

пункте Канады. А в случае угрозы экипажу произвести немедленную посадку.

И повторил, глядя на Валерия:

— Прекратить полет при первой угрозе опасности.

Сердце Валерия сильно забилось. Он мысленно подыскивал слова благодарности, но нужные слова не находились; он подумал, что Байдуков скажет их, но Егор стоял с расплывшейся ребячьей улыбкой на губах и тоже молчал.

Чкалов порывисто пожал Сталину руку.

— Спасибо, товарищ Сталин, за доверие. Мы оправдаем его.

— Зачем же вы меня благодарите, — это я вам должен сказать спасибо, — ответил Сталин.

...Ольга Эразмовна, услышав еще издали, в открытое окно, веселые, возбужденные голоса, выбежала на лестничную площадку. Взглянув на Валерия, она сразу поняла, что перелет разрешен. Она обрадовалась, и немного грустно ей стало в одно и то же время. Из этого состояния раздвоенности ее вывел веселый голос Валерия:

— Лёлик, отпусти нам парочку бутылок винца. Выпьем с Сашей и Егором в последний раз, а уж завтра на зельтерскую.

И этот родной голос показался ей таким уверенным, словно не предстояло ничего особенного.

«...Все будет хорошо, полет не может не состояться, ведь упорство Валерия громадно», — мысленно говорила она самой себе, уже спокойно, без волнения, даже с любопытством рассматривая листы атласа, карты в книгах и фотографии, наваленные беспорядочно между тарелками и рюмками, прямо на скатерти.

Ольга была недовольна, что прослушала, о чем несколько минут назад рассказывал Валерий, и теперь старалась понять каждое его слово. Да, он пролетит над островами Патрика и Землей Бенкса, — глухими и мертвыми местами, — с каким жаром он говорил сейчас об этом! Он направит свой самолет к озерной равнине, сохранившей до сих пор следы древнего ледникового периода. Будет «форсировать» хребты Скалистых гор... Как все это страшно! А здесь все останет-

ся на своем месте: и эта тумбочка с цветочной вазой, и рояль с полуоткрытой декой, и Лерочка будет бегать вокруг стола и спрашивать: «Мой папа скоро прилетит?..»

Ольга Эразмовна уже не слышала, как Беляков настаивал на том, чтобы в полете придерживаться более удобного счета времени по Гринвичу, не слышала, как за стеной капризничала Лерочка, не желая ложиться в кровать, — даже раскатистый смех мужа не вывел ее из глубокого раздумья. Она была захвачена предстоящим событием врасплох.

Была уже ночь. В комнату с улицы все реже врывались автомобильные гудки. Валерий перешел на шопот. Он был уже далеко, где-то над Медвежьим озером, — вот что значит иметь воображение! Она не знала, где это Медвежье озеро, и ей пришла в голову мысль, что где бы оно ни было, хорошо бы с Валерием над ним пролететь. Но она тотчас же отогнала эту нелепую мысль, хотя ей стало даже немного весело от того, что она могла так подумать.

— Я прилягу, Валерий, — сказала она спокойно.

Он удивился:

— Так рано?

«Он ничего не понимает», — подумала она. Он встал из-за стола и, ласково посмотрев ей в глаза, взял ее за обе руки.

— Посиди с нами. Ведь завтра...

— Уже завтра? — перебила она. — Я думала...

— Ну да. Вот и Егор говорит...

— Завтра.

— Но ты же будешь навещать нас в Щелкове, как в прошлый год? Ведь верно, Егор? Вот Егор подтвердит, что пора, Лёлик.

Она кивнула головой.

— У тебя новая прическа, — заметил он, не выпуская ее рук и продолжая смотреть ей в глаза.

Ольга Эразмовна промолчала.

— Сын спит? — неожиданно спросил он. — Ну и отлично. В самом деле, время позднее. Пора, ребята, расходиться.

На следующее утро друзья уехали в Щелково. Ольга Эразмовна редко стала видеться с мужем. Приезжать в Москву ему было некогда, навещать же его она не решалась: не хотела отрывать от работы. Иногда они разговаривали по телефону, а однажды ему даже удалось провести день дома. Его привязанность к семье была трогательна, разлуку он переживал так остро, что за большими делами и хлопотами дня в Щелкове не упускал случая подробно расспросить каждого, кто его навещал, о том, что делается дома.

Шофера, приехавшего навестить его, он первым делом спросил, не скучает ли Лерочка и как прошли экзамены у Игоря.

Шофер застал Валерия Павловича на песчаном отлогом берегу, где тот грелся на солнышке после купанья.

— Скоро полетите, Валерий Павлович? — спросил он.

— Должно быть, так. Пойдем, Филипп Иванович, под елку. Посидим, погуторим.

Шофер протянул сверток с фруктами и бутылкой виноградного вина.

— Откажусь, Филипп Иванович, не серчай, — сказал Валерий, рассматривая марку вина на бутылочной этикетке. — Слетаю в Америку, все свое ворочу.

Шофер приехал не один. Он расстался на пути с девушкой, с которой условился провести день вместе. И теперь волновался, как бы не опоздать. А Валерий Павлович, против обыкновения, был сегодня разговорчив и не хотел так быстро расставаться с ним.

— Чем же тебя угостить, Филипп Иванович? Ты пойди искупайся, а я тем временем на аэродром съезжу, пообедаю, врачи у меня строгие, беда! Кстати и тебе гостинец привезу.

И Валерий направился к автомобилю, стоявшему в стороне. Вернулся он часа через два, чем-то недовольный, с большим кульком в руках.

— Насилу отпросился у врача. Больно сердитый этот народ. Вот уж верно говорили в старину: будь

здоров, избегай докторов. Ладно. Мне бы только вылететь. Распечатывай, Филипп Иванович. Небось, проголодался?

Шофер, закусывая, думал о девушке, которая уже третий час ждала его на лесной опушке. Валерий лежал с ним рядом на траве, подложив руку под голову. Потом он вытащил из кармана наклеенную на полотно узкую длинную карту, аккуратно развернул ее и, водя по ней пальцем, стал рассказывать:

— Вот, смотри, самая трудная часть пути: полюс— Канада. Места пустынные, ох, какие безлюдные, Филипп Иванович... А вот здесь, в долине реки Фрезер, мы должны пересечь железную дорогу, первую после того, как пройдем в районе Архангельска над советской магистралью. Дальше начнутся Соединенные Штаты...

Он замолчал и посмотрел в лицо шофера.

— Ты что такой задумчивый?

Тот не ответил.

— Кушай, Филипп Иванович, кушай, — угощал Чкалов, извлекая из свертка апельсины, бутылки с нарзаном и жареную курицу.

Минут через десять Валерий встал и, отряхивая с брюк мелкие иголочки ели, внимательно взглянул в глаза своего собеседника.

— Ну, пойдем, Филипп Иванович. Я вижу, тебе домой пора. Погоди, я тебя провожу немного.

Машину повел сам Валерий. Он развернул ее на широком месте, набрал скорость. Валерий любил быструю езду. Минуя железнодорожный переезд, где-то среди березок, оба они почти одновременно увидели девушку в сиреневом платье. Она приветственно махала платком. Валерий, догадавшись, резко затормозил и громко рассмеялся.

— Ага, понятно, в чем дело!

Он вылез из автомобиля, крепко пожал на прощанье руку шофера.

— Ну, поезжайте на машине, гуляйте, ваше дело молодое...

— —

Как и год назад, комнаты в Щелкове, где велась наземная подготовка, были полны рулонами бумаги, картами и кучами всякого снаряжения. Врач попрежнему напоминал летчикам о режиме.

— А вы, — с улыбкой обращался он к Байдукову, — опять будете моим заместителем на самолете, то есть доктором. Я вас снабжу всеми медикаментами и материалами.

Для Байдукова это было не ново. Он уже был «доктором» в прошлогоднем перелете, хотя ему и не пришлось прибегать к этой дополнительной специальности.

В снаряжение входил целый мешок с перевязочными средствами, всевозможными порошками и витаминными препаратами против цынги. Время от времени доктор проверял медицинские знания Георгия Филипповича.

— Это что такое? — спрашивал он Байдукова, показывая на какой-то порошок.

— Это от живота, — отвечал Георгий Филиппович.

— Что вы, что вы! — приходил в ужас врач. — Это же от кашля!

Наступил день, когда Чкалов засел за изучение маршрутных карт. Беляков и Байдуков начали тренироваться в приеме и передаче радиограмм.

— Товарищи, помимо цифр вам нужно еще знать международный код, — говорил инструктор-радист.— Когда будете связываться с американскими станциями, вас могут не понять. А ну-ка, товарищ Беляков, отстучите по международному коду: «Хорошо ли меня слышите?»

Эту фразу Беляков знал наизусть и быстро передавал ее знаками Морзе.

— А сейчас проверим вашу передачу, товарищ Байдуков. Передайте вот этот отрывок из сегодняшней передовицы «Правды».

Георгий Филиппович сосредоточенно водил пальцем левой руки по газетным строчкам, а правой рукой со скоростью восьмидесяти знаков в минуту отстукивал текст.

— У вас не удается буква «б», — прерывал инструктор. — Держите руку свободно, старайтесь давать точки более редко и плавно.

Иногда Байдуков с Беляковым выходили на лесную опушку и, расставив мачту с подвешенной антенной, развертывали радиостанцию на «аварийную сеть». Бензиновый моторчик трещал изо всех сил и вращал маленькую динамомашину. На опушке было жарко. Летчики снимали верхние рубашки. Георгий Филиппович обычно располагался в нескольких десятках метров от Белякова. В конце тренировки штурман радировал:

— «Уо de RT — сели вынужденно на опушке леса». На сегодня кончаем работать. Пойдем, Егор, отдыхать.

Байдуков удовлетворенно покачивал головой и начинал свертывать приемную радиостанцию.

В напряженном труде прошло еще несколько дней. Наконец летчики закончили всю навигационную подготовку и совершили последний контрольно-тренировочный полет. Мотор, приборы и все части самолета работали превосходно.

Утром 17 июня Чкалов уехал в Москву. Там он долго обсуждал с метеорологами прогноз погоды. Позвонили Иосифу Виссарионовичу. Товарищ Сталин сразу ответа не дал. Он тщательно проверил сведения и только вечером дал разрешение вылетать завтра, на рассвете.

Валерий вернулся в Щелково, взволнованный, счастливый. Он обнял за плечи своих двух друзей и сказал тихо, задумчиво:

— Подумать: завтра. Вот и пришло наше завтра. Сколько годов мы его ждали. Да и не у всякого-то и вообще такое завтра приходит.

— Расфилософствовался наш командир, — пошутил Байдуков.

— А что ж, — перебил Беляков, — трое простых ребят выступают в роли российских колумбов, которых предвидел Ломоносов. Вот умнище-то был:

Колумбы росские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами путь проложат на восток...—

Как там дальше-то?

— Чудак! — воскликнул Чкалов. — Наконец-то у нашего штурмана промашка. Хотя и хвалю за поворот к Ломоносову. Видно, проняло. А там дальше самая соль. Прямо в точку:

И наша досягнет Америку держава.

За дверью, в коридоре, раздались гулко шаги. В соседних комнатах радисты, инженеры и врачи о чем-то спорили и перекладывали с места на место имущество летчиков.

Принесли карты Америки, самые новые, с обозначением всех аэродромов западного побережья США, радиосветовых маяков и сигналов.

— Эх, обидно, поздно принесли! — посетовал на инженеров Чкалов. — Даже просмотреть некогда. Саша, а все же две-три карты захвати.

В комнату вошла новая группа инженеров. Они принесли какие-то инструкции.

— Чудаки! — начинал сердиться Чкалов. — Вы думаете, самолет предназначен для перевозки ваших инструкций? Ну, ладно! Чтобы вас не обижать, возьмем.

Но, заметив, что Беляков кладет вместе с инструкциями книгу Стефанссона «Гостеприимная Арктика», Чкалов запротестовал и, помолчав немного, добавил:

— Ну, ребята, хватит! Время так же дорого, как и каждый сэкономленный грамм веса. Спать! Спать!

Друзья уснули сразу, но Валерию, как и в канун прошлогоднего вылета, не спалось.

За окном тихо шелестел березовый лес, и было еще совсем темно, когда он услышал за стеной легкие, знакомые шаги.

Поднялся, открыл дверь.

— Лёлик!..

Она стояла перед ним бледная, похудевшая — только голубые глаза ее улыбались и будто стали еще светлее. Он взял ее руку и долго не мог произнести ни одного слова.

Молчала и она.

— Я еще вчера хотела... — наконец сказал она. — Да всю ночь в автомобиле в лесу просидела. Не пустили. Говорят: «Спят». Книгу тебе принесла. Ты так открытую на диване и оставил. Из-за этого и пришла.

Валерий улыбнулся широко.

— Спасибо. Как раз все время думал: чего это мне нехватает?

Опять помолчали.

Потом Валерий сказал ласково и в то же время чуть строго:

— Ты кусочек дома с собой принесла.

— Ну вот... пожалуй, и все... Я поеду, Валерий: Тебе, вероятно, спать пора...

— По правде сказать, пора. Ведь завтра, Лёлик...

— Завтра? — с невольной тревогой в голосе перебила она и вдруг почувствовала, как внутри у нее пробежал холодок.

Словно в тумане видела она сейчас сосредоточенное и в то же время спокойно улыбающееся лицо мужа. Потом она почувствовала какую-то страшную усталость, как будто без отдыха пробежала полсотни километров.

— Завтра, завтра, — повторяла она машинально, дотрагиваясь до лежавшей в куче вещей меховой куртки Валерия. — Это твоя куртка?.. В ней ты полетишь?..

Она прижалась щекой к меху. Чкалов, стараясь скрыть волнение, отвернулся.

— Ты не думай, Валерий, я не волнуюсь, — тихо сказала она, и вдруг по ее щеке покатилась слеза.

— Не надо, Лёлик, не надо, — ласково произнес Чкалов, кладя руку на ее плечо. Ольга сделала несколько шагов к окну, распахнула раму. Пестрые тени от молодого орешника, как волны, колыхались на облитой лунным светом дорожке. Лесная полянка в голубом сиянии луны дремала и как будто нежилась, покрытая заглохшей травой.

Ночная тишина и прохлада действовали успокаивающе.

— Как тихо, до странности тихо, — сказала Ольга,

опять прижимаясь головой к плечу Валерия. — Ты знаешь, о чем я сейчас думала? — продолжала она, стараясь казаться спокойной. — Я подумала: даже то в нашей с тобой жизни, что представлялось мне горем, было счастьем. Значит, завтра... Ну, я пойду. Поздно, Валя. Не провожать тебя? Так лучше будет, верно?

Чкалов ласково посмотрел ей в глаза.

— Пожалуй, верно. Ну, до свиданья! Не волнуйся, Лёлик.

— Я не волнуюсь.

— Вижу, вижу... А книжку возьми. Дочитаю, когда вернусь. Ну, вот и все. Спасибо, что пробралась к нам сегодня.

Он крепко поцеловал ее.

— Счастливый путь, — прошептала она на пороге двери. Но в следующее мгновенье она снова бросилась к мужу, обвила руками его шею, заглянула ему в глаза. Хотелось смотреть так долго-долго. — Валя! Дай еще раз посмотреть на тебя.

Он ответил, сдерживая волнение:

— Ну, ну... Гляди... Что там видно?

— Валя! — вскрикнула она.

— Тише... не разбуди их...

Он осторожно разжал ее руки.

— Иди, родная.

3

Солнце давно утонуло в океане, и далекий берег представлялся как огромное скопление островов, похожих на финские шхеры. Сквозь влажную пелену еле проступали убегающие вдаль угрюмые кряжи.

Байдуков увеличил в кабине освещение, проверил количество бензина в баках, затем выключил лампы. Фосфорическим блеском засветились бесчисленные стрелки и циферблаты приборов. Работало радио. В наушниках неслись американские фокстроты и танго. Валерий и Беляков спали.

Самолет шел в облаках, в ледяной крупе на высоте 4500 метров.

Утомленный Байдуков закурил. Огонек папиросы совсем по-домашнему осветил на мгновенье стекло кабины.

Над бодрствующим пилотом, над Тихим океаном спустилась ночь. Вышла луна, потом она осела к горизонту, окрасилась в красный цвет. Стало темнее, но зато проступили яркие звезды. Байдуков сразу нашел прозрачную каплю Полярной звезды, потом — Арктур. Валерий изредка просыпался, поглядывая в окошко кабины.

Далеко позади оставались Ледовитый океан и Северный полюс — дрейфующее ледяное поле с Иваном Дмитриевичем Папаниным и тремя его друзьями. С ка-

ким волнением приближались летчики к ним, но так и не увидели черной палатки в белизне арктической пустыни: густыми хлопьями валил снег.

Эрнест Кренкель в те минуты безотрывно дежурил на льдине, следя за чкаловским перелетом. Иногда слышимость исчезала — самолет, работая на коротких волнах, попадал в мертвые зоны.

— Вот-вот будет над нами. Уже на полпути от острова Рудольфа к нам,—взволнованно сообщил Эрнест Теодорович. Вскоре явственно послышался шум мотора. Возбужденный Папанин выскочил из самодельного ледяного камбуза. Хоть бы одну газету или письмо из дому сбросил им Чкалов! Они их так ждали. Но самолета не было видно, он шел поверх облаков. Гул мотора становился все тише, над полюсом снова наступил покой...

...Восток розовел медленно, из-за горизонта появлялся Юпитер.

Байдуков увидел облака, освещенные заревом восхода. Казалось, что вдали высится огромный зубчатый хребет.

Пурпуровая полоса светлела. Чкалов приподнялся с собачьей шкуры.

— Смотри, Егор, огни какого-то города... — Голос его хрипел.

Америка в те дни жила не совсем обычной жизнью. Маленькие люди, рядовые метеорологи и радисты в Пойнт Барро, Номе, Фербенксе, Энкорэдже, Джюно, Кечикене, Сиэттле и канадской «Роял» посылали в эфир сводки, принимали с самолета сообщения. Они работали совершенно бескорыстно, не рассчитывая ни на славу, ни на гонорары. Иногда из пятнадцати-двадцати пунктов только два-три принимали сносно радиограммы с самолета. Тогда радисты этих пунктов немедленно — и притом бесплатно — передавали содержание радиограмм в другие пункты. Их интерес к перелету был искренен и огромен.

Журналисты самых разных газет то и дело справлялись в советском консульстве о ходе перелета. «Сан-Франциско кроникл», «Нью-Йорк таймс», «Лос-Анжелос таймс», «Колорадо ньюс» — все газеты помещали

широкие информации, снимки, карты трассы; всё остальное отошло на второй план. А в эфир попрежнему неслись радиоволны.

— «Иси Ном». «Иси Ном» [1]. Вызываем экипаж Чкалова. Вызываем экипаж Чкалова. Дайте координаты.

— «Хир ис Сан-Франциско» [1]. «Сан-Франциско». Где экипаж Чкалова? Вызываем экипаж Чкалова. Слышите ли вы нас? Вас не слышим.

— «Энкоредж коллинг», «Энкоредж коллинг»[1].

— «Медфорд коллинг», «Медфорд коллинг»[1].

— «Хир ис Сиэттль», «Пойнт Барроу»[1].

— «Джюно коллинг» [1]. Вызываем экипаж Чкалова.

— Почему молчите? Проверьте передатчик. Срочно дайте ваше место. Срочно дайте ваше место. Вас не слышим. Налаживаем прием. Где находитесь? Где находитесь?

...День в Вашингтоне был душный и жаркий. Особняки, бульвары, роскошные парки, запахи раскаленного асфальта и газолина летели навстречу развивающему скорость линкольну. Советский полпред очень спешил. Только что пришла правительственная телеграмма: Чкалов полчаса тому назад оторвался от щелковского поля.

На аэродроме полпред пересел на самолет и вылетел в Сан-Франциско. Погода была отвратительная, в Питтсбурге он застрял, с рассветом полетел дальше.

В Сан-Франциско всю ночь усталый полпред просидел в кресле, в большом зале консульства, отвечая на бесчисленные вопросы журналистов.

Для летчиков уже были приготовлены две комнаты наверху. Он предполагал, что они приземлятся в Оклэнде.

...На рассвете 19 июня Чкалов перелетел Северный полюс. Потом вдруг всякая связь с самолетом пропала. Полпред волновался.

Волновался и генерал в отставке Вильям Гильмор — председатель Национальной аэронавигационной ассоциации. Ему поручено было зарегистрировать даль-

[1] Позывные различных радиостанций.

ность чкаловского полета. Генерал очень любил рекламу и боялся, что газеты уделят ему недостаточно внимания.

Под вечер в консульство поступило сообщение из Канады: там видели самолет, но был ли это чкаловский — никто не мог уверенно сказать.

Прошло еще двенадцать часов мучительного ожидания.

Полпред, по американскому обычаю, объехал всех представителей, сделал визиты мэру, представителям города.

В кухне консульского особняка повар поминутно поднимал крышки с кастрюль и шипящих сковородок, он очень опасался, как бы что не пережарилось, не переварилось к прибытию трех пилотов. Их ожидали сегодня, еще до полудня.

Следующая весть пришла от береговой охраны. Заметили моноплан, летящий над океаном, но самолет повернул куда-то в сторону от материка.

Следовательно, во всяком случае летчики благополучно пролетели Канаду, не застряв в малообитаемых местах. Полпреда сильно беспокоила эта возможность. Точно какая-то тяжесть свалилась с его плеч теперь. Единственное, что смущало: почему повернул самолет?

Полпред дернул за шнурок тяжелую шелковую штору. Розовое, ослепительное калифорнийское утро смотрело в окна.

Беспокойно поглядывая на часы, полпред шагал по ковру.

Мягко зазвонил один из телефонов. Сообщили, что чкаловский экипаж пролетел Портлэнд и идет сюда, к Сан-Франциско. Полпред весело обратился к присутствующим:

— Сейчас мы увидим Чкалова.

Но спустя несколько минут дежурный американский офицер передал по телефону, что самолет снова повернул назад.

— Что же это означает? — в недоумении произнес полпред и опустился в глубокое кожаное кресло.

Летчики, овладев техникой американских маяков, уверенно шли на Сиэттль. В наушниках Байдуков слышал ровный мелодичный тон, повторяющий звук «А».

Валерий тоже надел шлем с наушниками. Кто-то быстро и монотонно бормотал по-английски.

— Вот и пойми!

Впрочем, вскоре он успокоился, так как услышал гуденье, прерываемое позывными.

— Ага, есть! Идем в зоне маяка.

Беляков неожиданно поразил командира, написав на клочке: «Горючее на исходе».

Плечи Валерия в тяжелой, на меху, куртке чуть вздрогнули.

— Быть не может!

Он приник к стеклу прибора; затем сразу с силой повернулся всем корпусом к своим спутникам:

— Хватит до самого Сан-Франциско. И дальше. Не волнуйтесь, ребята. Видите, показывает пятьсот килограммов.

Но вскоре его охватило сомнение. Откуда взялись эти лишние килограммы? Может быть, инженеры в Москве влили больше и ничего не сказали в спешке? Или счетчик врет? Что думает по этому поводу Беляков?

— Вот тут и поломаешь голову. А ну-ка, Саша, дай карту!

Он долго рассматривал ее. Уже промелькнул Портлэнд с многоводной рекой Колумбией, проплыли какие-то покрытые темным лесом холмы, когда самолет вновь полез вверх, в облачную мглу.

Взгляд Чкалова опять остановился на расходном баке. Уровень бензина быстро понижался. Что за чорт? Неужели горючее, действительно, подходит к концу?

Валерий не хотел верить этому. Он покачал насосом. Тщетно.

— Вхолостую, — рассердился он. — Егор, поворачивай назад к Портлэнду.

Байдуков обернулся, на лице его блестели свежие капельки дождя.

— Карту, самую подробную, — попросил он.

Чкалов передал карту и высунул голову из окна. Навстречу неслись клочья тумана. Они цеплялись за концы крыльев, отрывались и таяли в голубых просветах неба. Егор полого снижал машину.

— То-то, — процедил сквозь зубы Валерий, вглядываясь в сочные луга и знакомые очертания города. На его коленях лежал раскрытый справочник с фотографическими снимками американских аэродромов. — Вон мосты, фабрики. Река Вильяметта. Портлэнд. Несомненно.

Сразу же бросилось в глаза необычное скопление автомобилей, вереницами ползущих по мокрым дорогам. Но где же аэродром? Узкая зеленая полоска тянулась вдоль реки. Это и есть аэродром? Никаких посадочных знаков. А это, кажется, ангары? Вот она, Америка, какая!

Быстро определив размеры аэродрома и разобравшись в подходах к нему, Байдуков заложил вираж. Верхушки деревьев надвинулись зеленой массой на красное крыло моноплана. Промелькнуло болото.

— Газ! Егор! — крикнул Чкалов. — У самого края сажай.

Он опасался, что самолет угодит в забор или попадет на запаханный участок поля. Но машина уже плавно коснулась земли и быстро бежала по примятой утренним дождем траве, слегка потряхивая длинными крыльями. Остановились метрах в двухстах от границы аэродрома.

— Сели. Земля. — Эти два слова Чкалов произнес тихо, но едва сдерживая радость. — Вот она, Америка...

Никто не отозвался. Его друзья молчали. Егор, у которого глубоко ввалились сухо блестевшие, воспаленные глаза, открыл люк. Душный, влажный воздух ворвался в кабину. Егор глубоко вздохнул и положил усталую голову на штурвал; дотронулся рукой до сердца: оно сильно билось. Беляков неторопливо укладывал в портфель карты.

— Саша! Сели! — громко крикнул Валерий, бросившись к окошку.

Штурман попрежнему невозмутимо убирал с дере-

вянного столика треугольники, циркуль и остро отточенные карандаши.

— Ребята, как хотите, а я полез.

И с этими словами Чкалов выбрался через горловину и, придержавшись руками за скользский борт, прыгнул на землю. Он огляделся вокруг и закурил. Ни души. Еще раз огляделся. Нет, на аэродроме были люди. Они бежали издали группами и в одиночку. Первым подбежал светловолосый солдат, затянутый во френч с узенькими погонами. Солдат вытянулся во фронт и отдал честь.

— Здрастраши.

Чкалов не понял.

— Зждрастраши, — повторил юноша, тяжело дыша от бега.

Валерий улыбнулся:

— Понятно. Здравствуйте!

— Жздрастраши, Джордж Козмецкий.

— Стакан воды! — глухо попросил Чкалов.

— Ай донт андерстэнд...

— Пить, пить, — Чкалов пальцем указал на рот.

Козмецкий кивнул головой и с улыбкой протянул раскрытый портсигар.

— Не то. Ну, ладно. Потом договоримся... Тогда — колодку под колеса.—Он сделал рукой вращательное движение.

Начинала собираться толпа — кто-то понял просьбу летчика и побежал за колодкой.

Толпа увеличивалась.

К аэродрому длинной цепочкой двигались сотни автомобилей. Чкалов увидел женщин в ярких туалетах и с раскрытыми зонтиками. Они с любопытством осматривали его. Вдруг толпа расступилась. Появился высокий сухощавый военный с седой головой. Кто-то крикнул по-английски: начальник гарнизона! От пестроты впечатлений в утомленных глазах Чкалова рябило. Спустя мгновенье он увидел элегантную блондинку. Издалека протиснувшись сквозь толпу, она смело подошла к Чкалову и спросила на ломаном русском языке:

— Вы дженаты?

Он опешил, потом невольно рассмеялся, показывая на свой самолет.

— Все мы!

Байдуков с Беляковым продолжали, между тем, сидеть в кабине. Они собирались наблюдать, как будет Валерий с помощью жестов и мимики объясняться с американцами, и очень удивились, услышав через окошечко голос командира. Валерий постучал ладонью по обшивке фюзеляжа.

— Ребята, хватит сидеть, вылезайте. Начальник гарнизона генерал Маршалл приглашает вас к завтраку.

Байдуков и через некоторое время Беляков, все возившийся с уборкой, выбрались на землю.

Моноплан со всех сторон окружили фотографы и репортеры.

«Откуда их столько набралось?» — подумал Чкалов.

— Это вам, ребята, не остров Удд, — сказал он. И с удивлением заметил, что только теперь, внезапно, наступила сильная усталость. Он готов был растянуться тут же, на свежей траве, усыпанной бусинками утренней влаги. Но фотографы, забегая спереди, сбоку, настоятельно просили его принять любую, какую ему заблагорассудится, позу у самолета. Он стал посреди двух своих друзей, накинув на плечи кожаную куртку; в глазах его стоял блеск, от небритых щек лицо казалось худым.

Он вдруг обернулся, услышав русскую речь. Мужчина средних лет в клетчатой кепке и неимоверно широких брюках переводил вопрос журналиста:

— На какой средней высоте вы летели?

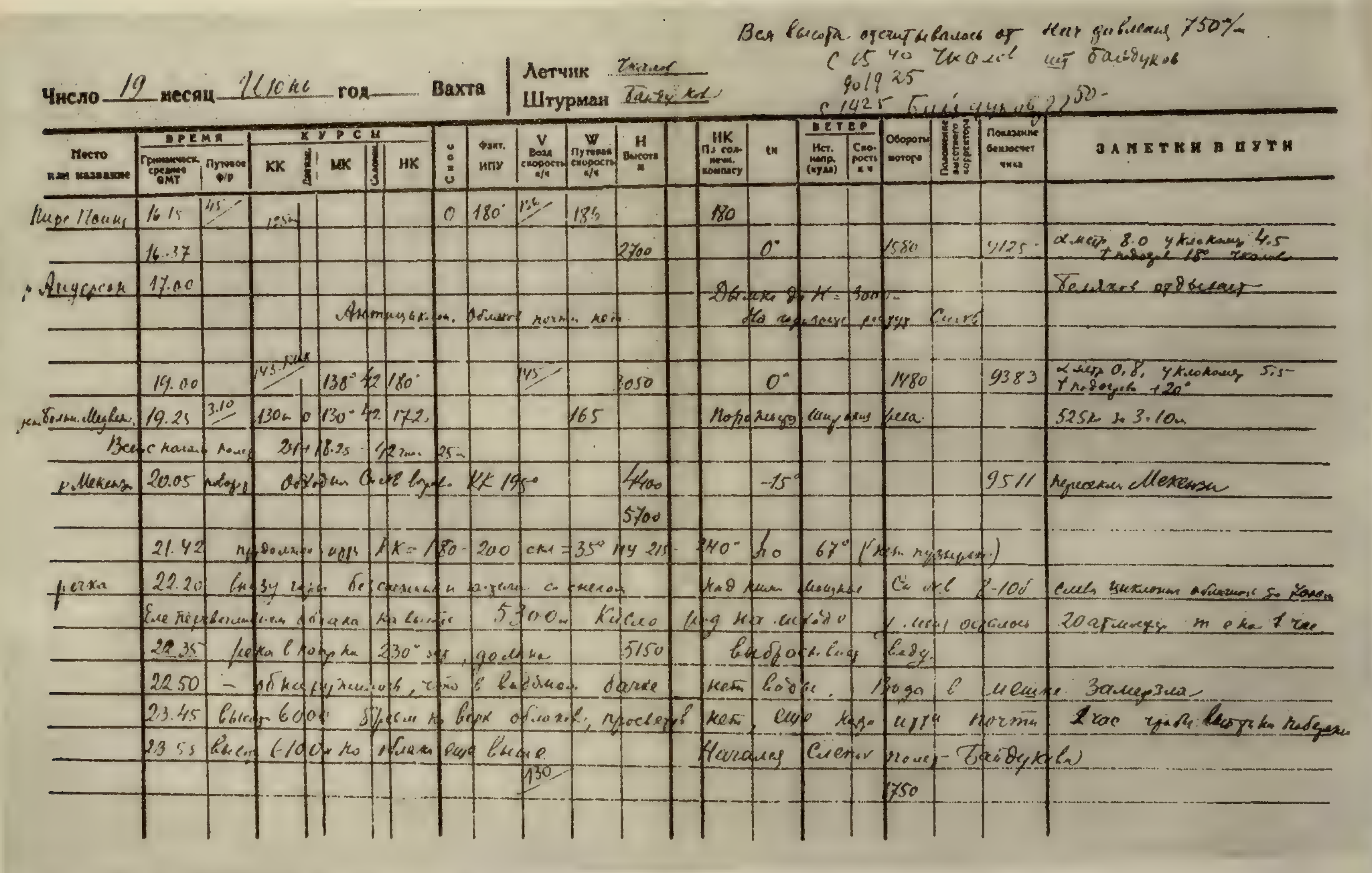
Он охотно ответил:

— От четырех до пяти тысяч метров. Иногда свыше шести тысяч.

— Еще вопрос. Представитель «Сан-Франциско кроникл» имеет интерес: какова была погода во время перелета?

— Самая хорошая — над Баренцовым морем, неплохая — в районе Земли Франца-Иосифа, отчасти и над полюсом, далее — в районе Патрика.

— Еще одна просьба: ваши ближние планы?



Вся высота отсчитывалась от нач. давления 750 мм.
С 15 40 Чкалов шт. Байдуков
до 19 25
с 19 25 Байдуков 22 50-

Число 19 **месяц** Июнь **год** ___ **Вахта** | **Летчик** Чкалов | **Штурман** Байдуков

Место или название	ВРЕМЯ: Гринвичск. среднее GMT	Путевое ф/р	КУРСЫ: КК	Девиац.	МК	Склонен.	НК	Снос	Факт. ИПУ	V Возд. скорость к/ч	W Путевая скорость к/ч	H Высота м		НК по солнечн. компасу	t°	ВЕТЕР: Ист. напр. (куда)	Скорость к ч	Обороты мотора	Положение высотного корректора	Показание бензосчетчика	ЗАМЕТКИ В ПУТИ
Пирс Пойнт	16.15	45	125					0	180°	156	185			180							
	16.37											2700			0°			1580		4125	α метр 8.0 уклономер 4.5 t подогр. 18° Чкалов
р. Андерсон	17.00													Обледен. до H = 3000							Чкалов отдыхает
			Антициклон. Облаков почти нет											На горизонте редкие ... Слева							
	19.00		143		138°	42	180°			145		3050			0°			1480		9383	α метр 0.8, уклономер 5.5 t подогрев +20°
оз. Больш. Медвеж.	19.25	3.10	130	0	130°	42	172				165			Порядок. Штурман пела							525 км за 3.10 м
	Всего с начала полета		2114	18.25			172 км	25 м													
р. Макензи	20.05	поворот	Обходим слева вверх. КК 195°									4400			-15°					9511	пересекли Макензи
												5700									
	21.42	продолжаю курс			АК = 180-200				см = 35°		пу 215			240°	10	67° (Кол. пузырек)					
речка	22.20	Внизу горы без снежных и ... с снегом												Над ними мощные		Си ок.		8-10б			слева циклоническая облачность до Чкалова
	Еле перевалили облака на высоте 5300 м. Кислород													... на исходе				осталось			20 атмосфер то-ка 1 час
	22.35	река в коряжке			230° ... долина							5150		выбросили воду							
	22.50	— обнаружили, что в водяном бачке												нет воды.		Вода в мешке замерзла					
	23.45	Высота 6000	Идем поверх облаков, просветов											нет, еще надо		идти		почти			1 час через ...
	23.55	Высота 6100 м но облака еще выше												Начался слепой полет (Байдукова)							
										130								1750			

Страница из бортового журнала самолета N 0-25.

США
20/VI 16.30
Ванкувер
Портленд
КАНАДА
оз. Б. Медвежье
20.05
4.52
О-ва
Кор. Шарлотты
1.00
20/VI
м. Пирс
16.15
о. Мельвилль
з. Бенкса
12.30
Меккензи
Юкон
ГРЕНЛАНДИЯ
(Дат.)
ШПИЦБЕРГЕН
(Норв.)
СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС
19/VI
4.15
АЛЯСКА
(США)
СЕВЕРНЫЙ ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАН
ТИХИЙ ОКЕАН
19.00
о. Виктории
Земля
Франца
Иосифа
от Гринвича
Мурманск
11.43
15.48
20.20
17.00
20/VII 1936
2.45
МОСКВА
Щелково
1.04
18/VI 1937
Онега
8.00
БАРЕНЦОВО МОРЕ
Новая Земля
КАРСКОЕ МОРЕ
Северная
м. Ворошилова
Земля
м. Челюскин
3.11
21/VII
МОРЕ ЛАПТЕВЫХ
п.о. Таймыр
Нордвик
12.42
Булун
Обь
Хатанга
Тикси
Яна
Лена
Индигирка
Колыма
Северный полярный круг
БЕРИНГОВО МОРЕ
п.о. Камчатка
Магадан
22.52
3.00 22/VII
Петропавловск
Якутск
ОХОТСКОЕ МОРЕ
о. Чкалов (Удд)
11.10 22/VII
Николаевск
о. Сахалин
Амур
С С С Р
перелет Москва—Северный полюс—США
перелет Москва—о. Удд (о. Чкалов)
Масштаб
0 500 1000 км

— Ближайшие наши планы: вымыться, переодеться и отдохнуть.

— У-ух, жарковато! — перебил Байдуков, сбрасывая куртку.

Чкалов засмеялся:

— Да, Егор, положение наше забавное.

Представитель газеты насторожился.

— Что? Что он говорит?

Человек в клетчатом костюме перевел вопрос.

— Я говорю, — ответил Чкалов: — в куртках и меховых сапогах жарковато, а вязаное шелковое белье наше не совсем подходящий костюм, чтобы щеголять в нем по Америке.

— Простите, еще вопрос: как вы питались в пути?.. «Сан-Франциско кроникл» интересуется: каковы ваши планы?

Журналисты быстро записывали ответы Валерия в блокноты.

— Еще минуту: «Лос-Анжелос таймс» спрашивает: сколько лет вы летаете?.. А как обстояло дело с радиосвязью?.. «Колорадо ньюс» знает из ваших радиограмм, что самолет, пройдя полюс недоступности, обледенел. Как растаял лед?.. Еще вопрос...

Чкалов вытер со лба пот.

— Может быть, потом?.. Мы немного устали...

— В таком случае журналисты просят у вас автографы на память.

Со всех сторон к летчикам потянулись руки, в которых мелькали блокноты и автоматические перья самых различных систем и расцветок.

Расписавшись широким почерком в последнем блокноте, Валерий обхватил своих товарищей за плечи.

— Ну, пошли, ребята, генерал предлагает свою квартиру. Ей-богу, пора побриться и отдохнуть.

— А может быть, в таком виде нам лучше в гостиницу? — предложил Беляков.

Но в эту минуту снова появился генерал. Установив около самолета караул, генерал Маршалл усадил летчиков в автомобиль и быстро повез их в свой дом.

Долго звонили телефоны в приемной советского консульства в Сан-Франциско. Сообщения о местонахождении самолета были противоречивы.

Полпред заканчивал завтрак, когда ему доложили, что в приемной его ожидают русские переселенцы-молокане. Он спустился в зал и застал там человек десять сектантов.

Отцы и деды этих людей эмигрировали в Америку из царской России. Полпред давно уже привык к своеобразному виду молокан, ему часто приходилось встречать их. В Калифорнии были когда-то русские посты, до сих пор существуют в Америке города, носящие русские названия, например: Севастополь, Москва, Петербург, Одесса.

Молокане пришли с просьбой передать трем пилотам, чтобы те обязательно побывали у них в Чередане, в Русской Горке и Санта-Роза. Они угостят их пирогами и настоящей куриной лапшой.

Полпред обещал передать их просьбу. В это время опять зазвонил телефон. Полпред снял с рычага трубку.

— Что? В Ванкувере?

Он немедленно соединился с Ванкувером и через несколько минут услышал приятный низкий голос:

— Чкалов.

— Здравствуйте, товарищ Чкалов!

— Докладываю — задание правительства выполнено. Нам было приказано перелететь полюс и сесть на американском континенте. Сталин сказал, достаточно, если сядем в Канаде. Мы прилетели в Соединенные Штаты.

— Поздравляю. Что думаете сейчас делать?

— Просим сообщить в Москву. А мы будем приводить себя в порядок.

Полпред попрощался, добавив, что немедленно вылетает в Ванкувер.

Генерал Маршалл представил жене своих гостей — чиф-пайлота Чкалова, ко-пайлота Байдукова, нэвигейтора Белякова — и провел их во второй этаж, где им был предложен завтрак.

Прежде всего все трое стянули с себя теплую одежду. Только тогда уже уселись в отведенной им комнате за стол.

После завтрака приняли ванну, побрились. Вскоре раздался стук в дверь. Вошел переводчик.

— Кого-нибудь из экипажа просят к телефону. Из Москвы.

— Вот это здорово! — произнес Валерий восторженно. — Оказывается, Москва совсем близко. Ну, что же, отрядим для разговора тебя, Егорушка.

Байдуков волновался. Чкалов слышал через дверь, как он передавал от имени экипажа благодарность и привет товарищу Сталину, правительству.

— Нас обнимают, шлют привет,—говорил Байдуков, возвратившись в комнату. — Шлют поцелуй московские телефонистки. Всему экипажу, а мне особенный, как самому молодому.

— Все это хорошо, ребята, но мне, честное слово, не до шуток. Я все думаю, как мы будем щеголять в одном белье по Америке, — сказал Чкалов, ложась на свежую простыню военной походной кровати.

В дверь опять постучали. Появился генерал с тремя халатами в руках.

— Нехватает самого малого в нашем туалете — брюк, — весело констатировал Валерий, когда хозяин покинул комнату.

Через некоторое время генерал вернулся с пятью-шестью штатскими костюмами на выбор.

— Ко-пайлот Байдуков, извольте примерить! — сказал Валерий повелительным тоном.

Егор долго упрямился, наконец влез в пиджак — и утонул в нем.

— Ложись-ка лучше спать, Егор! Тебе еще подрасти надо, — проговорил Чкалов, покатываясь со смеху. — Вот Саше впору будет!

Но даже Белякову, самому высокому из экипажа, пояс генеральских брюк свободно доходил до подбородка.

Еще раз послышался стук в дверь. Но друзья уже не отозвались, они засыпали.

Первые секунды они еще смутно слышали какой-то шорох, чьи-то шаги, потом все сразу исчезло.

В доме генерала полпред застал большую суматоху. В вестибюле толпились жители Ванкувера, фотографы, военные. У генерала кружилась голова. Не успел он дать распоряжение относительно меню обеда, как к нему подошел адъютант и попросил выслушать доклад о подготовке к завтрашнему параду в честь русских летчиков. Генерал выслушал, спустился в первый этаж — и не узнал своего вестибюля.

Вдоль стен стояли наготове киноаппараты с юпитерами. Радисты прилаживали микрофоны. Весть о посадке облетела мир с молниеносной быстротой. Расторопные агенты «Уэстерн юнион» то и дело приносили поздравительные телеграммы. Белокурая, кокетливая мисс Маршалл, дочь генерала, поправляла прическу перед зеркалом. Миссис Маршалл уже переоделась в светлое платье и за большим круглым столом угощала журналистов коктейлями и рассказывала, как познакомилась с летчиками.

— Они недавно уснули?

Миссис Маршалл кивнула головой.

— Что сказал чиф-пайлот Чкалов?

— Чиф-пайлот Чкалов сказал буквально: «Спасибо за встречу, я счастлив, но несколько недоволен, что не долетел до Сан-Франциско, — и очень устал». Он очень мил.

— Откуда вы родом, миссис?

Кэтрин Маршалл гордо подняла седеющую голову.

— Я прибыла в Ванкувер из Чикаго прошлой осенью. Родом я из Балтиморы, лично знала Валлис Уорфилд.

Она имела в виду будущую герцогиню Виндзор.

Генерал Маршалл, очень высокий, худой, угловатый, встретил полпреда в своем кабинете.

— Весьма рад, — сказал он, приглашая садиться.— Я, господин посол, опустошил все свои гардеробы, ничто не подошло. Сейчас должны приехать из портлэндского магазина и привезти костюмы.

— Летчики спят?

— Да, но, может быть, пора будить? Признаюсь, я немного озабочен. Беспрерывные телефонные звонки. Журналисты, операторы, радисты. Никто не дает прохода. Америка хочет видеть русских летчиков на экране, слышать их голоса. — Он показал рукой на окно.

Полпред приподнялся в кресле и увидел пеструю толпу, собравшуюся перед террасой. Яркие пятна раскрытых зонтиков колыхались на фоне свежей зелени пихт и кедров.

Генерал проводил полпреда через анфиладу комнат к небольшому залу. Посол приоткрыл дверь. Летчики крепко спали.

Первого попробовали разбудить Чкалова.

В ответ на все попытки последовал лишь глубокий вздох, и Чкалов повернулся лицом к стене.

«Однако нелегкая задача», — подумал полпред, улыбаясь, и энергичнее дотронулся до плеча Валерия.

— Уже три часа... Вас ждут... — громко сказал он.

Храп сменился бормотаньем. Чкалов натянул на лицо простыню и зарылся головой в подушку.

Полпред направился к постели Байдукова.

Но ко-пайлот даже не пошевельнулся. Пришлось снова подойти к изголовью Чкалова.

Наконец Валерий сильно потянулся, раскрыл глаза. Он сразу же сбросил с себя простыню, вскочил:

— О! Товарищ Трояновский! Наконец-то мы с вами увиделись!

Они расцеловались. Им никогда до этого не приходилось встречаться. Но тут Валерий в лице полпреда видел первого родного, советского человека на американской земле.

Не сразу разбудили Белякова, очень долго провозились с Георгием Филипповичем; Валерий пояснил:

— Этого из пушки не разбудишь.

Из ванной комнаты Чкалов вернулся в халате генерала. Длинные волочащиеся полы он засунул за пояс.

— Не представляю, как нам дальше быть, товарищ посол... насчет туалетов наших...

Полпред вышел посоветоваться с генералом. К своему удивлению, в соседней комнате он нашел целое отделение универсального магазина. Там были разложены костюмы гладкие, в полоску, с искрой, белье, воротнички, ботинки, туфли с пряжками, туфли с пуговицами, туфли со шнурками, шляпы, носки, галстуки, запонки.

— Саша, Егор! Что такое? — удивился Чкалов. — Засыпали в комнате, а проснулись в универсальном магазине.

Полпред вернулся в комнату и предложил:

— Пожалуйте, товарищи, одеваться.

Портные начали делать примерку, тут же переставили пуговицы на костюме Валерия.

Вскоре все трое были одеты.

— Будьте любезны получить, — сказал Чкалов портным.

— Нет, нет, — перебил переводчик. — Фирма денег с вас не возьмет, расход запишет в торговые книги — так и запишет, что одела в свои костюмы трех советских летчиков, только что перелетевших Северный полюс.

— Александр Антонович, что вы скажете? — обратился Чкалов к Трояновскому.

— Не берут — так не берут! — засмеялся полпред.

Валерий сделал несколько шагов по комнате. И тут обнаружилась в Чкалове еще одна новая черточка: он носил костюм, галстук совершенно безупречно, строго и элегантно, так, что ему позавидовал бы не один заправский дипломат. Переодевшись по американской моде, он сразу же вошел в окружающую обстановку, сразу же нашел верный тон в обращении с людьми, которых он видел впервые. Он начинал «дипломатическую работу» по представительству своей великой страны.

Гостей попросили в столовую. «Рашен флайерс»[1], воспользовавшись присутствием всей фамилии Маршалл, высказали благодарность хозяину и его жене за гостеприимство, которое встретили здесь.

[1] Русские летчики.

Чкалов мило улыбнулся мисс Маршалл, сказал ей комплимент, сел. За круглым столом, заставленным хрусталем, самого разного рода коктейлями, закусками, вазами с фруктами, Валерий Павлович выпил традиционный американский глоток холодной воды, закусил кусочком дыни «канталоп» и начал отвечать, пользуясь посредничеством полпреда, на сыпавшиеся со всех сторон вопросы.

Его слушали внимательно. В перерыве между двумя тостами он сфотографировался с хозяином. Всепобеждающую роль рекламы на американской земле Валерий почувствовал сразу и, поняв, насколько это важно для генерала, в дальнейшем разговоре с журналистами старался всячески отметить его участие в приеме пилотов.

Во время обеда принесли телеграмму от Рузвельта. Президент, несмотря на воскресный день, когда государственная жизнь в Америке замирает, поздравлял русских летчиков.

«Я узнал с величайшим удовлетворением об успешном завершении беспосадочного перелета из Советского Союза в Соединенные Штаты, — телеграфировал президент Трояновскому. — Мастерство и смелость трех советских летчиков, которые так блестяще выполнили исторический подвиг, заслуживают величайшей похвалы. Прошу вас передать им мои самые горячие поздравления».

Через несколько минут пришла телеграмма от государственного секретаря США Хэлла. Со стола еще не успели убрать суп, как прибыла целая пачка новых телеграмм со всех концов Америки.

Обед кончился. Полпреду передали еще одну только что полученную телеграмму. Он быстро распечатал ее. Она состояла из русских слов, напечатанных латинским шрифтом. Телеграмма была от товарища Сталина.

Валерий Павлович, стоя, слушал замечательный текст. С величайшей радостью и гордостью смотрел он на двух своих друзей.

В своей комнате, опустившись на походную кровать, он задумчиво произнес:

— Эх, ребята! Ведь нашим полетом мы только начинаем потихоньку платить свои долги родине, народу...

И вдруг встал, заспешил:

— Ребята, давайте составим сейчас же ответ товарищу Сталину. Пиши, Егорушка.

Байдуков быстро составил ответный текст.

Валерий перечитал внимательно, несколько раз, и подписался.

— Эх, Байдук! Всего, брат, в телеграмме не скажешь, да и ты скуповат, — мало написал.

Он подошел к подоконнику. Накрапывал дождь. День клонился к концу, когда летчики вместе с полпредом и хозяином дома вышли на балкон. Там уже были установлены микрофоны.

Чкалов должен был рассказать американскому народу о перелете. И он это выполнил блестяще.

Кругом суетились кинооператоры. Вспыхивали юпитеры. Толпа перед балконом росла. В руках мужчин взлетали шляпы. Пестрели разноцветные раскрытые зонтики. Гремели оглушительные аплодисменты. Американский народ приветствовал героев криками:

— Ур-рэй, ура!

Валерий Павлович с балкона хорошо видел кедры, газон и цветы на клумбах, а дальше колыхалось море человеческих голов. Он смотрел вдаль и думал, что всего каких-нибудь пятнадцать часов назад их самолет висел над океаном, по черному небу бежали три яркие точки — их бортовые огни; совсем недавно был он в другом полушарии, в редкие свободные минуты, накануне вылета, бродил в березовой подмосковной рощице, уединялся, чтобы еще что-то обдумать, не забыть. А незадолго до этого стоял на василёвском бугре и любовался Волгой.

Американские кедры, конечно, мало походили на василёвские леса, река Колумбия также не была похожа на Волгу. Но душой он был там, в Москве; его голос слушали сейчас родина, друзья, Ольга, Игорь...

К микрофону подошел Байдуков. Последним говорил генерал Маршалл. Свою речь он закончил словами:

В. П. Чкалов с женой Ольгой Эразмовной и сыном Игорем в Горьком. 1936 г.

— Посадка героев на нашем аэродроме была для меня полной неожиданностью. Я польщен, что на мою долю выпала честь принять в своем доме этих отважных джентльменов.

Радиодиктор прочел приветствие товарища Сталина, поблагодарил летчиков за выступление. А толпа зрителей перед балконом все росла и росла.

Когда собравшиеся стали расходиться, к летчикам подошел их утренний знакомец, поляк Джордж Козмецкий.

— Господин Чкалов, — сказал он, сияя от счастья,—я первый подбежал к вашему самолету. Я симпатизирую Совьет Юнион. Там совсем уж нет помещики?

— Верно!

— Рашен флайерс, очень много жалею, что не можем вернуться... на Польшу. Если моя родина будет свободна...

Чкалов похлопал Козмецкого по плечу:

— Этому не миновать, дружище. Рано или поздно народ возьмет свою судьбу в собственные руки. А уж мы тебя тогда подвезем.

После радиопередачи началась киносъемка. На следующий же день чкаловская тройка появилась на всех экранах Америки, всюду встречаемая восторженными аплодисментами.

Для полпреда денек выдался тоже нелегкий. Он взял на себя утомительные обязанности гида: пришлось на ходу знакомить Валерия Павловича с пристрастием американцев к автографам великих людей, переводить немногословные, но исчерпывающие чкаловские ответы на стремительные вопросы журналистов, тут же сообщать пилотам о некоторых специфических особенностях заокеанского быта.

Чкалов терпеливо писал автографы в альбомы и блокноты, принимал требуемую позу перед фотообъективом, похваливал «канталюп» и «кока-кола».

Уже совсем стемнело, когда принесли телеграмму

от Ольги Эразмовны, а вскоре еще одну — от сына. Восьмилетний Игорь писал:

«Дорогой папа! Поздравляю тебя с благополучным окончанием перелета. От пионеров и октябрят лагеря Артек передаю горячий привет тебе, дяде Байдукову и дяде Белякову. 30 июня исполняется 12 лет Артека. Мы все, пионеры и октябрята, просим тебя, дядю Байдукова, дядю Белякова и маму приехать к нам на юбилейный большой костер».

В десять вечера ушли последние посетители. Сняв пиджаки и воротнички, летчики уселись на диван.

— Ну, и дотошная публика у вас в Америке, оказывается,— посетовал Валерий Павлович полпреду. — Сегодня, пожалуй, трудней пришлось всем нам, чем когда через полюс пролетали.

Он обернулся к Егору, который, держа на коленях клеенчатую тетрадь, что-то записывал в нее, и вздохнул:

— Да, ребята, это вам не остров Удд.

Потом подошел к столу. Там лежала груда телеграмм, присланных со всех концов Союза, из обкомов, крайкомов, райкомов. Он бережно расправил их, аккуратно сложил.

Вдруг Валерий зашагал по комнате.

— Товарищ посол, Саша, Егор... А как же насчет костюмов наших? Неужели в самом деле не надо платить?

Полпред объяснил, что портлэндская фирма, одевая советских летчиков, отказалась от платы, потому что она неизмеримо больше заработает, получив такую небывалую рекламу для своих магазинов.

— Ваши кожаные штаны, Валерий Павлович, уже висят в витрине магазина. Туда теперь целое паломничество, сущую правду вам говорю. Это ли не реклама для фирмы?

— Да, и вот еще насчет генерала. Он тут нас принял необыкновенно любезно, предоставил комнату, поил, кормил... А ведь он мог ограничиться официальным приемом и послать людей в гостиницу, чтобы там номер приготовили. Ведь верно? Надо бы отметить как-нибудь, отблагодарить — а как тут по их обы-

чаям, шут их знает!.. Может, подарить что-нибудь на память?

Полпред обещал подумать.

Зашел разговор об американских нравах. Полпред напомнил:

— Вы уже были свидетелями того, как американцы падки на всякие автографы и редкости. Вы знаете, что генерал сделал очень предусмотрительно, приставив к самолету охрану? Ваш самолет могли бы просто растащить на кусочки. Американцы питают исключительное пристрастие к сувенирам.

— Да. Америка... — задумчиво проговорил Чкалов. — Но пока что больше всего удивили меня эти самые мэссенджеры. До чего же расторопны и настойчивы.

— О, «Уэстерн юнион» — любопытное учреждение, — подтвердил полпред. — Если вам случится неточно указать адрес на телеграмме, — адресат все же будет найден. Вы можете телеграммой передать любое поручение, будет выполнено в точности.

Байдуков закрыл тетрадь и подошел к портрету над письменным столом.

— Веселая дама, — сказал он.

— Смеется задорно, — добавил Валерий.

— Повидимому, родственница генерала, — пояснил полпред. — Американцы очень любят улыбаться, особенно американки. У американки на лице всегда улыбка, когда она с вами разговаривает. Но это еще ничего не значит: отвернулась, и улыбка исчезла.

Через дверь слабо доносились звуки музыки из репродуктора. Семья генерала еще не спала. В окно барабанил дождь.

Чкалов потянулся. Хорошо было у него на душе сейчас, среди трех русских людей. Он начал вдруг рассказывать полпреду о семье, об Игоре, о своем детстве; о том, как был приглашен в Сочи на дачу к товарищу Сталину. Полпред слушал и думал: какой легкий человек, этот чиф-пайлот! Как быстро ориентировался он на чужбине и как просто себя чувствуешь с ним!

Полпред спросил Валерия Павловича, не слышал ли

он о безумном летчике, который в юности пролетел под аркой Ленинградского моста.

Чкалов громко рассмеялся.

— Этого сумасшедшего летчика вы видите перед собой!

Но главное место в их беседе занял Громов, который готовился тогда лететь вслед за чкаловской тройкой. Когда заговорили об этом, Чкалов, казалось, забыл все дела. Он горячо просил полпреда завтра же с утра отправить телеграмму Михаилу Михайловичу с краткими итогами их опыта. Хотелось, чтобы Громов в полете учел все детали полета чкаловского экипажа.

Радиограмму под диктовку Валерия тут же написал Беляков. В ней Чкалов дал ряд ценных советов громовскому экипажу.

Попрощавшись с полпредом, Чкалов распахнул оконную раму. Луна в бледном венчике то выплывала, то скрывалась в серебристых облаках. Она совсем не походила на тот багровый раскаленный шар, которым еще вчера над Тихим океаном любовался Валерий. Он задумался. Какой большой день они прожили!

На походных военных кроватях уже давно погрузились в крепкий сон друзья — Егорушка и Саша. Егор слегка разметался, и у него свалилась на пол одна из подушек. Чкалов поднял ее и заботливо подсунул под голову друга. Потом тихо вышел на балкон. Внизу шумели кедры. Дождь накрапывал теплый, крупный; ночной воздух был наполнен запахами цветов.

Валерий облокотился на балюстраду. Задумался об Ольге. Она была далеко, за океаном. За океаном оставалась его великая страна. Здесь он был ее посланцем, полпредом советских достижений, пожалуй, вроде только что ушедшего их нового знакомого. Он улыбнулся самому себе.

«Хорошо, — думал он. — Замечательно. Здорово. А ребята-то какие — Байдук и Саша!»

Положил руки на каменные перила и неожиданно для самого себя вдруг вполголоса запел по-своему, по-волжски окая:

Всю-то я вселенную проехал,
Нигде я милой не нашел...
Где ж ты, светик, дорогая,
Сердцу весточку подай.
Где ж вы, глазки голубые,
Где же ты, моя любовь?

Он пел, не вникая в слова, — просто пел от полноты всех своих чувств.

Еще не проснулись Егор и Саша, когда Валерий Павлович, быстро одевшись, спустился вниз. Было очень рано, и в генеральском доме стояла тишина.

Неторопливо направился Валерий по дорожке, усыпанной песком яркооранжевого цвета. Кругом сияло умытое дождем утро.

На берегу Колумбии высились военные бараки и сторожевые посты. Навстречу попадались солдаты.

Он обернулся назад, посмотрел на кедры, растущие перед балконом. О названиях большинства деревьев он мог только догадываться.

После ночного дождя воздух был ясен, щебетали птицы, с Колумбии дул ветерок, лица встречавшихся американских солдат были просты и будничны, — Америка сейчас, после вчерашней калейдоскопической суеты, открывалась перед Чкаловым с какой-то другой стороны.

Пожалуй, преобладающее место в мыслях Валерия занимало сейчас чувство приятного любопытства. Как-никак, предстояло знакомство с американским народом, с целой страной, укладом ее жизни.

Когда он вернулся с прогулки, Байдуков и Беляков встретили его новостью.

— От Фетиньи Андреевны поклон тебе, Валерий, — сообщил Георгий, протягивая телеграмму.

Утренняя почта покрывала половину стола. Приток поздравлений все возрастал.

«С большой радостью, — читал Валерий, — узнала о выполнении вашей заветной мечты. С далекого острова мы следили за вашим полетом. Докладываю: слово сдержала, учусь. Эту телеграмму писала сама, Фетинья Смирнова»

— Молодец наша Фетиньюшка!

Усевшись завтракать, вспоминали дни, проведенные на острове, начальника лова Тен Мен-лена...

В открытые окна ворвался гудок автомобиля. Приехал полпред. Поздоровавшись, Чкалов сразу начал торопить его:

— Идемте скорей на аэродром, к машине. Надо снять барографы и пломбы, заактировать время и место посадки.

Надев новые американские шляпы, двинулись по улице.

К ним подошел вчерашний первый их переводчик, солдат Козмецкий. Отдав честь, он на ломаном русском языке попросил у Валерия Павловича автограф. Егор выразительным шопотом высказал недоумение:

— Когда же кончится эта канитель с автографами?

Чкалов внимательно рассматривал ванкуверские улицы, типичные улицы небольшого военного городка.

Как-то незаметно выросла за ними толпа. Люди восторженными аплодисментами приветствовали их, когда они подходили к воротам аэродрома. Наиболее экспансивные старались даже похлопать Валерия по плечу.

Чкалов дружелюбно улыбался и просил полпреда все переводить.

— Американцы говорят, что Чкалов подлинно русский человек, у Чкалова приятный тембр голоса, чиф-пайлот Чкалов, говорит, как настоящий русский...

Барографы снимались с машины в торжественной обстановке. Был произведен оружейный салют, взмыл государственный флаг Соединенных Штатов Америки. Снова появился рой газетных репортеров.

Передав опечатанные барографы спортивным комиссарам, летчики направились к воротам аэродрома.

Шли, не торопясь, по аэродрому, поросшему мелкой, притоптанной травой.

«Интернациональная травка», — подумал Валерий, вспоминая такие же зеленые лужайки на многочисленных аэродромах родины, с которых взлетал, на которые садился.

Под ногами ползало множество муравьев. Они тащили веточки, иголочки хвои, маленькие щепочки к своему земляному жилищу, разрытому дождем. Ярко светило солнце. Валерий остановился, любуясь их слаженным трудом. Хлопнул по плечу своего штурмана, показал на муравьев:

— Смотри, Саша, талантливый народ — муравьи.

Особенно привлек его внимание один маленький силач, повидимому начальник, вожак, тащивший на себе целое «бревно».

— Это, Саша, прораб муравьиный...

Позади гудела толпа, смыкали кольцо охотники за автографами, с неослабевающей настойчивостью действовали фотографы.

И Валерию Павловичу на минуту скучно как-то стало от фотографов, журналистов, от всей этой жажды сенсации, разлитой, казалось, не только на лицах, но и в самом воздухе, окружавшем их.

«Эх бы в ястребок теперь свой сесть да взвиться! В гостях хорошо, а дома лучше...» — С чувством грусти вспомнил он свои насыщенные московские летные будни.

Из раздумья вывел Валерия Павловича полпред. Он напомнил, что генерал ждет летчиков в своем «офис», — в их честь он давал парад.

Густым пороховым дымом заволокло лесную полянку перед зданием штаба.

Палила какая-то совсем старинная пушечка — ее разглядел Валерий Павлович, стоявший рядом с генералом Маршаллом. На фланге и впереди роты развевались тяжелые американские знамена. Парад принимал полпред.

Торжественно прогрохотали установленные международной традицией девятнадцать выстрелов. Весь плац на несколько минут скрылся в дыму. Сизые ключья дыма повисли на ветвях деревьев.

Глубокой стариной пахнуло на наших летчиков от этого парада.

«Забавная пальба: на современной войне уже дав

но не стреляют дымным порохом», — думал Чкалов, косясь на пушку, времен, может быть, Джорджа Вашингтона, продолжавшую извергать клубы дыма.

Когда прогремел последний выстрел, летчики, поблагодарив генерала, отправились в офицерское собрание. Генерал Маршалл представил пилотов женам офицеров гарнизона.

— А теперь нам предстоит визит к мэру города Ванкувера, — сказал полпред по окончании церемонии.

Чкалов вспомнил:

— Саша, ты вынул из штурманской кабины карты и календари?

— Все убрано, — ответил Беляков.

— Американцы крайне удивлены вашим поступком, Валерий Павлович, — сказал полпред, приглашая летчиков садиться в автомобиль.

— А что?

— Ведь вы же роздали все мешки с продовольствием солдатам, когда разгружали самолет.

— Ну да, я им сказал: получайте все это добро, делайте с ним, что хотите.

Полпред улыбнулся.

— Вот вы еще не знаете Америки. Американцы рассуждают по-другому. Они считают, что из такого предприятия, как перелет через полюс, вы должны сделать «бизнес», нажить большие деньги. Бутерброды с икрой и курицей, плитки шоколада, кубики супа и борща следовало бы упаковать в отдельные пакетики с надписью, что они вместе с вами тоже перелетели полюс, и продавать как сувениры — центов по пятьдесят...

Автомобили мягко тронулись с места и понеслись по улицам Ванкувера. Их сопровождал эскорт полисменов. Поджарые, в желтых роговых очках, одетые в галифе, краги и туго застегнутые куртки, с огромными кольтами и поясами, набитыми патронами, они мчались то впереди, то сбоку чкаловской автомашины, расчищая путь со скоростью до ста пятидесяти километров в час. Шоферы других машин, услышав еще издали пронзительный вой сирен, немедленно сворачи-

вали ближе к тротуару. Полисмены на перекрестках мгновенно пропускали машины. Улицы, блестящий асфальт, парапеты, пешеходы, наклонившиеся набок дома, деревья — все рябило в глазах Чкалова. Порой казалось ему, что ревущие мотоциклы, разворачиваясь на узеньких стритах, вот-вот лягут плашмя на мостовую. Не тут-то было! Поджарые ездоки с непревзойденным искусством круто поворачивались чуть ли не на одном месте, точно волчки, и снова метеором неслись вперед.

Валерий откинулся на спинку сидения и, закуривая, повернул довольное лицо к полпреду.

— Ну и прогулка! Здорово! Циркачи какие-то. Несутся, как черти...

— Привыкайте, Валерий Павлович, — шутливо заметил полпред. — Помню, мы как-то ехали в Чикаго — это самое жуткое впечатление, которое у меня осталось от Америки. Мы тогда с женой спешили к одному американскому деятелю, и нам в полчаса предстояло проехать шестьдесят километров. По прямой это не так страшно, но в Чикаго — громадный траффик, все запружено машинами. Нас посадили в полицейский автомобиль, — один спереди, другой сзади, — и мы эти шестьдесят километров сделали, но как? — поворачивались на девяносто градусов — жиг, жиг, — публика шарахалась. Два чужих автомобиля стукнули все-таки, но полицейские, конечно, обвинили пострадавших, заявив, что те сами виноваты. Позади ехали наши знакомые американцы, сами вели машины. Они приехали с нами одновременно, но если бы вы видели, что за лица у них были! Они сидели еле живые... В Чикаго полицейские привыкли гоняться на автомобилях за бандитами.

У здания городского управления собралась большая толпа. День был солнечный и жаркий. Летчики услышали приветственные крики и жгучий свист.

— Почему свистят? — удивился Байдуков.

— Это значит — хорошо, «о-кэй!» В Америке, если не нравится, то не свистят, а выкрикивают «буву».

Опять со всех сторон к летчикам потянулись руки

Замелькали в воздухе разноцветные манжеты, кольца на женских пальцах, блокноты, золотые самопишущие перья. Английское «конгратулейшен» перемешивалось с возгласами на русском языке.

«Неужели опять подписываться?» — подумал Чкалов. Но на этот раз ему положительно повезло: он роздал не более двухсот автографов.

У мэра пилоты не задержались, так как торопились в Торговую палату на завтрак. Снова помчались они, окруженные свитой полицейских.

У конца моста, перекинутого через Колумбию, их встретил другой отряд полисменов, принадлежавший штату Орегон.

Вой сирен показался Чкалову еще более отвратительным. Особняки совсем плашмя валились на мостовую, а уличные киоски с прохладительным кока-кола, портики с мраморными колоннами, кучки людей на перекрестках сливались в одно расплывчатое пятно.

В Торговой палате летчиков встретил губернатор штата Чарльз Мартин. Этот человек, весьма реакционный по своим убеждениям, но прежде всего политикан, знающий, куда ветер дует, вынужден был приветствовать русских героев; он не мог позволить себе какой-нибудь бестактности, не разделить общего настроения. Предупредительно, с тонкой улыбкой на бледных, сжатых губах, он провел летчиков на возвышение и вместе с ними сел за спикер-тэйбл.

И вот гости, уже начавшие лакомиться закусками и наслаждавшиеся тишиной после поездки, от которой у них шумело в ушах, вздрогнули от внезапного грохота: мэр, сидевший рядом с ними, с силой ударил огромным молотком по лежавшей на столе деревянной подушке.

Этим он призывал собравшихся к вниманию.

Чкалов покосился на видавшую виды, всю в глубоких выбоинах, подушку.

Первым выступил с речью мэр города. За ним — Чарльз Мартин. Речи подходили к концу, когда к Валерию Павловичу подошла самая красивая из всех присутствующих девушек, — таков был церемониал.

Кокетливо улыбаясь, она осторожно надела на плечи Валерия Павловича пышную гирлянду из белых роз. Вдыхая тонкий, но крепкий аромат их лепестков, Чкалов внешне совершенно невозмутимо принял и этот, новый для него ритуал.

Он не знал, что перенесенный с Гавайских островов, с Гонолулу, обычай украшать венками почетных гостей и для Америки отнюдь не являлся рядовым. Сейчас ему, по американским понятиям, была оказана высшая почесть, он получил выражение высшей признательности.

Две другие миловидные девушки надели венки на Байдукова и на Белякова.

Раздался ружейный салют. Мэр пригласил летчиков выйти с венками на середину площади. Чкалов снял венок и сказал друзьям:

— Ну, что же делать, идемте, Саша и Егор.

— Не снимайте венок, Валерий Павлович, — предупредил Трояновский. — Так и идите с венком, таков уж обычай.

Чкалов повиновался.

Окруженные гостями, летчики направились вслед за губернатором и полпредом.

Пестрая, по-праздничному нарядная толпа ожидала на улицах. Она приняла летчиков в свой кипящий водоворот, сомкнулась и вновь расступилась, образовав узкий коридор.

Шли медленно, долго, квартал за кварталом. С балконов, из открытых окон верхних этажей на них смотрели в бинокли. В окне небольшого уютного домика Валерий увидел важного старика с совершенно белыми волосами. Перед глазами тот держал длинную зрительную трубу. Старого джентльмена окружали бесчисленные белокурые мисс. Они ему мешали. Он делал сердитые энергичные жесты, удивительно быстрые, совсем юные.

Чкалов незаметно глазами показал друзьям на старика. Валерий Павлович умел в толпе выделять энергичные лица.

Процессия двигалась. Валерий Павлович вспомнил, что на шее у него венок, сорвал одну розу и ос-

торожно положил в карман пиджака. «Ольге... американский сувенир», — решил он про себя.

Женщина в черном платье, с резкими белыми отворотами, неожиданно выросла перед ним.

«Уж не монахиня ли?»

Валерий не ошибся. Женщина строгой походкой подошла вплотную и благословила его быстрым широким жестом.

— Она хотела склонить тебя в католичество, — в шутку сказал ему на ухо Байдуков.

Они завернули за угол, потом за другой. И вдруг Чкалов услышал до странности знакомый говор. Он прислушался.

— Да пустите же меня к ним! Я — вятская...

Немолодая, со скуластым смеющимся лицом, одетая по-американски, женщина внезапно прорвалась сквозь цепь и бросилась к Чкалову.

— Родимые мои! Да я же ваша, русская, — и она обнимала то Чкалова, то Байдукова. — Двадцать шесть годов прожила здесь, а по-русски говорить не разучилась. Дайте посмотреть на вас, на земляков дорогих!

Валерий Павлович добродушно улыбнулся.

— Гляди, мамаша!

Наконец-то можно было отдохнуть. Откинувшись на спинку комфортабельного «дугласа», Чкалов принял полулежачее положение. Он летел в Сан-Франциско в качестве почетного гостя компании пассажирских перевозок «Юнайтед эйрлайнс», не думая ни об углах сноса, ни о запасах горючего.

Погода стояла нелетная. Внизу, сквозь разрывы клубящихся облаков, прорезывались величественные отроги Скалистых гор. На их вершинах лежал вечный снег.

Самолет сильно подбрасывало и качало. Но в воздухе Валерий всегда чувствовал себя как дома. Он уже успел рассмотреть удобное расположение пассажирской и пилотской кабин, новые приборы у пилотов, увидел кое-что любопытное и полезное

В «облачное окно» Валерий Павлович увидел узкую зеленую долину. Вдруг хлынуло солнце и безудержным потоком золотых лучей затопило долину. Но «окно» пропало, и опять задымились облака.

Чкалов с удовольствием отдавался покою и сосредоточенно молчал. В глубине кабины миловидная стюардесса возилась у буфетной стойки. Там среди термосов, крошечных сэндвичей и пакетиков с жевательной резинкой красовался тяжелый, богато разукрашенный торт с вензелями из шоколада, крема, цукатов, с флагами СССР и надписью на русском языке: «Привет советским летчикам».

Ловко лавируя между креслами, стюардесса преподнесла этот торт Чкалову. Валерий поблагодарил ее через полпреда, сказал соответствующий случаю комплимент и, совсем уже на американский лад, подарил польщенной девушке карточку с автографом.

Разговаривая с порозовевшей от оказанного ей внимания стюардессой, отвечая на бесчисленные вопросы неутомимых американцев, Валерий, как и всегда, был в центре внимания. И не потому только, что он являлся командиром этого блестяще завершенного перелета, — он обладал способностью привлекать к себе простотой, уменьем разговаривать с людьми, которых видел впервые, умел хорошо пошутить.

Он улыбнулся и, наклонившись к Белякову, сказал:

— Помнишь, Саша: «Я — вятская». — Потом повернулся к полпреду, шепнул ему: — Я вот, товарищ Трояновский, о генерале Маршалле думаю. Мы, кажется, невольно явились причиной его дальнейшей карьеры.

И Чкалов еще тише прошептал:

— Знаете, что Маршалл сказал мне на прощанье? Он сказал: «Вот теперь-то благодаря вам я стал известным и наконец-то вылезу из дыры!» Здорово, а? По-американски!..

На горизонте вырисовывались два больших города — Сан-Франциско и Оклэнд. Очертания их домов и сорокаэтажных небоскребов еще смутно расплыва-

лись, но зато на открывшуюся зеркальную поверхность широкого залива с океанскими пароходами и двумя неправдоподобно громадными висячими мостами, перекинутыми через залив, Чкалов смотрел не отрываясь.

— Где же мы совершим посадку? — спросил он полпреда.

— В Оклэнде. — И полпред пояснил, что между городами Сан-Франциско и Оклэндом, оказывается, возник спор, кому принимать самолет. Мэр каждого города настаивал на том, чтобы посадка была произведена именно на его аэродроме. В пользу Оклэнда решила спор авиационная компания, владеющая воздушной линией.

Мягко приземлился самолет на обширном бетонированном аэродроме. Этот аэродром, с которого стартовали Амелия Ирхарт и Вилли Пост, сегодня был украшен флагами Советского Союза и Соединенных Штатов Америки.

Чкалов, Байдуков и Беляков спускались по трапу. На них были надеты венки, которые преподнесли им в Портлэнде. Вид летчиков привел пятитысячную толпу в неистовый восторг.

Под ноги им летели отовсюду алые розы, букеты гвоздик, они вступили на ковер из живых цветов.

Горячая волна чувств нахлынула на Валерия при виде развевающегося освещенного солнцем знамени с вытканными золотом словами: «Коммунистическая партия Калифорнии приветствует героических советских летчиков за их выдающееся социалистическое достижение».

Когда летчики шли по аэродрому, стюардесса «дугласа» ухитрилась вырвать из чкаловского венка алую розу на память.

Время было рассчитано по минутам. Поэтому прямо с аэродрома — снова под вой сирен, к которому они уже, однако, стали привыкать, — летчики помчались в Сан-Франциско, через величайший в мире оклэндский мост.

Машина ехала по мосту длиной в тринадцать километров с двумя стальными канатами, толщиною ка-

ждый более метра. Вращающиеся маяки, укреплённые на вершинах мостовых устоев, предупреждают пролетающих здесь ночью пилотов об опасности. С полным знанием дела оценил их Валерий Павлович.

Полпред обратил внимание летчиков на островок посредине залива. На островке высились мрачные башни.

«Вроде замка средневекового какого-то», — подумал Валерий. Даже вода, окружающая островок, показалась ему очень холодной и неприветливой.

— Это знаменитая федеральная тюрьма Алькатрас.

Мелькали мимо устремленные в небо серые громады с кафетериями, зеркальными витринами, украшенными манекенами в роскошных нарядах; плакатные щиты с улыбающимися женскими головками, рекламирующие дансинги, «Самые изысканные и безвредные папиросы «Олдголд», ароматичную жевательную резину, непревзойденный крем для ботинок и душистый томат для супов. По прямым стритам и авеню бесшумно двигались разноцветные линкольны, кадиллаки, шевроле. Валерию показалось, что улица плыла.

Уже был сделан визит Росси, мэру города Сан-Франциско; уже отгремел на площади салют из девятнадцати выстрелов, который давал в честь пилотов командующий округом; за предоставленную в дни перелета радиосвязь его от имени экипажа самолета N 0-25 в ответном слове благодарил Байдуков; посетили и начальника морской базы, мистера Смита, седого, грузного, в черном кителе с золотыми шевронами, — типичного морского волка. Любознательный Александр Васильевич озадачил адмирала вопросом о том, представляется ли ему возможным достижение Северного полюса на подводной лодке. При этом он сослался на подобную попытку Герберта Уилкинса. Адмирал даже привскочил в кресле от неожиданности и ответил не сразу, прикинув что-то про себя.

— Я бы лично... воздержался.

Вечер был отдан осмотру города.

Стриты между сорокаэтажными небоскребами напоминали дно узких колодцев. Тихоходный самолет плыл над крышами, и за ним на привязи тянулась вереница букв рекламы. «Кока-кола, сделанный из африканского орешка, — самый приятный, самый освежающий, самый полезный в мире напиток».

Когда небо почернело, по нему во всех направлениях запрыгали золотые строчки, огненные колеса и водопады, повествующие о новых фильмах, отелях и аптеках.

На витринах грандиозного игрушечного магазина, уже залитых мигающим светом неоновых и аргоновых трубок, кукольные слоны покачивали хоботами, ползали заводные ящерицы, прыгали пушистые маленькие мартышки и летали колибри.

На углах кричали газетчики. Рев сирен сливался со звуками, испускаемыми сотнями автомобильных радиорепродукторов. По небу через всю улицу неслась огненная реклама.

Туристы проголодались.

— Хорошо бы в такой ресторан, где без автографов. Чтобы только в своей компании... — высказал общую мысль Чкалов.

Машина остановилась у вечернего бара. Улыбающиеся головки мисс настойчиво смотрели на летчиков с уличных плакатов, когда «рашен флайерс» решали, окажется ли этот бар достаточно спокойным для них местом.

От реклам некуда было прятаться. Валерий обратил внимание на одну из них: на ней веселый розоволицый джентльмен протягивал правую руку, приглашая проезжающие автомобили остановиться у изящной бензиновой колонки. Из его рта выскакивали огненные буквы, составлявшие любезную фразу: «Здесь обслуживают с улыбкой».

— Пошли, приятель, — обратился Валерий к шоферу, — и вы с нами перекусите.

Он знал, что негр немного понимает по-русски.

Шофер как-то смущенно повернулся, резко встал с сиденья и, очутившись на тротуаре, вытянулся по-военному и ответил, стараясь говорить правильно:

США. В. П. Чкалов, Г. Ф. Байдуков и А. В. Беляков на аэродроме в Окленде. 1937 г.

В Нью-Йорке.

— Благодарю, мистер Чкалофф.— На добродушном его лице блеснули на мгновенье белые крепкие зубы.

Полпред вопросительно посмотрел на Чкалова. Он что-то хотел сказать, но ограничился коротеньким приглашением:

— Пойдемте, Валерий Павлович.

Впервые Чкалов сам столкнулся с тем, каково положение негра в Америке. Они идут в ресторан, а их шофер-негр не может. Они останавливаются где-нибудь в отеле, а шофер не может, он должен отправиться в специальный негритянский квартал или провести ночь в машине.

Сели за стол. Бармен принес коктейли и ужин. Валерий ел без особого удовольствия и больше молчал.

— Тут о многом поразмыслишь. Страшновато, оказывается, в Америке-то. Читал о притеснении негров, а вот теперь и сам увидел американские нравы.

Он вспомнил, что в свое время пришлось слышать о Мэрион Андерсон. Голос, о котором знаменитый дирижер Тосканини сказал, что такие голоса появляются раз в сто лет. Она приехала после турнэ по Европе. Газеты расписали ее голос, ее огромную популярность, — и, однако, она не смогла найти помещение для концерта. После долгих хлопот министр внутренних дел согласился, наконец, предоставить ей парк. Она пела под открытым небом. Семьдесят пять тысяч людей слушали ее, затаив дыхание. А ни в один отель ее не пустили. Ей сказали: «Поезжайте лучше в негритянские кварталы. Вы же понимаете, что негритянке или мулатке не может быть предоставлен номер в гостинице, где живут белые».

Вдруг Чкалов заговорил:

— Я вот перед самым отлетом в Америку интересную книгу начал читать, старинную, изданную еще в 1859 году, с надписью на особой странице: «Печатать разрешается», цензор, именно «цензор», а не цензор, такой-то. Называется она «Путешествие по Североамериканским штатам». Автор ее Александр, а по фамилии... Вот фамилию-то и забыл... О, вспомнил! Александр Лакиер. Там он про положение негров до-

вольно страшные вещи рассказывает. Если негр убегал от хозяина из-за невыносимых условий жизни, его преследовали, как дикого зверя, а когда ловили, то отрезали ухо, линчевали; ведь негра считали вещью, получеловеком-полуобезьяной, и больше обезьяной, чем человеком. Я запомнил из этой книжки одну фразу американского плантатора-рабовладельца: «Плеть есть неизбежное побудительное средство, чтобы негр что-нибудь делал». Так рассуждали американские плантаторы семьдесят с лишком лет тому назад. Оказывается, Америка наших дней не очень-то отличается от той...

Он задумался, неожиданно улыбнулся:

— А книжку-то ту я так и не успел дочитать. На диване оставил, жена мне ее на аэродром приносила ночью, накануне нашего вылета. Я ее не взял тогда. Вернусь, обязательно дочитаю.

Один из спутников Валерия Павловича, советский журналист, человек весьма начитанный, поворачиваясь на высоком табурете лицом к собеседнику, пояснил:

— Книга Александра Лакиера — известная. Ее на заре своей блестящей деятельности разбирал наш великий критик Писарев в тогдашнем русском журнале «Рассвет». Вы, Валерий Павлович, не знаете американцев, — продолжал журналист после небольшого перерыва. — Они при всяком удобном и неудобном случае готовы прославлять либерализм Севера. Тут они вам и исторические данные приведут, скажут, мол, наши деды воевали против рабовладельцев. Исторически это так, вернее, в той войне действительно победил Север, но когда вы попутешествуете по Америке, то убедитесь, что рабовладельцы живы здесь и по сей день—и не только на юге, но также и на «свободном» Севере. На юге действует закон о разделении рас. В штате Миссисипи больше половины населения негры, и все они лишены избирательных прав. В общественных парках вы можете увидеть вывеску: «Цветным входить не разрешается». В южных штатах и по сейчас процветает линчевание негров. В сущности, там любого негра в любой момент по любому

поводу, а чаще всего без всякого повода могут вздернуть на крепкий сук американского дерева «свободы».

Он отодвинул от себя недопитый коктейль и закончил:

— Впрочем, ловкие издательские дельцы — владельцы газет — набирают несколько полос даже специально для негров. Но белого вы никогда не увидите на улице за чтением негритянской газеты, за это его или наградят пощечиной, или, в лучшем случае, подвергнут оскорблению.

Вышли из бара. Улица попрежнему мигала. Высокие полисмены регулировали движение. Упитанный, изысканно одетый джентльмен на рекламном щите выпускал изо рта золотые буквы.

Они складывались в ровную строку: «Здесь обслуживают с улыбкой».

В советском консульстве, где летчики должны были провести ночь, они почувствовали себя, как на крохотном участке родной земли. Егор сел писать очерк «Наш полет в Америку»; Беляков, разложив на столе бортовой журнал и радиожурнал, карты и логарифмическую линейку, занялся подсчетами расхода горючего.

Валерий набил трубочку, ту самую, которой он пользовался в полете, и закурил. Крепкий запах «капитанского» табака наполнил комнату. В глубине полуосвещенного зала на круглом, идеально отполированном ореховом столе лежала пачка новых писем и телеграмм.

Он подошел к столу и распечатал одну из них. Какая-то Наталья Карповна из Пенсильвании имела честь сообщить, что она является его родственницей по материнской линии. Другая телеграмма была адресована нэвигейтору Белякову; Флегонт Щупак из Аризоны передавал привет штурману и выражал удовлетворение, что он ему тоже родня.

— Ох, фантазеры! — пробурчал Чкалов и наугад выбрал одно из писем. На тонком, почти прозрачном

листике с богато выгравированным фирменным штампом было напечатано красивым шрифтом:

«Уважаемый сэр! На снимке, сделанном в Портлэнде, где вы шествуете среди цветов, из кармана вашего пиджака высовывается «вечное перо». Не откажите в любезности сообщить, перелетело ли это перо через Северный полюс и не выпущено ли оно нашей фирмой».

Облокотившись на подоконник, он смотрел на залив. Там среди портовых огней за Золотыми воротами вырисовывались темные башни федеральной тюрьмы. Он старался подробно рассмотреть ее. Ему рассказали сегодня, что там, в башне, сидит знаменитый бандит Аль Капоне, посаженный в тюрьму... за неуплату подоходного налога.

Валерий зажег потухшую трубку, пошире раскрыл оконную раму, прислушиваясь к ночным звукам большого города, к гудкам автомобилей и низким густым — океанских пароходов.

Подвинув к столу кресло, он сел поудобнее; хотелось немного отдохнуть, как-то переварить воспринятое в этом городе, прикинуть, обобщить впечатления дня. Он вспомнил добродушного, с блестевшими белками глаз негра-шофера; растерянность выражало широкое шоколадное лицо, когда Валерий сказал: «Пошли, приятель, и вы с нами перекусите». Иметь индейскую кровь здесь не считается позором. Кулидж даже гордился тем, что у него есть какие-то капли индейской крови. А вот, если будет установлено, что у человека есть хоть капля негритянской крови, то такой человек уже конченный, это скандал. Людьми с наиболее чистой кровью здесь считают тех, чьи предки раньше приехали в Америку. Потомки тех, кто приплыл в Америку в 1620 году на первом корабле — «Мей флауэр», что значит: майский цветок, — считаются аристократами, независимо от того, кем были их предки — хотя бы поваром или горничной.

В памяти разрозненно возникало увиденное. Вспомнилась уличная сценка: два бьюика столкнулись. Владельцы, попыхивая толстыми сигарами, вышли из машины, вежливо раскланялись, молча пожали друг

другу руки и, повернувшись на каблуках, продолжали свой путь пешком. Страховая компания произведет свои выплаты сполна.

Валерий был сегодня свидетелем и другого происшествия. Какого-то прохожего сшиб роскошный терракотовый паккард. И на бледном, осунувшемся лице потерпевшего Валерий увидел выражение, которое заставило его остановиться: что-то напоминавшее улыбку. Это был безработный, уже три года не имевший работы и потерявший какую бы то ни было надежду ее получить. Отныне он счастливейший человек. Страховая компания должна до конца жизни платить ему пенсию. Подавленный виденным, Валерий медленно шел по тротуару. Толпа гудела вокруг него. Он видел перед собой мраморные дворцы, мосты Сан-Франциско с гигантскими провесами, ему пришли на память рассказы о металлических скоростных пульманах с граненными зеркальными стеклами, куда не проникает ни одна пылинка с выжженных зноем пустынь.

В памяти возникали образы виденного: душный мрак кварталов, где жили бедняки; бездомные, коротающие ночь на ступеньках подъездов; четырнадцатилетние девочки-негритянки, укрывающиеся от полисменов и выкрикивающие вполголоса: «Только доллар! Только доллар!»

Страшный мир кричащей роскоши и ханжества, бесправия и тоски!

Уже лежа в кровати, Валерий припоминал любопытный рассказ одного из сотрудников советского консульства по поводу десяти миллионов законов и декретов, принятых в Америке как федеральным правительством, так и правительствами штатов и муниципалитетами городов.

— Многие эти законы, — рассказывал сотрудник, — имеют столетнюю давность. Они и безнадежно устарели, а некоторые не могут не поражать любого нормального человека. А ведь они действуют как законы...

И Валерий услышал ряд поразительных примеров.

В штате Джорджия каждый купающийся в пруду и реке близ дороги, ведущей в церковь, совершает су-

дебно наказуемый поступок. А в штате Миннесота воспрещается вывешивать на одной и той же веревке мужское и женское белье. В городке Салеме, штата Вест Виргиния, противозаконно продавать детям конфеты за полтора часа до утренней или вечерней церковной службы.

Брови Валерия сдвинулись, когда он узнал, что в штате Аризона работающая жена обязана отдавать весь свой заработок мужу.

Потом заговорили почему-то о положении американских учителей. И выяснилось, к великому удивлению Чкалова, что учителя в Америке — это, так сказать, граждане второго сорта. Местные власти не разрешают учителям жениться, одеваться по вкусу, курить и прочее в том же роде.

На каком-то стрите (он уже потерял счет им) Валерия окружила толпа фотографов. По сговору с ними, за известную мзду, попадали вместе с летчиками на пленку какие-то мистеры Смиты и Джонсоны. Фотографы с непроницаемой стандартной улыбкой записывали адреса новых своих клиентов, чтобы выслать им снимки. Валерий и не подозревал об этом, пока не рассказали работники консульства.

Он заглянул в магазин. Он видел, как продавщица быстро подбегала к покупателям и с очаровательной улыбкой спрашивала:

— Что угодно джентльмену? Жвачку? Фотоаппарат? Мыло? Пылесос? Холодильник?

Джентльмены безразличным взглядом смотрели на витрину и отходили. Девушка еле заметно вздыхала: скорей бы кончился день. Валерий заметил, что у нее очень усталые глаза. А около магазина, у светофора, скопились сотни машин. Они напирали друг на друга, и из их репродукторов неслись в фокстротном надрыве слова популярной американской песенки о том, как хорошо, что день долог...

...Чкалов прошел в глубь комнаты. Саша и Егор уже спали. Очень часто случалось так, что он ложился последним. Он настроил радиоприемник.

Мужской голос, прерываемый шумом толпы и одобрительным свистом, что-то вещал из радиоприемника.

Вошел полпред.

— О чем это он, Александр Антонович? — спросил Валерий.

— Сейчас на другом конце материка, в Чикаго, решается судьба знаменитого боксера Джо Луиса. Он дерется на звание чемпиона мира. Слышите, как неистовствует толпа? Джо был раньше рабочим у Форда, потом увлекся боксом. Вот слушайте, перевожу вам слова диктора: «Раунд кончается. Джо Луис непрерывно атакует. Противник получил страшный удар в челюсть!.. Джо Луис — чемпион мира!»

Гул многотысячной толпы, хлопки и свист заглушили голос полпреда.

— Все. Матч кончился. С этой минуты Джо Луис — один из очень богатых людей Соединенных Штатов.

Валерий проснулся поздно. Сбросил одеяло, надел халат и направился в ванную. Но не успел он закрыть дверь за собой, как увидел внезапно возникшее стандартное веселое лицо незнакомого светловолосого американца, отвешивающего ему почтительные поклоны с непринужденностью автомата.

Валерий что-то недовольно пробурчал, безошибочно признав в утреннем посетителе фоторепортера. За спиной раннего гостя виднелись высокие плечи сотрудника консульства. Чкалов обратился к нему:

— Скажите мистеру, что я еще не умыт.

Сотрудник перевел ответ фотографа:

— Вот это-то мне и нужно. Умытого вас всякий снимет, а неумытого только я.

Валерий громко расхохотался и постарался побыстрее захлопнуть дверь, вежливо извинившись за то, что не может позировать в таком костюме.

Вечером Чкалов, Байдуков, Беляков, полпред, советский военный атташе, секретарь полпреда и представитель кинопромышленности выехали в отдельном вагоне, в виде любезности предоставленном железнодорожной компанией, в Нью-Йорк.

По дороге просматривали вечерние газеты. В одной из них увидели большую фотографию, которая изобра-

жала смеющегося Чкалова в халате, с полотенцем через плечо, стоящего около мраморной ванны.

— Увековечил все-таки! — поразился Валерий. — Ну и ловкачи тут у вас, товарищи дипломаты...

Аккуратный Беляков спрятал газету на память в свой портфель.

Всю ночь поезд поднимался в гору, рельсы огибали крутые склоны и ущелья, на дне которых в отброшенном свете окон клубился туман.

Говорили о разном. Валерий попыхивал короткой трубочкой. Голубоватый душистый дымок сразу исчезал. Система вентиляции и охлажденного воздуха в вагоне действовала безупречно.

Поезд увеличивал скорость. В мягких креслах подбрасывало.

— Поди, километров сто тридцать в час шпарит? — сказал Чкалов.

— Пожалуй, — согласился полпред. И разговор перекинулся на железнодорожное американское хозяйство. Между Чикаго, Вашингтоном и Нью-Йорком идут параллельно две бешено конкурирующие линии, а вокзал у этих дорог в Вашингтоне общий. Компании подрывают друг друга. Балтимора—Охайо — лучшая дорога. Когда-то она имела общий вокзал с Пенсильванской, в центре Нью-Йорка, потом та отказала ей, теперь все поезда останавливаются за Гудзоновым заливом, пассажиров доставляют в город на катерах. Кроме того, с железными дорогами сильно конкурируют автомобили. В Америке всю страну можно усадить на автомобили. Многие, особенно беднота, предпочитают ездить на автобусах. Это дешевле. Автобусные линии пересекают Америку вдоль и поперек.

В зеркальных стеклах окон мелькали семафоры, станции, виднелись стремительно двигающиеся в несколько рядов огненные точки фар — целый парад огней...

Сначала горы маячили где-то очень далеко. На вершинах лежал вечный снег. Потом они приблизились.

В купе стоял нежный сиреневый полумрак. Чкалов,

приподнявшись с дивана, вглядывался в наступающий день. Из-за хребтов Сиерра-Невады медленно всходило багряное солнце. Деревья-мамонты отбрасывали глубокие тени. Быстрые и шумные ручьи сбегали со склонов, как бы обгоняя свет утра. И вот солнце словно пролилось. Зеленые озера, окруженные карликовыми соснами, еще хранили ночной покой, но в вышине, у диких скалистых гребней, изборожденных расселинами, свет разлился таким безудержным потоком, такой нестерпимо яркой белизной засверкали снежные вершины, что Чкалов зажмурил глаза.

— Величественно, — тихо произнес он.

Поезд шел под уклон. Темнозеленые угрюмые горы, густо покрытые хвойными деревьями, постепенно сменялись невысокими и почти голыми холмами. Поезд входил в выжженное жарой плоскогорье. Начиналась пустыня Сиерра-Невады.

Завтракали все вместе в вагоне-ресторане.

Поезд остановился у «Соулт лэйк сити» — города Соляного озера.

В окно было видно и самое озеро — большое, с унылыми и словно покрытыми льдом берегами. Полпред объяснил, что это явление объясняется необычайно высоким процентом содержания соли в водах этого озера. В районе Соляного озера живет много мормонов. Это одна из любопытнейших сект в Америке. Среди них принято многоженство, которое американскими законами воспрещено. Мормоны обосновывают свои обычаи ссылками на библию. В библии, оказывается, есть такая фраза, из которой можно заключить, что не только допустимо, но и должно иметь много жен...

— У американцев традиции вообще совсем другие, чем, скажем, у нас, — рассказывал полпред. — В России, в среде дореволюционной интеллигенции, не ходить в церковь было явлением обычным. Тут наоборот. И я бы не сказал, что современные американцы очень религиозны, но не ходить в церковь у них считается неприличным. Сказать: «Я не верую»,— здесь не всякий решится. В сущности говоря, я встретил

единственного человека, который публично заявил, что он не верит в бога. Это адвокат, который выступал в знаменитом «обезьяньем процессе», защищая учителя, проповедовавшего теорию Дарвина...

Поезд остановился в ковбойском городе Огдэн. На перроне увидели мэра города. На нем был ковбойский костюм — синяя рубашка с отделкой из кожи и брюки с широкими лампасами и бахромой.

И опять замелькали в окнах фермерские участки, каменные и деревянные домики с мезонинами и металлическими башенками-ветряками. Кое-где на кукурузных и пшеничных полях с редкими группами деревьев ползли тракторы, гораздо больше можно было увидеть лошадей.

— Забыл спросить вас, товарищ полпред: что это за индеец встречал нас на перроне в полдень? На голове у него повязка с перьями. Кто он? Тоже мэр, что ли? Или настоящий индеец?

— Конечно, мэр, только в индейском наряде. Это мы проезжали одно из специально отведенных индейцам мест, где им предоставлено жить по их обычаям. А вы думаете, этот мэр, которого мы только что видели, — ковбой? Уверяю вас, что на ковбойских скачках мы с вами могли бы дать ему несколько очков вперед.

В постепенно темнеющем окне широко расстилался унылый ровный пейзаж.

«Вроде нашей степи», — подумал Валерий, приникнув к оконному стеклу и любуясь одинокой ранней звездой над темнеющей далью.

Чикаго, так же как и Нью-Йорк, — город камня, геометрических форм, воздушных эстакад, грохота электрических поездов, которые стремительно проносятся над головами пешеходов.

Был ранний час, когда поезд подошел к перрону чикагского вокзала.

Летчики уже успели привыкнуть к американским впечатлениям, и все же их поразила грандиозность,

главное — интернациональность встречи. Русские, китайцы, негры, евреи, поляки, американцы, французы подняли десятки тысяч рук. Мощный хор запел «Интернационал».

У Валерия горячо забилось сердце. Он с трудом пробрался сквозь толпу и, сев в автомобиль, незаметно пожал руку полпреду, тепло улыбнулся друзьям.

Заехали в отель. Полпред объявил, что в их распоряжении до поезда, отходящего в Вашингтон, шесть часов, которые они смело могут использовать для осмотра достопримечательностей города.

Отправились пешком.

Солнца еще не было видно, но на каменных улицах, не успевших остыть за ночь, было жарко, как в пекле.

Сняв шляпу, Беляков вытирал лицо платком. Чкалов посмотрел на него лукаво:

— Эх, Саша, не приходилось тебе в кочегарке работать. Бывало, дрова шуруешь — семь потов сойдет.

Перед зданием, облицованным голубым кафелем, Валерий Павлович повернулся к полпреду:

— Ага! Понимаю. Кино?

Пройдя через вращающиеся двери и миновав несколько салонов, летчики очутились в прохладном зрительном зале.

Зал оказался битком набитым, хотя был еще только девятый час.

После нескольких сенсационных кадров хроники Чкалов вдруг увидел самого себя, снятого в первые минуты после приземления, когда он раздавал автографы репортерам. Потом появился на экране худощавый генерал Маршалл. Он произносил с балкона речь. Увидел Валерий и лесную поляну с опушкой, и смущенное, схваченное крупным планом лицо Белякова. Улыбающаяся девушка вешала ему на шею гирлянду роз. В конце фильма зрители увидели, как Чкалов бреется, а Егор, недовольный, хмурый, соблюдая против воли американский обычай, ест дыню и курицу, запивая ее стаканом горячего чая.

— Удивительно! Картина обогнала нас в пути, — не скрывая удовольствия, произнес Чкалов.

Вслед за летчиками показался на экране чемпион

бокса Джо Луис. Кисть его руки оператор снял так крупно, что были видны на ней поры и волоски.

Вышли из кино.

— Ну как, товарищи, понравилось? — с улыбкой обратился к трем друзьям полпред. — Кино в Соединенных Штатах — законодатель вкусов, идеалов, мод, красоты, — продолжал он. — Кино, например, безапелляционно устанавливает тип женской красоты, и это закон, идеал для американок и американцев. Такой прославленной во всех газетах кинозвезде подражают женщины в манерах, в туалетах, в такую влюбляются молодые и пожилые американцы...

Пошли по набережной.

Чикаго расположен на озере Мичиган. Широкие воды этого озера бороздят белокрылые яхты миллионеров; вдоль красивейшей набережной стоят мраморные виллы, ослепляющие своей роскошью дворцы рядом с серыми небоскребами.

Шли, любуясь строгими линиями вызолоченных подъездов, блеском белого мрамора на фоне синего неба и широкой воды.

И вот набережная постепенно привела их к кварталу еврейской бедноты.

Ветхий старьевщик с длинной белой бородой и бельмом на глазу, в надорванном котелке стоял перед разложенными прямо на земле, на газетах, ржавыми гвоздями, ключами, пуговицами, поломанными часовыми колесиками, шестеренками и еще каким-то неопределенным хламом, которому даже нельзя было подыскать названия.

— Ну и купец! Всего товару-то у него на три семишника. — Валерий Павлович остановился.

По соседству другой, помоложе, торговал рваными башмаками и залитыми калошами. Через лужу с застоявшейся водой прыгали два мальчугана. Бесчисленные пожарные лестницы были увешаны перинами, пестрыми одеялами и цветными фуфайками. Узенькая улица напоминала восточный базар. На лотках у продавцов лежали крупные апельсины. Повсюду торговали дешевыми часами, разной снедью, материей и душистым горошком в глиняных горшках. Лица про-

давцов и покупателей поражали землистой бледностью.

Когда летчики подошли к старику с бельмом, похожему на библейского пророка, Валерий Павлович рассмотрел его костюм. Удивительно было смотреть на этот сюртук, изношенный до последней степени, весь испещренный крохотными заплатками и искусными швами.

Ветер понес на тротуар вихри пыли и клочья газетной бумаги. Оборванные ребятишки собрались стайкой и подняли драку. Рядом визгливо смеялись полногрудые, сильно накрашенные женщины.

Чкалов прибавил шагу. Прошли мимо крупной фигуры полисмена в широкополой шляпе и очутились на улице, выложенной булыжником, по бокам которой стояли низенькие хибарки. Возле одного из домиков сидели на вынесенных стульях, греясь на солнышке, старухи и что-то вязали.

В большой луже вода зацвела, и в ней плавали окурки.

Открывшаяся сразу после сказочной роскоши, которая еще во всем блеске стояла перед глазами, эта кричащая нужда поражала особенно остро. Валерий молча стоял, внимательно наблюдая грандиозную ярмарку нищих.

«Вот она, Америка», — подумал он.

Затем, посмотрев на своих спутников, переводя сосредоточенный, суровый взгляд с одного на другого, он крепко взял под руку Сашу и Егора и сказал раздельно, как бы думая вслух:

— Домой хочется поскорее. Мы не туристы. Приехали сюда не развлекаться.

Таким мрачным друзья видели Чкалова впервые.

Усталые, сильно проголодавшиеся летчики приехали в полпредство вечером. Они побывали на приеме у начальника воздушных сил США генерала Оскара Вестовера и министра земледелия Уоллеса. Разговор с Уоллесом происходил в присутствии государственного секретаря—министра иностранных дел—мистера Хэл-

ла. Государственный секретарь поинтересовался, какими приборами приходилось пользоваться во время перелета от полюса до Америки. Он понимал, какова сложность решенной советскими летчиками аэронавигационной проблемы вождения самолета вблизи магнитного полюса.

После тропического зноя, которым Вашингтон встретил летчиков, прохлада в столовой полпредства показалась Чкалову удивительно приятной. За столом собрались только свои. Георгий Филиппович отдыхал от обязательных американских улыбок, о чем с удовольствием сообщил присутствующим.

Да и всем хотелось отдохнуть от Америки.

Как-то само собой вышло, что Валерий стал вслух вспоминать о родине, о Волге, о своем отце.

— Умный старик был, — говорил он, наливая из сифона шипучей воды. — И работу любил. А уж строить что, — так уж на веки вечные. Был у нас в васильевском доме балкон. Задумал отец, чтобы балкон стоял вечно. У старого знакомого выпросил Павел Григорьевич лист судового железа. Доставку поручил мне и брату. Как сейчас помню, приплыли к барже на лодке, смотрим: вот так лист! Прямо гигант лежит. Мы и так и эдак к нему. Наконец взяли за концы. С величайшим трудом подняли, а середина прогибается, лежит себе преспокойно внизу и ни с места. Ребята тут купаются, десятка два собралось, а купались-то мы в Волге по тридцать пять раз в сутки. Меня ребята любили; бывало, скажешь что,—из-под земли выкопают. Помогли лист на берег стащить. Затем решаем: как же в гору-то тащить, по крутому взвозу, к дому? Я считал себя сильнее брата, говорю: давай навалим! Он даже испугался: «Что ты, чорт, разве сладишь?» Все же он помог мне на спину взвалить. Несу, руками сзади придерживаю, как крючник, а у самого ноги дрожат. Наконец, доставил. Сидим на солнышке у дома, очень довольные, покуриваем. Вдруг отец из калитки. Он знал, что я курю, но с папиросой меня никогда не видел. Мне тогда шестнадцатый год шел. «Покуриваешь? Тоже курильщик...» А говорил он мало, все больше молчал. Потом заметил — лист ле-

жит. «Кто принес?» — «Я». Отец так и ахнул: «Да что ты, Аверьян, одурел, что ли? Надо сейчас же к врачу». Потом лист положили на балкон, отец его собственноручно прибил, выкрасил, он и сейчас там.

Валерий остановился и докончил тихо:

— Каждую весну перед балконом отцовские яблони в цвету, как невесты, а сверху вид на затонные острова, на Волгу, она там, как море, на семь верст кругом разливается.

Он помолчал немного.

— Я, действительно, сильным рос. Помнится, в девятнадцатом году работал у отца подручным. Крючки гнул для рыбинского дока. Где у нас теперь в Василёве литейная стоит, тогда там кузница была. В шесть утра мать, бывало, будит, даст лапши татарской, — это просто тесто ржаное раскатывается, квадратиками режется и — в чугун с кипятком. Между прочим, я любил эту самую лапшу. В кузнице бьешь кувалдой, отец только кричит: «Бей крепче, крепче, Аверьян!» Сперва никак не попадал. Ударил, помню, как-то сбоку, — зубило в сторону. Отец ругается: «Чему вас только учили?» Это его любимое выражение было. Раз как-то до того доработался, что промахнулся, по зубилу не попал, да как хвачу по чугунной наковальне, так рог и отшиб! Уж отец честил, честил меня: «Что ты, чорт этакий, силу свою показываешь, наковальню мне испортил!» А приходил я из кузницы черный, как арап...

— Батя у тебя замечательный был, — сказал Байдуков.

— Отцу жизнь нелегко доставалась. Семья большущая: Николай, Степан, Василий, Иван, Юрий, двое умерло безыменных — окрестить не успели. Выжили только четверо: Алексей, Нюра, Соня да я... Отец летом всегда в чесучовом пиджачке ходил, — продолжал вспоминать Валерий. — Может, пиджак этот и теперь существует, где-нибудь дома в сундуке лежит. В воскресенье за пирогом любил Павел Григорьевич рюмочку пропустить. А назавтра встанет чуть свет — и на работу, только матери перед уходом скажет: «Наташа, принеси-ка капустки пластовой». Мать идет

за капустой. «Ты мне на блюде, с рассольцем!» Капуста была знаменитая. И опять пойдет в затон Павел Григорьевич. Его знали на всех буксирах, баржах, землечерпалках...

— Волгарь ты неисправимый, Валерий, — обратился Беляков к нему, чтобы подзадорить друга: не часто Чкалов бывал таким разговорчивым.

— Да уж вы, рязанские, такой рыбы, как у нас на Волге, и не понюхали, — разгорячившись, ответил ему Валерий. — «Волгари»! Ведь они, товарищ полпред, не знают даже, как и верши-то ставить. А мы еще ребятами частенько на Телешный остров, в Заволжье, ездили; там заливчик удобный, рыбы много— особенно когда вода мутная. Вот мы и давай осматривать чужие снасти. И какой только там рыбы не было: и язь, и налим, и щука. Видимо-невидимо...

— А любимой твоей стерлядки?—перебил Байдуков.

— Не было, Егор. Стерлядь — рыба хитрая. Держится посреди быстряка и коряг...

Утром готовились к приему у президента. Чкалов поправлял перед зеркалом галстук. С его спины Беляков тщательно сдувал какую-то невидимую пылинку.

— Повернись-ка, я еще раз посмотрю на твой галстук, — сказал Байдуков.

— Галстук-то изящно завязан, — ответил Чкалов.— А вот меня немного смущает, что к президенту Соединенных Штатов мы отправляемся в тех же костюмах, которыми обзавелись в Ванкувере.

— В Америке гораздо меньше считаются с этикетом, чем в Европе, — пояснил полпред Трояновский.— Президент примет нас в своем рабочем кабинете, и для делового посещения ваши костюмы вполне приличны.

— В таком случае мы совершенно готовы, — объявил Валерий Павлович.

На машине полпредства проехали мимо цепи парков и скверов; остановились перед колонной, воздвигнутой в честь первого президента Соединенных Штатов Америки Джорджа Вашингтона; миновали другой

памятник, изображающий Линкольна, сидящего в кресле. Чкалов обратил внимание на исключительно красивое здание верховного суда, отделанное мрамором. Столица Америки — это город департаментов, чиновников, сплошных особняков и яркой зелени, — в отличие от Чикаго, здесь совершенно отсутствовали небоскребы, какие бы то ни было промышленные предприятия.

Белый Дом — резиденция президента — представляет собой очень простой архитектуры трехэтажное белое здание. Все окружающее пространство покрывает асфальт, несколько скрашенный зеленью коротко подстриженных кустиков. По отлогой каменной лестнице спускались туристы — мужчины и дамы. Некоторые из них задерживались на лестнице, раскрывали путеводители и посматривали то на здание, то на парк.

В вестибюле летчиков сразу окружили фотографы. В полуоткрытую дверь приемной Чкалов заметил человек восемь журналистов.

Дверь открылась, и секретарь пригласил летчиков в кабинет президента.

В кабинете летчики увидели большой светлый стол, заваленный книгами и документами. Рузвельт сидел в круглом кресле и писал. На стенах кабинета были развешаны снимки и картины, изображающие разного рода фрегаты, канонерские боты, двухмачтовые бриги и корветы. Когда-то Рузвельт был помощником морского министра.

— Чиф-пайлот Валерий Чкалов, — начал представлять летчиков полпред. — Ко-пайлот Джорджи Байдуков, — продолжал он, делая ударение на букву «а» в фамилии Байдукова.—Нэвигейтор Александр Беляков.

Президент, не вставая с кресла (у него тяжелая форма детского паралича), улыбнулся и протянул широкую руку. Одет он был просто: рубашка с галстуком и брюки на ремешке.

— Блестящий ваш перелет свидетельствует о высокой технической культуре Советского Союза. Перелет

будет записан в историю, — обратился он через полпреда к летчикам. Он опять приветливо улыбнулся, вокруг проницательных, с холодным блеском, глаз сбежались морщинки.

Он начал расспрашивать о подробностях перелета: было ли холодно в кабине, какие меры предприняли летчики против обледенения?.. Полпред переводил ответы Чкалова и вскоре же, почувствовав, что пора прощаться, сделал шаг вперед. Рузвельт пожал летчикам руки. У двери Чкалов на мгновенье задержался. Он видел, как президент повернулся на своем кресле, потянувшись за какими-то бумагами; лицо, склонившееся над столом, приняло сосредоточенное выражение.

Они вышли из здания.

Необыкновенное оживление царило на улицах. Из дверей учреждения выходили служащие министерств. На перекрестках, в струйках бензиновых испарений, скапливались автомобили. Было шесть вечера — час, когда кончается официальный вашингтонский день. Но так же быстро, как появились, исчезли автомобили и люди. Через полчаса город казался мертвым.

Чкалов о чем-то глубоко задумался. Идя по дорожке парка, он вдруг обратился к друзьям с коротенькой речью. Вернее, это была даже не речь, а размышления вслух человека внимательного, наблюдательного, умеющего обобщать и разбираться в явлениях широко.

Сначала он выразил свое отношение к президенту. К Рузвельту он сразу почувствовал симпатию. Потом неожиданно для друзей заговорил так:

— А вообразите, что станет, если не будет Рузвельта и победит другой политический курс? Уверяю вас, друзья, сегодня Рузвельт искренне сказал нам: «Благодаря вашему перелету границы Советской России стали нам неожиданно близки. Блестящий ваш перелет свидетельствует о вашей высокой технической культуре». Это не дипломатическая вежливость. Рузвельт — сторонник всего прогрессивного. Он — за честные отношения к нам. Он — за народ, а не за «боссов»...

На следующий день летчики присутствовали на заседании Конгресса. А вечером должен был состояться в честь перелета большой прием в полпредстве: пригласили весь дипломатический корпус, министров, сенаторов, военных пилотов, ученых, представителей различных партий и газет,—словом, свыше восьмисот человек.

Вытянувшись под холодной, свежей простыней, Чкалов с удовольствием думал, что можно целый часок понежиться, по-настоящему отдохнуть; он только боялся заснуть, потому что знал, как трудно будет его разбудить. Так он и лежал, полузакрыв глаза, покуривая и тихонько посвистывая, — отгоняя мысль о том, что скоро придется облачаться в сорочку с жестко накрахмаленной грудью и твердым воротничком.

А через час летчики, в полном параде, вместе с полпредом и его женой стояли в ярко освещенном вестибюле, на верхней площадке мраморной лестницы, у входа в зал, и согласно церемониалу встречали гостей. Официант в токсидо с блестящими шелковыми лацканами, сам похожий на дипломата и знавший почти всех гостей в лицо, называл фамилию каждого поднимающегося по лестнице.

— Начальник авиационного корпуса армии генерал Вестовер, — громко и раздельно произносил он. — Министр труда госпожа Перкинс, помощник государственного секретаря господин Карр.

Среди гостей было много и американских военных, представителей генералитета.

«Удачно их называют «золотыми фуражками» за их расшитые золотом головные уборы»,—думал Валерий.

И он невольно задумался о реальной и весьма немалой власти этих самых «золотых фуражек». Он знал, что среди них встречаются крупнейшие дельцы, воротилы, люди денежной удали, люди бизнеса. Он уже хорошо понимал значение специфического американского слова «бизнес».

И ему на минуту стало не по себе.

Между тем каждый гость подходил к летчикам, пожимал руки и любезной улыбкой приветствовал чиф-пайлота Чкалова, ко-пайлота Байдукова и нэвигейтора

Белякова. Отвечая на рукопожатия, Чкалов часто слышал слово «конгратулейшен» — поздравление, это удлиняло церемонию.

Когда летчики пожали рук четыреста, они почувствовали усталость.

Гости, поздоровавшись, проходили в зал, где в свете люстр накрытые столы сверкали хрусталем, бронзой, богемским разноцветным стеклом. Официанты бесшумно поднимали тяжелые серебряные крышки с блюд, и ароматный пар шел от разнообразных яств. Зал наполняла пышно разодетая толпа; золотые и серебряные туфельки, отливающий мягким розовым блеском жемчуг, бриллианты—все это сверкало, переливалось, отражаясь в зеркалах. Живой поток поднимался непрерывно по широкой лестнице, наполняя залы посольства. В глазах у летчиков начало мелькать. Из зала доносились звон посуды и смех, вокруг колыхались ароматы духов. Все трое продолжали стоять на одном месте, не меняя позы. На лбу выступила легкая испарина. Шли часы, а снизу поднимались все новые и новые лица, сияя туалетами и улыбкой.

— Это, брат, тебе не через полюс пролететь, — выбрав момент, сказал Чкалов Байдукову, одновременно прислушиваясь к тому, как официант усталым голосом выкрикивал фамилии министра торговли и двух сенаторов. Через четыре часа незнакомый сотрудник полпредства принес летчикам тарелочку с бутербродами и вазу с апельсинами. У Валерия Павловича пересохло в горле, очень хотелось пить; взяв апельсин, он на этот раз с особенным удовольствием пожал руку, поблагодарив сотрудника за внимание. Но когда он обернулся в сторону, где стояли его друзья, то их не увидел. Они не выдержали и ушли в гостиную отдохнуть в креслах.

Из открытых дверей доносились звуки бальной музыки, — банкет, повидимому, подходил к концу. Чкалов надеялся, что церемония рукопожатий сейчас прекратится, — снизу поднимались последние гости, — как вдруг начался разъезд. Из зала вновь хлынул поток людей. Каждый уходящий снова подходил к летчикам, еще раз, на прощанье, с жизнерадостной улыбкой пожимал им руки. Валерий еле дышал, пот с него

лил ручьями. Процедура прощанья продолжалась еще добрых два часа.

Наконец вестибюль опустел. Чкалов вздохнул облегченно, широкой грудью.

— Ну, ребята, и работенка нам выпала! Сосчитали, сколько? Небось, тысячи две... Пойдемте-ка, ребята, в зал и выпьем за здоровье ушедших!

Выпили немного, но у Валерия сразу зашумело в голове, — сказывалась усталость от непрерывного шестичасового стояния на ногах.

Валерия Павловича, видавшего на своем веку всевозможную рыбу, поразила огромная белуга весом в пятьсот фунтов, специально присланная из СССР и лежавшая на громадном блюде, украшенная сложным сооружением из гарниров. Рыбу уже успели основательно попробовать, и все же она производила весьма внушительное впечатление. Такое обилие черной икры в Америке он видел впервые. Икра в Соединенных Штатах ценилась на вес золота.

Беляков вздохнул и покачал головой.

— Когда стали опять прощаться, я думал, будет паралич.

— Как руку трясет, у меня — ток в плечо, — перебил, мрачнея, Байдуков. — А если с «конгратулейшен» — ну, у меня уже душа в пятки: значит, по второму разу трясти будет.

— А-а! — рассмеялся Чкалов. — А ты думал: пролетел, белых медведей спугнул, — и вот тебе герой мира? Не так-то просто.

Пока утомленные Егор и Саша вяло действовали вилками и ножами, Валерий обратился к присутствующим:

— Ну, а теперь, товарищи, и потанцовать можно. Приглашаю даму.

Жена советского консула села за рояль. Валерий закружился в вальсе с одной из сотрудниц. В перерывах между турами он расспрашивал жену консула, как ей здесь живется, как она поддерживает связь с родиной. Потом он опять, забыв об усталости, танцовал, приглашая по очереди всех присутствующих дам, а подконец попросил сыграть русскую. После длинней-

шей официальной части ему захотелось повеселиться, «пошуметь».

С первыми аккордами он не вытерпел и начал вполголоса подпевать:

Как у наших у ворот
Стоит озеро воды.
Ой люли, ой люли,
Стоит озеро воды!

Среди сидящих на узеньком диванчике женщин почувствовалось оживление. Одна из них встала и в плавном танце пошла навстречу Валерию Павловичу. Вынув из кармана шелковый платочек, он двинулся к ней, напевая:

Красна девица-душа,
Сбереги добра коня!
Ой люли, ой люли,
Сбереги добра коня!

Под неторопливые вначале звуки он двигался медленно, постепенно расправляясь, и вдруг, притопнув правой ногой, пустился в пляс.

Вдоль полотна тянулись паровозные, химические, металлургические заводы. Потом все чаще замелькали на столбах красочные щиты с изображением кинозвезд или чемпионов бокса и тенниса, рекламирующие отели, автомобили, мыло. В Америке всякий сколько-нибудь знаменитый человек может заработать изрядную сумму, если разрешит одной из фирм опубликовать его портрет с надписью, например, о том, что табак «Лаки Страйк» мягок и не сушит горла. Крупные фирмы широко рекламируют свои изделия, пользуясь услугами радиокомпаний. Форд покупает у радиокомпаний перерыв между сообщениями о ходе матча боксеров Джо Луиса и Шмеллинга. «Дженерал моторс» приглашает выступить по радио знаменитого дирижера Тосканини и в перерыве концерта расхваливает свою продукцию. Крупный концерн Пепси-кола также «покровительствует» искусству, ежегодно устраивает выставки живописи. Лучшие картины воспроизводятся в печати с надписью: «Эта

картина признана лучшей на конкурсе концерна Пепси-кола. Пейте только Пепси-кола!»

Положив руку на плечо Байдукова, Чкалов стоял у окна небольшого дроингрума — салона — и смотрел на щит, на котором какой-то веселый джентльмен, нарисованный яркими красками, приглашал туристов останавливаться только в отеле Линкольн.

— Еще час езды, Егор, и мы увидим Нью-Йорк.

Его внимание привлекала автострада — небесная дорога, поднятая эстакадой на высоту шести-семиэтажного дома.

Подошел проводник-негр и попросил разрешения вынести багаж в тамбур. Затем, уже без всякого разрешения, негр до блеска натер мохнатой перчаткой ботинки Чкалова. Послышался короткий и резкий рев сирены, сменившийся грохотом, — экспресс вкатился в черный тоннель под рекой Гудзон. Он шел по тоннелю минут пять, просвет блеснул на мгновенье. Валерий даже не заметил, как поезд остановился у запрятанного глубоко под землей перрона Пенсильванского вокзала.

На перроне летчиков сразу окружили работники советской колонии. В толпе репортеров, фотографов, представителей мэрии, членов комитета по встрече летчики увидели знакомое им по портретам лицо знаменитого полярного исследователя доктора Вильямура Стефанссона.

Полиция, опасаясь, как бы встреча героев не превратилась в грандиозную демонстрацию (американский народ проявлял, с точки зрения полиции, слишком большой восторг, внушавший уже тревогу), провела летчиков служебными ходами к подъезду вокзала, минуя громадный зал, где собрались тысячи встречающих. Но маневр полиции не удался. Когда летчики садились в открытые автомобили, толпа с криками: «Да здравствует Советский Союз!», «Да здравствуют советские орлы!» — хлынула к ним и засыпала их цветами. И, вновь эскортируемые полисменами на мотоциклах с развевающимися американскими флагами, машины летчиков понеслись по пятой авеню к зданию мэрии.

Вой сирен заставлял людей выбегать на улицу. На перекрестках быстро собирались толпы. Летчиков приветствовали высоко поднятыми руками со сжатыми кулаками и кричали вдогонку по-английски, по-русски, по-итальянски и по-еврейски.

В окнах, на крышах домов стояли люди и бросали разноцветные ленты и листовки. Чкалов, весь осыпанный конфетти, махал в ответ шляпой.

Колонна остановилась у широкого подъезда. Толпа ожидающих расступилась. Летчики поднялись в вестибюль. Их представили мэру Нью-Йорка Лагардиа, приземистому человеку с полным, румяным лицом. Чкалов держал огромный букет. Поблагодарив за встречу, он вынул алую розу и преподнес мэру. Лагардиа, приложив руку к сердцу, поклонился и спросил:

— Как вам нравится сэло Нью-Йорк?

Он был когда-то американским консулом в Триесте и знал несколько славянских слов.

Тем временем толпа на площади росла. Весь подъезд мэрии заполняли журналисты и фотографы. Кинооператоры и радисты стояли наготове с аппаратами и микрофонами. Как только показались летчики, толпа заколыхалась. Фоторепортеры, обступив их, наперебой приглашали сниматься то вместе, то порознь, то в строгой позе, то в непринужденной и с улыбкой. Одновременно снимали летчиков для кино и записывали их голоса на пленку, чтобы на следующий день их видел и слышал весь Нью-Йорк.

Спустя полчаса Чкалов выполнял последнюю процедуру: он говорил перед микрофоном, и его речь транслировалась всеми радиостанциями Америки. И опять машины летчиков с неотлучными полисменами на мотоциклах понеслись под вой сирен к зданию советского консульства на Сикстн уан стрит.

К приезду летчиков все комнаты консульства были заполнены цветами, сотнями букетов красных гвоздик и алых роз; многим букетам была придана форма самолета. В розах утопал кабинет генерального консула, гвоздики и розы наполняли столовую и гостиную. Это были трогательные, в большинстве случаев безыменные, цветы от разных рабочих организаций.

После обеда перешли в гостиную. Летчикам вручили пригласительный билет на плотном, украшенном золотом паспарту. Валерий попросил перевести. Пространная надпись гласила:

«Уолдорф Астория, Нью-Йорк, 30 июня 1937 г.

Банкет дается Русско-американским обществом культурной связи и кооперации совместно с Американским Географическим обществом, Американским музеем естественных наук, Русско-американской торговой палатой, Институтом аэронавигационных наук и Торговой ассоциацией города Нью-Йорка. Председатель банкета Вильямур Стефанссон».

В самом низу первой страницы было написано: «Речи транслируются с 10 до 10.45 по всей стране». На других страничках приводился перечень почетных гостей, среди них упоминались имена мэра города Лагардиа; генерал-майора авиации Оскара Вестовера; канадского летчика Кэньона, участника экспедиции Элсворта на Южный полюс; капитана Рида, заместителя начальника аэронавигационного управления всего морского флота США; летчика Арчболда, впервые перелетевшего Америку на летающей лодке; негра Мэтью Хенсона, единственного оставшегося в живых члена экспедиции Роберта Пири к Северному полюсу; арктического исследователя Губерта Уилкинса; Фиало, руководителя циглеровской полярной экспедиции в 1903—1905 годах. Восемьсот гостей-профессоров, представителей крупнейших американских корпораций, журналистов, путешественников, пилотов, прилетевших из Вашингтона, Балтиморы, Кливленда, Бостона на чествование советских героев, — были приглашены на банкет в огромном зале нью-йоркского отеля «Уолдорф Астория» на Парк-авеню.

— Собрание знаменитостей, — сказал об этом банкете один из представителей прессы. — О каждом можно написать книгу.

По случаю жары летчики облачились в светлые кремовые костюмы. Среди фраков и смокингов в торжественном и пышном зале Уолдорф Астории они образовали живописную группу.

Обед, как полагается, начался с холодной воды и

дыни. И сразу же начались речи. Время от времени острил тостмейстер. Это принято на американских банкетах; остроты в Америке можно покупать и продавать.

Чкалов сидел рядом с Мэтью Хенсоном за столом президиума. В Нью-Йорке негр сидел с белыми за обеденным столом! Это для Америки было редчайшим нарушением неписаного устава.

Между речами тостмейстер оглашал приветственные телеграммы. Многих Чкалов не понимал, но одна из них — от дочери Пири — привлекла его внимание.

— «Мой отец, — громко, на весь зал, прочел тостмейстер, — предсказывал, что Северный полюс будет завоеван авиацией. И это осуществилось».

Товарищ министра торговли приветствовал чкаловский перелет как историческое достижение и поздравлял летчиков, чья храбрость пленила воображение американского народа.

В зале почувствовалось оживление, когда к микрофону подошел профессор Гарвардского университета Брус Хоппер. Он говорил о том, что эпоха Сталина является героической эрой, сравнивал ее с эпохой Гомера и Ренессанса.

Председательствующий доктор Стефанссон объявил, что слово предоставляется Валерию Павловичу Чкалову. Гости встали. Зал загремел рукоплесканиями.

— Совершая полет из Москвы через Северный полюс в вашу страну, — говорил Валерий, отчеканивая каждое слово, — мы на крыльях самолета несли привет нашего стосемидесятимиллионного народа американскому народу. В моей стране поют песню: «Как невесту, родину мы любим, бережем, как ласковую мать». Садясь в самолет, мы, три человека, несли в своих сердцах сто семьдесят миллионов сердец, и никакие циклоны и обледенения не могли нас остановить. Мы выполняли волю своего народа...

Зал снова загремел аплодисментами. Глаза Чкалова блестели.

Позади спикер-тэйбла висела большая географическая карта Севера. К Белякову подошел Стефанс-

сон и попросил начертить на карте маршрут полета из Москвы в Америку.

Официант подал лесенку. Александр Васильевич поднялся на верхнюю ступеньку. Несколько минут стояла тишина, пока штурман красным мелом проводил черту от Москвы до Ванкувера. В конце черты он обозначил число и час посадки самолета.

Полнейшая тишина, казалось, достигла своего предела. По взволнованным лицам гостей можно было судить о впечатлении, произведенном выступлением советских героев.

На многих лицах видных инженеров, руководителей авиационных фирм без труда можно было прочитать сложную смену чувств: сначала удивления, затем невольного уважения, наконец искреннего восхищения, у иных смешанного с долей зависти к людям, которым громадная, могучая, таинственная Советская Страна предоставляет такие небывалые возможности для творчества и открытий. Все собравшиеся отлично понимали, что они присутствуют на церемонии, связанной с событием историческим.

И еще одна церемония (ее присутствующие расценили как огромную честь и внимание героям) была восторженно встречена всеми собравшимися.

По распоряжению Стефанссона в зал принесли глобус. Тостмейстер поднял руку:

— Господин посол, высокопочтенные гости, лэди и джентльмены, этот глобус уникален. Он принадлежит клубу полярных исследователей. На нем в разных направлениях земного шара прочерчены прямые и извилистые линии пионерских маршрутов и стоят личные подписи Фритьофа Нансена, Роальда Амундсена, Стефанссона, Вилли Поста, Уилкинса, Роберта Пири, Берда, Чембэрлина, Амелии Ирхарт и других лиц, которые совершили большие путешествия и открытия. Попросим наших дорогих гостей, трех летчиков, расписаться на глобусе у свежей линии от Москвы до Ванкувера.

Стефанссон протянул Чкалову перо. Валерий первым написал свою фамилию. За ним расписались Байдуков и Беляков.

К летчикам подошел один из гостей и через переводчика просил передать Чкалову:

— Я просто хочу еще немного постоять около вас и полюбоваться вами. Таких счастливых людей, — добавил он, — может создать и прислать только счастливая страна. Сколько все-таки ерунды пишут о Советах.

И вдруг начался штурм. Почетные гости выскочили из-за столов и стеной окружили героев. Все были во фраках, плотно облегающих фигуру, и ничего лишнего сейчас при себе не имели — ни записных книжек, ни блокнотов. Летчикам протягивали карточки меню, пригласительные билеты, чтобы получить автограф.

На следующий день Чкалову предложили побывать на американской борьбе — «кетч»...

— А что означает «кетч»?

— «Хватай, кто как может».

— Что же это — на потеху бездельников? — спросил он.

— Сами увидите.

Поехали за город. Поздним вечером три друга вошли в небольшой парк. Из-за деревьев, смутно освещенных фонариками, вырисовывались высокие «американские горы». По ним мчались вагончики, набитые людьми. Раздавался визг и смех.

Чкалов, Байдуков и Беляков направились к лесной полянке. На ней возвышалась квадратная трибуна, отгороженная от зрителей двумя рядами канатов. Вокруг трибуны, на низких скамеечках, ожидая начала борьбы, сидели зрители.

Валерий с друзьями тоже сел на скамейку и приготовился смотреть.

Вскоре на арену вышли два соперника — один гигантского роста, другой пониже, с бычьей шеей и квадратным лицом.

Борьба началась с того, что один схватил другого за голову и долго гнул ее, пока противник не вырвался. Глаза его сделались красными, точно у разъяренного быка. Но борец ловко схватил соперника за

руку и стал ее выворачивать, как веревку, за спину. Соперник зарычал, сделал гримасу, — некоторые зрители, удовлетворенные дикой дракой, в знак одобрения засвистели.

— Весело, — мрачно прошептал Чкалов. Сейчас его внимание привлекла новая поза борцов. Тот, что с бычьей шеей, вырвался из железных объятий противника и, захватив его голову, давил пальцами на глаза. Несчастный тяжело дышал; однако, собрав силы, вырвался вновь и, обозленный, кинулся на противника. В одно мгновенье он повалил его наземь и начал выворачивать ему ноги.

Ноги вскоре онемели, выкрученная рука сделалась совершенно белой, но победитель не обращал на это никакого внимания и, надавливая своей ногой на спину соперника, продолжал с упорством выкручивать ему руку.

Потом Чкалов увидел что-то невообразимое. Подобно спущенным с цепи тиграм, борцы, каким-то образом очутившиеся на разных концах трибуны, ринулись друг на друга и начали кататься по настилу клубком тесно переплетенных тел, откуда вперемешку раздавались то воинственные крики, то жалобные вопли.

— Уйдем! — с отвращением сказал Валерий, поднявшись со скамьи.

Он шел по дорожке мимо фонариков, с тяжелым чувством и думой о жалкой доле американских профессиональных спортсменов, этих гладиаторов современного буржуазного общества. Он был так поглощен своими мыслями, что с безразличным видом выслушал рассказ сотрудника советского консульства о том, что в погоне за все более сильными ощущениями для пресыщенной публики дельцы-предприниматели ввели новые разновидности кетча: борьбу иногда ведут не на обычном ковре, а на площадке, покрытой грязью, смешанной с мазутом или нефтью...

Прошли первые дни приемов, банкетов, интервью. Чкалов со своими друзьями уже успел осмотреть несколько авиационных заводов, побывать в пионер-

ском лагере советской колонии и на пляже Атлантического океана, где можно было в шумной толпе купающихся оставаться неузнанным. Но стоило возвратиться в Нью-Йорк, и американцы попрежнему рукоплескали им, когда они появлялись на улицах или в кафе. Автографы приходилось давать даже в лифте. От всего этого они порядочно устали. Расслабляюще действовала и жара, которая в том году стояла по всей Америке. Из сельскохозяйственных районов шли тревожные вести о засухе. Газеты сообщали: «Вчера погибло 93 человека, в том числе 9 в Нью-Йорке...» «Вчера умерло в Америке от жары 102 человека, в Нью-Йорке — 11».

Под воскресенье сотни тысяч состоятельных нью-йоркцев перебирались на автомобилях в горы или в многочисленные городки, разбросанные вдоль побережья Атлантики.

На автострадах Чкалов видел автомобили, к которым сзади была прицеплена комната на колесах — трайлер, вернее, квартира, состоящая из кухни, столовой и спальни.

— Вот так «особняки»! — сказал Валерий.

— Мне кто-то говорил, — объяснил консул, — эти особняки на колесах даже украшены портретами, которые раскладываются, и тогда получается, по усмотрению, или карамбольный биллиард, или стиральная доска. Фирма утверждает, что эти коробки необыкновенно удобны и полезны для здоровья. Такую бродячую жизнь заокеанцы якобы обожают.

— Обожают? — недоверчиво произнес Чкалов, провожая зоркими глазами удаляющийся «счастливый» домик. — Горемыки, вот кто они. Рассказывали мне, как одного опытнейшего мастера за неуплату последнего взноса выселили из квартиры в двадцать четыре часа. Вот он, верно, теперь в такого «независимого путешественника» и должен превратиться, в вечного странника на стареньком «фордишке».

В душную полночь группа работников советского консульства пригласила летчиков на «Эмпайр Стэйт Билдинг».

Лифт-экспресс без остановки поднял их на восьми-

десятый этаж. Там они пересели на более тихоходный подъемник. Последние два этажа прошли пешком и очутились на сто втором, в небольшом стеклянном зале, на крыше знаменитого небоскреба.

Никакой шум сюда не доносился. Ночной Нью-Йорк лежал внизу, залитый огнями. Невероятное количество их скопилось на перерезающем наискось остров Манхэттен Бродвее—примерно от Таймс-сквера до 57-й стрит, где находились все увеселительные заведения: кино, театры, рестораны и кафе. Все горело, переливалось, сверкало световой рекламой.

Слова летели по черному небу, усыпанному золотыми звездами, распространяя вокруг себя сияние. Сияние гасло, вспыхивало, расходилось лучами и вновь рисовало на небе узоры.

Сбоку высились величественные серые контуры статуи Свободы с ярко освещенной башней. В водах Гудзона отражались бесчисленные огни пароходов. Ночь стояла на редкость спокойная и звездная.

На крыше самого высокого здания мира находился звукозаписывающий аппарат. Летчики подошли к нему. Чкалов опустил в отверстие десять центов. Прибор включился, вспыхнул сигнал — внимание, затем второй сигнал показал, что можно говорить.

— Привет тебе, наша прекрасная родина! Привет, Москва! Еще лежат между нами и тобой тысячи земных километров, долгие мучительные часы пути, — полмира мы увидели за это время, но сердце рвется к тебе. Отсюда, с крыши сто второго этажа, мы видим твой образ, — первым произнес громко и взволнованно Валерий.

Великая страна послала его сюда, и он как бы обращался с вышины ко всему миру со словами, вошедшими в историю:

— «Мы связали Москву с Америкой».

Он замолчал и уступил место перед аппаратом Байдукову и Белякову, которые сказали по нескольку фраз.

Консул нажал на автомате кнопку. Сбоку выскочила небольшая металлическая пластинка. Ее тут же включили. Валерий слушал собственную речь.

Консул предложил летчикам взглянуть на Нью-Йорк в подзорную трубу. Это стоило один дайм. Валерий Павлович направил трубу на заинтересовавшую его статую Свободы. Он увидел грандиозную фигуру женщины с поднятым факелом в руке. Факел светился, также был освещен и громадный постамент.

Валерий отошел от трубы. Вдали он увидел черные массивы рабочих кварталов, пересекаемые линиями огней. Темным, беспокойным массивом казался и океан. Чкалов посмотрел в сторону Лонг-Айленда, и снова сверкнули перед ним тонкие линии огней бесчисленных автострад.

Он вспомнил, что на завтра предстоит много дел. Его ждали в редакции «Нью-Йорк таймс»; хотелось побывать и на Ниагарском водопаде; надо было составить телеграмму Ольге; в прошлую субботу на пляже «Джонс Бич», оборудованном аттракционами, он несколько раз промахнулся, стреляя из лука в цель, — завтра надо было обязательно добиться, чтобы стрела попала в точку. По пути на пляж следовало бы осмотреть образцовую автостраду Хатчисон-Парквей. Главное же оставалось на вечер. Вечером в манеже 71-го полка на 34-й стрит предстояла самая интересная из всех встреч — встреча с американскими рабочими. Он предложил отправиться домой, чтобы выспаться хорошенько после всех треволнений.

Отдохнув, летчики поехали на митинг, устроенный обществом друзей Советского Союза и редакцией журнала «Совьет Раше тудэй» («Советская Россия сегодня»). Когда они, окруженные почетным эскортом, с букетами цветов в руках, вошли в обширное, напоминающее грандиозный стадион помещение манежа 71-го полка, битком набитое народом, двенадцать тысяч, собравшихся там, встали, как один человек, и запели «Интернационал». Звуки росли, ширились, казалось — от их мощи рухнут стены. Потом раздался оглушающий залп аплодисментов, покрытый бурными криками восторга.

Американский народ приветствовал летчиков. Тысячи людей стояли на улице, у входа: манеж не мог вместить всех.

Председателю митинга, наконец, удалось предоставить слово руководителю Хайденского планетария. Оратор говорил о летчиках не только как о победителях арктических пространств, но и как о носителях человеческой правды.

У трибуны сидели журналисты. Они слушали ораторов и тут же выстукивали на телеграфных машинках тексты речей.

Все ждали выступления Чкалова.

Отправляясь на митинг, он говорил, что надо приготовиться к речи. Но так и не успел этого сделать. И все же он произнес замечательную речь. В каждом ее слове звучала гордость за свою страну.

Он начал говорить при полнейшей тишине, что вообще редко бывает у американцев. Он говорил как политический деятель, как государственный человек. Его речь зажгла аудиторию. Каждая фраза, которую он бросал в зал, тонула в громе оваций. Председательствовал на митинге очень спокойный оратор. Но после речи Чкалова уже никто не мог говорить спокойно.

Где-то в глубине манежа, с верхних ярусов, неслась мелодия «Авиационного марша»:

Все выше, и выше, и выше...

Сердце Валерия забилось. Он видел, как толпа, заполнив проходы, продвинулась к трибуне и тесным кольцом смыкалась вокруг него. Полисмены не смогли сдержать ее. Она прорвала цепь, хлынула, как река, и понесла летчиков к выходу. Какой-то высокий мужчина, держа на плечах ребенка, кричал охрипшим голосом: «Товарищ Чкалов, спасибо тебе, дорогой товарищ, за то, что ты сделал для человечества!» Чкалов не мог ответить. Его неудержимо нес разбушевавшийся людской поток. Послышался голос консула: «Садитесь», — и, сам не понимая, для чего он так делает, Валерий Павлович вскочил в первое попавшееся такси. Автомобиль рванулся с места. Шофер оказался самым счастливым человеком. Он никак не ожидал, что на его долю может выпасть такое счастье. Бай-

дуков и Беляков, усевшись в другую машину, обнаружили рядом с собой незнакомую американку, появившуюся в кабине неизвестно каким образом. Ее глаза восторженно блестели. Они поняли, что это ошеломленная своей удачей охотница за автографами. На подножках машины стояло трое рабочих. Машина, набирая скорость, мчалась по освещенным улицам Манхэттена.

После обеда в «Уолдорф Астория» «дипломатическая нагрузка», как выразился Беляков, несколько спала. Валерий чувствовал себя теперь здесь каким-то туристом. У него росло желание поскорее ехать в Москву.

— Мы свою задачу выполнили, нас ждут на родине, — говорил он по нескольку раз в день своим друзьям. — Америку сейчас все равно осмотреть не успеем. Если нужно будет, правительство пошлет нас специально изучать здешние заводы. Да, ребята, скорей домой — и за работу!

Незадолго до отъезда летчиков на родину в полпредство пришли делегаты от рабочей организации, объединяющей свыше трехсот тысяч рабочих. Это были люди самых различных профессий — токари, инструментальщики, меховщики, судомойки. Делегация хотела условиться о дне, когда она сможет приветствовать летчиков и поздравить их с блестящим завершением перелета.

Валерий позвал Георгия Филипповича и Белякова в торжественный зал с тяжелыми портьерами на окнах, со стенами, отделанными резными деревянными панелями и обитыми штофом.

— Вот что, дорогие, сейчас мы увидим, — сказал он несколько приподнято, — представителей американских рабочих, понимаете: посланцев американского народа.

Он повернулся к консулу, сделал широкий жест рукой:

— Прошу.

Двери распахнулись. В зал вошло несколько чело-

век. Они тепло приветствовали летчиков. Один на ломаном русском языке произнес:

— Среди наших членов возникло желание преподнести вам небольшой подарок. Просим разрешить передать его в ближайшие дни. Хотели, чтобы присутствовали наши наиболее видные работники.

Валерий Павлович внимательно слушал.

— Почему же только наиболее видных деятелей вы желаете пригласить? Пригласите и рядовых членов. Обязательно.

Накануне дня, назначенного для приема делегации, Чкалов несколько раз обращался к консулу:

— Устройте, пожалуйста, чтобы все было в порядке. Рабочих принимаем. Надо сделать так, чтобы было не хуже, чем когда президентов приглашаем... чтобы народ чувствовал, что в советское консульство пришел.

За несколько минут до прихода делегации он спустился в столовую и посмотрел, как накрыт стол.

Около восьми вечера в гостиную вошло человек пятьдесят. Всех их с улыбкой встречал Валерий:

— Здравствуйте, товарищи!

Сразу же установились дружеские отношения, не чувствовалось ни малейшей натянутости. Летчиков окружили гости, засыпали их вопросами, шутками. На шутку Валерий отвечал такой же шуткой, вызывая смех и аплодисменты.

Председатель секции, рослый мужчина с большими руками, осторожно распаковал тщательно завязанный именной подарок. Это была изумительная работа из серебра, изображающая колонну, на вершине которой три орла поддерживают земной шар. На шаре рабочие прочертили маршрут летчиков, над полюсом возвышалась миниатюрная модель их самолета, а на постаменте вазы было изящно выгравировано обращение к летчикам от имени секции.

Обычно очень сдержанный, Александр Васильевич наклонился к Байдукову:

— Видел роскошь, Егор!..

Рабочие произносили речи, очень короткие, но полные чувства. Летчики отвечали.

Затем, когда все уже думали, что приём окончен, Чкалов попросил гостей в столовую. Стол был уставлен всевозможными яствами и сверкал хрусталем. Консульский повар, негр Грэнд, как видно, постарался. Валерий на правах хозяина первым предложил тост за присутствующих здесь представителей рабочих. Гости ответили тостом за советскую авиацию и героев-летчиков. Валерий высоко поднял бокал.

— Благодарю! Я предлагаю выпить за всех наших летчиков. Мы часть, только часть, представляющая летчиков нашей страны.

Банкет кончился. Когда остались одни, Чкалов еще раз подошел к подарку.

— А ведь хороша работа! Егорушка, Саша, как вы думаете: если мы ее подарим Иосифу Виссарионовичу?

В ночь на 12 июля летчики узнали, что в Америку вылетел самолет Громова. Телеграмма пришла в консульство через полтора часа после того, как Громов стартовал с подмосковного аэродрома. И опять, как в дни чкаловского перелета, генеральное советское консульство в Нью-Йорке превратилось в оперативный штаб. Телефоны звонили непрерывно, мессэнджеры агентства «Уэстерн юнион» то и дело приносили телеграммы.

Валерий, счастливый, шагал по ковру в кабинете консула и говорил Белякову:

— Михаил Михалыч-то уже четвертый час как летит. Я спокоен. Он все предусмотрел. Ну что же, ребята, хоть и соскучился я по Москве, но придется на денек задержаться, пока Михаил Михалыч перемахнет Канаду, — тогда можно и домой со спокойной совестью.

Всю ночь Чкалов просидел, склонившись над картами. Когда громовский экипаж перелетел полюс, Беляков раскрыл свой бортовой журнал. Вглядываясь в цифры, он сразу понял, что Громов совершает полет в более благоприятных условиях погоды. К моменту

достижения Северного полюса у него уже был выигрыш во времени на три с лишним часа.

— Добрый путь, — шептал Чкалов утром, заглядевшись в окно, откуда доносился шум городского прибоя.

Валерий Павлович не спал ни минуты, на лице его лежала печать усталости, маленькими глотками он пил чай, не выпуская из рук булавочек с красными флажками. Ими он отмечал на карте продвижение громовского самолета. Валерий с удовлетворением думал о том, что полет, который он, Чкалов, со своими друзьями совершил, не являлся просто рекордсменским, но имел и крупное научное и практическое значение, и перелет этот с еще большей дальностью повторял теперь их товарищ.

Громов летел уже над Канадой. К отъезду первой тройки летчиков все было готово. Грэнд к прощальному завтраку приготовил для Чкалова его любимые пельмени. Валерий был весел, немного сосредоточен и только повторял изредка:

— Долетит Михаил Михалыч, как по расписанию, и опустится не раньше, чем достигнет Сан-Франциско.

В последний раз окинул он взглядом всех собравшихся. Потом встал из-за стола и начал прощаться. Всех благодарил за хлопоты, пообещал приехать еще раз.

— И вам, мисс Арми, большое спасибо, — продолжал Валерий, обращаясь к технической сотруднице консульства. — Доставили вам немало хлопот. Небось, у вас рука устала поднимать телефонную трубку.

Три чемодана уже были погружены в автомобиль. Увидя их, Чкалов бросил коротенькую, сердитую реплику:

— Куда мы столько набрали!

Но тут же ласково обратился к Байдукову:

— Хотя, Егор, тут, поди, половину всего места твоя бумага заняла? Сколько ты ее исписал?

Георгий Филиппович, действительно, был в Америке очень озабочен своими литературными делами.

Летчики сели в автомобиль и поехали на набережную.

Широкая скоростная автострада, поднятая на уровне четвертых и пятых этажей, тянулась вдоль Гудзона. По ней двигались слоноподобные тяжеловозы. Трюмы океанских пароходов были открыты для приема грузов чудовищной тяжести.

Автомобили с летчиками, пробиваясь сквозь невероятное скопление машин между каменными громадами, прибыли на набережную «Френч Лайн» точно за полчаса до отхода «Нормандии».

Выйдя из машин, летчики двинулись сквозь густую толпу, под сплошным дождем цветов. В обширном зале многоэтажного морского вокзала при их появлении раздались громкие аплодисменты. Чкалову хотелось посмотреть на океан, но за огромными корпусами судов и зданий пароходных компаний не было видно ничего. Из окна зала он увидел только высокий борт да иллюминаторы «Нормандии». По длинной ленте транспортера куда-то вверх плыли чемоданы.

По крытому трапу, похожему на тоннель и уложенному внутри дорожкой, летчики поднялись на борт. Восьмиэтажный гигант был отделан внутри как шикарнейшая парижская гостиница. На каждом шагу била в глаза позолота, в залах и на лестничных переходах стояли золоченые статуи.

Валерий спустился на палубу и вошел в отведенную ему каюту. Она была вся в живых цветах, каждый член советской колонии счел своим долгом прислать букет. В каюте собралась небольшая группа провожающих. Чкалов увидел доктора Стефанссона. Крепко пожимая руки всем собравшимся здесь, Валерий каждому говорил что-нибудь на прощанье, он умел находить сердечные, простые слова.

— Примите от меня маленький подарок, — сказал Стефанссон и протянул летчикам три комплекта карт и книг — труды, в которых он описывал свои экспедиции в Арктику.

— Я вам тоже кое-что подарю, — ответил Байдуков, принимая подарок. — Вот двадцатикопеечная монета. Она была у меня в кармане и перелетела вместе с нами через Северный полюс.

— Благодарю. Это для меня ценнейший сувенир

— Приезжайте, доктор, в нашу, советскую Арктику, — пригласил Чкалов. — Воочию увидите, что создали там большевики.

Раздался резкий удар гонга, напоминавший, что провожающим следует уходить.

— Ну, еще раз прощаемся, дорогие друзья. За все вам большое спасибо!

И Чкалов опять стал крепко пожимать всем руки.

— Не забудьте передать привет Грэнду! — весело крикнул он консулу, который уже вышел в коридор.— Да скажите ему, чтобы в другой раз поменьше перцу клал в пельмени. А то получаются пельмени не по-сибирски, а по-грэндовски.

Вместе со своими друзьями он на лифте поднялся на «сан-дек» — «солнечную», открытую палубу. Отсюда хорошо было видно набережную и провожающих.

— Как Громов-то? — крикнул он вниз.

— Не беспокойтесь, сообщим по радио! — слабо, издалека донесся чей-то голос.

Валерий замахал шляпой.

Пароход разворачивался медленно. Черными букашками показались Чкалову буксиры, упирающиеся носовой частью в борт «Нормандии».

— Ну вот, Егор, и кончились наши треволнения.

— Погоди загадывать, может быть, только начинаются, — ответил Байдуков.

Но Валерий уже не слушал его. Он сидел в шезлонге и смотрел на желтоватые громады небоскребов Манхэттена. Проплыла Нью-Джерси — стоянка торговых судов. Справа, освещенная солнцем, виднелась статуя Свободы. Пароход шел ровно, рассекая гигантским носом воду. За кормой перекатывались мощные буруны. Над палубой белыми платками взмахивали крылья проносящихся одиноких чаек. Постепенно очертания города стали расплываться. Наконец они совершенно исчезли из виду.

Перед Валерием открывалось необозримое, серое с белыми барашками, пространство.

Потом Чкалов зашагал по палубе.

— Не сидится мне, Егорушка. Ползет этот комфор-

табельный кашалот, как при Колумбе. Терпенья нехватает скорей домой добраться. Значит, после Австралии — на Южный полюс? А потом через два полюса. Из Москвы в Москву. Так ведь, Егор?

— Пойдем в каюту. Отдохнем, — предложил Байдуков.

Валерий окинул широким взглядом морской горизонт. Ветер пробежал по его светлым волосам — непокорная прядь все время опускалась на лоб.

— Нет, Байдук, посидим здесь, в одиночестве, помечтаем. Сейчас придет Саша. Я вот все думаю, как бы это до Москвы добраться без автографов.

Но уже часа через два все население «Нормандии» знало, что на борту парохода находятся три советских летчика, перелетевшие через полюс. Солидные, одетые по моде мужчины, с золотыми перстнями и цепочками, гуляли по палубе, попыхивая сигарами, и, кивая в сторону летчиков, перешептывались: «Нордпол» (Северный полюс). На «променад-дек» играли в пинг-понг молодые люди, другие метко стреляли из ружья в подброшенные тарелочки. Ветер дул слабый, приятный и теплый. Пароход уклонялся к югу, обходя ньюфаундлендскую отмель, опасную, главным образом, обилием рыбачьих судов и суденышек.

Валерий спустился в пятый этаж. Заглянул в магазин, торгующий парфюмерией и мануфактурой, остановился в нерешительности перед тяжелой инкрустированной дверью, ведущей в костел, зашел в роскошный зимний сад. Около своей каюты он встретил веселого коренастого юношу в белом кителе. Юноша оказался «гарсоном», звали его Пьер. От него Валерий узнал распорядок дня на «Нормандии». Кроме того, Пьер, бывший в хорошем настроении и знавший порядочно русских слов, тут же сообщил Валерию, что мечтает о встрече с женой в Гавре. Пароход несколько дней будет стоять в гавани, команда получит отпуск, и он славно погуляет с молодой женой.

— Я тоже, дружище, соскучился по дому, — сказал Чкалов, задумавшись. — Так вы говорите, Пьер, ко второму завтраку надо обязательно итти в ресторан?

— Да, первый можете получать в каюту, а ко второму — в ресторан. К которому часу прикажете подавать газету?

— Какую газету?

— У нас ежедневно издается газета. Вы можете прочитать о международных событиях, быть в курсе биржевых и спортивных новостей. Например, безбол... А главное, monsieur Чкалов, в нашей газете вы сможете прочитать подробные объявления об увеселениях, концертах и фильмах. Сегодня вечером выступает известная балерина.

Валерий слушал рассеянно. Он смотрел на стену, на которой висел список всех пассажиров с указанием номеров кают. Неподалеку, в вестибюле, разгуливали в ярких светлых платьях раскрашенные старушки с миниатюрными собачками.

Захотелось отдохнуть, и Валерий направился к каюте. Он уже открывал ключом дверь, когда услышал за спиной веселый голос Пьера:

— Monsieur Чкалов, на ваше имя пришла радиограмма.

— Саша, Егор! — воскликнул Чкалов, пробежав глазами текст и по привычке обращаясь к друзьям, хотя их и не было около него. — Молодцы, право, молодцы! Вот так Михаил Михалыч!

Ему не терпелось поделиться с друзьями радостной вестью, он отправился их разыскивать. Нашел их в одной из гостиных и, потрясая бланком, громко объявил:

— Ребята, поздравляйте Михаила Михалыча. Сел в Сан-Джасинто.

В эфир немедленно понеслась приветственная радиограмма. Спустя несколько часов Валерий сидел в радиостудии и ждал вызова из офицерского клуба в Марчфилде, где после перелета отдыхал Громов со своими двумя спутниками. «Нэйшеонэл Бродкестинг Компани» пыталась установить прямую радиосвязь с шедшей в Атлантике «Нормандией».

— Алло! «Нормандия»! Алло! «Нормандия»! — услышал он вдруг голос диктора с другого конца Америки.

Восхищены вашим мастерством... — взволнован-

но произнес Чкалов. — Рады за вас, за страну. Отдыхайте, Михаил Михалыч. Алло! Михаил Михалыч! Алло!..

Сквозь треск атмосферных разрядов донесся в ответ знакомый голос.

— Михаил Михалыч, слышите меня? Говорю, рады за вас... Алло! Алло!

Чкалов пожал плечами:

— Сильные помехи. Ну, ладно, и то хорошо, что узнали о благополучной посадке. Пойдемте, ребята, облачаться в смокинги. Пора ужинать.

В ресторане было шумно и весело. Весь огромный зал был залит электрическим светом софитов, запрятанных в мраморных колонках, благодаря чему создавалось впечатление, что из окон светит яркое солнце. Между столиками сновали официанты с подносами. Среди них важно расхаживал пожилой стюард с цепочкой на груди и время от времени предлагал посетителям карточку вин французских погребов. Валерию хотелось спросить водки. Немедленно явился официант и налил положенную порцию. Но это количество было явно недостаточно для Валерия, он сообщил об этом официанту по-русски и при этом показал ему два пальца, что означало двойную порцию.

— Дубль? — спросил официант и наполнил большую рюмку доверху.

— За успех Михаила Михалыча!

Валерий опустошил рюмку и закусил «белугой-малосоль» — так называлась здесь черная икра.

— Какое-нибудь бы русское блюдо или кавказское, — предложил он, косясь на дыню и вазу с грейпфрутами. — Как, Егор, насчет шашлычка?

Шашлык хоть приготовлен был и по-кавказски, но оказался с прослойками копченой ветчины; зато рябчики с брусничным вареньем были наславу.

После ужина Валерий поднялся на открытую палубу. Ночь стояла жаркая, южная. Он остановился у спасательной лодки. Через темносиний купол неба широкой матовой полосой тянулся Млечный путь, клочковатый, с причудливыми завитками и неравномерно разбросанными звездными скоплениями. Океан дышал

спокойно, светясь еле уловимым отраженным светом звезд.

— Любуетесь? — услышал Валерий правильную русскую речь.

Он обернулся. Двое мужчин, один средних лет, другой постарше, тучный, с полным, одутловатым лицом, стояли неподалеку от него.

— Хороша ночь, — ответил он не сразу.

— Господин Чкалов, что вам больше всего запомнилось в Америке? — спросил первый, приготовясь записывать ответ в блокнот.

— Тоска по родине, — коротко ответил Валерий.

— Вы остроумны, господин Чкалов. Но вы еще от меня не избавились. Мой компаньон... Вы простите, господин Чкалов, но, может быть, вы удовлетворите любопытство моего компаньона? — Мужчина средних лет кивнул головой в сторону другого. — Мой приятель — владелец шести металлургических заводов. Еще днем хотел он задать вам один вопрос, но он не говорит по-русски и поручил это мне. Вы богаты, господин Чкалов?

— Да, очень, — не задумываясь, ответил Валерий.

Тучный господин насторожился и приставил к уху ладонь.

— В какой же цифре, господин Чкалов, выражается ваше состояние?

— У меня сто семьдесят миллионов.

— Сто семьдесят миллионов! — воскликнул переводчик так громко, что Валерий даже чуть вздрогнул. — Чего? Рублей? Долларов?

— Сто семьдесят миллионов человек, которые работают на меня так же, как я работаю на них, — спокойно ответил Чкалов.

— Значит, вам не нужны деньги?

— Нет, нужны... Как не нужны!..

— Но вы ведь, господин Чкалов, едете в первом классе. Вы знаете, сколько это стоит?

— Знаю, — ответил Чкалов. — Страна приказала — и еду...

Переводчик улыбнулся, а его богатый компаньон, владелец нескольких американских заводов, разоча-

рованно вздохнул и, приподняв шляпу, вежливо откланялся, сказал по-английски:

— Простите за беспокойство.

Валерий слышал его удаляющиеся неторопливые шаги.

«А все-таки хорошо, что мы расстались с ней, с Америкой-то», — подумал он и стал зоркими глазами всматриваться в океанскую воду.

Вода у ватерлинии была черная, и по ней, не отставая от парохода, бежали дрожащие желтые полосы от освещенных иллюминаторов.

И опять так хорошо знакомое чувство полноты жизни, широкой, как этот темный океан, и неясная, беспокойная мечта о чем-то большом, что еще нужно совершить, охватили его. Что он сделал? Перелетел через полюс? Но это позади — это вчерашний день, и это уже не трогает воображения. Егор иногда подсмеивался над ним, когда он предлагал ему совершенно серьезно «податься к Южному полюсу». Чудак Егор... Никакой тут нет фантазии. Тут другая трудность встает на пути: скоро маршрутов на дальность не выберешь — земля мала становится для самолетов.

Он вспомнил разговор с американским миллионером о рублях и долларах. Рубли, доллары... Смешно было наблюдать, как разочаровался его ответом этот вежливый господин с одутловатым лицом. Нет, к деньгам Валерий всегда был равнодушен, хотя было время, когда и нуждался в них. Чего же ему нехватало? Славы, почестей? Ее и так было с избытком, этой славы, да, по правде сказать, он уже и устал порядком от этих любопытных американских взоров, обязательных улыбок и комплиментов. И сейчас, стоя в одиночестве у борта «Нормандии», он с удовольствием думал о том, как приедет в Василёво, как будет бродить с ружьем в заволжских лесах, разговаривая на заре с птицами или всецело отдаваясь своим мыслям о новом подвиге, который еще больше прославит родину. Конечно, предстоит большая борьба — сначала споры с Егором и Сашей, бессонные ночи, выкладки, цифры, сомнения, волнения жены, потом тревожные часы ожидания, разлука с семьей, неведомые края земного ша-

ра, бушующие океаны, леденящие ветры, борьба, схватка со стихией, — вот она, жизнь, и только такой она должна быть. Он улыбнулся, подумав, что слишком далеко зашел в своих мечтаниях: «Еще не вернулся в Москву, а уже собираюсь на Южный полюс». Но мечта казалась такой возможной, а желание «слетать» и вернуться победителем было так сильно, что он решил: иначе не может быть.

Мысли его перенеслись к семье. Месяц не видел он Ольгу и детей. А кажется, как давно они разлучились. Сколько нового увидел он за это время! Он ясно представил ее синие глубокие глаза: в них было столько тревоги в тот последний вечер, когда все вместе собрались в уютной столовой. Все окончилось хорошо, напрасны были ее волнения. Теперь он увидит ее из окна вагона. Она будет стоять на перроне московского вокзала, счастливая, улыбающаяся, в голубом платье, — обязательно в голубом, оно так к лицу ей. И в тот же вечер, если никто не помешает, он расскажет ей обо всем, что пережил за эти долгие дни, казавшиеся годом.

Посвежело, ветер усилился, «Нормандия» медленно кренилась в одну сторону и на некоторое время как бы застывала в наклонном положении.

«Ольге не понравилось бы», — подумал Валерий Павлович, вдыхая полной грудью ночную прохладу океана. И опять он увидел эти, с тревожным блеском, глаза и вдруг понял, что в темных зрачках их всегда светилась тревога. Он вспомнил: сколько огорчений, вольных и невольных, доставил он ей с того самого часа, как встретил ее впервые на клубной сцене в новогоднюю ночь. Нелегко им жилось вначале. Служебные дела не ладились, жили часто порознь: она то одна, то в семье своих родных; он то занимал угол в семье какого-нибудь товарища, то отсиживался на гауптвахте. Был короткий проблеск надежды на что-то лучшее — это совпало с рождением сына, он тогда еще писал ей из Брянска: «Ты дала мне то, чем я живу сейчас, и моя жизнь стала какой-то хорошей и дорогой... Сын — это связующее звено в нашей жизни. А ты — друг, товарищ, который не бросит меня в тяже-

лую минуту и рядом с которым я отдохну и морально и физически...» А потом опять пошли неприятности... Люди были равнодушны и далеки от того, к чему он стремился. Его прямолинейность, резкость в суждениях лишь усугубляли разлад, и только одной Ольге он мог излить свою душу. «Я не получаю повышения по службе, — делился он своими переживаниями в очередном письме. — Ты права, но ведь это зависит не от того, что я не могу работать, а от того, что я не могу делать так, чтобы это дело потом нельзя было никуда применить. Сегодня я должен был отправиться на гауптвахту, но внезапно приехало начальство и назначило мне явиться для объяснений к 15 ч. 30 м.» Да, нелегко жилось им тогда, и хорошо, что все это в прошлом.

Он отошел от борта и закурил, удивляясь тому, что эти мысли пришли ему сейчас, здесь, на палубе, в океане, на пути из Нью-Йорка в Гавр.

Он вспомнил, что еще с завтрака не переводил часовой стрелки. Ведь «Нормандия» шла на восток, переходя из одного часового пояса в другой. Он спустился к пароходным электрическим часам, — теперь стрелки переводились через каждые два часа на пять минут вперед, сверил время: оказалось, что его ручные часы уже порядком отстали.

«Ладно, — решил он про себя, — верти не верти, а пароход и без этого идет в Европу, и Москва приближается с каждой минутой».

В каюте он опять отдался течению своих мыслей.

Платяной шкаф, большое зеркало, настольные лампы, телефонная книжка около аппарата — все было так похоже на его спальню в московской квартире; только два иллюминатора с двойными стеклами напоминали, что он находится в Атлантическом океане. В нише, упакованная в ящик, стояла серебряная группа — подарок американских рабочих.

«Обязательно преподнесем Иосифу Виссарионовичу».

И с новой силой в его сознании возник образ того, кто начертал ему первый арктический маршрут и разрешил его продолжить.

Да, немало пришлось увидеть трем советским летчикам за последнее время, и сейчас невольно возникла потребность подвести итог своим впечатлениям. Видели они американскую технику, обслуживание с улыбкой, великолепие дворцов и набережных, величайшие мосты Сан-Франциско, длинные ленты автострад, пересекающих страну вдоль и поперек.

В Калифорнии за несколько дней до их приезда опьяняюще благоухали фруктовые сады. На плодоносной земле зеленели ряды сахарного салата, созревали винные ягоды, розоватые персики, груши и лиловые, как бы покрытые инеем сливы. Но вот, оказывается, надо, чтобы деревья в Америке перестали приносить плоды — иначе снизятся цены. Правительство платит фермерам за то, чтобы они не возделывали полей. Пусть будет меньше товаров, и тогда товар будет дороже. Надо, чтобы он был дороже — и поэтому жгите кофе и хлеб в пароходных топках, выбрасывайте картофель в реки, обливайте плоды керосином! Капиталистам нет дела до миллионов бедняков, гонимых нуждою из одного штата в другой. И с каждым годом армия париев американского социального порядка растет за счет новых сотен тысяч людей, выброшенных с заводов и полей.

Чкалов лежал на пружинной кровати, а картины недавно виденного — забастовки с кровопролитиями, проституирующие несовершеннолетние девушки-негритянки, хилые дети бедняков, играющие в грязных канавах, — длинной чередой проходили перед ним.

Доводилось Валерию разговаривать с американскими студентами. За любую работу берутся многие из них, только бы продолжать образование. Вечерами можно видеть, как они работают официантами или играют в джазе в ресторанах. Но всякий ли в силах выполнять одновременно две работы? И с годами молодой человек перестает мечтать о профессии врача, химика, технолога или естествоиспытателя. Горше же всего то, что Валерий встречал в Америке людей, утверждающих, будто высшее образование вообще ни к чему, что оно только мешает работать и отвлекает от настоящего дела — бизнеса.

Вот она, американская цивилизация, которая порождает людей, подходящих ко всему с точки зрения: «А какую я от этого выгоду получу?»

Для них выгода — главное; остальное — только приложение. Когда они спрашивают: «Что это за человек?» — значит интересуются: «Сколько у него денег?» Когда задают вопрос: «Счастлив ли он?» — имеют в виду: «Умеет ли он делать бизнес?»

«Да... — думал Чкалов, расправляя на морской комфортабельной койке свое сильное тело, расслабляя мышцы, давая им отдых, как это он любил иногда делать. — В Америке едва ли найдется хотя бы один миллионер, чья деятельность не была бы самым надежным образом переплетена с наиболее грозными статьями американского уголовного кодекса. Ведь сам всемогущий Морган, родоначальник сегодняшней династии «денежных королей», начал свою деятельность с поставок бракованных ружей для армии Соединенных Штатов».

Близко знавшие другого миллионера, одного из Вандербильдов, говорили про него, что он заработал свои миллиарды подозрительнейшим образом, но, впрочем, спорить с ним было бесполезно — он умел орать и ругаться грубее и громче, чем все его современники.

Валерий поднялся с кровати, открыл иллюминатор. Было далеко за полночь. Пассажиры «Нормандии» спали. Океан потемнел, и только далеко на горизонте светилась узкая полоска.

Он проснулся поздно. Отказавшись от первого завтрака, попросил стакан чаю с лимоном. Байдуков уже давно встал. Встретив Валерия в курительном салоне, он сообщил ему, что совершил прогулку в четыре километра, обойдя восемь раз вокруг теплохода по палубе.

— Капитан приглашает нас осмотреть оборудование «Нормандии», — добавил он.

Весь день ушел на осмотр теплохода. Летчики неутомимо бродили по коридорам, заходили в гостиные, театры и каждый час находили что-нибудь новое: то зал для танцев и игр, то типографию, то громадный

бассейн для плавания, радиостудию и специальное бюро, откуда можно послать радиограмму в любую часть света. Особенно интересно было им познакомиться с управлением «Нормандии». Они шли длинными коридорами, какими-то закоулками, спускались на лифте, сходили по винтовым и винтовым лестницам, пока не очутились в машинном отделении.

— За один рейс мы пожираем пять тысяч тонн нефти, — пояснил механик. — Если перевести на железнодорожные цистерны, то это составит двести вагонов.

— Когда-то я кочегаром плавал, — обратился Валерий Павлович к переводчику. — Между Нижним Новгородом и Астраханью. Знаете такие города?

Валерий Павлович посмотрел на часы. Пора было обедать.

Когда летчики вошли в ресторан, там было очень шумно. Официант подошел к столику Чкалова.

— Дубль водка?

— Саша, скажи ему по-французски, что не каждый день Чкалов выпивает.

За соседним столиком сидела прославленная Марлен Дитрих с дочерью и мужем. Одни из пассажиров, перешептываясь, поглядывали в сторону Чкалова. Другие — на кинозвезду. Восемнадцатилетняя дочь Марлен Дитрих оказалась напротив Валерия.

— Ты, Егор, говоришь — хлопотно переодеваться. Бери пример с дочки артистки. Я ее сегодня в десятом наряде вижу.

Он замолчал, съел сосредоточенно жаркое, отодвинул в сторону накрахмаленную салфетку, развернул ее, потом снова сложил.

— Вот что, ребята, — сказал он наконец. — Я вспомнил, как мы прошлой осенью гуляли по берегу Сены. Помните, ясный такой день был. Мы еще залюбовались Эйфелевой башней. И вот я ругаю себя, что не пролетел под нею...

Байдуков рассмеялся:

— Что это тебе в голову пришло? Размах крыльев не позволил бы. И не забудь: от радиостанции на

вершине башни идут вниз провода. Фантазер ты, Валерий.

— Чего хохочешь? Все можно предусмотреть. Я пролетел бы.

— Да тебе не разрешили бы.

— Это другое дело. А вполне возможно. Я бы смог...

После обеда прошли в салон. В глубине зала мужчины играли в бридж. Посредине салона Чкалов увидел разостланный ковер, на котором был нарисован круг, разделенный радиусами. Вскоре гарсоны принесли шесть деревянных лошадок. В зал входили пассажиры и покупали на любую лошадь билеты. Начались «бега».

На следующий день погода испортилась. Давящие тучи заволокли горизонт.

К обеду капитан пригласил за свой стол наиболее почетных гостей. После обеда, во время концерта, конферансье перечислил имена знаменитых пассажиров, едущих на «Нормандии». Первыми он назвал советских летчиков. Раздались аплодисменты; Чкалова и его друзей попросили выйти на середину зала, и они вновь занялись знакомым делом — писанием автографов. Марлен Дитрих также обратилась к Валерию с просьбой написать что-нибудь на память. Последними подошла к нему пожилая женщина с мальчиком. Он видел их в пионерском советском лагере, в округе Нью-Йорка.

— Кажется, Глебом звать вашего сына? — спросил он женщину.

— Да. Мы возвращаемся в Москву, — ответила она. — Мой сын так соскучился по родному языку. Мальчик просит вас написать на память.

— Ладно, Глеб. Когда будешь в Москве, приходи ко мне в гости. В шахматы играешь?

Мальчик покачал головой.

— Научим. Ну, давай напишу. На чем только писать-то?

— У меня ваша фотография есть, Валерий Павлович, — сказал мальчик, осмелев. — На карточке напишите.

— Отлично.

И он быстро написал размашистым почерком: «Будем друзьями, Глеб, и помни, только упорный труд, знание, настойчивость и любовь могут побороть все на своем пути. Учись, стремись к знаниям и будь всегда готов к любой борьбе за счастье отчизны».

В полночь Чкалов поднялся на верхнюю палубу. Ветер крепчал. «Нормандия» медленно кренилась. Стулья и стол в салонах катились к борту. Прислуга начала прикреплять мебель. На лестницах и в проходах протянули обшитые плюшем канаты. Население плавучей гостиницы как бы поредело. Пассажиры стали ходить неуверенно и неправильно.

Валерия не укачивало. Расставив ноги, он стоял на палубе, в носовой ее части. Он видел спины офицеров в белых кителях на командных местах.

Гигантский пароход клало на борт. Его стальной нос зарывался в пучину; как темные горы, громоздились кругом океанские волны. Валерий залюбовался ими. Буря, стихия захватили его.

«Хорошо! И скорее к родным берегам», — думал он, вбирая в легкие морской, влажный воздух.

— Хорошо! — повторял он вслух. — Какая силища!

Ему хотелось, чтобы шторм бушевал еще яростней; казалось, чем крепче будет налетать ветер, тем скорее покажется суша. А на суше он уже почти дома... Неужели близок этот день?

Он заторопился в каюту. «Закрою чемоданы, переложу кое-что». Хотя он отлично знал, что чемоданов в дороге не раскрывал и перекладывать нечего, но сейчас он не мог быть бездеятельным, ему хотелось придумать какую-нибудь работу, чтобы быстрее шло время.

Пьер еще не спал. Валерий встретился с ним в коридоре и подмигнул:

— Завтра в Гавре.

— О, Гавр! Жаннетта...

— Желаю весело провести отпуск, Пьер.

Общительный гарсон закивал головой и протянул

Валерию Павловичу жетон с выбитым на нем названием теплохода.

— Сувенир? — спросил Чкалов.

Пьер начал что-то объяснять. Из его длинной речи Валерий понял, что жетоны раздают пассажирам для того, чтобы не захватывали на память о путешествии ложки, ножи и другие предметы.

В это время теплоход подбросило, Чкалов, ухватившись за плюшевый канат, громко рассмеялся.

...Полдень 19 июля Чкалов встречал на «сан-деке» «Нормандии».

После вынужденной голодовки, вызванной вчерашней качкой, многие пассажиры торопились в ресторан. Палуба быстро пустела. Чкалов на легком ветерке сидел в шезлонге и смотрел на залитый солнцем океан. Вдали, в голубой дымке, еле угадывались берега Европы.

Из Гавра поезд доставил экипаж Чкалова в Париж. И опять начались приемы, митинги, автографы, речи, улыбки, вечера. Парижане то и дело подносили летчикам цветы; за Валерием неотступно следовали кинооператоры.

В залах «Ваграм» на митинге Чкалова познакомили с Вайяном Кутюрье, одним из руководителей французских коммунистов.

Тепло побеседовав, Валерий попрощался с Кутюрье, глубоко тронутый его мужеством и сердечностью.

— Какой страстный оратор! — сказал Чкалов. — Какая у него неумолимая логика — человека, твердо верящего в светлое будущее.

А вечером летчики посетили знакомые им еще по прошлому году павильоны Международной авиационной выставки, объехали ее на специальном автопоезде. На этот раз Чкалову особенно понравилась карта СССР, сделанная из топазов, аметистов, малахитов, сапфиров, изумрудов, кораллов и алмазов. Русские самоцветы изображали на карте горы, реки, поля, моря и города Советского Союза.

Как и в прошлом году, летчики долго не могли

оторвать глаз от электрических солнц, разноцветных огней и фейерверка, имитирующего на выставке водопад.

Весь следующий день ушел на осмотр Лувра. В старинном королевском дворце среди собраний древностей — египетских, ассиро-вавилонских, персидских, греко-римских, — произведений живописи, скульптуры и керамики, Валерий увидел подлинную картину Леонардо да Винчи «Джиоконда» и античную мраморную статую Венеры Милосской (IV век до нашей эры), найденную в 1820 году на острове Милоссе.

А потом опять началась «дипломатическая» работа. Пока Чкалов ею занимался, Байдуков и Беляков торопились познакомиться с французской техникой, слетали в Марсель.

— Домой, скорей домой! — такими словами встретил Валерий своих друзей после их возвращения. — Я уж без вас просил в полпредстве сократить официальную программу приемов и встреч.

Но, узнав, что представляется случай осмотреть места, где жил и работал Владимир Ильич Ленин, Чкалов решил задержаться в Париже еще на день.

Втроем, в сопровождении экскурсовода, поехали на рабочую окраину.

Вот комнатка в два окошечка на втором этаже. В доме жил старик-фотограф. Он помнил Владимира Ильича. Великий вождь снимал эту комнатку в 1910—1911 годах. Это был период, когда Ленин вел занятия в партийной школе в местечке Лонжюмо, в восемнадцати—двадцати километрах от Парижа.

Чкалов со своими спутниками поехал в Лонжюмо по той самой дороге, по которой когда-то ездил на велосипеде скромный человек, великий революционер и борец за счастье человечества — Ленин.

Показались домики с закрытыми от света и жары ставнями. Летчики подошли к одному из них, напоминавшему сарай. Владелец, француз с рукой, висящей как плеть, повел Чкалова и его друзей в помещение.

— Бывший фронтовик? — спросил Валерий.

Француз закивал головой:

— О да... Империалистическая война...

Чкалов посочувствовал инвалиду-французу.

— Мне было девятнадцать лет, когда в этом помещении, принадлежавшем моему покойному отцу, находилась партийная школа большевиков. Владимир Ильич приходил в школу с черного хода. Вероятно, так было удобнее. А вон, смотрите, там помещалось школьное общежитие, — добавил владелец мастерской, указывая здоровой рукой направо. — Стипендия курсантов была скромная. Прожить можно было только при строгой экономии.

Летчикам показали в переулке еще один домик. По скрипящим ступенькам они поднялись на мансарду, в которой несколько месяцев жил Ленин.

В Париж возвратились через район Орлеан. Проехали мимо ресторана, где в 1909 году происходило расширенное заседание редакции «Пролетария». Немного далее, на той же улице Орлеан, осмотрели дом, в нем когда-то помещалась типография. В ней печатались большевистские газеты. А за углом стоял дом, в котором сдавались помещения для семейных и групповых вечеров и происходили секретные партийные совещания...

А спустя сутки три друга уже сидели в купе норд-экспресса «Париж — Негорелое». Бежали километры, менялись пейзажи, таможенные и пограничные чиновники, язык...

В Берлин приехали рано утром. Для всего населения Германии их проезд был глубокой тайной. Фашистские газеты даже умолчали о самом факте перелета из СССР в Америку. На перрон берлинского вокзала вышли встречать человек пятнадцать сотрудников полпредства и торгпредства. Для того чтобы притти такой «толпой», понадобилось специальное разрешение полиции.

Поезд постоял семнадцать минут и тронулся дальше. Незаметно проехали Польшу. И снова наступила ночь.

И вдруг на темном небе показалась пограничная ажурная арка. Чкалов крикнул:

— Ура! Саша! Егор! Родная землица!

В вагон вошли советские пограничники.

— Пограничникам! — еще громче закричал Валерий и заключил сразу двух в свои объятия.

Яркий свет прожекторов ворвался в окно. Освещенные «юпитерами», в темном ночном воздухе колыхались толпы народа, тяжелые букеты цветов, сотни плакатов со словами приветствия славному экипажу N 0-25.

Толпа подхватила летчиков и вынесла их на трибуну, увитую зеленью.

— Мы твои сыновья, родина, и тебе, матери нашей, принадлежит честь наших достижений, — начал Валерий свою речь.

Он говорил долго и страстно.

Потом его повели к вагон-салону другого поезда, готового к отправлению. Он опять обнял пограничников, сказал на прощанье:

— Побольше ясных ночей желаю вам. Чтобы туманов было поменьше.

— Вы-то, товарищ Чкалов, хорошо знаете, что такое туманы, — ответил один из пограничников.

— И вы, и мы знаем... Да нам туман не страшен. А если сгустится, не сомневайтесь, мы вам кое-чем поможем.

Поплыли опять уснувшие леса. Побежали в ночную даль полустанки, красные и зеленые глаза семафоров. Исполненный особым чувством, которое знакомо всем возвращающимся на родину, Валерий не мог уснуть. Он то беседовал в вагонном салоне с журналистами, то на остановках выходил на переполненную людьми платформу и опять говорил речи. Чудесная бессонная ночь!

Наконец под утро он заснул, но всего лишь на десять минут: его разбудили звуки духового оркестра. Орша. Он вышел из вагона.

Пятнадцать тысяч железнодорожников вышли встречать поезд. В огромной толпе он увидел рабочего, который в прошлом году на острове Удд помогал ему строить площадку для взлета. Он крикнул:

— Сознев!

— Валерий Павлович!

Обменялись приветствиями. Железнодорожный график не позволил поговорить поподробней.

И опять замелькали телеграфные столбы, станции, полустанки. В раскрытые окна вагона врывался свежий запах колхозных полей, гремели встречные тяжеловесные поезда, вдоль полотна, выпуская из высоких кирпичных труб косы дыма, дышали заводы.

Вязьма. Можайск. Уже промчались подмосковные дачные платформы Баковка, Кунцево, Фили...

Валерий видел, как люди на платформе махали фуражками, платками, кидали в окна вагона цветы. Его сердце забилось учащенней, и с новой силой его охватило волнение.

Днем 24 июля 1937 года экспресс подошел к перрону московского вокзала. Тепло и радостно встречала Чкалова и его друзей Москва. Над привокзальной площадью неслись звуки «Интернационала».

После короткого митинга летчики сели со своими родными в автомобили, машины тронулись мимо домов, увитых гирляндами цветов, по улице Горького, переполненной москвичами, и направились к Боровицким воротам Кремля.

Взволнованный, подходил Чкалов к столу правительства. Сталин его обнял и расцеловал.

Гостей усадили за стол. Завязалась задушевная беседа. Взяв слово одним из первых, Валерий встал из-за стола и, обращаясь к присутствующим, сказал:

— Многое повидали мы в дни перелета, в дни нашего путешествия. Мы видели, как зарубежные рабочие относятся к нашей стране, с какой надеждой и упованием смотрят они на Советский Союз. Рабочие преподнесли нам серебряную скульптуру. Экипаж передает эту скульптуру как символ международной солидарности рабочих товарищу Сталину.

4

От поездки на Черное море, «курортное», как он его называл, Валерий наотрез отказался, а уехал вместе с семьей на Волгу, в Василёво. Его приезд сюда совпал с переименованием поселка в Чкаловск. На митинге Валерий Павлович говорил о счастье и свою взволнованную речь заключил словами:

— Успех нашего полета — это не случайность, не удача, а результат упорной работы, вдохновляемой Сталиным, его заботой, его вниманием, его отеческой любовью. Здесь, перед вами, земляки, я клянусь, что проложу со своими товарищами еще не один Сталинский маршрут. Если потребуется, я буду первым летчиком, который врежется во вражеские эскадрильи. Ни своей работой, ни своим поведением я не позволю себе оскорбить ваше доверие. Всю жизнь до последней капли крови я посвящаю родине. Всю жизнь до последнего вздоха отдам делу социализма.

И, как в прошлый год, после митинга на откосе, он пошел к отцовскому дому, и, как год назад, на веранде, в тени яблонь и лип, потекла долгая мирная беседа.

— Да, Валерий, трудно теперь даже передать, как мы переживали твой полет, — сказал Алексей Павлович, обращаясь к брату. — Веришь ли, работать не мог, из рук все валилось. Когда в полдень по радио

сообщили, что от вашего экипажа сведений не поступало, у меня сердце так и екнуло. А потом вдруг передают, что самолет пересекает Скалистые горы. Я обложился картами и давай высчитывать, на сколько часов вам хватит горючего. А вечером стало известно, что вы совершили посадку. Поехал я на завод, все меня поздравляют. Вот так, говорю, братец номер выкинул! Ты получил мою телеграмму в Ванкувере?

— Получил. Хорошо, Алексей, что ты меня по радио не вызывал. Помнишь, как в прошлое лето, когда с острова Удд в Москву мы возвращались? Прилетели в Омск, а ты меня по радио вызываешь. Ох, думаю, чорт этакий, спать охота, а тут разговаривай! И ругал же я тебя!

Пришли новые гости.

— Ты все молодеешь, крестный! — говорил Чкалов, обнимая Шапошникова.

— Живем неплохо, крестник, — ответил старик, протирая платком стекла очков и прищуренными глазами вглядываясь в лицо Валерия. — Рассказывай, как тебе жилось на чужбине.

— Потом, потом, крестный.

— Ну дай хоть посмотреть на тебя...

По ступенькам лестницы поднимался писатель Костылев.

— А, писатель, от души, от души рад... Ну, садись за стол. — И Чкалов так стиснул в своих объятиях гостя, что у того дух захватило.

— Как живешь, Валерий Павлович? — спросил гость.

— Прекрасней всех. Да ты погоди обо мне. Лучше вот что скажи мне: читал я твою книгу и давно хотел спросить тебя: как же ты допустил, чтобы бандиты убили твоего Рыбакова? А? Убили так легко, без боя? Да если бы на меня в лесу или на проселочной дороге напали бандиты... неужели бы я так быстро сдался? Уж двоих-троих-то я непременно бы уложил, а четвертый пускай меня бы убил... Чорт с ним! Так и быть!

Чкалов прошелся по веранде.

— Нет, троих-то, пожалуй, я бы не осилил, а двоих

обязательно. Ну, скажи по совести, как же это так тебе в голову не пришло?.. Дал бы ему револьвер или топор, — уж я не знаю что, — тебе видней. Показал бы борьбу. Все-таки он мужик. Разве он вышел у тебя настоящим человеком? Разве мы такие? Мы, русские!..

Ольга сидела молча, в стороне, ей было немножко грустно. Валерий, ласково глядя на нее, попросил:

— Лёлик, расскажи гостям, как ногу чуть не сломала.

Она улыбнулась.

— Из-за тебя, Валерий. Все ждала известий. Как только узнала, что вы приземлились, я от радости понеслась бегом домой, тут нога у меня подвернулась, насилу доползла, цепляясь за забор. Утром к врачу поехала, а он смеется: «Как же это вы оконфузились! Муж через Северный полюс перелетел и ног не переломал, а вы, можно сказать, на ровном месте...»

— Знаешь, Валерий, — перебила старшая сестра Анна, — когда от тебя долго не было известий, я не плакала. Я сидела и тряслась.

Появилась Наталья Георгиевна с полным блюдом пельменей. Чкалов захлопал от удовольствия в ладоши.

Выйдя вскоре в обширную деревянную кухню за следующей порцией и увидев вбитый в потолок огромный крюк, Чкалов невольно подумал: «Ну и строил же Павел Григорьевич! На веки вечные».

Вышедший вслед за ним Алексей угадал его мысли:

— Я четыре часа вбивал. Никак не идет, то вправо, то влево. Отец смотрит издали, ворчит: «И чему вас только учили, тоже инженеры». Взял молоток да так всадил, по всем правилам, что никакими клещами не вытянуть.

Братья решили завтра пройти на могилу отца.

Отец лежал на старом кладбище, на «панских» буграх. Когда-то считали, что Василёво не доберется сюда. Теперь разросшийся поселок уже подступал к «панским» буграм.

Братья миновали небольшой деревянный домик, Алексей слегка подтолкнул Валерия. Валерий хорошо помнил этот дом, тут когда-то жила его первая василёвская любовь, девушка Тая, которой он частенько таскал яблоки из отцовского сада — самые лучшие, апорт — по два фунта каждое. Много воды утекло с той поры. Да, он тогда увлекся не на шутку. А когда уезжал он из Василёва работать кочегаром на землечерпалке, долго стояли они вдвоем звездной голубой ночью на бугре над Волгой... После американских впечатлений отрадно было вызывать в памяти далекие василёвские дни.

Подошли к железной ограде с надписью:

«Здесь похоронен Павел Григорьевич Чкалов. Родился в 1862 году. Умер в 1931».

В прошлом году Валерий на маленьком учебном самолете делал мертвые петли над этой могилой. Тогда чуть ли не все василёвцы побросали работу, прибежали сюда и, не отрываясь, со страхом следили за ним. Под конец он спикировал на собравшихся и ушел в поднебесье. Так он, летчик и сын, по-своему отдавал высшую дань уважения человеку, на которого во многом походил.

Братья сели. Синие колокольчики, одуванчики и подорожник росли у могильных плит.

— Когда хоронили, — сказал Алексей, — весь котельный цех вышел его провожать.

Посидели здесь молча, думая каждый о своем. Вспоминалось то, что казалось давно забытым. Валерию было лет шесть, когда отец поучал его: «По проторенной дорожке и дурак поскачет. Ты сам протори, Аверьян. Лапти плести — много ума не надо. Ты вот из лыка резинку сделай».

Вспомнилась мать так отчетливо, как давно не вспоминалась. Случалось, отец накажет ребят, матери жалко станет, она им меду принесет. А Павел Григорьевич сдвинет брови: «Экая баловница, — скажет. — Испортишь ты медком у меня сыновей. В жизни-то никто их медком не покормит. И заскулят. Ты больше, Арина, стращай их».

«Оттого и мы такие угрюмые, — думал Алексей. —

Вот дочка растет, люблю ее, а показать не умею... У Валерия в этом отношении от матери перешло многое... Как-то соединились в нем такие разные начала...»

Валерий сидел на каменной плите, сбоку, в профиль, плотной грузной фигурой — вылитый отец. Алексею пришли в голову рассказы Павла Григорьевича о том, как на него в десятом году напали будто бы грабители: он ехал зимой в Кострому, и в тот же день должен был ехать туда доверенный купца Бугрова с большими деньгами. И вот в вагоне на Павла Григорьевича напали четверо, приняв его за бугровского доверенного. Павел Григорьевич сначала двоих схватил за шиворот и стукнул лбами, они тут же и повалились. А других двоих тоже за шиворот ухватил, да так и держал до самой станции. Они его по рукам били, он не отпускал; руки черные потом были у него, в синяках. Когда поезд подошел к станции, передал жандармам. Его там самого чуть не арестовали за то, что он заявил: «Сами вы тут жулики и жуликов возите».

Сидя рядом с Валерием, Алексей думал о том, как был бы доволен отец, увидев своего сына воплотившим лучшие его мечты. Отец часто говорил Валерию: «Ты у меня героем будешь».

Когда Павлу Григорьевичу нравился какой-нибудь знакомый большевик, он одобрительно о нем говорил: «Шибко партийный».

Алексей пожалел, что так мало приходится бывать с Валерием вместе. Он, как метеор, сначала слетал на Удд, потом через полюс в Америку, теперь мечтает о полете вокруг «шарика». Сюда, в Горький, приехал неожиданно, не предупредив родных. Алексей, как был в рабочем костюме на заводе, так и поехал на вокзальную площадь, к трибунам. Валерий, поздоровавшись, добродушно обругал: «Что же ты небритый?» — «Да только что в котел лазил». — «И Нюры, и Сони нет, — говорил тогда Валерий. — Народ встречает, знамена, плакаты, а своих нет...»

Когда возвращались с кладбища, солнце стояло в зените. На «панских» буграх пахло мятой и полынью.

— Вот она, родная травка. Где только я не побывал, Алексей, а все тянет к себе родная травка-то.

Братья шли знакомой тропой. Справа, вся в солнце, расстилалась серебристая степь.

Возле дома встретился нарядный Щипакин. Старик, сняв картуз, благодарил Валерия Павловича за мануфактуру, которую тот привез катунским рыбакам.

— Когда тонять будем, дед? — спросил весело Чкалов.

— Как леталось-то? — в свою очередь спросил старый рыбак.

— Идем, расскажу. — И Валерий, обняв старика, направился к саду.

Он любил рассказывать под отцовской яблоней, и всегда в таких случаях постепенно подходили и рассаживались вокруг него парни, старые бородатые лоцманы, водоливы, знавшие о приезде земляка еще задолго до того, когда катер показывался из-за острова; многочисленные родственники, друзья детства, василёвские румяные девушки и полногрудые, степенные женщины-односельчанки; а больше всего бывало загорелых, прибежавших с берега ребятишек, со светлыми, цвета спелой ржи, волосами, еще мокрыми после купанья. Так и сейчас, не успел Валерий начать свой рассказ, откуда ни возьмись вырос кружок слушателей, сбивалось плотное кольцо вокруг Валерия. Ребятишки протискивались вперед и усаживались на корточки, замирая от восторга и расширенными глазами уставившись в рот рассказчику.

В этот раз Валерий говорил долго, подробно вспоминая и самый полет, и некоторые эпизоды путешествия по Америке.

— Такие-то дела были, дед, — говорил он, обращаясь к рыбаку. — Мы с Егором и Сашей на следующий день после того, как сели на американском аэродроме, разгружаем самолет от всякого добра. Я, значит, ему, американскому солдату-то, который нашу машину охранял, плитку шоколада предлагаю: «Кушай», — говорю, а он не берет. «Вот так дисциплина!» — думаю. А оказывается, дело не в дисциплине. Он хотел, чтобы я ему на обертке автограф на-

писал на память. Так рукой и показывает: напиши, мол. Я расписался на этой самой обертке, — тогда взял он.

— Это как же, Валерий Павлович? Для чего ему роспись-то ваша на конфетке? — удивленно спросил рыбак, не совсем понимая рассказ Чкалова.

— Американцы у меня копейку покупали, — продолжал Валерий, произнося эту фразу нарочно медленно, чтобы подольше полюбоваться выражением лица рыбака.

— Какую копейку? Зачем покупали? — закричали наперебой ребятишки.

— Да обыкновенную нашу, советскую. Она у меня случайно в кармане завалялась, вместе со мной через полюс перелетела. Двести долларов за нее давали. Я не отдал. Она у меня и сейчас в кошельке лежит, позеленела только. Выходит, ребята, дорого стоит наша советская копеечка.

— И-н-т-е-ресно, — протянул старый рыбак. — Расскажи нам, Аверий Павлыч, еще про заграницы-то.

Чкалов лукаво ухмыльнулся.

— Вот случай был... В Америке на митинге подошла ко мне женщина, что-то говорит. Я не понимаю, спрашиваю через переводчика, чего хочет эта женщина. «Она хочет, чтобы вы погладили ее ребенка по голове». Я спрашиваю: «Зачем?» Она говорит: «Ваше счастье перейдет тогда на ребенка». Ну, я погладил...

— Чудно! — в один голос сказали слушатели. — Валерий Павлович, расскажите еще.

— Хватит, хватит...

— Еще, еще! — закричали ребятишки.

— Ну, ладно. Только больше не просите. Вот когда в Америке нас по городу возили — приятно и страшно. Впереди несутся пять мотоциклистов, запускают сирену, все пешеходы обязаны стать по бокам, всякое движение прекращается. Мы мчались со скоростью километров сто двадцать. А сажали нас не в кабину, а на «облучок», чтобы всем видно было. Когда вас везут таким манером, то на повороте получается, что вот-вот двинешься о забор. Я кричу:

«Ребята, держись друг за друга крепче! Сами не убились, так тут нас могут убить». Вот такая была встреча. Шумная встреча...

Чкалов вдруг поднялся с травы, отряхнулся — он увидел входившую в калитку восьмидесятилетнюю старуху, вдову багермейстера, которую он вчера поднимал на самолете. Несмотря на свой преклонный возраст, старуха бодро семенила мелкими шажками по садовой тропинке. Ее маленькие карие глазки быстро бегали, отыскивая в толпе Чкалова.

— Здравствуй, Дарья Акимовна! — крикнул он.

— Здравствуй, батюшка Валерий Павлыч, — старуха костлявыми легкими руками обняла Чкалова.

— Ну как дела, Акимовна, после вчерашнего полета?

— Много довольны тобой, батюшка наш Валерий Павлыч! Уж налеталась с тобой всласть. Я с тобой куда хошь полечу.

— А вокруг шарика полетишь, Акимовна?

— Полечу, батюшка, полечу.

Хотя пора было обедать, Чкалов отправился на аэродром и попросил приготовить самолет. Ему хотелось доставить землякам удовольствие—показать им с воздуха Волгу, леса, пашни и поселок. Толпа желающих покататься образовалась большая — сотни две.

— Всех не смогу, по одному только, — говорил Валерий, оглядывая собравшихся. Он остановил взгляд на плотном старике в синем картузе. Из-под картуза выбивались пегие, подстриженные под скобку волосы. Это был старый приятель покойного отца, когда-то он занимался извозным промыслом в Васильёве.

— С тебя и начну, Володя, — сказал Чкалов, обращаясь к старику и называя его уменьшительным именем, как его все без исключения звали в поселке, хотя Володе было далеко за семьдесят.

— Вот-вот, Аверьян Павлыч, ты уж меня свози на тучку. Помнишь, как я тебя, ребятенка, на лошади катал, в масленую, перед великим постом?

— Ладно, Володя. Ты меня на лошади возил, а я тебя — на самолете.

Он усадил его в кабину, привязал ремнями; старик

важно сидел, нахлобучив еще глубже картуз, и с любопытством рассматривал крылья и растяжки у биплана.

Оторвались от земли. Валерий, набрав высоту, покружился над взвозом.

— Хорошо? — спросил он, когда приземлились.

— Хорошо. Уж и одолжил ты мне, Аверьян Павлыч.

Чкалов покатал приятеля Васю Мошка, потом бакенщика Костьку-рыжего, его жену Агашу.

— Ну, теперь чей черед?

К самолету подошла молодая, широкоскулая женщина.

— Садитесь, — сказал Валерий. — Вы кто будете-то?

— Александра Ивановна Порозова, звеньевая льноводческого колхоза «Авангард». Я ведь твоя землячка. Тебе, Валерий Павлыч, парашют сделаю из своего льна.

— Делай, делай. Прыгать все равно не буду, — пошутил Чкалов. — Тебя как — повыше или пониже?

— Повыше, Валерий Павлович. Я слышала, — наши бабы говорят, — собираешься вокруг земного шара лететь? А я со своими товарками, знаешь, сколько льна собрала этим летом? Если его вытянуть в одну нитку, то она почти обовьет твой земной шар!

— Вот это здорово! — искренне восхитился Чкалов. — Я — ввысь. И ты, значит, туда же. Ну, держись! Летим!

Он катал льноводку дольше, чем других.

Порозовевшая, довольная полетом Порозова благодарила Чкалова, приглашала в гости.

— Вот тут, недалече от луга живу я, в Гумнище. Придешь, я тебе покажу, как мои девки лен в кульки связывают, по четыре килограмма. Такой нежный, серебристый он, чистый, пышный... А цветет-то как красиво! Ну, скажи, придешь?

Чкалов кивнул головой.

Между тем очередь на стартовой площадке увеличивалась. Блестела вечерняя роса, когда Валерий, подняв в воздух одного за другим с полсотни василёвцев, забастовал:

— На сегодня хватит. В следующий раз тяжелый

бомбовоз пригоню из Москвы, чтобы сразу по шестьдесят человек...

Полный месяц стоял над садом. Голубоватым светом были облиты тропинки, кусты смородины. Пахло липой. Чкалов постучался в комнату сестры Анны. Она уже много лет жила в Горьком, обзавелась семьей и хозяйством, но когда приезжала в родное село, по старой привычке занимала эту угловую комнату, где провела девичьи годы.

— Нюра, спишь? — тихо спросил он. И вдруг вспомнил, как стучался в эту же дверь грозовой ночью семнадцать лет назад, когда прощался с сестрой, уезжая из Василёва учиться на летчика. Он бросил взгляд на люк в полу, вблизи двери. Почти детское желание посмотреть, что делается там, в погребке, охватило его. Он приподнял половицу и заглянул вниз. Та же лестница... Те же кольца, ввернутые в черную дубовую плаху. Ему почудилось даже, что, в углу, где когда-то отец сваливал арбузы, стояла та же самая крынка, из которой в детстве пил он холодное густое молоко. Ах, эти арбузы!.. И он, и Алексей были большие охотники до них, и однажды ему здорово попало за это от отца. «Мать отметки на арбузах делает. Зачем таскаешь?» И отец было уже отправился за плеткой-двухвосткой, да раздумал, вернулся с полдороги и, посмотрев сурово в глаза сыну, вдруг почему-то шопотом сказал: «Экий баловник! Ты учись, да еще учись честным быть, своим трудом жить надо. Ты запомни, Аверьян: жареными не только куропатки, и воробьи в рот не летят».

Чкалов улыбнулся при этом воспоминании. Дверь открылась. Анна стояла на пороге.

— Не спишь, Нюра?

— Я книгу читала. Сборник о твоем полете в Америку. От самого тебя не добьешься толку.

— Все как-то некогда, сестра.

— Да, — ответила она задумчиво. — Я понимаю. Тебя и сейчас ждут на террасе. Какие-то новые гости приехали.

— Ждут? — рассеянно переспросил он, садясь на

кровать. — Да, Нюра, редко нам с тобой поговорить доводится.

— Валерий, хоть ты и жаловался днем под яблоней, что замучили вашу тройку автографами, — я хочу просить тебя: напиши на память на обложке, вот здесь, на книге.

— Давай, — весело согласился он. — В Москве-то этим делом я уж не так часто занимаюсь.

Он взял книгу в руки, задумался на несколько минут и быстро, одним росчерком, написал:

«Сестра! Как странно, — не так давно ты воспитывала меня. Был я озорной, непослушный, а теперь всему миру известный человек. Но помни, Нюра, слава меня не испортила и не испортит. Я тот же Волька, каким был и раньше, только более серьезный и уже немного пожилой человек. Сестра! Знай, трудно было нам лететь через полюс, но мы преодолели стихию. В этом твоя часть. Всегда в мыслях с тобой. Валерий Чкалов».

— Говоришь, гости приехали? — спросил он, размахивая книгой, чтобы скорее высохли чернила.

В эту минуту в дверях показалась Ольга. Он потащил ее в глубину сада. Хотелось сделать ей приятное: сесть там, за изгородью, на скамью, смотреть на Волгу, на огоньки бакенов, слушать тихие всплески воды и говорить, говорить, о чем она только пожелает: о полюсе, о вашингтонских банкетах, о Сиерра-Неваде, о негритянских джазах, о том, как он тосковал по родине, по семье и как собирался писать ей длинное письмо. Но слишком были сильны другие впечатления, василёвские, и они затемняли американские. И он, не будучи в силах побороть желание говорить именно о Василёве, все рассказывал ей и рассказывал об этом, крепко сжимая ее теплую тонкую руку. Они ходили по тропинкам, порой нагибаясь под ветки черемухи или сторонясь колючего репейника. И когда ее лицо попало в широкую полосу лунного света, он остановился на дорожке, еще крепче сжал руку жены:

— Какой ты у меня молодец, Лёлик! А глаза большие-большие...

На ней было голубое, в оборках, платье — то са-

моё, в котором она встречала его на перроне вокзала.

«Удивительно, — проносилось у него в голове. — Я думал об этом платье еще в океане!»

Он потянул ее вперед, и она, спотыкаясь, со смехом бежала за ним. Ему захотелось показать ей самые памятные с детства места. Вот галлерейка с кадушками... Вот крыша сарая... тут Валерий мальчиком играл в «пароход» и длинным шестом, брошенным за ветхостью каким-нибудь плотовщиком, «промерял глубины»... А вон в лунном дрожащем свете уходит в небо старая колокольня. С нее он прыгал, держа в руках огромный землемерный парусиновый зонт.

— Да так, Лёлик, трахнулся, что неделю сидеть не мог.

И он уже тянул ее с крыльца на запущенную дорогу, поросшую бурьяном, чтобы показать то место, где когда-то, в пасхальную ночь, забавлялся с ребятами фейерверком и чуть глаза не выжег, все ресницы опалил. Он показывал ей уголки, где особенно было сладко уплетать за обе щеки сусальные пряники, которые покупал на копейку, подаренную матерью. И Ольге казалось, что она здесь тоже бывала, ела пряники и что ее мать тоже дарила ей копейку. По ее лицу скользили круги лунного света, пробивавшегося сквозь частые ветви деревьев, и она, переполненная счастьем, сжимала широкую ладонь Валерия.

...

— Неужели он все катает их на самолете? — говорила недавно приехавшая из города гостья, обращаясь к сидящим за большим продолговатым столом на террасе.

— Вы кушайте пирожки: с пылу, с жару, — угощала Наталья Георгиевна.

— Не могу, милая, сыта.

— Вот еще новое дело! Да они горячие, вот возьмите румяный.

— Может, на остров поехал? — высказал предположение Шапошников.

— Вернее, что прилегли. Они намедни за столом все

смеялись и устали, — сказал Ипат, хлопая себя по щеке и убивая комара. — Вот, проклятые, одолели!

— Хорошо здесь у вас. Вы знаете, как я познакомилась с Валерием Павловичем? В Париже. В клубе советской колонии. Он на Международную авиационную выставку прилетал. Я как раз вешала на стену плакат с маршрутом его первого перелета — на остров Удд; вдруг Валерий Павлович появляется — мы и не ждали его — и спрашивает: «Тебя как звать?» — «Мария». — «Так вот что, Машенька, на плакате много неточностей». Обнял он меня за плечи, подвел к стенду и начал подробно рассказывать о маршруте. И все повторял: «Главное, Москву выделите... Чтобы Москва была видна поярче». Знаете, от всего того, что он рассказал нам тогда, и от этого обращения на «ты» и от «Машеньки», повеяло таким теплом...

— Душа у них открытая, без перегородок, — заметил Ипат, протягивая хозяйке пустую чашку.

— Тебе еще, Ипат? — спросила Наталья Георгиевна.

— Ежели дозволите. Душа меру знает.

Ипат неторопливо налил чай в блюдце, подул, положил на язык маленький кусочек сахара и долго шевелил губами.

По тропинке шагал Валерий под руку с Ольгой.

— Машенька? Какими судьбами залетела в наши края?

Он крепко пожал ей руку.

— Знакомься, Лёлик. По случаю встречи, по рюмочке бы, Машенька, а? Давно ли из Парижа? Как нашла-то нас, рассказывай.

— Ехала на пароходе из Костромы, узнала, что вы здесь, думаю: не сделать ли остановку? Очень вас видеть хотелось.

Почти до рассвета сидели все на террасе.

— А помните, Валерий Павлович, как вы говорили про Париж: «Ну и город — негде щей покушать! В воскресенье к тебе нагрянем, Машенька, щи свари!» И с каким аппетитом вы их уничтожали!..

— Да, ты мастерица готовить их. Ну, и мы тебя тут угостим... А в самом деле, друзья, не попробовать ли

сейчас щей? Да и вы-то хороши! Все без меня пообедали. А про меня так и забыли. Мать, как у тебя там, в печке, осталось что-нибудь?

— Есть, Валерушка, вчерашние, суточные, самые что ни на есть настоящие, русские... Да ведь и забыли-то, Валерушка, на радостях. Все в доме кругом идет... Сейчас я, сейчас, и как же это я, старая, не углядела? — И Наталья Георгиевна захлопотала, забегала, несмотря на то, что сквозь густые верхушки лип уже просачивался бледный рассвет и день у нее за плечами был не из легких. Все она хотела сделать сама для такого дорогого гостя.

...Утром долго не удавалось разбудить Валерия.

— Вот с ним всегда так, — говорил Алексей, стоя у изголовья брата. — Бывало, в Ленинграде, когда он еще холостым был, квартирная хозяйка толкает его, толкает, — ни в какую. Наконец обдаст из ведра холодной водой, он вскочит, изругается: «Какая ты к чорту хозяйка! Съеду!» А потом спросит: «Сколько времени-то?» — «Четыре утра». — «Брр... Что же ты меня, Калистратовна, раньше не разбудила?» Оденется и побежит на аэродром.

— Дай ему поспать, Алексей, — вступилась сестра Софья.

Но Валерий уже потягивался во сне.

Между тем у дома собиралась толпа. Одни приехали из Катунок и Пучежа приглашать Чкалова в гости. Другие лелеяли план провести с ним день на острове. Тетке Устинье нехватало семидесяти пяти рублей на корову, она надеялась, что Чкалов ей поможет и тоже ждала вместе с другими, когда он проснется. У калитки сидел Ипат с березовым веником. Старик побывал в бане и предупредил истопника, что «Аверий Павлыч придут сегодня париться».

Но вышло не так, как все гадали. Чкалов, встав, спустился по тропинке на берег, искупался, потом позавтракал и уехал в Лысково, где должен был выступать среди колхозников. И вот, когда он вернулся в Василёво, то узнал: в клубе собралось очень много народа. Валерий после заката отправился в клуб. Он шел медленно, мимо хлебных амбаров, мимо домов

с кирпичными крылечками и резными петушками на окнах, и каждый столбик, каждая скамеечка и березка вызывали новые и новые воспоминания юности. Наконец он остановился у каменного одноэтажного здания и постарался незаметно проскользнуть в сумерках — через черный, узкий вход — за кулисы клубной сцены.

Спустя несколько минут Валерий стоял, освещенный огнями рампы, и рассказывал о полете. Продолговатый низкий зал был битком набит рабочими затона, водоливами, матросами, лоцманами, бакенщиками, пришедшими с женами и детьми. В последних рядах сидели на деревянных скамьях пожилые женщины в ситцевых платочках. В зале стояла тишина. Валерий говорил взволнованно:

— Как нас встретила Москва после возвращения из Америки — передать не могу, дорогие земляки. Скажу только, Иосиф Виссарионович так охарактеризовал наш полет: «Вы, наверное, и сами-то не знаете, что наделали».

Он замолчал и продолжал уже более спокойно:

— Самое приятное — это чувство возвращения на родину. Как я мечтал об этом, когда разгуливал по палубе «Нормандии» в океане! Я думал об этом радостном дне и на банкетах, и во сне, и посреди улиц Нью-Йорка. Волга, Москва, отчизна, родина для меня никогда не были, знаете, какими-то такими отвлеченными понятиями. Я люблю людей моей родины, люблю ее сады, ее реки... Какие у нас бывают рассветы и закаты!.. Вот я опять среди вас у себя дома. А каких-нибудь полтора месяца назад мы с Егором и Сашей побывали в местах, где еще не ступала нога человека. Что вам рассказать про то, как мы летели?.. Вначале машину вел я. За штурвалом хотелось курить. У меня про запас трубочный табачок был—капитанский. Егор шутил, что название подходящее: потому, дескать, что плавание нам предстояло весьма дальнее. Затянулся я этим капитанским табачком, сижу себе спокойно за рулем, вдруг Беляков кричит: «Масло откуда-то бьет!»

Смотрю — весь пол залит. Что такое стряслось?

Лопнуло где-нибудь? Что делать? Неужели возвращаться?.. Кричу Егору: «Откачивай!» Саша стащил Егора за ногу с мешка из собачьих шкур. Егор еще недавно довольно сладко похрапывал, а тут мигом проснулся, первый попавшийся мешок — финкой на тряпки, протер места, где сочилось масло. К счастью, оно текло из дренажа. Ну, думаю, это полбеды! «Досыпай! — говорю Егору. — Через час меня сменишь». Впереди много всего. Нужно сохранять силы.

В девять утра я, как полагается, прилег. Не спалось, конечно. Пилотировал теперь Егор. Он мне потом рассказывал, что ему сразу не понравилось, как вела себя машина: она сильно валилась влево, все время приходилось держать равновесие элеронами. А от этого знаете как устанешь — и руки и ноги немеют. Ну вот. Шли мы так: сверху и снизу два сплошных слоя облаков, которые каждую минуту могут сомкнуться. Об этом Егор хорошо написал в своей корреспонденции: будто не летишь, а падаешь в глубокое ущелье и где-то внизу узенькое дно. Все мы боялись, очень боялись обледенения. Это конец всему. И вот тут вдруг я слышу, как Егор истошным голосом вопит: «Давай скорей давление на антиобледенитель!» — «Сейчас!» — ору в ответ изо всех сил, поняв, что мы обледеневаем. Мгновенно спускаюсь с бака (это наша постель) и качаю насосом. Ох, товарищи, эти минуты дорого стоят... Егор — молодец! Еще час, и машина или рассыплется, или сядет из-за перегрузки на землю. И он решился: дал полный газ, — и мы начали набирать высоту. Вскоре посветлело. А еще через некоторое время открылось чистое небо. Да... Саша — это Беляков — как сидел над своим штурманским столиком, так и заснул, едва только опасность миновала. Губы у него посинели, и вокруг них морщины выступили. Отлично это помню. В это время мы были в полете уже тринадцать часов и летели над Баренцовым морем. Если посмотреть в наш бортовой журнал, — Валерий бережно раскрыл книгу в красивом красном переплете, — что вы здесь прочтете? Колонки цифр да скупые фразы, написанные мелким почерком: «Не работает масломер. Ис-

правили», «Немного закусили», «Немного перистых облаков», «Немного подбалтывает», «Впереди ясно», «Жаль, что нет фотоаппарата». Или: «Идем... вверх, чорт его знает, какого слоя облачность», «Как шапкой накрывает». Малозначащие слова. Ничего они не говорят вам. А уж если подробно о нашем полете, то нужно рассказать, какие мы трюки — как акробаты в цирке, или как клоуны — проделывали, когда нам с Егором приходилось меняться местами; а еще — как хлынула у меня носом кровь — нехватало воздуха; и как в третий, четвертый, пятый раз начинали обледеневать: видим, крылья как будто белилами помазаны. А это — уже ледяная корка. До полутора сантиметров доходит, а это, знаете, груз какой! И лед-то нарастает! Еще немного, и вместо самолета — глыба льда. А как вы думаете, куда эта глыба полетит: вперед или кверху?.. А нам сдаваться нельзя. Только вперед!.. Выбрались... Это как в сказке говорится: скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается... Подошли к Земле Франца Иосифа. Ну, эту картину описать — надо быть писателем. Величественное зрелище. Но нам наблюдать за красотой, надо сказать, здорово мешало управление самолетом. Мы держали курс через Северный полюс к полюсу неприступности: району, который еще до сих пор обозначают на картах белым пятном...

И вот вскоре я составил радиограмму на имя товарища Сталина и попросил Белякова передать ее: «Полюс позади, — сообщали мы. — Идем над полюсом неприступности. Полны желанием выполнить Ваше задание. Экипаж чувствует себя хорошо. Привет». Между тем циклон опять обступал нас со всех сторон, можно сказать, развернутым фронтом. Стекло пилотской кабины опять начало обледеневать и все быстрее. А тут вдруг из мотора брызнуло, и мы почувствовали запах спирта...

«Нож, скорее нож!» — крикнул Егор. Я сунул ему финку, и он стал срубать лед, дотягивался из боковых окошек. Во льду образовался глазок, и стало видно, что вода из расширительного бачка вся ушла. Байдуков стал качать насосом — ни черта! Вода не засасы-

вается. Трубопровод замерз. Тут у меня мурашки по спине побежали. Что делать? Сейчас все замерзнет, мотор откажет. Катастрофа! «Воды! Воды! Иначе сожжем мотор!» — кричит Егор. Легко сказать. Я — к запасному баку. Лед... К питьевой, которая в резиновом мешке. Лед... Тогда Беляков разрезал мешок и продолбил ледяную корку — там еще оказалось немного воды. Вылили ее в бак. В термосах чай с лимоном. Сливаем туда же! И вот постепенно трубопровод обогрелся... Мы снова полезли на высоту, но, забравшись до пяти тысяч метров, пошли опять вниз из-за начавшегося обледенения... Да, земляки, три часа мы потеряли на этом деле: с циклоном схватились. Но теперь уже зато светило солнце, дышалось легко... Тут уже можно было и в окошко посмотреть, полюбоваться. Да и то — как сказать. Саша и Егор проголодались. Они принялись за обе щеки уплетать промерзшие яблоки и апельсины: отогреют немного на отоплении — и в работу. Я отказался от пищи и потуже набил трубку...

Чкалов замолчал. В зале стало еще тише. Внезапно Валерий Павлович раскинул широко руки и, напряженно всматриваясь в глубь зала поверх голов сидящих, воскликнул:

— Тетка Дарья, голубушка ты моя, родная! Ты как сюда попала? Да поди сюда, милая, дай я тебя расцелую!

Все обернулись назад, отыскивая глазами тетку Дарью и с любопытством ожидая, что будет дальше. Но Чкалов уже шагал по узкому проходу между скамьями, приговаривая:

— Погоди, погоди, милая, я сам к тебе подойду.

Он обнял и поцеловал пожилую женщину и, не переставая любоваться ее лицом с кроткими светлыми глазами, сказал:

— Тетка Дарья, как я рад... Помнишь, ты в нашей василёвской школе работала истопницей, а я, мальчишка, дрова у тебя таскал!

Все засмеялись, но Чкалов даже не улыбнулся. И вдруг он вспомнил, что тетка Дарья помешала ему до-

кончить рассказ. Взволнованный и несколько смущенный, он зашагал опять к сцене.

— Простите, не виделись-то с каких пор... — и, разводя руками, точно собирая растерянные мысли, продолжал: — Прошли над мысом Пирс-Пойнт. Много мы потеряли времени, горючего и еще больше физических сил в борьбе с циклонами, но мы летели первыми, и история нас не осудит. Верно об этом писал Егор Байдуков. Или уж про историю это я добавил: для красоты?.. Ну вот. Летим мы и летим. И опять встречаем задачу: перебираться через цепи Скалистых гор и итти прямо на юг, до крупнейшего канадского порта на Тихом океане — Ванкувера — и дальше, до Сиэттля, или же итти в обход горных кряжей, на запад, и все опять из-за циклона. В горах циклон еще во много раз опаснее. Я решил, что ничего не придумаешь другого, надо сворачивать резко вправо, и Егор повел самолет к Тихому океану...

Летели мы уже третьи сутки. На большой высоте приходилось часто глотать кислород. Помню, Егор побледнел, вытянулся весь и, освободившись от штурвала, сразу бросился к кислородной маске. Вот высота уже шесть тысяч метров. Дышать еще труднее. Я чувствую на губе что-то подозрительно теплое. Вытер. На пальцах — кровь. Еще несколько секунд — и кровь хлынула носом. Сердце колет. Пульс, наверно, сто сорок. Надеваю маску — сразу полегчало. А тут новая беда—Беляков пишет мне записку: кислород кончился. Час он работал еще без кислорода. Потом — смотрю: ползет к Байдукову на четвереньках. И тут же он так и опустился на масляный бак...

Когда Чкалов кончил рассказывать, в зале долго не было слышно ни звука. Мужчины сидели, сосредоточенно задумавшись. Женщины глядели широко раскрытыми глазами на сцену, хотя Валерия там уже не было. Потом все вдруг поднялись со скамей, шумно задвигались, многие направились к дверям, но там столпились катунские, приехавшие послушать Чкалова. Они не могли проникнуть в клуб из-за тесноты и теперь, окружив Валерия Павловича, просили его повторить рассказ.

— Спать пора! — шутя отбивался он.

— Ты нам, Валерий Павлович, можешь покороче, больно уж охота тебя послушать.

Пожимая тянувшиеся к нему со всех сторон руки, похлопывая кое-кого из старых знакомых по широким плечам, Чкалов вышел из толпы. Большинство катунских рыбаков было одето по-праздничному, в чистые ситцевые рубахи.

Девочка-пионерка догнала его, когда он поднимался по взвозу, оживленно о чем-то беседуя с братом Алексеем. При ненадежном свете покачивающегося на углу фонаря он разглядел ее. Девочка протягивала ему букет полевых цветов.

— Валерий Павлович, это вам...

Помолчав немного, она продолжала, уже более смело.

— Когда я вырасту, я хочу быть такой, как вы, товарищ Чкалов.

Он взял букет, погладил девочку по голове:

— Как зовут-то?

— Надей.

— Хорошее имя. Как учишься, Наденька?

— Ничего учусь. Мама не ругает.

— А правду говоришь?

— Да спросите маму.

— Верю. Молодец! Ну, а как ведешь себя? Озоруешь? Балуешься?

— Что вы, Валерий Павлович! Поведение у меня тоже «на отлично».

— Ну, значит, ты совсем молодец! Я здесь у вас, в василёвской школе тоже учился. Учился-то хорошо, а вот поведение было нехорошее — больше тройки никогда не имел.

Он потрепал девочку по голове, сказал на прощанье:

— Заходи ко мне, Наденька, вареньем из ежевики угощу, — и зашагал к своему дому.

Чкалов не зашел в комнату, отправился в сад, сел на скамейку. Кто-то окликнул его — он не ответил, даже не повернул головы. С реки неслась протяжная песня — не слушал, хотя в другое время даже рассердился бы, если бы кто-нибудь помешал ему слушать

любимую песню. Так он сидел долго, видимо, чем-то взволнованный. К нему подошел Алексей. Валерий поднялся со скамьи и, взяв брата под руку, проговорил очень тихо:

— Послушай, Алексей... Какое большое слово она сказала!

Алексей удивленно посмотрел на брата:

— Кто? Какое слово?

— Да девочка та, помнишь? Быть такой, как Чкалов! И кто же это говорит? Ребенок. Ты думаешь, легко это слушать?..

Они с Алексеем спустились по дорожке к берегу. На воде лежали лунные блики. Чкалов взобрался на узенькие новые мостки. Светлую августовскую ночь разорвал пароходный гудок, назойливый и призывный, а через минуту из-за баржи показался буксир, толстобокий, неуклюжий. При луне Валерий хорошо разглядел столпившихся на громоздкой корме людей — капитана, матросов, женщин, ребятишек, — и прочитал надпись на борту: «Валерий Чкалов».

Буксир снова протяжно загудел.

— Чего на-до? — громко крикнул Чкалов, и его голос далеко разнесся над темной водой.

— На тебя желаем поглядеть! — ответил за всех капитан.

— А-а-а-а! — и Чкалов захохотал.

— Вот тебе и «а-а-а!..» — дружески прогрохотал капитан ему в ответ.

— Ну, поглядите и плывите дальше. Вот он, весь я! Скорей глядите и валяйте работать, черти!

Медленно проплывал пароход, а он долго еще, стоя на мостках, любовался волжской ночью.

Вернувшись в Москву, Чкалов долгое время не мог заняться любимым делом — испытанием самолетов. Наконец гости в его доме стали появляться реже. Валерий Павлович перестал стесняться и уходил на аэродром, оставляя приезжих земляков на попечение жены. Летал он попрежнему на истребителях, объясняя свою привязанность к ним тем, что на них очень

остро ощущаешь полет. Ему нравились точеные и хищные формы «ястребка», какая-то особенная подобранность и сжатость всех его частей. Да и сам Чкалов во время работы становился более подтянутым, строгим — товарищи не замечали в нем прежних размашистых движений, пропало ребяческое балагурство, и широкая улыбка на его лице сменилась напряженным сосредоточенным выражением. Он прилагал все усилия к тому, чтобы испытываемые им самолеты были неуловимыми в воздухе — увертливыми и быстрыми.

Но стоило ему очутиться в кругу семьи или друзей, и он опять был все тем же неуемным в своем веселье Валерием.

— Ух, душно у вас! — с такими словами входил он в свою квартиру и распахивал оконную раму. — Заперлись, как заговорщики. Жизни не видите! Душить вас надо!

И он крепко обнимал старшую сестру Анну, приехавшую к брату погостить.

— Да ну тебя, Волька, — отбивалась Анна. — Всем голову заморочил!

Валерий подхватывал Анну на руки и бросал ее на диван.

— Летать надо, если брат летает, — смеялся он заразительно и громко.

Казалось, не все силы истратил он за день, чего-то еще не сделал, — и он спешил то в театральный клуб, то на художественную выставку или часами играл с маленькой Лерочкой. Что тогда делалось в их квартире! Он заставлял Ольгу изображать бабушку, сам превращался в деда и, размахивая суковатой палкой, скакал по комнате и пел:

Чики, чики, чалочки,
Едет дед на палочке,
Бабушка в тележке
Щелкает орешки.

Когда за окном лил дождь, Валерий сажал дочь на плечи, и оба они, приникнув к стеклу, напевали:

Дождик, дождик — пуще!
Дам тебе гущи,

Поливай весь день
На наш ячмень.

Но вдруг из-за тучи показывалось солнце.

— Солнышко, папа, солнышко! — хлопая в ладоши, кричала девочка, и Валерий подхватывал:

Солнышко, солнышко,
Выкатись на бревнышко,
Сделай тепло,
Всем светло.

— Папа, еще! — требовала девочка, разрумянившаяся от восторга. И Чкалов пел любимую, русскую, ту, что всегда, еще с детства, хранил в своей памяти:

Радуга-дуга,
Унеси меня в луга,
Не тем концом,
Золотым кольцом.

На подоконнике стояла клетка с зеленым попугаем. Лерочка требовала объяснений, почему у него короткий и толстый язык и почему голос у него резкий — точно каркает или лает. И Валерий терпеливо объяснял.

Потом вдруг, посреди игры или шутливого разговора, становился серьезным, вспоминая о завтрашнем полете, и уже не видел никого вокруг себя, курил папиросу за папиросой. Иногда брал за руку Ольгу и садился с ней на кожаный диван. Они сидели долго и молча. Он первым нарушал тягостное для нее молчание.

— Да, Лёлик, хорошо мы сегодня повеселились.

Она чувствовала, что он говорит не то, о чем думает. Она не допытывалась, помня старый уговор.

Звонок в прихожей прерывал их беседу.

— Гости... — ужасалась она. — Я скажу, тебя дома нет.

Он махал руками:

— Что ты! Что ты! Зови, приглашай, время не позднее.

И через минуту тянул какого-нибудь приятеля за рукав в столовую и, с шумом раздвигая стулья, усаживал за стол.

Он любил привести кого-нибудь из гостей в детскую, постоять у кроваток.

— Что случится — пусть инвалидом буду, только бы голова осталась. Я бы смотрел, как дети мои растут, — говорил он.

А утром он опять появлялся на аэродроме; в перерыве между полетами иногда любовался четко отработанными фигурами, которые проделывали молодые пилоты. Когда покидал летное поле, обращался к своему механику:

— Некоторые старые летчики завидуют, что молодежь частенько летает лучше стариков. Вот у меня этой зависти нет. Кто-то из стариков намедни говорил: стыдно, мол, обидно. Не стыдиться, а радоваться надо: заимствовать у молодых, что можно... Они же, дьяволы, глазастые. Все увидят, подсмотрят. А нам уж иногда надо и за ними подсматривать.

Любил Валерий ходить по заводским цехам и ангарам и вести разговор один-на-один с машинами:

— Нет, не то. На земле ты нарядна, а в воздухе ведешь себя средне.

Он шел в глубь цеха — озабоченный, скупой на похвалу, требовательный, жесткий, придирчивый, — шел мимо машин, как их укротитель и судья. Вдруг лицо его теплело, он замедлял шаг, останавливался перед почти игрушечной моделью истребителя и ласково, как любимого коня, поглаживал короткую плоскость.

— Хороша... Эта с будущим. А будущее — скорость. Скорость! Скорость!

«Машина — это победа. А побеждать можно только на самых скоростных», — думал он, выходя на летное поле, то глядя себе под ноги, то иногда поднимая голову, чтобы посмотреть, кто из друзей идет на посадку.

Однажды он уехал из Москвы испытывать новый самолет. Жители города видели, как над самым мостом и крышами домов с невероятной быстротой пронеслась красная машина. Пешеходы останавливались и шептали:

— Чкалов прокатил...

Тем временем Валерий несся уже над перелеском. Вдруг машина закачалась, сама нырнула вниз, взметнулась вверх. «Рвутся цилиндры мотора, — мелькнуло в голове Чкалова; — неужели так глупо?» Страшная мысль оборвалась: «Нет, невозможно». И он, задрав нос машины, бросил ее на частый кустарник. Через несколько секунд Чкалов, еле поднявшись на ноги, шатаясь, вылезал из-под обломков. Рукой он держал затылок, из которого сочилась кровь. Он оглянулся. В воздухе кружились свежие листья, над разодранным в клочья «ястребком» густой пеленой висела пыль.

Валерий долго не решался возвращаться в Москву: рана заживала медленно, не хотелось, чтобы жена видела его с повязкой на голове. Но, в конце концов, желание поскорее быть в семье взяло верх, он сел в поезд и утром стоял перед дверью своей квартиры. Открыла Ольга. Она сначала испугалась. Он тотчас же, еще не входя в прихожую, успокоил ее, она улыбнулась, но улыбка вышла неестественная. Однако Ольга поборола в себе тревогу и, еще раз улыбнувшись, тихо сказала:

— Ты как в чалме...

— Совсем сценка из «Чайки», — весело заметил он. — Помнишь?

Два дня Чкалова навещал доктор. Валерий досадовал на него, что он не разрешает пойти в баню. В пользу медицинских процедур он верил меньше и был, как старый Ипат, глубоко убежден, что «баня все поправит». В особо серьезных случаях надо было лишь выпить после бани несколько рюмок водки, настоенной на подсолнухах.

Но постепенно жизнь вошла в прежнюю колею.

Валерий продолжал испытывать боевые самолеты.

Давно уже прошли минуты тревог и волнений перед первым полетом. Его машина послушно летала над ангарами, так же послушно уходила в высокое, звонкое небо, покачиваясь с крыла на крыло. Где прежние лихие развороты? Куда девался чкаловский задор? Что он, Валерий, стал предпочитать маленький крен

и движение по плавной кривой головокружительным фигурам? Нет! Валерий остался тем же виртуозом, но сегодня он испытатель, отгадчик неизведанного, взыскательный исследователь-художник. А завтра... завтра он на этой уже разгаданной машине загнет от земли такой иммельман, что и у стартера, и у конструкторов, и у механиков дух захватит.

— До чего же хороша с высоты наша земля, — говорил он во время ужина, сидя за семейным столом.— Леса, пашни, рвы, овраги, строения на фоне пестрой скатерти. Вот уж сколько летаю, а все что-то новое каждый раз открывается мне.

Уличный шум затихал. Гудки автомобилей раздавались реже, и в тишине засыпающего города было что-то торжественное, напоминающее о бесконечном.

Но Валерию не хотелось спать. Приходил запоздалый гость. Чкалов включал радиолу, звуки «Сентиментального вальса» Чайковского наполняли комнату.

— Вот точно такой же вальс я проделаю на самолете в воздухе, — говорил он серьезно гостю. — И вас повезу, чтобы вы проверили.

И вдруг уединялся в свой кабинет, начинал перелистывать страницы заграничного авиационного журнала. Появлялся опять на пороге столовой, недовольный, хмурый, и обращался к гостю:

— Американцы показали новую скорость, сейчас прочел в журнале. Красивый журнал, на меловой бумаге отпечатан. А летать быстрее всех все же будем мы. И можем! — добавлял он с упорством. — Будет у нас такой самолет. И никакая меловая бумага им не поможет.

Снова лились звуки нежного вальса. Чкалов любил и хорошо понимал музыку великого русского композитора.

Увлеченный разговорами гость смотрел на ручные часы, удивлялся позднему времени, просил извинения и прощался с хозяином.

А тот, после его ухода, вновь возвращался к прерванной мысли: «А теперь мне, как летчику, надо за-

крепнять достигнутое. Наше дело — движение. Всегда движение».

Сто семьдесят миллионов, которыми так гордился Валерий Павлович, в свою очередь ценили его.

Вскоре в жизни Валерия Павловича произошло величайшей важности событие. Трудящиеся Горьковской области и Чувашской республики выдвинули кандидатуру Чкалова в депутаты Верховного Совета Союза ССР.

В морозные декабрьские дни он объезжал районы Горьковской области и Чувашии и выступал перед избирателями. Всюду встречали его тысячи колхозников. Приходили из отдаленных деревень, отшагав за ночь десятки километров. На пронизывающем ветру стоял на трибуне Валерий с непокрытой головой. Густой пар шел у него изо рта.

Находившиеся рядом с ним советовали:

— Валерий Павлович, наденьте фуражку, простудитесь.

Он сердито отвечал:

— Как вы можете так говорить? Я же с народом— понимаете, с народом! — разговариваю.

А мороз все крепчал. Чкалов уже охрип, но он не собирался прерывать поездку. По замерзшей дороге, переваливаясь с бугра на бугор, медленно двигался его автомобиль. В утренних сумерках показалась деревня Пыщуг.

— Говоришь, редко кто приезжает сюда из города? — обратился Валерий к шоферу. — Народ-то здесь, наверное, ядреный, к земле близко живет.

Остановились около избы.

— Зайдем погреться, — предложил Чкалов.

У завалинки женщина в овчинном тулупе огребала лопатой снег. Из заиндевелого окна выглядывала девочка-подросток.

— Мамаша, можно погреться? — спросил Чкалов.

— Заходите, миленькие. Чаем угощу.

Женщина воткнула лопату в сугроб и побежала на

крыльцо. Горячий воздух охватил Чкалова, когда он шагнул в горницу. Хозяйка крикнула:

— Парашка, раздувай самовар!

Девочка скрылась в кухню, а хозяйка захлопотала, усаживая проезжих на большую деревянную лавку.

— Замерзли, миленькие. Далеко ли путь держите?

— По делам выборов, хозяюшка, — сказал Валерий Павлович. — За кого голосовать-то будете?

— Ай, миленькие, сразу видно, вы нездешние. У нас ведь Чкалов выбираться будет. Слыхали про такого? Любезный и бесстрашный человек, говорят. Такой из себя представительный, высокий, весь в орденах. Летал на самый край земли...

Валерий не выдержал, улыбнулся:

— Слышал о таком... Только, говорят, не так уж он высок.

В горницу вошла девочка. Пристально вглядываясь в лицо Валерия, она спросила:

— А вы не Чкалов? Уж больно похожи на его портреты, что в газетах печатают.

— Как говорят, от народа не скроешься, — рассмеялся Валерий. — Буду у вас доклад делать.

— Ай, миленькие, радость-то какая! — и хозяйка засуетилась пуще прежнего. — Неужто ты Чкалов? Нет, уж теперь я вас так быстро не выпущу, чайку отведайте, пускай в деревне все знают, что Чкалов у меня чай пил.

...Валерий Павлович стал депутатом Верховного Совета, и у него началась как бы вторая, новая жизнь. Он переписывался с избирателями, принимал их в своей квартире; нередко, возвратившись с аэродрома, садился ночью в поезд, а утром ходил по заволжским полям, щупая колос пшеницы, или осматривал птицеферму. Его интересовали все мелочи жизни Горьковской области. Приезжая в город или в село, он шел в магазин, в парикмахерскую, в артель, в больницу, в цех, в школу, в библиотеку, в радиоузел.

— Давайте любое поручение, и я выполню, — говорил он.

Свободные дни он предпочитал проводить в Васильёве.

Тогда оживал старый дом над Волгой. Наталья Георгиевна доставала из буфета банки с вареньем, блюда с пирожками и заливной рыбой. В большой комнате появлялись гости, на столе — медный самовар. Окна и двери распахивались. Все — и люди, и вещи — принимало праздничный вид. Наталья Георгиевна угощала и приговаривала:

— Ах, Воля, когда ты у нас бываешь, все ходуном ходит, посуда, и та вся поет...

Погостив несколько дней, Чкалов уезжал в Москву.

На дорогу Наталья Георгиевна упаковывала корзину яблок. Валерий недовольно сказал:

— Да куда ты столько?

— Бери, Волюшка, небось из своего сада.

Она провожала его на пристань. Он вдруг вспоминал:

— А команде парохода ничего не принесла? Как же это так? Беги, мама, скорей домой, принеси «белого налива».

Наталья Георгиевна возвращалась с полной корзинкой. Пароход давал отвальный гудок.

— Ну, Волюшка, прощай! Всколыхнулось мое море. Теперь опять одна...

— В Москву приезжай!

Она долго стояла на пристани, вглядываясь в темную даль. Наконец мачтовый огонек пропадал за островом, и Наталья Георгиевна, поднимаясь по взвозу, тихо брела к дому.

...Как-то приехал Валерий, по старой привычке обошел знакомых, подарил внуку Дарьи Акимовны изящный перочинный ножичек, добавив:

— Береги, этот ножик всегда летал со мной.

Из соседних домов сбежались знакомые, пришел баянист. Валерий Павлович подхватил Дарью Акимовну и закружился с ней по комнате.

— Воленька, отпусти, мыслимо ли так вертеться? Тебе-то ничего, а из меня, старой, кости посыплются.

Валерий посадил старуху на стул.

— Никогда я, бабушка, не допущу, чтобы ты уби-

лась. Ну, а теперь выпей рюмочку сладенького за мое здоровье.

Акимовна закачала головой.

— Воленька, не стану я пить.

— Любить тебя тогда не буду.

Старуха выпила рюмочку, вытерла губы ладонью, ее маленькие глаза заблестели. Чкалов остался очень доволен.

— Какая ты, бабушка, стала хорошенькая, румяная. Расскажи что-нибудь нам.

— Когда тебя из Америки поджидали, изо всех палисадников цветов нарвали, — сказала Акимовна. — «Дорогие бабы, говорю, пойдем в дом Павла Григорьевича, по всем комнатам цветы разбросаем и попляшем». Человек сто набралось. Всем любопытно и весело.

— Вот видишь, бабушка, без меня плясала, а со мной не хочешь.

— Ай, и неверно! — воскликнула старуха и, выйдя на середину комнаты, захлопала в ладоши. — А ну, кто подтянет?

И Акимовна, притопывая ногой, запела звонким, почти девичьим голосом:

Как у барских у ворот
Девки водят хоровод,
Барыня, барыня,
Барыня, сударыня!
Аль барыня угорела,
Много сахару поела,
По печи елозила,
Ножки обморозила.

Чкалов смеялся от души.

— Вот это тетка Дарья!

— Да ведь она у нас первая красавица, первая певунья в селе была, — вздохнул дед Ипат.

Посидев еще немного, Чкалов простился с хозяевами, зашел в другую избу. На пороге столкнулся с молодой женщиной.

— Здравствуй, Саша! — крикнул он и, не дожидаясь ответа на приветствие, поднял ее высоко, к по-

толку. — Как перышко, легкая. Надо поправляться, на курорт ехать.

— Средств нехватает.

Он похлопал женщину по плечу:

— Погоди, Саша, поможем.

Ему не терпелось посмотреть на Волгу, и он поспешил в отцовский дом, взбежал на верхний балкон, крытый тем самым листом судового железа, который когда-то они с братом Алексеем притащили на плечах с пристани. Приложив ко лбу щитком ладонь, он долго любовался рекой и синеющими просторами.

— Ой, как хорошо, мама! Что за роскошь! — крикнул он.

Из сада донесся голос Натальи Георгиевны:

— Ты, Воля, как маленький!

Но он уже не слушал ее, а вглядывался в берег, где рыбаки укладывали в просмоленную черную лодку невод. Вскоре рыбаки сели за весла и поплыли к Покровской горе. Он пешком отправился к ним вдоль берега.

Темнело. Когда Чкалов приблизился к глиняному обрывистому берегу Покровской горы, рыбаки уже тянули первую тоню. Фонарь на корме лодки отбрасывал в воду узкий луч. Луч дрожал, порой становился неподвижным и тогда походил на длинное острие копья. Рыбаки в штанах, завернутых до колен, перебирали руками мокрую сеть. Они проделывали это сосредоточенно, не торопясь, в полном молчании, точно совершали торжественный обряд. Щипакин, несмотря на густые сумерки, заметил стоявшего на обрыве Чкалова и замахал руками. Валерий крикнул:

— Здорово, староста!

Он знал, что ловля обычно оканчивалась костром, варкой ухи в трехведерном котле, потом Щипакин опрокинет стаканчик «крепкой», вытрет усы, закусит зеленым пером лука, раздаст каждому по тарелке и деревянной ложке; после ухи его будут просить спеть, и староста, сидя на влажном песке, снимет картуз и запоет, «глядя по сезону»: летом «Березоньку», осенью «Не осенний мелкий дождичек».

Одновременно Чкалов вспомнил, как еще в детстве вертелся на маленькой лодчонке около щипакинской бударки и садка, полного стерлядей и лещей. Щипакин был тогда мужчина в соку, статный, с пушистыми усами, рыбу меньше пяти вершков выбрасывал обратно в реку, и Валерий ловил ее на лету; если иной раз улов его был мал, то просил Шипакина: «Дядя Александр, прибавь еще, не выходит уха-то». И Щипакин никогда не отказывал.

Пока рыбаки сортировали рыбу, Чкалов наломал сучьев, вывоpотил несколько старых коряг и раздул большой костер. Валерий любил смотреть на пламя. И сейчас он любовался рыжими языками костра, склонив голову и вдыхая запах испарений от мокрого песка, тины, рыбачьих лодок и прокопопаченных барж.

Где-то на пароходе, огибавшем Васильевский остров, отбили склянки, звук явственно донесся до берега, и вместе с последним ударом колокола к костру подошли рыбаки.

Уха вышла наславу. Чкалову выбрали лучший кусок стерлядки. Он ел с аппетитом.

Звук склянок вызвал воспоминание о недавнем путешествии на «Нормандии», когда, согласно этикету, приходилось три раза в день менять костюмы. Валерий сдвинул брови при этом воспоминании.

— О чем призадумался, земляк? — спросил Щипакин.

— Вольно себя чувствую здесь, друзья.

— Ты пошире грудь-то расстегни, — посоветовал старый рыбак. — Ночка теплая.

— Да, это, брат, тебе не американский смокинг, — улыбнулся Валерий. — Знаешь, что это за штука? Это стоячий воротник, здорово подпирает, отвороты шелковые блестят, туфли лакированные, грудь накрахмаленная, наклонился — она гужом. Сидишь за столом, так, что не согнуться. Как истукан, сидишь.

Он помолчал и добавил:

— Хорошо здесь у вас.

— А ты почаще к нам приезжай, — отозвался кто-то из рыбаков.

— Не выходит, друзья. Испытать одну машинку поручили мне.

— Не довольно испытывать-то? Пусть другие испытывают, кто помоложе. Ты теперь, Валерий Павлович, нужен на другие дела.

— Эка хватил: другие! — с обидой произнес Чкалов. — А мы что ж, бычки, что ли, домашние? Привязали нас к стойлу — мы и жуем?

Он начал говорить о скоростях, которых добиваются советские летчики... В темноте дрожали красные точки дымящих цыгарок; они то пропадали, то свет от них вспыхивал снова и бегал по загорелым, грубым лицам рыбаков.

— Неужто, Валерий Павлович, сядешь в Горьком в самолет, а через два часа — на Черном море? Хоть бы внуку моему дожить до этих дней... — заметил Щипакин.

— Эх, дед, — горячо перебил Чкалов, — как орлы, будем летать.

Он помолчал немного и повторил:

— Вольно. Как птицы!..

Валерий заговорил о заветных своих планах; никогда рыбаки не видели его таким красноречивым и возбужденным.

— К тому дело идет. Растем, крепнем. Давай рассудим, дед: север облетан. Полюс завоеван. Коккинаки с Бряндинским из Москвы к Владивостоку как шарахнули! За сутки ведь! Понимаешь, в чем тут дело? Врагам нашего Союза какая острастка! А Алексеев? А Павел Головин? Слыхал, дед, о таких? Сто восемьдесят четыре человека зазимовали на судах во льду, вот эти ребята и переправляли их в жилые места. А лететь — знаешь, какая даль? Да надо льдами. Да погода-то там, на Севере, знаешь какая?.. А Серов? Анатолий Серов!.. Вот это, дед, истребитель!..

— Ваш ученик, говорят? — спросил один из местных знатоков летного дела.

— Да не в этом суть. Это, брат, такой орел, такие «пятерные» бочки выделывает в воздухе. С «пером» летает. Что говорить, золотая голова... Его не только

люди, его и машины любят. Враги только недолюбливают.

Светало, когда он, попрощавшись, сел в лодку и один поплыл к Телешному острову. Розовые лучи играли в светлой воде, лес на левом берегу также окрасился в розовое; Валерий встал, огляделся, ему захотелось погрести стоя. Но кругом лежала такая тишина, что, взмахнув веслами, он не донес их до воды и так и замер с прижатыми к груди кулаками, точно движением своего тела боялся спугнуть покой реки.

Чкалов попрежнему мечтал совершить полет «вокруг шарика». При встречах с Байдуковым и Беляковым это было у него любимой темой разговоров. Однажды они решили написать письмо Иосифу Виссарионовичу.

«Мы помним Ваше обещание, — писали они, — разрешить нам перелет в 1939 году за пределы СССР. До 1939 года осталось времени не так уж много и поэтому мы решились Вас просить конкретно о следующем:

1) Построить самолет с дальностью 15—20 тысяч километров, с дизельным мотором и рабочей высотностью машины 8—10 тысяч метров.

2) Разрешить подготовку к перелету, как только самолет будет готов, начиная с его испытания.

3) Дать установку наркому Оборонной промышленности о всех мероприятиях, связанных с указанной просьбой (постройка нескольких экземпляров машин и дизелей и ускоренное их испытание с нашим участием).

Очень просим удовлетворить нашу просьбу.

Экипаж: летчик В. Чкалов, летчик Г. Байдуков, штурман А. Беляков».

Тем временем три летчицы-подруги, Валентина Гризодубова, Полина Осипенко и Марина Раскова, готовились совершить на самолете «Родина» прыжок из Москвы на Дальний Восток. Валерий Павлович интересовался предстоящим полетом и принимал живейшее участие в его подготовке.

Появляясь на аэродроме, он следил, как Гризодубова отрывала машину:

— Хорошо... — тихо ворчал про себя.

Он знал по собственному опыту, как трудно взлететь на тяжело нагруженной машине. Иногда шутил:

— Давайте, девушки, я вам сделаю взлет, а потом спрыгну. Вы дальше одни полетите. Хоть ни разу не прыгал, но для такого случая придется.

Когда взлет получался хуже, Чкалов вслед уходящей в небо машине грозил указательным пальцем.

— Тренируйся на одном моторе, — убеждал он Гризодубову. — Представь, один сдаст, нужно уметь летать на другом. На одном машина обязательно будет заворачивать, приучайся справляться.

Чкалов принимал близко к сердцу подготовку этого перелета, словно лететь предстояло ему самому. Он любил делиться с молодыми летчицами богатым опытом своей испытательной работы; часами рассказывал он им о полете в Америку.

— Напрасно вы, друзья, деликатничаете, — говорил он, когда кто-либо из инженеров отказывался в короткий срок смонтировать приборы.

Однажды он даже стукнул кулаком по столу, пристыдил инженеров:

— Нужно сделать! И вы-то хороши, — обратился к летчицам, — миндальничаете. Вы не просите, а требуйте. Смелости побольше!

Но Чкалов быстро «отходил» и через несколько минут шагал из ангара к самолету, широко улыбался и, дружески обнимая своих подшефных, виновато оправдывался:

— Не подумайте, девчата, что я только все ругаю. Я вас от души люблю и добра желаю. Поймите, перелет — не личное ваше дело, а всего народа. Раз уж вы согласились, что я ваш шеф, будьте добры слушаться.

В квартире у Чкаловых часто собирались летчики. В этот насыщенный летными событиями год особенно часто заходил разговор о дальнейших планах, об успехах и неудачах товарищей по работе.

Тяжелое впечатление произвела на Валерия Павловича трагедия экипажа Леваневского. Напряженно следил весь летный мир, весь советский народ за розысками. Правительство Советского Союза предоставило неограниченные материальные возможности для организации поисков пропавшего экипажа, посылало на поиски большое число самых различных самолетов, к предполагаемому месту аварии шел ледокол «Красин», радисты непрерывно искали в эфире позывные «РЛ», правительством СССР были финансированы полеты американских летчиков, вызвавшихся искать героев.

Когда ясно стало, что дальнейшие поиски безрезультатны, Валерий Павлович с грустью сказал о Леваневском: «Сложил Сигизмунд свою смелую голову...»

Телефонные звонки, почтальоны, школьники, представители разного рода учреждений попрежнему донимали Валерия Павловича. Одним хотелось заручиться его согласием приехать и рассказать о своей летной деятельности, другие обращались к нему с жалобами, третьи с просьбами. Чкалов отказать никому не мог, хотя времени на все положительно нехватало.

И в Васильёве стоило появиться на улице или на берегу, как его окружали жители поселка со своими нуждами и вопросами.

Однажды, приехав домой, Чкалов узнал, что у матери гостит младшая сестра Софья. Было поздно, сестра уже спала. Он заглянул в спальню; в этой комнате он когда-то играл с Софьей. Игры иногда заканчивались дракой.

«Надо напомнить ей», — подумал он. Он раскрыл чемодан, вынул сборник, посвященный перелету через Северный полюс; тихо, боясь разбудить сестру, прошел через комнату, сел на табурет возле изголовья и написал на первой странице:

«Милая Сонечка! Вспомни, как бывало мы с тобой дрались. У тебя трещали волосы, у меня — уши. Дарю тебе эту книгу, как память о нашем перелете. Твой брат, драчун Волька».

Он положил книгу под подушку и вышел из комнаты.

В столовой стелила постель Наталья Георгиевна.

— Не надо, мама. Я буду спать в твоей комнате.

— Ох, Волюшка, ты у меня прошлый раз всю пружинную сетку продавил. Спи лучше здесь.

— Мама, уступи мне. Тоскливо одному.

— Какой упрямый! Ладно, только уж не сердись, я под сетку ящик подставлю.

Наталья Георгиевна легла. Валерий долго ворочался на своей кровати, не спалось ему. В углу перед старинным образом мерцала лампадка. На комоде тикали часы.

— Мама, спишь? — тихо спросил Валерий.

— Вот полуночник! — отозвалась с другого конца комнаты Наталья Георгиевна.

Он повернулся на бок.

— Мама, праздник завтра?

— Праздник.

— Какой?

— Всем святым, — ответила Наталья Георгиевна, чтобы только отвязаться.

Он помолчал немного.

— А сколько было их всех?

— Сорок мучеников. Спи, Волюшка.

— Сорок мучеников? А кто из них был самый старший?

— Николай-угодник.

— Знаю такого.

Наталья Георгиевна приподнялась с постели.

— Воля, если тебя беспокоит лампадка, я погашу ее.

— Нет, не гаси. Не ты у меня, я у тебя в гостях.

Наталья Георгиевна не ответила. Валерий продолжал лежать с открытыми глазами, прислушиваясь, как в лампадке потрескивал фитиль.

— Ох, и жирной же ухой ты угощала меня сегодня! Не добавляла чего-нибудь?

— Ты не архиерей какой-нибудь, чтобы добавлять в уху телятину.

— Хороша! Эх, эту бы рыбку да в Кремль. Не я буду, если не доставлю живую на самолете.

— Когда ты уснешь, полуночник!

— Молчу, сплю...

Но как он ни старался уснуть, сон не приходил. Валерий сел на кровати, нащупывая ногой туфли, и закурил.

— Мама, я тебе вот о чем хочу сказать: люби летчиков. Случись, приедут без меня, угощай яблоками да говори, что из нашего сада.

— Люблю я их, Воля.

— Люби больше. Народ-то какой, мама!

В углу зашелестело, потом что-то шлепнулось об пол. Толстомордый рыжий кот, потряхивая пушистыми бакенбардами, с виноватым видом крался вдоль стены к двери.

— Ой, как ты раскормила своего котофеича. Ну и здоров, чорт!

— Воленька, такой у нас хозяин важный, а кот худым будет? Что люди подумают?

Валерий опять прилег и неожиданно заговорил о сыне:

— Вот подрастет Игорь, пошлю его на пароход кочегаром. Пусть испробует тяжелый труд.

— Вижу, не уснешь ты сегодня, Воля. Признавайся, о чем думаешь-то?

— На-днях новую машину испытывать буду. Сначала ее погоняю по земле, потом подниму на метр, потом еще выше, пожму, помучаю ее...

— А я думала — сразу в воздух.

— Нет, так не делается, мама.

И Валерий погрузился в свои мысли. В саду щебетали птицы, когда он, зарывшись головой в подушку, уснул здоровым, крепким сном.

Чкалов вместе со всей страной радовался, когда узнал, что перелет «Родины» окончился благополучно. В дни возвращения экипажа в Москву он телеграфировал на Дальний Восток:

«Горячо приветствую наших летчиц Валентину Гризодубову, Полину Осипенко и Марину Раскову, возвращающихся с победой в Москву. Желаю славным подругам новых успехов в борьбе за авиационное первенство нашей родины. Комбриг В. Чкалов».

Валерий Павлович был счастлив вдвойне: собственные его испытательные полеты тоже прошли благополучно.

Чкалов готовился к испытанию следующей машины. Вместе с тем он все чаще задумывался о новом большом перелете. Это были даже не мечты, а подробный, точно разработанный план полета вокруг «шарика» и в Австралию.

— А потом через Южный полюс. Так, Егор? — говорил он Байдукову.

— Уж очень просто ты стал смотреть на земной шар, — отвечал Байдуков.

Чкалов начинал сердиться:

— Ну, не мы, так еще кто, это дела не меняет. Тут другая загадка, Егор: скоро маршрутов на дальность не выберешь, — земля мала становится для техники.

И пускался развивать мысль о будущем авиации, о стратопланах, несущихся в стратосфере с тысячекилометровой скоростью...

— А ты, Егор, разве не мечтаешь о таком полете? Чтобы как ураган махнуть? Не верю. Мечтаешь. Ты же летчик. — Валерий пытливо глядел в лицо друга.

— Тебе отдохнуть надо, Валерий.

— И тебе не мешает, Байдук. Знаешь что? Пригласим Сашу, поедем втроем в мое Василёво. Такую охоту закачу! Ну, не раздумывай. По рукам?

— Саша сейчас не может...

— Ну вот, ты всегда найдешь предлог отказаться. Придется одному. А не ехать не могу. Тянет на Волгу. Хоть денек побывать.

И спустя неделю Чкалов опять уехал по «старейшему маршруту» — так он называл путь от Москвы до Чкаловска. В этот раз ему удалось пожить там только сутки. Но и за это короткое время он успел многое

сделать: навестил старых приятелей, наметил место для постройки Дворца культуры, побывал на рыбалке, устранил кое-какие неполадки в сельском совете, записал просьбы земляков.

Часа за два до отъезда Валерия из Чкаловска погода резко изменилась. По широкой улице ветер погнал пыль, она катилась большими клубами по дороге, взвиваясь над заборами, колодцами и домами. И сразу после жары подуло холодком. Где-то с силой хлопнула калитка, в знакомом саду две яблони пригнуло вихрем до самой земли, листья затрепетали.

Валерий шел, не торопясь, к обрыву. Упали первые капли дождя ему на шею, он пошире расстегнул воротник и удвоил шаги. Вспоминались почти позабытые картинки далекого детства: как бурей сорвало железную вывеску с лавки купца-крупчатника и чуть не убило проходившего мимо старика... Сколько тогда об этом говорили в Васильёве!

Не часты бури на Волге, и Валерий знал, что сейчас с обрыва увидит он бурю во всей ее силе и красоте.

Широкая Волга открывалась оттуда — вся серая, беспокойная, как бы расчесанная частой волной. Белые барашки катились на коренной, накатываясь друг на друга и в ярости разбегаясь. Потом вдруг закипела вода, ветер погнал возросшую во много раз волну к берегу, и казалось — она еще на середине реки разнесет в щепки промасленную лодочку старика-водолива.

Тяжелое небо нависло над островами. Из заволжских лесов ползла черная туча. Зигзагом прочертила небо молния, ее неестественно яркая вспышка на мгновенье разорвала тучу. И вот Волгу задернуло почти непроницаемой сеткой дождя, безудержно хлынувшего в разбушевавшуюся реку.

Пахнущий водой воздух, свежий, вихревой, пьянящий, доставлял наслаждение Чкалову. Белая рубашка его вымокла под дождем насквозь, вода стекала ручейками. Валерий обернулся.

По скользкой тропинке к Валерию бежал кто-то, накинув на голову пальто.

Это был старый Ипат.

— Аверий Павлыч, пойдемте скорей. Просушиться вам надо, переодеться.

Ударил раскатистый гром. Чкалов с досадой отмахнулся от деда:

— Погоди...

— Все мои тони посрывает, Аверий Павлыч, Волга-матушка. Вот так ее только по-настоящему и увидишь.

Но Чкалов уже не слушал Ипата. Стоя на обрыве, он любовался пенящейся рекой и разговаривал с нею.

— Вот оно, вот оно... Давай, давай, матушка! — раздавался его голос в дожде, окутывавшем волжские дали непроницаемой мглой. — Ого-го-го!

Старый волгарь и сам, шмыгая носом от удовольствия и собирая с бороды в пригоршни дождевую воду, не мог оторвать дальнозорких глаз от «родной матушки», как про себя любил называть Волгу.

Утлая лодчонка, прыгая с волны на волну, пробиралась к берегу. Ветер упал...

Чкалов, отказавшись надеть резиновое пальто, вместе с Ипатом направился к дому.

Наступила осень. В Москве выпал ранний снег, но скоро растаял.

Каждое утро Чкалов спешил на аэродром, на завод, где зарождались новые машины, где металл скреплялся в сложнейшие конструкции.

Он то забирался в цехи и присматривался к работе клепальщиков; то подолгу сидел в чертежной конструктора, помогая разместить оборудование в тесной кабине скоростного истребителя; то ходил по летному полю среди поджарых и словно состоящих из одних только мускулов самолетов, ходил, щурясь, искоса оглядывая небо, прислушивался к рокоту моторов в вышине, — и иногда, недовольный звуком работающих моторов, говорил как бы самому себе: «Мало, мало... еще не те скорости».

А вечерами он или сумерничал, лежа на диване, или обсуждал с друзьями международные события, с каждым днем все больше и больше обогащаясь теплым

чувством любви к своему народу и верой в его будущее.

Попрежнему его любимым занятием в часы досуга были игры с маленькой Лерочкой. Теперь он изображал не деда с клюкой, а летчика во время полета в тумане.

— Смотри, дочка, как я в Америку летал!

Он садился верхом на стул, закрывался с головой простыней и, переваливаясь с боку на бок на импровизированном пилотском сиденье, кричал:

— Туман! Ничего не видно! Егор, беда! Обледеневаем в тумане! Падаем на землю!

Он так искусно представлял, что девочке начинало казаться, что отец вот-вот сейчас разобьется, и она в испуге сдергивала с него простыню.

Тогда он начинал смеяться, целовал без конца Лерочку, и оба, довольные, шли в столовую, где их ждал ужин.

Чтение книг, посещение театров и выставок, споры с писателями, артистами, художниками — все это наполняло жизнь.

Собралось как-то много друзей в его квартире, когда он, веселый, шумный, возвратился из бани.

— Ты что-то прихрамываешь, — сказала подруга жены Клавдия.

В парильне поскользнулся, — сказал Валерий.

— Ну, уж это, значит, столько пару поддал, что ничего кругом видно не было, — сказал Байдуков.

— Как полагается, по-русски, — ответил Чкалов. — Мы там с Левкой, моим компаньоном, дел натворили...

Валерий улыбнулся.

— Намылился я, гляжу, на полке́, наверху, какой-то черный сидит. Я говорю: «Левка, поддай пару». Ну, мой дружок, конечно, и постарался. Смотрю, черный человек ниже спускается, а я все выше лезу. «Еще,— кричу, — поддай»! Славно попарился, «по-канальски», как сказал бы мой покойный отец. Уже одевался я, когда банщик мне и говорит: «Валерий Павлович, а вы знаете, кого вы выгнали из парной-то? Турецкого посла!» М-да...

И в семье Чкаловых с приходом хозяина начиналось веселье. Как и всегда, он не отпускал гостей до позднего часа: развлекал их музыкой, пел волжские песни.

Нередко вспоминались две тысячи рукопожатий по американскому церемониалу, выполненных чкаловской тройкой на приеме в советском полпредстве. Валерий, обращаясь к жене Трояновского, присутствующей среди гостей, говорил слишком серьезным тоном:

— Всех больше мне было жаль вас, Нина Николаевна. Вы женщина, ручка у вас маленькая, нежная; тиснут, вы заулыбаетесь, а у самой уже рука вспухла.

Раздавался новый взрыв смеха. Потом хозяин обращался к гостям, показывая на аппетитное жаркое:

— Пожалуйста, кушайте вволю. Ведь вы не на американском банкете, где тарелок много, шуму много, а покушать по-русски нельзя.

Шла осень 1938 года. Некоторые из москвичей в отдельные дни любовались высоким летным мастерством Валерия Павловича. Случалось и так, что загородный трамвай, шедший к «Всесвятскому», останавливался вдруг, пассажиры выскакивали из вагона, и все смотрели, как чкаловский самолет шел бреющим полетом. Порой не верилось даже, что летчик может так отточить свое смелое мастерство.

Чкалов все больше увлекался испытательными полетами, самой профессией своей, напряженные будни чередовались с красочными праздниками, и все чаще летчику нехватало времени, хотя он отлично умел уплотнять его до предела.

На аэродроме пахло мокрой травой, шумел осенний дождик, — даже в такую погоду Валерия тянуло на аэродром.

И снова наступил день, когда он поехал отдохнуть в Василёво.

Наталья Георгиевна сидела на террасе, раскладывала пасьянс, когда услышала из дальних комнат голос Валерия:

— Мама, здравствуй! Приехал!

— Воленька! — воскликнула старуха и побежала

навстречу гостю. — Да как же ты добрался в такую-то грязищу?

— Из Горького. На машине.

— Всю ночь дождь лил, как из ведра.

— Отдохнуть приехал. И поохочусь заодно.

— А я тебя уж сколько раз вспоминала. Не пишешь ведь. Намедни во сне приснился. Вот только что и гляжу на твои портретики.

— А сад весь осыпался, — сказал Чкалов. — Скоро Волга станет.

— Ну, приехал — и хорошо! Опять все в доме заиграет. У нас без тебя, Воленька, и комнаты-то невеселые.

— Каждый раз мне это говоришь. Лучше покорми меня с дороги, а я, пока стол накрываешь, на терраске побуду, погляжу на Волгу.

Вечерело. Валерий, вдыхая влажный воздух, с наслаждением взирал на окружающие его красоты, которые никогда не утомляют глаз. Солнце низко висело в облаке, насыщенном огнем и золотом. Наступавшие сумерки поглощали краски. Река похолодела, потемнела, черты лугового берега быстро терялись между темными островами и их неподвижным отражением. Было что-то томительное в этой немой, чарующей красоте, в засыпающей Волге, и Валерий, как и всякий раз, когда приезжал в свое село, думал сейчас, сидя на террасе, что именно с его родной рекой связаны его первые впечатления о русском народе.

— Воля, пожаловай к столу! — послышался голос Натальи Георгиевны.

Чкалов с аппетитом съел щи, вчерашний пирог.

— Мама, что ты такая худая? — вдруг спросил он. — Чаю пьешь много, а не толстеешь...

— Я, Волюшка, из породы легавых. Хоть корми, хоть нет, — все одно.

— Ну, ладно, хоть худой — да живи. До ста лет живи. Вот Нюра, сестра, что-то хворает. Я заходил к ней проездом через Горький.

— Верно, Воленька, нездоровится ей. Говорит, как бы совсем не свалиться.

— Не гляди, мама, на то дерево, которое скрипит. Скрипит — да стоит. А другое не скрипит, да свалится. Слушай-ка, мама, я ведь на месяц к тебе приехал. Вволю отдохну. Возвращаться в Москву буду, когда уже Волга замерзнет. Снег бы поскорей выпал. Схожу к Володе...

— Это еще к какому Володе?

— Да к возчику, старику. Попрошу, чтобы на санках покатал, с валдайским колокольчиком. А завтра, если подсохнет, на охоту...

Весть о приезде Чкалова быстро разнеслась по селу. Уже с самого раннего утра следующего дня в саду то и дело хлопала калитка, — одни хотели просто видеть Валерия, у других было к нему дело. Но Чкалов, как только проснулся, не позавтракав и забыв про охоту, сам отправился посмотреть, как живет село. Побывал в затоне, в поселковом совете, на судоремонтном заводе. Вернулся домой к обеду; за столом он вспомнил, что еще прошлым летом обещался побывать в гостях у льноводки Александры Порозовой. После обеда он пешком отправился к ней, в деревню Гумнище.

Дом Порозовой стоял на краю деревни. Летом с его крыльца открывался вид на льняные поля, волнующиеся на легком ветерке волжского полдня. Сейчас Валерий, когда приближался к деревне, видел кругом подсыхающую после обильных дождей унылую темную землю. Он ясно представил, как Порозова, полногрудая, круглолицая колхозница с каштановыми волосами, туго повязанными косынкой, теребила прошлым летом лен, в теплые росы расстилала его на лугах. Он даже вспомнил слова льноводки, сказанные ею после того, как он покатал ее на своем самолете: «Снопы мы расстилаем бережно, россыпью, так, Валерий Павлович, чтобы ветер продувал и снизу, и с боков, чтобы каждая стеблинка выкупалась в росе». И еще вспомнилась фраза: «А я со своими товарками, знаешь, сколько льна собрала этим летом? Если его вытянуть в одну нитку, то она обовьет твой земной шар!» Как горели ее глаза при этом! И в ее фразе, в блеске

ее глаз Валерий видел не похвальбу, а страсть русской крестьянки к труду.

Дверь была открыта. Он вошел в горницу с полами, вымытыми до медовой желтизны.

— А у тебя вкусно пахнет... льном, — сказал Чкалов, увидя хозяйку.

— Валерий Павлович! — воскликнула Порозова. — Милости просим!

— И тихо у тебя, Александра Ивановна!

— Не забыл имя-то?

— А ты не забыла, как я тебя катал на самолете?

— Ох, и хорошо!

— Ну, а что сейчас делаешь?

— В лесу жгем дрова на золу. А еще по птичьим дворам и на колокольне куриный и голубиный помет собираем. И конский навоз тоже. Как снег сойдет, вывезем удобрения на поля. И учусь. Видишь, книги на столе? Ты посиди, Валерий Павлович, — самовар поставлю. Пряниками, медом угощу. Наш колхоз — миллионер.

Как ни отказывался Чкалов, пришлось отведать и меду, и пряников. Ему хорошо было с этой простой русской женщиной, которая настойчива была в своей хитрой науке и мечте вырастить волокно тридцатого номера.

На темном небе высыпали звезды, а Александра Ивановна все еще рассказывала:

— А прошлый раз иду по полю, гляжу: батюшки, стебли клонятся, лен полегает! Я бегу к своим бабам. «Бабоньки, говорю, погибает наш с вами труд! Что будем делать?» Солнышко не мило стало. А что делать? Только руками поднимать лен. Три дня и три ночи работали мы в лесу, заготовили пятнадцать тысяч колышков. И еще три дня и три ночи трудились на поле, — опутывали лен шпагатом. Хитрая штука, чтобы не помять. От бессонных ночей с ног валились, но ни от одной своей подруги не услышала я жалобы.

— И что же, поправился лен?

— Еще как поправился... Красавец! Налюбоваться не могла, Валерий Павлович. И вдруг снова беда: буря пронеслась, лен перепутало, к земле прибило. Но и

тут мы не потерялись: опять руками поднимали растения, опутывали посевы шпагатом. Я ведь вроде тебя упрямая, Валерий Павлович.

Это признание ему так понравилось, что он, веселый, возвращался домой. С реки дул холодный ветер, в темноте едва угадывались крыши овинов, где-то фыркали кони, и далеко-далеко мерцали огни затона. Все было своим, близким, и Валерий, открывая калитку отцовского сада, подумал о том, что не найти в целом свете милей родной земли.

И потекли дни без забот, полные отдыха, глубокого сна в натопленной комнате, задушевных бесед у потрескивающих березовых поленьев или громкого веселья в кругу односельчан, которые наперебой звали Валерия в гости.

Впрочем, иногда, сидя на обрыве, он обдумывал летные планы и даже в этих думах находил отдых. Но и другие мысли волновали его: ему очень хотелось благоустроить свое село.

Однажды он сидел на скамейке, в березовой рощице, окруженный волгарями, и рисовал им будущее Василёва. Низкие облака клочьями висели над рекой. Ветер раскачивал почерневшие оголенные ветви деревьев. Маленькими черными стайками летали галки.

— Вот здесь, на Воскресенской горе, Дом культуры построим, парк разобьем, — говорил Чкалов, широким жестом обводя вокруг себя. — А вот тут я построил бы широкую каменную лестницу, прямо к Волге... А вон, видите перекатную будку? Вон-вон, за бугром... Мне кажется, здесь должна быть водная станция. Мы же волгари. И летний павильончик, конечно. Искупался — и отдохнул, кружку пива выпил... Я, когда на сессии Верховного Совета был, с Вячеславом Михайловичем Молотовым разговаривал. Денег просил. Вячеслав Михайлович выслушал, а потом спрашивает: «Сколько же народу живет в вашем Василёве?» — «Тысяч пятнадцать», — говорю.

— Ой, наврал, Валерий Павлович! — сказал старожил Шапошников.

— Неужто, крестный? А сколько же?

— Да ровно половина.

— Ну, не беда, — успокоился Чкалов, — когда все выстроим, тысяч пятнадцать и будет.

Рядом с Валерием на скамейке сидел старичок в шапке-ушанке. Он не принимал участия в разговоре, а только теребил свою реденькую бородку и время от времени искоса поглядывал на Чкалова своими маленькими мудрыми глазками.

— Такие вот дела-то, старик, — обратился к нему Чкалов, похлопывая его по плечу. — Жизнь — хорошая штука. Кажется, кое-что уже сделал, а хочется еще большего. Верно, дед?

Старик молча, с безразличным видом кивнул головой. Он ждал минуты, когда останется наедине со знаменитым земляком, чтобы спросить его о чем-то важном и давно волнующем.

Наконец они остались одни. Старик подтолкнул Валерия локтем, сощурил глаз и спросил очень серьезно:

— Любезный ты мой друг, Валерий Павлович, скажи-ка мне по секрету: когда летаешь, много хлеба-то берешь с собой в дорогу?

Чкалов улыбнулся.

— Я, отец, хлеба не беру с собой.

— Чем же в машине питаешься-то, Валерий Павлович?

— Да если далеко лечу, паек у нас имеется — шоколад, апельсины.

Старик недоверчиво посмотрел на своего собеседника, замотал головой.

— Ну, уж это, брат, не ври. Без хлеба-то много не налетаешь!

«Этого не разубедишь», — подумал Валерий и отправился навестить Дарью Акимовну.

Дарья Акимовна весь этот год жила воспоминаниями о полете с Чкаловым. Она по утрам выходила на прогулку, долго смотрела на высокую сосну и медленно, по старушечьи, думала: неужто она летала с Волей выше, чем растет эта сосна?

«Батюшки! Куда же я забралась-то!» — шептала старуха.

Чкалов любил пошутить с Дарьей Акимовной, и особенно ему нравилось, что она принимала некоторые его шутки всерьез. На этот раз он предложил ей полет с удобствами:

— Я, бабушка, кровать с периной приготовлю тебе на самолете. Ты поспишь, потом чайку попьешь, и не заметишь, как мы с тобой в заморской стране очутимся.

— Только уж ты меня обратно привези, Воленька.

— А как же! Прямо перед твоим крыльцом и сядем.

— Ну, и хорошо, Воленька! Когда полетим-то?

— Да хоть завтра.

— Я тогда, Воленька, пойду приготовиться: надо кофту новую разгладить.

И Дарья Акимовна крикнула дочери:

— Саша, раздуй утюг-то!

«Кажется, переборщил», — думал Чкалов, и ему было и весело, и стыдно, что вызвал в душе любимой старушки такую наивную доверчивость.

— Погоди, Акимовна. Я и забыл, что отдохнуть к вам приехал. Стало быть, уж после моего отдыха...

— И верно, Воленька. Отдыхай, всласть отдыхай!

В комнату вошли женщины: сноха Дарьи Акимовны — тетя Саша, Татьяна Григорьевна — секретарь поселкового совета, Лёлька — та самая Лёлька, которая провожала молодого Чкалова в далекую грозовую ночь. Все они бросились обнимать Валерия с возгласами:

— С приездом, Валерий Павлович!

— К нам сегодня пожаловай!

— Нет, уж сперва к нам!

— Эх, все равно, девки! Целуйте! — старался перекричать Чкалов. — Вам, землякам, можно. Ну, хватит с вас! Садитесь-ка, я вам лучше расскажу тоже об одних поцелуях. Возвращаемся мы из Америки, приходит наш пароход в Гавр, садимся в экспресс, приехали в Париж, а на привокзальной площади, гляжу, народу — тьма! Начался митинг. Произнес я свою

речь, спускаюсь с трибуны, а мне навстречу толпа парижанок двигается, и у каждой в руке по букету. Подходит, стало быть, каждая француженка и кладет цветы на ступеньки трибуны около Байдукова, Белякова и меня. Большая гора образовалась из цветов. Вдруг кто-то кричит: «Целуйте их!» И вся эта толпа женщин, как по команде, бросилась нас целовать. Я вижу, дело плохо, говорю: «Отставить!» Забежал с другой стороны клумбы и уж через нее стал здороваться, а то беда... Все цветы после митинга мы просили возложить на могилу погибших французских летчиков. Это очень взволновало парижан. Об этом писали в газетах, всюду говорили, что мы не только летчики, но и политики.

После обеда Чкалов взял на местной водной станции лодку и, несмотря на хмурый день, выехал с приятелями на коренную.

Когда он достиг середины реки, лодку закрутило сильным течением, порывистый ветер мешал грести. Валерий налег на весла, и одно из них, подгнившее, как впоследствии выяснилось, с легким треском переломилось.

Валерий зло посмотрел на обломок, тихо выругался и с трудом добрался до берега. Вечером к нему пришел со станции подросток с запиской, по которой ему следовало уплатить штраф за поломку.

Он снова крепко выругался и заявил категорически:

— Не в штрафе дело, а в весле. Лучше надо делать. Хорошо, что я сильный и не растерялся, а другие поедут и тонуть будут из-за таких весел, или вам кого-нибудь придется спасать с такими веслами. Как вы будете спасать?

Напоследок он сказал:

— Не буду платить. Так и передай своему начальству.

Наталья Георгиевна уже ложилась спать, когда Валерий Павлович отправился в дом Павловых — в семью, с которой он дружил еще в детстве. До полуночи он пел песни, «отхватил» даже трепака — плясал с таким усердием, что оторвалась подметка фетрового сапога.

— Валерий, хоть ты и герой, а сапоги-то у тебя с дырой! — шутили друзья.

— Ничего, ребята! Знают Фому и в рогожном ряду! А ну-ка, коренная волгарка, Маруся, давай «русскую»!

И как после банкета в советском полпредстве в Вашингтоне, так и сейчас он шел в плавном танце навстречу Марусе.

Если после особенно шумного веселья он чувствовал усталость, то говорил:

— Ну, друзья, отдаю якоря! Пойду отдохну, а вы не расходитесь.

А иногда на него находило чудачество, и он говорил, прощаясь с хозяйкой дома:

— Завтра обязательно зайди ко мне и поздравь с добрым утром!

И когда утром его навещала хозяйка вчерашнего веселья, он рапортовал ей по-военному:

— Все в порядке. Жив. Здоров. Можешь итти на работу!

Но вдруг у него менялось настроение. За утренним завтраком он то говорил матери о том, что нужно поскорей срыть гору для каменной лестницы, — сам возьмет в руки лопату и покажет, как надо работать, то заводил разговор об испытательных полетах, вызывая в Наталье Георгиевне тревогу. Она слушала, не перебивая его, но в конце разговора не могла утерпеть и спрашивала осторожно:

— Воленька, вот прошлый год, когда машину-то испытывал, когда она закачалась-то, неужели другой дороги не нашел, как на лес садиться? Московское шоссе ведь там. А ширина-то какая...

— Мог бы сесть, да таких, как ты, много ходит по шоссе. Сколько бы я народу загреб крылом?..

Ей нечего было возразить. Она молча смотрела на его большую голову, а он уже был далек в своих мыслях и задумчиво глядел в окно, там, между мокрых ветвей, просвечивала синеватая, сырая мгла.

— Какие мысли-то у тебя, Воленька? — спрашивала Наталья Георгиевна.

— Много их. Не сочтешь, — односложно отвечал он.

— Ну о чем, о чем задумался-то?

— Почему-то сейчас вспомнил, как позапрошлый год силомер сломал у одного француза.

— Какой силомер?

— Да идем мы как-то с Егором по парижскому бульвару. Видим, силомер, аппарат такой, силу на нем пробуют: сколько выжать можно рукой. Я как нажал, стрелка так и хрястнула. Неловко так было перед беднягой-французом...

— Ах ты, озорник! Не знаешь, куда сок-силы девать...

— Да не в силе дело — в ловкости.

— Сколько же ты прожил, сколько видывал!

— А что, плохо?

Валерий подошел к окну.

— Слышишь, как гуляет ветер?

— Не ходи никуда, Воленька. Давай в лото сыграем.

— Нет, мама, схожу в школу. Ждут. Вчера ребятам обещал. Да и самому интересно вспомнить, как учился здесь.

Посещение школы отложилось до полудня: из Катунок приехали рыбаки. Это были всегда желанные для Валерия гости, и он сам достал из буфета коробку шпрот, анчоусы, омары, копченую и ливерную колбасу, кусок швейцарского, со слезой, сыра, — все это поставил на стол.

— Ну, теперь у нас пир горой, — говорил старый Щипакин, разглаживая усы и опрокидывая стаканчик «крепкой».

— Хороша? — спросил другой, худощавый, сутулый.

— Как по маслу идет.

— Валяй, старина, по второй! — угощал Чкалов. — Я у вас, друзья, прошлый раз был в Катунках. Вы тоняли тогда... бабы у вас веселые. Уж больно поют хорошо, не нашим василёвским чета!

— Это они для тебя старались, Валерий Павлович, — сказал Щипакин.

— Певуньи да плясуньи — первые люди на свете, —

добавил второй рыбак, сутулый, вкусно чмокая губами....

Дождь усиливался. Гривы лесов на луговой стороне побурели, расплылись в тумане. Из окна столовой открывалась Волга. Старенький буксир,тяжело шлепая плицами, тянул рыжую, с раздутыми боками, баржу. Мокрые ветви жалобно стучали о запотевшее стекло. Чкалов проводил рыбаков, накинул плащ и пошел в школу.

Дети встретили его дружными аплодисментами, усадили за стол, окружили плотным кольцом. Заранее он знал, что школьники будут ждать от него рассказов о полетах и встречах, о далекой Арктике... Кому другому, а детям он не мог отказать. И хотя все уже было сказано-пересказано, он нашел новые краски, новые детали; в одном рассказе посмешил, в другом заставил ребят задуматься над жизнью.

А дождь шумел, и тонкие сучья акаций царапались об окна.

Он кончил свой рассказ, собирался уходить, дети преградили ему путь:

— Валерий Павлович, примите от нас подарок. Люда, давай же скорей...

От толпы отделилась черноглазая девочка-подросток.

— Это она, Люда Россинская, про вас сочинила! — закричали школьники. — Читай, читай, Люда!

— Читай, раз уж просят, — сказал Чкалов, снова усаживаясь за стол.

В наступившей тишине раздался звонкий голос шестиклассницы:

— Былина «Сталинский сокол». Наш учитель Александр Иванович сочинение задал на вольную тему. Вы Александра Ивановича знаете, Валерий Павлович? Учителя литературы?

— Потом объяснишь, Люда. Читай! — нетерпеливо, на разные голоса, опять закричали дети.

Люда Россинская откинула за плечи косички и, теребя фартучек, повторила:

— Былина «Сталинский сокол».

— Слушаем, — сказал Чкалов.

Как во славном селе да в Василёве
Протекает река Волга-матушка.
А на той же реке Волге-матушке
Есть большая гора Воскресенская.
И стоит на горе домик маленький,
Домик маленький, с огородиком.
И жил-то в нем наш земляк родной,
Наш земляк родной, Валерий Павлович.

Чкалов слушал внимательно и одновременно думал: «Былины про меня сочиняют. Хорошо ли это? Ну, да детям простительно».

И взвился он выше облака,
Ниже месяца на немножечко, —

продолжала читать девочка.

И летели день, и летели ночь
Из великой Москвы на далекий Восток,
На далекий Восток, в Петропавловск град.
Оказал им народ великий почет,
Стал звать-величать их героями...
Зародилось у них вновь желание,
«Разреши нам лететь, Сталин-батюшка,
Во великий путь да во северный...»

— Ну-ка, ну-ка, повтори еще, вот с этого места: «И летели день, и летели ночь», — попросил Чкалов. — Складно у тебя получается...

Раскрасневшаяся Люда посмотрела на Чкалова с благодарностью и проговорила скороговоркой:

Поднималися выше облака,
Ниже месяца на немножечко.
И летели день сквозь пургу они,
И летели ночь сквозь густой туман,
Надо льдами сплошными, над торосами.
Не встречались в пути даже ястребы,
Чайки белые, быстрокрылые.
Все кругом мертво и безжизненно...

— Да ты лучше меня знаешь наш полет, — похвалил Валерий, когда девочка кончила читать. — А это ты меня нарисовала? — спросил он, беря в руки пап-

ку, на крышке которой был, действительно, нарисован его портрет.

— Не похож? — волнуясь, спросила Люда.

— Похож-то похож, — успокоил Чкалов, — только зачем ты мне губы покрасила, точно суриком. Сразу видно, женщина рисовала, Ну, да ты не обижайся, Люда. И с подкрашенными губами похож...

Валерий вышел на улицу. Дождь перестал. Изрезанная косыми лучами солнца, таяла синеватая мгла, с разбухшей земли поднимался тонкий парок.

Ночью не спалось. Он написал Ольге длинное письмо, сообщал, что вернется не раньше, чем через три недели, передавал поклон от Шапошникова, крестного. А в конце письма сделал приписку: «Крестный меня угощал такой вкусной редькой с льняным маслом — пальчики оближешь! Вот бы вы, москвичи, научились так приготовлять».

Заклеил конверт, разделся, лег на пружинную кровать с подставленным ящиком — чтобы не продавить сетку. Долго прислушивался к тиканью часов на комоде, думал, что их однообразный звук поможет быстрее уснуть, но не спалось, положительно не спалось. Мысли уносились далеко, на московский аэродром, и сверлила мозг тяжелая забота: может быть, уже готова, «доделана» машина, стоит красавица в ангаре, ждет его. Ведь, в конце концов, главное — скорости, скорости...

«Довольно об этом, я же приехал на отдых, и можно иногда не думать о скоростях», — старался он внушить себе.

В Василёве было у Валерия много других забот. Вчера, когда он наблюдал мальчишескую возню в овраге, подошла сотрудница судоремонтного завода и передала Валерию список необходимого для детского сада мягкого инвентаря: простынного полотна двести пятьдесят метров, сатину синего для капотиков двести метров, мадеполама на наволочки двести метров. Надо подумать, у кого просить помощи. А еще нужно похлопотать о пенсии бакенщику Матвею

Гордееву. И крышу отцовского дома пора красить. И с Нюрой надо поговорить, чтобы лечилась.

Утром он встал с головной болью, но к полудню боль прошла, день выдался ясный, подморозило, и Валерий отправился с крестным на охоту. Вернулся он домой без добычи, и это даже забавляло его.

На охоту ходил с Валерием и Женя Павлов, юноша, недавно окончивший горьковский аэроклуб. Своей смелостью, молодым задором Женя располагал к себе Валерия — немного только был заносчивый. «Сразу хочет показать высший класс, зелен еще, ну, да я ему рога-то пообломаю, — думал Чкалов при встречах с Женей, — но, он птица моего полета». И было приятно сознавать, что «в его полку прибудет еще один».

Думая о своем любимце, Чкалов невольно переносился к мыслям о возможных битвах с врагами Советского Союза, и Женя как бы олицетворял для него всех молодых авиаторов, которым, вероятно, выпадет тяжелая, но счастливая доля померяться с противником силой.

— Ты только пойми, друже, — поучал Валерий Женю, — какое это огромное искусство ориентироваться в бою быстро и верно на чудовищных скоростях, когда обыкновенный человеческий ум отказывается постичь, где же то, что называется верхом и низом, правым и левым, что впереди и что позади. Помни, Женька, никакого промедления! В воздушном бою даже доля секунды решает все.

И Валерий повторял излюбленную фразу:

— Запомни, заруби на носу: побеждает тот, кто проявляет в бою способность мгновенной реакции, храбрость, выдержку, волю, холодный расчет, хитрость. Ты должен быть жадным к победе.

Жадным!.. — повторял он и, сев на любимый конек, пускался в рассуждения. — Я вот не писатель, — чувствую, а выразить не могу, да и хороший писатель, полагаю, бессилен рассказать. Понимаешь ли, наши слова громоздки, неповоротливы, самая короткая фраза слишком долго длится по времени. И для того, чтобы рассказать об одной секунде воздушного боя, нужно затратить несколько сотен слов и говорить не секун-

В. Чкалов рассказывает морякам линкора «Марат» о своем полете в США.

На волжском пароходе «Плёс». 1938 г.

ду, а час, и все равно, главного, что было в этой секунде, не расскажешь... Ты понимаешь, о чем я говорю?

Опять получалось так, что Чкалов, хотя и отдыхал, а все равно не мог не думать о своем, сокровенном.

Ну, а он сам, если случится война? Конечно, первым пойдет в бой. Он ясно представил, как будет на своем истребителе преследовать огнем черный, узкий, похожий на ядовитое насекомое «мессершмитт»; как в землянке, при мерцании фронтовой коптилки, он станет набрасывать на бумажном клочке линии, зигзаги, ему одному понятные знаки — искать свежие тактические приемы, лежа в холодке, под крылом самолета, в спорах с товарищами или в воздухе, среди огненных трасс, страшных, острых, как кинжал. Да, он покажет мертвую хватку своих атак, бой на лобовых, на выдержку нервов.

Думая обо всем этом, Чкалов не заметил, как в комнату вошел дед Ипат.

— Не утомляетесь, Аверий Павлович, оттого, что летаете так часто? — неожиданно заговорил старый лодочник.

— Что ты, дед! Ведь это для меня лучший отдых. Когда летишь, все небо как будто сквозь себя пропускаешь. Весь дышишь им. Всю жизнь, старик, чувствуешь.

— И не боязно? — в сотый раз допытывался Ипат.

— Опять ты за старое, дед!

— Будет тебе сердце-то надрывать, конь ты резвый...

Ипат пожевал губами, о чем-то напряженно думал, с таким усилием, что даже вздулись синие жилки на висках. Наконец произнес:

— Идет слух по земле, будто теперь закон такой летчикам вышел: всем по-твоему летать.

— Не слыхал об этом, — сказал Чкалов, сдвигая брови.

Ипат помолчал.

— Ты что-то невеселый сегодня, батюшка. Прочь грусть-печаль!

И лодочник, притопнув каблуком сапога и размахнув руки, пытался изобразить, как он ходил встарину в пляс.

— Э-эх-ма, Аверий Павлович! Старые годки бы вернуть! Плясал-то я как, грешный... С посвистом да с присвистом. В присядку. Огонь, говорят, был.

— А вот сегодня вечером и тряхни стариной. Мы у Павловых собираемся.

— А вот и тряхну! — молодцевато, с каким-то даже свистящим звуком в голосе, сказал Ипат, но потом вздохнул тяжело: — Нет, уж вы без меня веселитесь на здоровье.

Воздух посвежел, лужи покрылись тоненькой ледяной слюдой и бревенчатые домики с резьбой оделись тенями, когда Чкалов постучался в окно снохи Дарьи Акимовны.

Семья Павловых была в сборе. Стол, убранный незатейливо, ждал только гостя. Приятная, несколько расслабляющая жара стояла в горницах, тесно заставленных мебелью, а желтое, круглое пятно на скатерти из-под цветного бумажного абажура создавало еще больший уют.

Поговорили об успехах на судоремонтном заводе (на нем работала хозяйка дома), спели «Лучинушку». В прихожей послышалась возня, залаял щенок, и в столовую вошли два мальчугана — один держал в руках поломанную модель самолета из фанеры, другой, постарше, угрюмо посматривал на товарища, злой, еще разгоряченный после драки.

— Валерий Павлович, мы к вам... Скажите, я или он виноват? — сказал первый, поменьше, вытирая рукавом забрызганное грязью лицо.

— А кто отнял у меня модель? — перебил второй.— Я ее цельный месяц мастерил, без одного гвоздочка, на клею...

Чкалов встал из-за стола.

— Чего, шелаганы, не поделили?

— Я запускал модель, он отнял, а я...

— Не слушайте его, Валерий Павлович, врет он.

— Да вы не в два голоса! — засмеялся Чкалов. — Кто у кого отнимал модель, это вы сами разберетесь,

а я вот что тебе скажу, парень, — обратился он к первому, что постарше, — запомни правило: кто слабее тебя, — не бей! Пускай хоть и старше, не бей! А уж если сильный и нападает — бей да без промаха! Понятно? Теперь идите, помиритесь.

И он, столкнув лбами ребят и заставив поцеловаться, выпроводил их из комнаты.

— Я сам в детстве драчун был, — сказал он, снова усаживаясь за стол, — но слабых никогда не обижал. Ну что ж, давайте веселиться. Павлушка, перетряхни гармоникой-то.

Полились густые, протяжные звуки.

Чкалов, откинувшись на спинку кресла, слушал, полузакрыв глаза.

— Помолчи, Павлушка. Хочется послушать Шаляпина. Заведи пластинку.

Голос чудной красоты и мощи наполнил комнату:

Какой-то трепет тайный,
Все ждешь чего-то...

— Я так ясно вижу горящие широко раскрытые глаза, — задумчиво сказал Чкалов, — нос горбинкой, скорбный излом губ, спутанные черные кудри под вышитой жемчугом татарской шапкой, тяжелая рука в перстнях, опирающаяся на жезл, — царь Борис. Вот так поет, чорт Иванович!.. Холод пробегает по жилам... Тише, тише. Слушайте. «Чур, чур, дитя... не я твой погубитель». Да. Вот это сочетание: Пушкин, Мусоргский, Шаляпин. И вот ведь что поразительно: три партии поет в одной опере, никому не хотел уступить ни Пимена, ни Бориса, ни Варлаама. Ну-ка, Павлуша, давай-ка грешного странника, Варлаама. «Как во городе было, во Казани». Часами могу слушать песню этого бражника, тертого калача, перекати-поле!

Снова полились слова песни-былины. И когда послышался последний, лукавый, самодовольный смешок «хе-хе-хе», Чкалов поднялся с кресла и в восторге зашагал по комнате.

В прихожей раздался стук.

— Кто это еще к нам жалует так поздно?

Валерий направился к двери и на пороге столкнулся с Натальей Георгиевной.

— Мама, что случилось?

Наталья Георгиевна молча протянула телеграмму. Чкалов быстро распечатал, прочел:

«Все готово. Ваше присутствие необходимо. Срочно. Ждем».

Тяжелые складки легли на лицо Валерия. Упрямая прядь волос упала на крутой лоб, взгляд стал суровым. Он положил телеграмму в карман.

— Ну, друзья, хватит пировать! Мама, идем-ка домой. Собирай меня в дорогу.

Чкалов торопливо накинул на плечи шинель.

— Валерий Павлович, вы всерьез собираетесь уходить? — спросила сноха Дарьи Акимовны. — Да вы протелеграфируйте: отдыхаю, мол.

— Ты же в отпуску, Воленька... — стала уговаривать и Наталья Георгиевна.

— Выходит, не в отпуску, а на работе, раз вызывают.

— Валерий Павлович, обдумайте, — все заговорили в один голос.

— Эх, друзья, жизни вы не чувствуете! Я должен быть в Москве. Понимаете, должен!.. До свидания, земляки. Еще попируем. К новому году ждите.

И Чкалов, взяв под руку Наталью Георгиевну, зашагал по темной улице села, погруженного в тишину и сон, к своему дому.

— Когда же ты уедешь? — говорила растерянно Наталья Георгиевна, отыскивая среди кухонной посуды глиняную опарницу.

— Завтра. Пароходом, чтобы к вечернему поезду поспеть. Надо Генашу, капитана, предупредить.

— Ах, батюшки, тесто надо скорей ставить! В дорогу пирог испечь.

Наталья Георгиевна стала месить опару, а Валерий прошел в спальню и, не раздеваясь, лег на кушетку. Как и в прошлую ночь, он долго прислушивался к тиканью часов, потом вынул телеграмму, снова перечитал текст.

«Все готово. Ваше присутствие...»

Вставало розовое прозрачное утро. Пароход, бывший «Нижний Новгород», переименованный в «Чкалов», стоял под парами. Валерий и Наталья Георгиевна по зыбким мосткам взошли на палубу. Капитан Геннадий Михайлович Шульгин радушно встретил Чкалова.

— Можем отчаливать. Вас только и ждем. Прошу в рубку.

— Нет, Геннаша, я первым делом в машинное отделение загляну. Все-таки свое, родное. Сам шуровал уголек когда-то, — ответил Чкалов и, держась за поручни, спустился в машинный трюм.

Сразу обдал теплый, пропитанный машинным маслом воздух. Поговорил с кочегаром, немолодым, жилистым человеком, вспомнил с ним старину; потом поднялся на капитанский мостик.

— Ну, что же, Геннаша, будем отваливать.

— Пироги не забудь попробовать, Воленька, — сказала мать, целуя Валерия.

Пол лопастями забурлила вода. Оставляя позади широкий пенистый след, «Чкалов» медленно плыл, обгоняя льдинки.

— Воленька, иди в рубку. Простудишься! — кричала с берега Наталья Георгиевна.

— О-о-го-о! — доносился с капитанского мостика голос Валерия. — До скорой встречи, василёвцы!

Свежий, низовый ветер трепал его волосы, дышалось легко, широко; и, глядя в заволжские дали, на луга в пестрых заплатах кустарника, Чкалов как-то по-особенному ощущал красоту наступавшей русской зимы.

Справа остался остров «Сосновец».

Волга медленно катила свои осенние мутные воды.

В полдень 12 декабря Валерий Павлович вырулил на опытном истребителе, чтобы произвести первый взлет, но в момент выруливания оборвался трос управления газом, и Чкалов отложил испытание.

Вечер оказался свободным, — Валерий с Ольгой

уехали в Малый театр. Спектакль окончился в одиннадцать, домой не хотелось, — поехали в клуб писателей поужинать.

Следующие два дня также не было необходимости присутствовать на аэродроме, поэтому вечером Чкалов пригласил друзей. Против обычного разошлись рано. Побыв еще немного времени с семьей, Валерий ушел спать.

Его разбудил телефонный звонок.

«Атакуют чуть свет», — подумал он и, накинув мохнатый халат, подошел к аппарату.

— Сегодня не могу. Увольте. Вы уже как-нибудь без меня...

Но детский голос, звонкий и высокий, так настойчиво уговаривал, что Чкалов невольно поддался на просьбу пионеров приехать в гости и рассказать о своей летной и депутатской деятельности.

— Ладно... Уж только ради вас, ребята... Пользуйтесь моей добротой. Хорошо. Буду ровно в восемь вечера...

Опять раздался звонок, — на этот раз в прихожей. Валерий открыл дверь, принял утреннюю почту. Распечатал один из конвертов. Горьковчане просили помочь оборудовать детский сад мебелью и игрушками.

«Детям надо помочь в первую очередь», — думал он, читая другое письмо, в котором просили посодействовать в постройке рабочего клуба.

Утренняя почта была обширная, и Чкалов решил заняться ею ночью после встречи с пионерами.

Сквозь узкую щель тяжелой занавеси просачивался зимний рассвет. Валерий раздвинул оконную портьеру и, приложив ладонь к губам, начал дуть на замерзшее стекло. Образовалось круглое пятнышко величиной с пятак, и через него Чкалов увидел заснеженные крыши соседних корпусов и низкое, едва розовеющее по краям небо.

Его взгляд упал на томик стихов Блока. Он раскрыл страницы и прочитал:

Крылья легкие раскину,
Стены воздуха раздвину...

Прочитал и сам удивился:

— Стены воздуха раздвину...

На мгновенье он задумался, но в спальной послышался легкий кашель Ольги. Валерий прошел к ней. Она уже была одета в домашнее фланелевое платье и, стоя перед трельяжем, поправляла прическу.

— Доброе утро, — сказал он жене.

— Доброе утро, — ответила она.

Помолчали.

— Завтрак на столе, — сказала она.

— Немного позже, после душа, — произнес Валерий.

Направился в ванную комнату, но с полдороги вернулся: захотелось сказать жене несколько ласковых слов.

— Ты прости, — начал он, — знаю, прошлый раз ждала, но чорт попутал меня связаться с преферансистами, заигрался до утра...

— Все о прежнем, — перебила жена, — ну, хватит, хватит, уже давно забыла.

— Ты сегодня бледна, — заметил он.

— Сын, наверное, дает о себе знать.

Валерий улыбнулся.

— Сын или дочь — все одно; подари мне только хорошего чкаленка, на руках тебя буду носить.

Он настороженно следил за здоровьем жены, и напоминание о будущем ребенке делало его еще более ласковым и мягким. Ему захотелось сказать Ольге что-то большое, сокровенное, такое, что он, может быть, еще никогда не говорил ей, но она уже вся была в заботах пробуждающегося дня. Тихо вздохнув, он вышел из спальни.

Ехать на аэродром было рано, поэтому он стал придумывать себе занятие: прослушал на радиоле «Шехерезаду»; опять долго смотрел в окно, любовался зимним, в морозном тусклом венчике, солнцем.

— Крылья легкие раскину...

Тут он услышал — Игорь плачет...

— Чего ревешь?

— Играл во дворе, ушиб палец, — захныкал мальчик, заливаясь слезами.

Чкалов покачал головой.

— У-у, какой неженка! А знаешь, как я рос? Бывало, расшибусь, расцарапаюсь, кровь так и хлещет. Прибегу к сестре, прошу перевязать, ей от одного вида крови дурно делается, а мне хоть бы что...

Мальчик слушал и уже весело улыбался.

— Вот что, Игорюха, собирайся-ка в школу. Да смотри не озоруй там... Вернусь с аэродрома — все уроки проверю...

Сын больше всех на свете любил отца, и ему не хотелось так быстро уходить из кабинета.

— Ну, живо! Собирайся!

— А ты летаешь сегодня, папа?

— Ладно, ладно... Не твое дело. Ты вот сам-то не будь летуном. Мать намедни жаловалась, говорит, в класс опоздал.

Он погладил сына по голове и, оставшись один в кабинете, сел за письменный стол, вынул из бумажника телеграмму от товарища Сталина, которую получил в первый день прилета в Америку. Эту телеграмму Чкалов всегда носил с собой в бумажнике. Сейчас в сотый раз он перечитывал на бланке телеграфного агентства Vestern Union русский текст, напечатанный латинским шрифтом.

«Горячо поздравляем вас с блестящей победой. Точка. Успешное завершение геройского беспосадочного перелета Москва — Северный полюс — Соединенные Штаты Америки вызывает любовь и восхищение трудящихся всего Советского Союза. Точка».

Он вспомнил, какая безмерная радость охватила его в те минуты (эти минуты не забыть никогда); прошло уже полтора года с тех пор, а ощущение, которое в тот день он пережил на чужбине, когда казалось, что между СССР и США не существовало расстояния, было свежим, новым, как будто все это случилось только вчера.

«Гордимся отважными и мужественными советскими летчиками...» — читал далее Валерий, но резкий телефонный звонок прервал чтение.

Он аккуратно свернул телеграмму, положил в бумажник, только после этого взял телефонную трубку.

— Хорошо... Приеду на аэродром к часу дня. Готовьте самолет к вылету.

Валерий стал не торопясь одеваться. Потом позавтракал. Еще оставалось время поиграть в жмурки с маленькой дочкой Лерочкой, но девочку уже с полчаса тому назад отправили на прогулку. «Это хорошо,— подумал он, — пусть закалляется на морозе».

— А мороз крепенский, — произнес он (Валерий любил иногда разговаривать с самим собой) и, чувствуя во всем теле бодрость после утреннего душа, привычно потер руки.

Застегнув на все пуговицы шинель с ромбами комбрига на голубых петлицах летчика, которая ловко облегала его коренастое тело, он крикнул из прихожей, приоткрывая дверь:

— Лёлик, ухожу. Кто будет звонить, скажи, часа через три вернусь.

— Не забудь про свое обещание пионерам, — раздался из спальни голос Ольги.

— Вот спасибо, что напомнила, — отметил Чкалов, закрывая за собой дверь. И, стуча каблуками по каменным ступенькам лестницы, он почти сбежал с пятого этажа в вестибюль.

На дворе его уже ждал автомобиль.

Москва, как и всегда, жила торопливо и деловито. По широким магистралям двигались вереницы автомашин; подгоняемые холодом, спешили с поднятыми воротниками пешеходы. Трубы города выпускали седые космы дыма, который неподвижно висел над крышами. Сквозь сизую морозную дымку в дали снежных улиц смутно проступали корпуса бесчисленных строений.

— Филипп Иванович, подвезем-ка этого старичка, — вдруг обратился Чкалов к своему шоферу, указывая на переминавшегося с ноги на ногу старика у автобусной остановки.— Ему, вероятно, по нашему маршруту.

Усадили в автомобиль незнакомого пассажира.

Старичок сидел позади Валерия, удивленный добротой хозяина машины и не узнавая в нем Чкалова.

— Мне вот тут надо выходить, — сказал старичок,

когда автомобиль миновал площадь Маяковского. — Уж не знаю, как вас и благодарить.

Чкалов помог открыть дверцу.

Тронулись дальше.

— Где ты думаешь отдыхать, Филипп Иванович?— спросил Чкалов.

— Собираюсь к матери, в деревню.

— А лес и речка есть?

— Природа у нас бедная.

— Эх, Филипп Иванович, поезжай-ка лучше со мной, в Василёво. Возьмем по ружьишку, поохотимся, порыбачим. А? Поедем?

— Весна не за горами, — сказал шофер.

— И не заметишь, как зима пролетит.

У Белорусского вокзала Чкалов попросил остановить машину: нужно было купить папирос.

Расплатившись с лотошницей, он посмотрел на глубокое, ясное, как вода, небо. Вышина манила, и Валерий, подходя к автомобилю, уже испытывал знакомое «чувство воздуха», слышал вой пропеллера, режущего незримые струи. Сейчас он скользнет в эти струи и полетит к медно-красному морозному солнцу.

— А к матушке твоей мы все же съездим, — сказал Чкалов, садясь рядом с шофером. — Говоришь, ее, как отменную колхозницу, премировали катаньем на самолете? Вот мы ее и покатаем. А уж потом в Василёво... По рукам?

Автомобиль приближался к железнодорожному переезду. На путях стоял длинный состав товарняка. Шлагбаум был опущен.

— О... это долгая история! — покачал головой Валерий. — Поезжай-ка Филипп Иванович, в гараж, я пешком пройду до аэродрома.

И, выйдя из машины, он быстро скрылся за будкой путевого сторожа.

Яркий, послеполуденный свет лился щедро отовсюду — со стороны горизонта, с вышины. Шагая мимо ангаров, Чкалов невольно жмурился.

На аэродроме инженеры и механики заканчивали последние приготовления. Поздоровавшись с товарищами и убедившись, что самолет скоро будет готов к вылету, Валерий направился в жарко натопленную летную комнату.

Привычным жестом он натянул на себя комбинезон, застегнул ремни парашюта, надел шлем, очки, взял перчатки, закурил на дорогу и медленно, вразвалку, пошел к своему истребителю, любуясь голубыми искорками на снежном, девственном покрове.

— А мороз-то крепчает, — услышал он голос из толпы, всегда собирающейся в торжественных случаях первого полета новой машины.

Валерий не чувствовал холода. Он находился в состоянии подтянутости, той самой внутренней собранности, когда все внимание сосредотачивалось только на машине.

Обошел вокруг самолета, долго смотрел на его точеные, строгие формы, прислушался к сильному реву мотора. Тонкий слух опытного пилота не улавливал в однообразном реве никаких посторонних звуков, и Валерий, еще раз расспросив конструктора о предполагаемых минимальных режимах, стал терпеливо ждать, когда из пилотской кабины вылезет механик.

Наконец мотор утих. Механик спрыгнул на землю и, похлопывая длинными меховыми рукавицами, доложил о состоянии машины.

— Мотор трудно прогревается, — добавил он. — Уж больно день-то студеный...

Чкалов постоял с минуту в раздумье и, вобрав в легкие леденящего воздуха, занес левую ногу на крыло.

— Помоги-ка мне, дорогуша, поудобней усесться в кабине, — сказал он, улыбаясь, механику.

Затем плотно закрыл колпак и начал пробовать мотор.

Снежная пыль воронкой закрутилась позади коротхвостого истребителя. Люди на земле, подняв воротники и придерживая руками раздувающиеся полы регланов, отбежали в сторону.

Еще раз осмотрев приборы и ощупав рычаги, Валерий отпустил тормоза. Самолет резво помчался по

заснеженному полю. Потом летчик сбавил газ, резко затормозил, машина на мгновенье застыла: рули действовали безотказно.

«Хорошо», — подумал Валерий и начал подруливать к старту.

С визгом круглой пилы, распиливающей многовековое дерево, взрезал мотор тишину декабрьского дня; стартер взмахнул зеленым флажком, истребитель понесся, понесся по снежному полю и истаял в морозной пыли.

Ангары, люди, дома казались Чкалову как бы придавленными к земле. Летчик точно выписывал круг по границам аэродрома. С циферблата глядела на пилота солидная цифра скорости. Валерий радовался, чувствуя, что машина может летать еще быстрее...

Люди на аэродроме внимательно глядели в небо...

Но что это? Что? Почему, теряя высоту, самолет повернул в сторону холодильника и рабочих бараков?

Механики и мотористы летно-испытательной станции, осматривавшие моторы самолетов, и те прекратили работу, все, все без исключения начали следить за полетом маленького истребителя, который, все больше и больше теряя высоту, несся навстречу жилым строениям.

Кто-то крикнул:

— Неужели у него остыл мотор?

— Тише, тише!

Секунды казались вечностью.

— Ах! Конец!

— Нет, нет!

— Тише, молчи! Ой, ой, ой, смотрите!.. — и человек, произнесший эти слова, закрыл лицо рукавом комбинезона.

— Все! Конец!

Между тем маленький истребитель с угрожающей скоростью продолжал нестись навстречу земле. Прохожие в страхе метались, разбегались, прячась в закоулки.

Кто-то видел, как левое крыло истребителя ударилось о телеграфный столб, видели, как машину

сразу же развернуло, далее все опять скрылось за крышами домов...

После удара о штабель деревянных брусьев Чкалова выбросило вместе с сиденьем, с плечевыми ремнями парашюта. Еще живой, описывая в воздухе дугу, он со страшной силой летел головой в какую-то кучу железных прутьев...

Мертвого пилота нашли на промерзлой земле, рядом с обломками новой машины.

В тот страшный миг Георгий Байдуков тоже готовился на соседнем аэродроме к вылету на опытной машине. Георгий знал, что Валерий сегодня испытывает новый истребитель, и поэтому по старой привычке зорко оглядывал горизонт и пространство, висевшее над аэродромом, с которого должен был стартовать его друг.

Часа в два пополудни Георгий увидел самолет, проходивший в стороне от аэродрома, над городом.

«Валерий... — подумал Байдуков. — Сейчас закончит облет и пойдет на посадку».

Чкаловская машина быстро исчезла из виду. Георгий окончательно успокоился, закурил, походил еще три-четыре минуты по утоптанной дорожке, как вдруг услышал крик:

— Байдуков! Срочно к телефону!

Впервые тревожно заныло его сердце. Разгребая фетровыми сапогами снег, он заковылял через поле к диспетчерской будке. Приложил к уху телефонную трубку.

— Полетайте над городом. Поищите место посадки Чкалова.

— А что с Чкаловым?

Сердце еще сильней сжалось от боли; остолбенело смотрел он в окно диспетчерской будки, чувствуя, что оступился, потерял друга, боевого товарища. Но слабая надежда еще теплилась, и Байдуков, взяв себя в руки, пулей понесся к самолету.

Когда он подбежал к двухмоторному бомбардировщику, экипаж уже был на своих местах.

— Скорее на старт!

И спустя минуту Байдуков, сидя за штурвалом, уже делал непрерывные виражи, проглядывая улицы, парки, кладбище, Ленинградское шоссе.

Он то опускался к крышам московских заводов и домов, то забирался вверх, чтобы видеть пошире пространство. Но и намека на машину ему не удалось увидеть, хотя иногда он кружился над местом катастрофы Чкалова.

Смеркалось. Морозная дымка сгущала темноту. Внизу, то тут, то там, вспыхивали огни города, а Байдуков с отчаянием и нарастающей тревогой, оглушенный тяжелой думой, уже третий час все продолжал кружиться, отыскивая своего друга. Наконец совсем стемнело. Георгий нехотя пошел на посадку. На аэродроме его уже ждали товарищи.

— Ты знаешь, какое горе... Какое горе, Егор... Погиб наш Чкалов... Тебя немедленно вызывают в Наркомат авиационной промышленности.

Байдуков вяло соображал, не зная, верить ли этому страшному сообщению. Неужели его круги над Москвой были последним прощаньем с другом? Как хорошо бы не знать этой проклятой вести и на всю жизнь запомнить Валерия таким, каким он его видел три дня тому назад...

На следующий день, 16 декабря 1938 года, советское правительство опубликовало следующее сообщение:

«Правительство Союза ССР с глубоким прискорбием извещает о гибели великого летчика нашего времени Героя Советского Союза тов. Валерия Павловича Чкалова при испытании нового самолета 15 декабря сего года».

В эти дни по-новому зазвучали слова Чкалова:

«Я буду держать штурвал самолета до тех пор, пока в моих руках имеется сила, а глаза видят землю».

Так сказал он однажды товарищу Сталину.

Чкалов до последней минуты не выпускал из рук штурвал боевого самолета.

Горестная весть постучалась в двери домов и квартир, где жили советские люди. Не верили, не хотели

верить! Не укладывалось в сознании: Чкалов мертв. Нет, это невозможно! Ведь он всем своим существом принадлежал жизни, сам был олицетворением бурной, стремительной, побеждающей жизни... Нет, невозможно!

И, однако, это было так...

По телеграфным проводам из самых различных городов и сел Советского Союза слетались в столицу слова скорби и печали. Сотни тысяч москвичей шли в жестокий мороз к Дому Союзов, чтобы под траурные мелодии Бетховена и Чайковского в последний раз посмотреть на дорогие черты народного героя, чтобы сказать последнее прости тому, кто принес славу своей родине.

И вот сейчас он лежал на высоком постаменте, весь в цветах, в зале, повитом черным крепом. И даже на смертном ложе его прекрасное лицо не теряло своего волевого выражения, и, казалось, даже сама смерть не могла победить его силы.

А мороз свирепел. День сменяла ночь, и казалось, не будет конца человеческому потоку, поднимавшемуся в Колонный зал по мраморным ступеням.

В скорбной тишине подошли к гробу Чкалова товарищи Сталин, Молотов, Калинин, Ворошилов и стали в почетный караул.

Москва дважды на улицах и площадях встречала Чкалова, народного героя, триумфатора, возвращавшегося из победных рейсов. Как ликовала в те дни столица! Голос Валерия, усиленный мощными радиорепродукторами, гремел над городом. Автомобиль героя медленно двигался к Кремлю. Он прокладывал себе путь сквозь шквал листовок и цветов, которые падали из окон, с балконов, с крыш и кружились над улицами, словно лепестки весеннего цвета над огромным прекрасным садом.

18 декабря Москва провожала прах Чкалова на Красную площадь, к Кремлевской стене. «Правда» в своей передовой статье писала на следующий день:

«Вчера Советская страна похоронила великого лет-

чика нашего времени, замечательного сына родины, мужественного патриота, Героя Советского Союза — Валерия Павловича Чкалова. Кремлевская стена, в которой покоятся останки многих выдающихся борцов за социализм, отдавших всю свою жизнь делу рабочего класса, приняла прах Валерия Чкалова. Товарищ Сталин, руководители партии и правительства проводили героя в его последний путь.

Валерий Чкалов был любимцем всего советского народа. На траурном митинге тов. Байдуков — боевой соратник и друг покойного — сказал:

«Свою кипучую энергию и силу воли он черпал из недр глубоких масс народа, лучшие черты которого он воплощал в себе. Вот почему Валерий пользовался огромной любовью советского народа, всей страны, большевистской партии и лично товарища Сталина. И эта любовь, и эта крепкая связь с народом родила в нем дерзость, силу, благородство и волю».

Слова товарища Байдукова выражают мысли и чувства всех трудящихся нашей родины.

С именем Валерия Чкалова связаны блистательные победы советской авиации. Несравненное мужество сочеталось в нем с отличным знанием авиационной техники. Высокое мастерство соединялось в нем с горячей любовью к родине, к великой большевистской партии, к товарищу Сталину — отцу и другу советских летчиков.

Валерия Чкалова нет среди нас. Навеки остановилось горячее сердце великого летчика нашего времени. Никогда мы больше не услышим его замечательного голоса, полного тепла и задушевности. Но в нашей памяти и в памяти грядущих поколений навеки сохранится весь его богатырский облик, отражающий силу и мощь великого русского народа, сыном которого он являлся...

...Это был, поистине, народный витязь — чудесный, изумительный летчик, сердечный друг, простой, душевный человек.

Имя Валерия Чкалова будет вдохновлять советских пилотов, гордых соколов нашей родины. Имя его будет вдохновлять наших конструкторов, создаю-

Дом культуры имени В. П. Чкалова на родине великого летчика.

Трижды Герой Советского Союза А. И. Покрышкин рассказывает детям о великом летчике нашего времени В. П. Чкалове.

щих новые, совершенные типы авиационных машин. Имя его будет вдохновлять всех трудящихся, всех, кому дорога родина, кому дорог социалистический строй, кому дорого дело партии Ленина—Сталина.

Слава блестящих авиационных подвигов Валерия Чкалова гремела далеко за пределами нашей родины. Когда наши герои-летчики во главе с Валерием Чкаловым пронеслись, подобно вихрю, над ледяными полями Арктики, пересекли полюс и проложили невиданную трассу из СССР в Америку, — весь мир был восхищен изумительным перелетом, весь мир воздал должное Советской стране и ее могущественной авиации. Валерий Чкалов был одним из тех новаторов авиационной техники, которые двигают вперед дело борьбы с воздушной стихией. Поэтому гибель Валерия Чкалова является тяжелой потерей не только для нашей страны, но и для всего прогрессивного человечества. Несравненный чкаловский стиль самолетовождения будет тщательно изучаться, будет обогащать творческую деятельность многих тысяч пилотов...

...И если снова грянет гром войны, если опять коварный враг нарушит священные рубежи советской земли, тысячи и десятки тысяч советских пилотов ринутся в бой, поведут свои боевые машины по-чкаловски, будут беспощадно разить врага на его же территории!

И нет такой силы в мире, которая могла бы устоять против наших гордых соколов, питомцев сталинской авиации.

Пусть помнят поджигатели войны крылатые чкаловские слова:

«Ручаюсь, враги... на деле убедятся, что Чкаловых, Громовых, Байдуковых и Юмашевых в Советской стране куда больше, чем они себе это представляют...»

Был светлый полдень. Над полноводной рекой, в высокой синеве, застыли облака. Легкие, полупрозрачные тени лежали на песках, поросших редким тальником.

Стоял май. Волга разлилась, затопив поемные луга,

зеленеющие кое-где свежим ковром молодого пырея. Над пенистым цветом яблонь порхал легкий ветер. В необычайно прозрачном воздухе летали над рекой белые мартыны. С берега, у самой воды, нетрудно даже было различить окраску их оперенья с розовым, нежным налетом на груди и головки шоколадного цвета, с длинным прямым клювом. Издавая хриплое «киаукоэ», мартыны то описывали над буксирами и баржами смелые широкие круги, то на лету, не касаясь крыльями воды, хватали корку хлеба, брошенную кем-нибудь с баржи ради забавы.

На длинной, из дубового теса, скамье, почерневшей от времени, у края обрыва перед чкаловским домом молча сидели Ольга Эразмовна, Игорь и Алексей Павлович. На пригорке, на солнышке, сгорбившись, пристроился Ипат и сухими узловатыми пальцами крутил цыгарку. Возле ног его лежал раскрытый пестрый кисет, полный крупной махорки-самосада.

Лес в Заволжье простирался далеко, уходил в степь, но с обрыва виднелась лишь его синяя зубчатая кромка. Зато внизу, у подножья обрыва, все вырисовывалось с необычайной резкостью. На мостках женщины, сидя на корточках, полоскали белье. У песчаной косы, горевшей, точно золотой клинок, в лучах солнца копошилась скрежещущая черпаками землечерпалка. На стрежне, зарывшись носом в волну, скользила парусная яхта.

Ольга Эразмовна первой встала со скамьи. Направилась к пригорку, где на солнцепеке уже задремал Ипат.

Дед, заслышав шаги, вскочил и, вынув изо рта потухшую цыгарку, почтительно поклонился.

— Что ты, Ипат, мы же виделись сегодня, — сказала Ольга Эразмовна, печально улыбаясь.

— Запамятовал, матушка, — ответил Ипат. Потом вздохнул глубоко, посмотрел ей в глаза пристальным, долгим взглядом: — Да. Так-то... матушка...

— Все по-старому, Ипат.

— Все по-старому, — согласился как-то нехотя Ипат и вдруг, оживившись, заговорил, теребя редкую, мягкую, как пух, бороденку: — Были они человек хо-

роший, с юности богаты мягкостью душевной. Вы, матушка, под стол пешком ходили, когда в дом покойного Павла Григорьевича Геннадий Михалыч, надзиратель, приезжали в преферанс играть. Чудак они были, Геннадий Михалыч, любили рюмочку пропустить и горчицей закусить. Вашему супругу тогда годков пять было. «Дядя, говорит, что ешь?» — «Хлеб с медом». — «Дай-ка, говорит, мне». Геннадий Михалыч и отломил Аверию Павловичу ломоть, горчицей намазанный. Аверий Павлович откусили да как заплачут и к матери бежать. Арина Ивановна, помнится, больно обиделась. А Геннадий Михалыч развалился в кресле и хохочет: «Меду твой захотел». Потеха!

Ольга слушала равнодушно.

— А вот этой весной, перед тем как оттепели быть, иду мимо базара, вдруг — Аверий Павлович, и мешок крупчатки у них на плечах...

Ипат говорил долго и сбивчиво, путая события.

Через Волгу величаво и спокойно пролетал, распластав лоснящиеся на солнце крылья, темнобурый беркут.

За кустами послышался сухой, прерывистый кашель. В калитке показалась древняя старуха с платком на голове, усеянным мелким горошком.

— Акимовна! — крикнул Игорь.

Старуха не расслышала окрика и продолжала осторожно двигаться к скамье, прощупывая ногой каждый камешек на узенькой заросшей тропинке.

Акимовна подошла к скамье и села. Она долго расправляла сухими, в темных жилках, руками складки платья, потом поправила платок на голове и вдруг заговорила довольно бойко, так, что показалась всем и не такой уже древней:

— Да, родимые, отлетался наш орел. Какие моря перелетел, а тут... Я, бывало, ему завсегда говорила: «Воленька, тебя под стекло надо поставить». Обижался: «Эх ты, под стекло! Мне еще одно дело надо свершить». Все к себе звал... Знала бы, что случится так, пешком доползла бы до Москвы...

Вчетвером направились к дому. День разгорался все ярче. Над крохотным незатопленным кусочком Телеш-

ного острова тянулся кверху светлосиреневый дымок невидимого костра. В высоком небе кружился одиноко самолет. Самолет то ложился на крыло, переворачивался, вертелся юлой, то падал отвесно, как стрела, и снова уходил в синюю вышину, исчезая в легком весеннем облачке. Рокот мотора далеко разносила вода.

— Молодежь-то наша как летает! — сказал Алексей Павлович. — Молодец!.. Сколько таких пилотов воспитал Валерий... Вот смотри, Игорь, этот здесь кружит, а в эту самую минуту где-нибудь над сибирской тайгой тоже кружит самолет, и над Кавказом тоже, и на Дальнем Востоке... над всей страной. Все твоего отца выученики. Он, конечно, не знал их всех в лицо, но они его знали все.

Не успел Алексей Павлович закончить фразы, как с неба донесся такой оглушительный рев мотора, что Ольга и Игорь невольно подняли головы. Звук вдруг замер. Из-под облачка вынырнул самолет и, блеснув на солнце серебристой черточкой, пошел в штопор.

Самолет скрылся за горизонтом. Чкаловскую семью догнал дед Ипат.

— Видал, дедушка? Ловко? — обратился к старику Игорь, показывая рукой на небо.

Ипат неторопливо поднял глаза.

— А чего тут ловкого?

— Как? Ведь он двадцать витков сделал!

— А пущай хоть бы тысячу. Ваш батюшка разве такие штуки выделывали!

— Что же выделывал? Расскажи.

— А многое. Про то они знали.

И Ипат, наклонившись над ухом мальчика, сообщил с таинственным видом:

— Они с собой завсегда веревочку брали, когда поднимались в воздух.

— Зачем? Какую веревку?

— А обыкновенную. Из пеньки.

— И что же он делал с этой веревкой?

— А она спасала его завсегда.

— Как спасала?

— А очень просто, вы понапрасну смеетесь, — сказал строго Ипат. — Вы вот не знаете, как у Аверия Павлыча крыло однажды отвалилось. Отвалилось крыло, а они не растерялись, встали на хвост ногами и привязали туго-натуго крыло веревкой... Да... Летят под самой тучкой, уж и забыли про это, вдруг опять затрещит что-то сбоку, они смотрят: батюшки, второе крыло отваливается, проклятое! Они и его веревкой затянули, да так крепко, что на земле отвязать никто не в силах был... С той поры Аверий Павлыч и брали завсегда с собой веревочку.

— Хорошо ты рассказал, Ипат, — с улыбкой проговорил Алексей Павлович. — Этого случая я что-то не знал.

— А вот теперь будете знать, — сердито ответил Ипат.

Вечерами Ольга Эразмовна подолгу просиживала на обрыве. Задумавшись, смотрела на реку, на вечерние тени, в которые одевалась Волга, на далекие дрожащие огоньки.

И в тот вечер вышла Ольга Эразмовна посидеть на знакомой скамеечке.

Дед Ипат рассказывал ей вчера, как они с Валерием Павловичем последний раз любовались бурей. И теперь Ольга Эразмовна так ясно видела перед собой Валерия: ему самому буря была сродни... Он всю жизнь был неуемным, как эта волжская буря, тысячи препятствий поборол в жизни, всегда горел мыслями творческими, созидательными, утверждал в авиации новое, невиданное, ломая препоны и преграды...

Мимо проходил человек в форме речного капитана. Поздоровался, присел рядом.

— Хорош вечерок, Ольга Эразмовна. Слышите, как нашей водой пахнет. А на Жигулях сейчас соловьи свистят...

Он зорко посмотрел на реку.

— Дали-то какие...

Капитан снял фуражку, поправил волосы. Оба помолчали немного.

— Валерий Павлович в последний раз здесь первого декабря, когда кончалась у нас навигация, был, за две недели до того дня. Я его в Горький на пароходе вез. Сало уже шло по реке, кругом голые берега, давно уже сняли вехи и бакены. Он в рубке сидел. Мне и сойти хочется с мостика, поговорить, — ведь школьные приятели когда-то с Валерием Павловичем были, — и нельзя: на вахте я. Он сам пришел в штурвальную рубку, — так до самого Горького и не сходил ни на минуту. «Эх, говорит, как хорошо, Генаша: русская зима». Я отвечаю: «Рисковато, Валерий, идем. Перекаты серьезные». — «Генаша, говорит, на тебя надеюсь. Мы василёвцы». Проехали Балахну, вдруг видим: пассажирский стоит на мели. Валерий говорит мне: «Нельзя оставить судно в беде. Давай помощь, такой у нас, волгарей, закон». Ну, что вам еще сказать? Подошли мы, чалку бросили, пассажиры на палубе столпились, узнали его сразу, машут, кричат...

...На следующее утро приехал Беляков.

С пристани валил народ. Женщины несли ведерки, кошелки, кто-то тащил деревянный крашеный сундучок. Неожиданно среди незнакомых Игорь еще издали заметил высокую фигуру Белякова. Игорь помчался навстречу ему и повис у него на правой руке.

— Александр Васильевич! Давайте я ваш чемодан потащу.

Беляков улыбнулся.

— Поди купаться бежал, из воды не вылезаешь? А мама тебя, вероятно, ищет завтракать.—Он посмотрел на ручные часы. — Ну, конечно: еще только шесть утра, а ты уже сбежал.

— Мама всегда зовет, — протянул капризно подросток. — А вы мне еще в Москве хотели досказать про воздушный бой. Я не забыл...

Миновав хлебные амбары на высоких столбах и выставленные для просушки кадки из-под засола, они вышли к опушке березовой рощицы. На ветвях, казалось, еле слышно позванивали золотистые сережки. Александр Васильевич не мог оторвать взгляда от широких просторов и речных далей, открывавшихся

с горы. Сюда он приехал впервые. Теперь он понимал, за что так сильно Валерий любил родные места.

В Чкаловске начинался трудовой день. Ремонтные рабочие шли в затон. Группа штукатуров и каменщиков в белых фартуках спешно, почти военным шагом, торопилась к месту стройки Дома культуры. Внизу по реке проплывал белотрубый двухпалубный пароход, оставляя за собой широкую борозду.

— Пароход наш запоздал, грузили бумагу в Балахне, а то бы ночью приехал... — сказал Беляков.

— Да, Александр Васильевич, — перебил его нетерпеливо Игорь, — вы же обещали про бой, а вы — про пароход... Ну, давайте. Вы тогда рассказали, как Кравченко только что пересек линию фронта и увидел с воздуха поле, и на поле стояли восемнадцать самолетов, неприятельские...

— Молодец! Запомнил...

И Беляков продолжал свой рассказ об одном из боев.

Рассказывая, он думал о том, что все эти подвиги неразрывно связаны с именем Валерия Павловича. Чкалов испытал за свою жизнь десятки типов новых самолетов и в скольких уже боях наши летчики на них громили и еще будут громить врага! А само ведение боя! Любой наш военный пилот скажет, как он применяет в боевых действиях знаменитую чкаловскую атаку... Летчик Нестеров первый совершил мертвую петлю. А Чкалов впервые проделал несколько витков восходящего штопора. Он первый поразил летчиков фигурой, которая названа «медленная бочка». А после перелета через полюс в Соединенных Штатах говорили про него: «Чкалов из Москвы вылетел Героем Советского Союза, а прилетел в Америку героем мира».

И как он любил жизнь...

Обо всем этом Александр Васильевич не мог сейчас говорить мальчику, шагавшему с ним рядом, он только искоса поглядывал иногда на сосредоточенное детское лицо в тех местах своего рассказа, которые особенно живо вызывали в памяти образ его друга, хотя разговор шел о новых наших героях-летчиках.

Из переулочка показались Ольга Эразмовна, Наталья Георгиевна, Алексей Павлович, рыбак Щипакин. Несколько смущенный Беляков поздоровался со всеми.

— А Георгий Филиппович не приехал? — спросила Ольга Эразмовна.

— Егор занят в Москве и просил передать об этом. Мы все же надеемся, что нам разрешат в память Валерия третий Сталинский маршрут.

Годы, многие годы прошли с той поры, как не стало Чкалова... А когда вспоминаешь этого могучего человека с душой, готовой обнять мир, так любившего жизнь, простор и счастье, — все больше убеждаешься в том, что время не способно стереть этот замечательный образ из памяти народной.

Живой он, Валерий... Так и кажется, закинет он сейчас руки за голову и скажет, щурясь от солнца: «Весна идет, хмельно пахнет травами. Поплывем на плотах с баяном и станем стихи читать и песни петь...» Великий поэт воздуха! И как хорошо, как крепко эти славные порывы в чкаловскую поэтическую и небесную высь живут в сердцах советских летчиков, бесчисленных чкаловских учеников. Не в них ли видим мы знакомые нам черты Валерия Павловича — его беспокойный дух, вечную жажду победы, светлый разум и чистое сердце...

Да. В Великую Отечественную войну не раз вспомянуто было его имя.

Помнится, влажный ветер марта широко носился над протаявшим аэродромом. Маленький, точно литой, истребитель, поднимая снежную пыль, отрывался от земли. С визгом, сделав полукруг, он шел почти вертикально в небо, как бы ввинчивая себя в голубой, еще не успевший полностью разгореться солнечный весенний день. Спустя минуту я — бессильный в своей земной прикованности — видел, как один наш молодой летчик шел на фашистского пирата в лобовую атаку, на выдержку нервов. Немец шел на русского истребителя, тоже не сворачивая. Все думали: вот-вот

один из идущих повернет, но оба продолжали итти в лоб друг другу. И вдруг в весеннем воздухе сверкнули синие брызги: машины столкнулись. То, что произошло в следующее мгновенье, было еще удивительней. Все немецкие летчики, увидя это, повернули машины, в панике бежали прочь. Наши устремились их преследовать. Вся разница между советскими и фашистскими летчиками сказалась в этом поединке. Для немцев поведение их соратника казалось ужасом, безумием, оно парализовало их волю, обессилило их. Молодой же чкаловец шел в лоб спокойно, хладнокровно, с той выдержкой и волей, которая не позволяет уступать превосходство в бою. И он погиб над полем русской славы. Он погиб, но победил, ибо тут же незримо участвовал в продолжающемся бою, как бы догоняя и уничтожая разбитого врага.

И вот тогда-то я и подумал, провожая глазами советскую эскадрилью: «Летите, быстрые птицы! Все счастье, которое может пожелать сердце, и все удачи, которые еще не раз выпадут на вашу долю, — все это с вами! Еще сколько таких храбрецов будет драться с немцами, применяя знаменитые чкаловские лобовые атаки!»

В те трудные, теперь уже далекие, отшумевшие годы по-иному зазвучали слова Чкалова: «Я буду держать штурвал самолета до тех пор, пока в моих руках имеется сила, а глаза видят землю». Эту чкаловскую клятву повторяли в годы битв с фашистской Германией тысячи сталинских соколов и, как Чкалов, они были верны своей клятве до конца.

Одни, когда кончался запас патронов и снарядов, таранили вражеские самолеты; другие недрогнувшей рукой направляли свои горящие самолеты в немецкие танки. То было высшее проявление долга перед родиной. Герои побеждали, ибо они и мертвые жили в бою и вошли после смерти в плоть и кровь живых, стали с ними рядом в один бессмертный строй победителей.

И вновь моя память с удивительной яркостью воскрешает события минувших лет.

Над самым шоссе два белых истребителя когтили черный, с желтыми концами крыльев, «мессершмитт».

Он был уже прижат, не огрызался, не выпускал очереди: ему оставалось или врезаться в землю, или итти на посадку; его узкое черное тело, как бы вытянутое на лету от погони, прижималось к земле все ниже и ниже...

Часом позже на опушке леса, среди молоденьких берез, я увидел укрытые ветвями белые птицы. На борту одних я прочитал: «Горьковский колхозник»; на борту других, уже порыжевших и по-боевому потемневших от копоти из выхлопных патрубков, была надпись «Эскадрилья «Валерий Чкалов».

Чкалов не умер — он жил, летал, целился, догонял врага, и я в то серое, тревожное утро перенесся мыслями в Василёво, на Покровскую гору, где когда-то в семье волжских рыбаков ломал сучья, выворачивал старые корни и раздувал жаркий костер веселый, сильный человек, влюбленный в жизнь.

Покровская гора... К вечеру она попрежнему меняет свою окраску, и блекнет постепенно ее свежая зелень. Когда сумерки сгущаются, Волга внизу попрежнему кажется совсем черной, будто там медленно движется густая смола. Вспыхивают красные огоньки бакенов.

Но на любимой своей скамейке, что на обрыве, уже не сидит дед Ипат и не ждет, когда с верховья покажется пароход. Ипат дожил до девяноста лет и умер.

Умер и крестный Валерия, Николай Иванович Шапошников. До последних дней бродил он со стареньким ружьецом по заволжским лесам, бил на Лысой горе зайцев, каждое утро за пузатым медным самоваром читал сводки с фронтов; говорят, когда ему недомогалось, он спускался в подполье за редькой... Тихо, но по-старому уютно в тесных комнатах вдовы Анны Семеновны, — и только старое ружьецо да покрытые пылью рыбачьи снасти напоминают, что жил когда-то здесь веселый, подвижной, до всего жадный старичок, любивший и работу, и охоту, и перед обедом «рюмочку пропустить».

А Наталья Георгиевна жива и — удивительное дело! — нисколько не изменилась; все такая же хлопо-

тунья, быстрая, по вечерам раскладывает пасьянс или читает книги, за которыми два раза в неделю ходит в местную библиотеку. Только живет теперь Наталья Георгиевна не в старом доме, а в соседнем, выходящем окнами и на Волгу, и на дом Павла Григорьевича. А дом Павла Григорьевича вот уже много лет как превратился в музей Валерия Павловича Чкалова.

И там, где в старину старый котельщик играл с водоливами и багермейстерами пульку в преферанс или где у изразцовой печки маленький Валерий слушал то смешные, то грустные сказки матери, — там теперь можно видеть десятки, сотни предметов, которыми пользовался в личном обиходе или в своих полетах великий летчик нашего времени, — все можно увидеть в просторных, добротных комнатах, начиная от кровати — на ней в последний свой приезд спал Чкалов — и кончая резиновой лодкой, той самой, которую он с Егором Байдуковым собирался надувать под водой...

Все здесь дышит памятью о нем...

Поздравительная телеграмма товарища Сталина, полученная чкаловским экипажем в Ванкувере (ее нашли в кармане погибшего пилота в тот роковой декабрьский день), позеленевшая копейка, перелетевшая через полюс (за нее американцы давали двести долларов), депутатский и партийный билеты, пропуска на аэродромы, список мягкого инвентаря для васильёвского детского сада (так и не пришлось самому Чкалову помочь ребятишкам), письмо Иосифу Виссарионовичу с просьбой разрешить новый полет в 1939 году, письменный стол (сколько задушевных бесед около него провел Валерий со своими избирателями), авиационные приборы (бесстрастные свидетели его подвигов), вымпел с запиской, который по просьбе Чкалова сбросил над Петропавловском Беляков, — все, все здесь дышит памятью о нем, и со стены на это собрание вещей глядят слова:

«Всегда чего-то ищущий, всегда ненасытный и атакующий, он вошел в авиацию шумно, по-хозяйски... Всю свою жизнь летел, летел и летел к новому, неиз-

веданному, разбрасывая перед собой барьеры трудностей, делая это без крика, скромно, не выпирая вперед и не ударяя себя кулаком в грудь...»

...А яблони в чкаловском саду каждую весну распускаются пенистым цветом, и та, что сажал уже больной Павел Григорьевич, выросла подстать старым.

Нет, хорошо здесь, особенно в пору весеннего разлива.

Но где сверстники, однокашники, друзья Чкалова? По-разному складывалась их судьба.

Леня Максимов, с которым Валерий еще в юности, во время «великого перелета» из Серпухова в Москву, разогнал дачников на подмосковном пляже, — этот самый Ленька стал Леонидом Михайловичем, широкоплечим, красивым мужчиной, и приобрел с годами огромный опыт летчика-испытателя. Дружбу, зародившуюся еще на школьной скамье, оба не только не порвали, но и полюбили друг друга крепко, по-мужски. Максимов был потрясен смертью Валерия.

Когда началась Отечественная война, Максимов испытывал по два-три боевых самолета в день. Два, три, а то и четыре раза за день его рука тянулась к чернильнице, чтобы обмакнуть перо и написать короткую, но ответственную фразу: «Самолет годен для эксплоатации в частях Военно-Воздушных Сил».

Поседел Леонид Михайлович, но бодрого духа не терял, даже часто шутил после напряженного испытательного полета:

— Вот так-то за один полет по пять тысяч седых волосиков и прибавляется на голове...

Иная работа выпала на долю Белякова и Байдукова. Александр Васильевич сделался крупным ученым. И был бы жив Чкалов, так сказал бы он шутя о своем друге: «Мы что? Грубая физическая сила. А вот наш штурман Саша мозговит огромадно!»

Идея нового большого перелета в память Валерия не переставала волновать Белякова и Байдукова. Они уже готовились к прыжку на Новую Зеландию, —

разразилась война, и Александр Васильевич весь отдался иной работе: стал готовить для фронтов воздушных штурманов.

Но Георгию Филипповичу пришлось лететь, — только вместо полета на Новую Зеландию он совершил осенью сорок первого года воздушное путешествие по служебным делам в Америку, побывал и в тех городах, где с таким триумфом встречали чкаловский экипаж.

Маршрут был избран другой, не тот, что в 1937 году, и не та веселая, радужная Москва лежала под крыльями летающей лодки. Спокойная, гордая, она была изрезана окопами и баррикадами; зенитные батареи и аэростаты сменили мирный пейзаж.

«Горько в такой грозный час расставаться с тобой, Россия», — думал Байдуков, глядя в окно кабины.

...Проплыли под крыльями Архангельск, Игарка, бухта Тикси, Анадырь. Война, побеждая пространства, забежала во все уголки Советского Союза. Георгий Филиппович наблюдал с воздуха, как Север жил тревожной жизнью бойцов. Люди добывали авиационную древесину, — там выкапывали редкий металл, тут выгружали самолеты и бочки с бензином, здесь грузили рыбу и уголь.

А потом в тумане открылись серые каменистые столбы Алеутских островов, засверкал штилевой Тихий океан. Из Нома перелетели в Сиэттль,—еще час—полтора полета, и Байдуков очутился на аэродроме близ города Спокен. Здесь он начал изучать американские самолеты. Позже побывал в Нью-Йорке, Вашингтоне, встречался с Рузвельтом, а потом на летающей лодке «Янки-Клипер» перебросился в Ирландию. После шумной Америки Ирландия казалась тихой усадьбой; по ее скучным берегам бродили овцы, а на дорогах бежали рысцой маленькие пони, запряженные в двуколки.

Из Ирландии английский скоростной самолет доставил Байдукова в Бристоль, там Георгий Филиппович пересел на поезд, приехал в Лондон, — туманный, военный, строго соблюдающий «блекаут» — затемнение.

Вскоре же после возвращения на родину Георгий Филиппович принял командование крупным авиационным соединением, переменил великое множество аэродромов, городов и сел Прибалтики, Украины и встретил день Победы под Берлином.

Но не дожил до этого счастливого дня Иван Панфилович Антошин, «батя», первый командир Чкалова. «Батя» разбился на самолете в войну — попал в туман и врезался в строительную вышку.

Брат и сестры Чкалова живут в Горьком. Город за эти годы вырос, дымит трубами гигантов, а на откосе, на просторной площади у стен нижегородского кремля, венчающих высокий зеленый берег, на круглом постаменте из черного лабрадора высится бронзовый монумент Чкалова. Когда-то на этом живописном месте, откуда видно слияние Оки и Волги, Валерий любил гулять и в час заката любоваться речной далью.

В дни войны иногда можно было видеть, как у подножья памятника собирались группками фронтовики-летчики. Подолгу смотрели они на бронзовое изваяние, беседуя со своим сердечным другом. Да один ли только бронзовый памятник воздвигнут Чкалову? Нет! Ему творится памятник ежечасно — подвигами и славой летчиков Советского государства, всех тех, кто живет и борется за счастье народа по-чкаловски.

Я не раз слышал в этом красивом, светлом уголке города задушевные беседы чкаловских питомцев с бронзовой статуей.

— Не верю, что ты погиб, да и сейчас не верю. Летчики нашего полка доказали, что ты жив, — донеслись как-то до меня слова одного авиационного командира. Бросив последний взгляд на памятник, он быстро зашагал по съезду, мощенному крупным булыжником, в заречную часть города, к вокзалу. Спустя несколько дней командир метеором носился на своем истребителе в тылу врага, за Вислой, выискивая добычу.

И, провожая глазами удаляющуюся фигуру незнакомого мне летчика, я еще раз подумал: да разве в одних только авиаторах — чкаловских последовате-

лях — живут традиции Валерия Павловича? Разве не продолжают жить его бесстрашие, неуемный дух, горение, любовь, воля к труду и победе в тысячах и тысячах людей нашей большой и хорошей земли и не становятся ли явью его мечты видеть на этой земле осуществление идеалов человечества?

Глубокая, могучая, самобытная жизнь волновала его, верил он в творческий гений русского народа, в его житейскую мудрость и силы.

Какой славный, крепкий народ живет в том же Василёве! Как выросли земляки Валерия! Завидный удел выпал на их долю! В священные минуты опасности забыли они все личное, великая сила любви к родине питала их трудовые дела.

Не доносились раскаты орудий до домика села Гумнище, где и сейчас живет Александра Порозова. Не вспыхивали зарницы войны над ее полями, цветущими голубым, пышным цветом. Но все — и льняные снопы, и луга, пахнущие дымом овинов и свежим сеном, и косогор с рощицей молодых березок — все это в годы войны было для нее передним краем, ее думами, ее заботами.

Ночи не спала Александра Ивановна. Как музыкант, который тронет смычком струны и сразу поймет, хорош или плох инструмент, — так и Порозова, оглядывая поля, подсчитывала, сколько можно было получить волокна и какого качества.

С той поры, как Чкалов катал Александру Ивановну на самолете, прошли годы. Порозову теперь не узнать. Лицом она не изменилась — может быть, только появились серебряные нити в ее густых каштановых волосах. Но кто мог думать тогда, что Александра Ивановна станет депутатом Верховного Совета Союза ССР, Героем Социалистического Труда, знатной льноводкой, собирающей рекордные урожаи, столько урожая каждую осень, что если лен, выращенный ее руками, вытянуть в одну нитку, то ею можно обвить «чкаловский земной шарик» уже дважды. Движение, данное один раз, как говорил Белинский, не остановится, и время только будет ускорять его полетом своим...

Не узнаете, вы, пожалуй, и Костю Мятелкова, друга юности Валерия, того самого Костю, с которым Чкалов любил померяться силой.

Мятелков стал отцом семейства. Но семья его состоит не только из жены и сына, а из доброй сотни подростков — юных плотников, столяров, которых он обучает на Чкаловском судоремонтном заводе ремонту и постройке деревянных судов.

— Нелегко работать с ребятами, — признается Мятелков, — но зато, какое хорошее чувство испытываешь, когда провожаешь в рейс сверкающий белизной пароход, отремонтированный руками твоих воспитанников. Я понимаю, почему Валерий так любил детей.

Судоремонтный завод имени В. И. Ульянова-Ленина...

Когда вы подъезжаете к Василёву летней ночью на пароходе или на розвальнях сквозь метелицу пробираетесь к нему по замерзшему зеркалу реки, — уже издалека видите вы розоватое зарево от затонских огней.

Чкалов любил эти манящие огни завода, раскинувшегося на берегу, у самой воды. Но с той, казалось бы, далекой, — в сущности, недавней поры, — не узнать и завода.

Новые моторные теплоходы, брандвахты встали рядом с видавшими виды землечерпательными машинами. Гудки, стуки молотков, скрежет железа, свист пара, звон якорных цепей — все дышит мощной музыкой трудового дня. А дальше, на самой коренной, — беспредельный покой, небо переливается, как шелк, дрожат тихие заводи, да горят светлые пески, поросшие тальником.

Посчастливилось и мне среди стоявших за земляной дамбой буксиров и брандвахт видеть «Волжскую-21», ту самую землечерпалку, на которой в дни отрочества Валерий кочегарил. Пережила она своего кочегара, добрая старушка «Волжская-21». Пережили Валерия и ученики его отца котельщики Степан Бондин и Андрей Бродягин. И сколько в них еще чкаловского задора, волжской силушки, упрямства в работе

и того чудесного добродушия, которым бывают отмечены русские люди, потрудившиеся полвека у горна или наковальни!

А наковальня и горн Павла Григорьевича до сих пор сохранились в василёвском затоне, только теперь работает на них новое поколение котельщиков. Зайдите когда-нибудь в котельный цех судоремонтного завода, разговоритесь со старыми волгарями, и чего вы только не услышите от них! Они вспомнят и строгого котельщика Павла Чкалова (непременно скажут: «Ну уж, бывало, с ним клепать — замучает, ротозеев не терпел; а уж гнул железо, как ему было нужно. Любил говаривать: «Ты один-на-один с железом борись. Делай так, чтобы оно слушалось тебя»). Расскажут вам и о том, как пассажирский пароход «Баян», переименованный в «Михаил Калинин», на котором когда-то кочегарил Валерий Чкалов, в дни Сталинградской битвы под ударами немецкой авиации подвозил войска к городу-герою. Не забудут вам сказать и о том, что давнишний капитан «Михаила Калинина» Николай Михайлович Богатов отпраздновал недавно полвека своей работы на Волге. А на прощанье вас еще крепким квасом угостят или предложат махорки из пестрого кисета.

Как мне хочется, чтобы вы побывали в теперешнем Василёве, точнее, в Чкаловске.

Уже с палубы парохода открывается вид на красивое, увенчанное башней, здание Дома культуры, которое правильней было бы назвать Дворцом культуры. И построили его на том месте, где хотел Чкалов, — на Воскресенской горе, и каждый вечер, как мечтал об этом Валерий, полны его залы и кабинеты юными чкаловцами.

А то ли еще будет в этих местах!

И вновь моя память обращается к событиям минувших дней.

Уже кончилась Отечественная война, когда снова довелось мне побывать за пределами родины, по ту сторону седых Карпат, в семье однополчан Чкалова—

летчиков гвардейского полка, выросшего из той самой ленинградской эскадрильи, в которой Валерий начинал свою летную жизнь.

Гвардейский полк! Гнездо орлов! Хранитель чкаловских традиций! Родоначальник русской военной авиации и советской воздушной гвардии — полк вырос из одиннадцатого корпусного отряда, которым еще в 1914 году командовал легендарный русский летчик капитан Петр Нестеров. Новаторство, творческое дерзание Нестерова продолжали жить и позже, в гражданскую войну, когда нестеровский отряд был переформирован в истребительную эскадрилью. В ней Чкалов, тогда еще молодой летчик, прокладывал новые пути в авиации в поисках сложных фигур для боя, делал «бочки», бросал свою машину в крутые виражи и пике, летал над Красной площадью столицы в дни парадов.

Погиб Валерий Чкалов, — и на правом фланге полка встал любимец великого летчика Анатолий Серов, искусный воздушный боец.

Не стало Серова, и место правофлангового занял воспитанник полка Сергей Грицевец, мастер групповых дальних перелетов, удостоенный первым в стране звания дважды Героя Советского Союза.

Отдал на своем посту жизнь и Грицевец. Но полк ни на минуту не остался без правофлангового, — на правом фланге встал Лука Муравицкий. Это было уже в первые месяцы Отечественной войны, когда на дальних подступах к Москве, обагренных пожаром, загремели бои.

Страницы истории полка — страницы его славы... В цветных схемах, изготовленных безвестными художниками, при мерцании фронтовой коптилки, в фотопортретах летчиков, из которых некоторые пали смертью храбрых, а многие ныне здравствуют, воскресают в памяти воздушные бои, — их полк вел сначала на дальних и ближних подступах к Москве, потом в районе Ленинграда в дни прорыва блокады великого города, в орловско-курской операции, под Сандомиром и, наконец, в дни великой битвы за Берлин.

Вот смотрит на нас со страниц альбома младший

лейтенант Юхимович. Красивое юное лицо. Ясный взгляд. Упрямо сдвинутые брови. Полуоткрытые губы. Так и кажется, Юхимович сейчас повторит слова, произнесенные когда-то Валерием Чкаловым: «Если вспыхнет война, я буду первым летчиком, который врежется во вражеские эскадрильи». И Юхимович 17 июля 1941 года первый в полку над своим аэродромом открыл длинный счет сбитых немецких самолетов.

Битва за Москву разгоралась все ожесточенней. Летчикам крылатой гвардии нередко приходилось действовать близ линии фронта из засад. Лука Муравицкий, первым в полку получивший звание Героя Советского Союза, вместе со своими товарищами делал по восемь-девять вылетов в день на штурмовку и перехват немецких самолетов. Площадки, с которых взлетали Муравицкий и его друзья, не раз подвергались артиллерийскому обстрелу. Техники и мотористы полка вступали в бой с немцами, не подпускали их к прифронтовой площадке до тех пор, пока не взлетали самолеты. А тем временем наши штурмовали вражеские автоколонны, громили переправы, вгоняли в землю «мессершмитты», внезапно нападали на «юнкерсы».

В великих боях за родину истребители воздушной гвардии, преемники славы Чкалова, были неугасимы в своем творческом дерзании, искали новые тактические приемы боев и противопоставляли тактике врага свою боевую тактику.

На запад, к нашим границам, и дальше, к чужим городам, шел долгими и трудными воздушными дорогами битв этот гвардейский полк.

Сорок семь немецких самолетов сбил он в первые месяцы войны и к последнему дню великой битвы за Берлин увеличил эту цифру ровно на триста — сбил последний, триста сорок седьмой самолет над поверженной в прах Германией. Все было вложено в этот меткий гвардейский удар: и совершенная выучка, и расплата за все страдания и муки, и бесстрашие, и большевистская воля к победе, и ясный, холодный рассудок, и горячее сердце—все то, что можно вложить

в слово «гвардеец». И он, правофланговый советской авиации, 29 апреля 1945 года провел удачный бой над самым центром германской столицы, а в майский полдень того же года пролетел над поверженным Берлином и сбросил на его руины вымпел победы.

Гвардейский полк! Гнездо орлов! Хранитель традиций своих легендарных однополчан Нестерова и Чкалова! Как живо возникли предо мной их дела и славные дела их последователей, когда 6 декабря сорок пятого года, в честь четвертой годовщины со дня присвоения полку гвардейского звания, собрались мы дружной семьей за товарищеским ужином. В празднично убранном зале вспоминали мы с гвардии майором Василием Ищенко, одним из многих, кто творил историю полка, нашу встречу еще на Калининском фронте, в лето 1942 года. Тогда мой собеседник был не командиром эскадрильи, а рядовым летчиком. И вот теперь мы вспоминали с Ищенко родные поля и леса средней полосы России, тревожные рассветы под Орлом, небо, содрогающееся от гула сотен немецких бомбардировщиков и истребителей. Ищенко рассказывал о подвигах своих товарищей и ни слова о себе, еще одно качество гвардейца — великая скромность.

Но я-то знал, как дрался в те жаркие дни Василий Ищенко. Он сутками не вылезал из кабины своей машины. Официантка из батальона аэродромного обслуживания подавала ему прямо в кабину тарелку со щами, и он не успевал ее опорожнить: он вылетал на очередное срочное задание. Иной раз, бывало, к нему на стоянке подбегал парторг эскадрильи и просил:

— Вася, расскажи нашим коммунистам, как ты утром сбил немца.

Ищенко коротко отвечал:

— Друг, единственно, что скажи коммунистам: сбил, мол, Ищенко! Сейчас некогда, поверь, улетаю. Вот вернусь, расскажу подробней.

В напряженном труде, забыв все личное, одержимый одной страстью — страстью воздушного бойца, завоевывал Василий Ищенко славу родному полку.

Былые дела вспомнили мы и с другим летчиком

чкаловской хватки, Героем Советского Союза Владимиром Сенченко, который теперь первым отзывается на перекличке полка.

Вскоре после того, как погиб Лука Муравицкий, он принял в свои руки гвардейское знамя и, коснувшись губами алого полотнища, сказал:

— Клянусь не жалеть жизни, чтобы завоевать победу!

Помню, спустилась темная ночь, уже давно окончился ужин, гвардейцы разошлись на ночлег, а мы еще долго бродили с Сенченко по рыхлому снегу в тишине — бродили и не могли наговориться!

— Поля Подмосковья, орловские просторы, города, фольварки, развилки дорог... Для нас, военных, теперь это уже не просто географические понятия. Это тяжелый путь борьбы, исканий, лишений, многочисленные воздушные бои. Это и топчан в бесконечных землянках, и пуховая перина где-нибудь в предместьях Берлина, и пурга, колючая, докучная; это тревоги, споры, приказы; это ураганный полет и упоение боем, сознание своей силы и жуткие мгновения, когда сжимается сердце от огненных трасс, страшных, острых, как кинжал.

Внешность Сенченко носила суровый, грубоватый отпечаток боевой жизни. Он казался старше своих лет. Широкая грудь и огромные, как у молотобойца, руки выдавали в нем большую силу.

Сенченко часто поворачивал голову то в одну, то в другую сторону (может быть, профессиональная привычка летчика-истребителя в боевом полете) и улыбался молодой, озорной улыбкой.

— Нет такого человека, который бы ничего не боялся, — говорил Сенченко, как бы разговаривая с самим собой. — Сильные стараются победить в себе чувство страха. Я научился быть бесстрашным, а как научился, об этом можно говорить долго, это большая тема.

И вот, что я узнал в ту ночь...

Ленинград зажат в кольцо. Великий город отрезан от «Большой земли». Прорвать вражескую блокаду — таков приказ родины. Гвардейцы полка вылетают на задание. Враг противодействует, бросает в бой хвале-

ные «фокке-вульф-190». В их кабинах сидят отборные летчики Берлинской авиационной школы. Но, накопив боевой опыт, гвардейцы Ищенко, Сенченко, Лаухин в неравных схватках наносят противнику жестокие удары. В истории полка протокольно записано: «24 января Лаухин, Сенченко, Полион и Григорьев прикрывали штурмовиков. Встретив восемь «ФВ-190», наши летчики смело вступили в бой. Лаухин, умело произведя маневр на вираже, атаковал один «фокке-вульф» и на пикировании вогнал его в землю. Сенченко, атакуя снизу в лоб с последующим заходом в хвост, сбил второй «фокке-вульф», который горящим упал в лес».

Душа гвардейца, вся его преданность и любовь к родине, его высокое мастерство — в этих строках.

— Я из гвардейского полка, — сказал Сенченко, и в его голосе я почувствовал гордость и ощутил девиз полка: «Если ты встал под знамена гвардейского полка, ты не можешь летать плохо. Наш принцип гвардейской доблести: с патронами не умирают, а дерутся! У гвардейцев одно только правило — вперед!»

Сколько можно было бы здесь назвать еще имен, озаренных подвигами!

Я вспомнил, как вчера за товарищеским ужином с нежностью произносили имена капитана Тормозова и лейтенанта Дудина — мастеров первого удара. Они получили приказ прикрывать переправу и разведать передний край обороны противника. Внезапно на обоих ринулась четверка вражеских самолетов. На первой минуте боя Дудин короткой очередью сбивает «мессершмитт». Неожиданно бой принимает острый оборот: загорелась машина Тормозова. Дудин, стремительно развернув свой самолет, мчится на выручку товарища. Тем временем смелый и находчивый Тормозов успевает сильным скольжением сбить пламя и опять вступает в бой. На его самолете обгорели плоскость, элерон, стабилизатор, но летчик с возрастающим упорством продолжает бой. На помощь врагу мчится пятый «мессершмитт». Двое против пятерых! Вот один из «мессершмиттов» уже «прилип» к хвосту машины Ду-

дина. Но взаимная выручка в бою — закон советских воинов. Тормозов, видя тяжелое положение товарища, летит ему на помощь и удачным маневром сбивает «мессершмитт».

Обозленные, два фашистских летчика пикируют на Дудина. Тот, энергично развернувшись, направляет свою машину в лобовую атаку. Лобовая атака, знаменитая чкаловская атака! Немец не выдержал, круто берет вверх. Но второй враг еще не сдался — продолжает стрелять по самолету Дудина. Новая лобовая атака — машины сближаются. Семьсот, шестьсот, пятьсот метров... У Дудина замолкли пулеметы. Но и здесь в критическое мгновенье выручила чкаловская выучка — Дудин идет на таран. Фашист хочет свернуть в сторону. Поздно: пропеллер советского истребителя рубит центроплан вражеской машины. Немец убит. Дудин приземлился, выпрыгнув с парашютом. Цел и Тормозов. Он отразил последнего хищника и мастерски сажает машину на свой аэродром.

Да, в напряженных боях летчики полка завоевывали славу!

И вот 6 декабря 1941 года, в исторический для родины день начала разгрома немцев под Москвой, на аэродроме, среди заснеженных сосен (какое редкое совпадение! — отсюда Чкалов стартовал в Америку) первый правофланговый авиации получил священное гвардейское знамя.

Обо всем этом мы вспомнили с капитаном Сенченко, когда бродили в ночной тишине.

А утром в боевом строю на правом фланге я увидел их всех, всех тех, кто дал право полку называться гвардейским.

И, глядя на правый фланг полка, мне неудержимо захотелось снова побывать на Волге, на родине родоначальника чкаловского племени авиаторов, где цветут яблоневые сады и где под сенью отчего дома вынашивал дерзкие мечты Валерий...

— Мне не было еще и двадцати лет, когда Валерий Павлович уже развернул свои крылья в полете, —

говорил Александр Покрышкин, трижды Герой Советского Союза, направляясь по тропинке мимо яблонь к музею Чкалова.

Пароход, доставивший сюда советского аса из Горького, дал третий, отвальный гудок, эхо повторило его, и Покрышкин, остановившись у галлереи («галдарейки», как называл покойный Павел Григорьевич), задумчиво произнес:

— А хорошо, действительно, здесь. Дышится-то как легко...

Он помолчал немного.

Хранитель музейных фондов, маленькая энергичная Надежда Степановна приглашала летчиков в музей, но Покрышкин не торопился.

— Как время-то летит... Кажется, будто вчера на вопрос: «Кем быть?» — я, подобно тысячам юношей, отвечал себе: только летчиком-истребителем. В те годы крылья Чкалова затмили передо мной весь мир. А уж сколько пережито с той поры, сколько видано! А в этом ангаре у вас...

— Самолет, на котором Валерий Павлович перелетел Северный полюс, — закончила мысль летчика Надежда Степановна.

Значительное, неповторимое было в том, что легендарный N 0-25, принявший на себя удары бурь и циклонов, повидавший и отмели залива Счастья, и прозрачные торосы Ледовитого океана, и толпы веселых парижан, и улыбки американцев, стоял теперь в ангаре, под сенью волжских лип, можно сказать, даже на том самом месте, где Валерий когда-то помогал отцу бить кувалдой.

Покрышкин несколько минут молча постоял пред этой реликвией, направился к музею и, перешагнув порог, очутился в большой комнате, бывшей кухне, с сохранившейся русской печью и тем самым крюком, который по всем правилам вбил в потолок старый котельщик.

Прямо на Покрышкина глядел планшет со словами Чкалова, сказанными перед избирателями, когда он баллотировался в депутаты Верховного Совета:

«Заверяю вас, товарищи, что если враг посмеет на-

пасть на нас, я первым врежусь во вражеские эскадрильи. И поверьте, войну мы победоносно закончим на территории того, кто на нас нападает».

Вся суровая, пестрая боевая жизнь пронеслась в голове Покрышкина, когда он прочел эти вещие слова. Не сам ли он с боевыми товарищами, пользуясь наследством великого летчика, пронес сквозь огонь битв чкаловский гнев к врагу? Не он ли, воюя и обучая мастерству воздушного боя, растил новые кадры искусных, неустрашимых бойцов и в поединке с врагом умножал этот гнев? И не он ли, продолжая традиции Чкалова, постоянно совершенствовался, искал новую тактику, стремясь к высшему мастерству, достойному великой сталинской эпохи?

Дверь из кухни вела в комнату, в которой родился Валерий. Когда Чкалов был уже известным летчиком, он любил после обеда часок-другой поваляться на кушетке в этой комнате. Говорят, любил он также, лежа на кушетке, целя в открытое окно, попугать из дробовика ворон и галок. Теперь эта комната называется «траурной». К ее стенам прислонены венки с красно-черными лентами. А у окна, в застекленном шкафу, висит летный кожаный костюм, в котором Чкалов летал последний раз и не вернулся с полета. Некоторые посетители, особенно люди пожилые, посмотрев на этот костюм (на нем даже сохранились следы крови), вытирают платком слезы и, тяжело вздохнув, уходят с опущенными глазами из музея.

«Он представлял русскую душу, русский народ, нашу родину», — слышал я не раз от этих людей.

«Над поверженным рейхстагом мы сделали в день Победы каскад твоих фигур высшего пилотажа, — прочитал я однажды в книге отзывов. — Мы, летчики, плыли домой по матушке Волге и зашли к тебе, наш дорогой друг и товарищ, чтобы поделиться с тобой ратными делами».

Ниже ровными столбиками строк спускалась другая запись:

«Я осмотрела музей, и у меня зародилось желание стать летчицей. Здесь, перед портретом Чкалова, я

даю клятву быть такой же, как Чкалов, трудолюбивой, честной и настойчивой. Пионерка Галя Глобус».

И где-то в уголке этой страницы теснились плотно прижатые буквы... Писала Людмила Россинская.

Люда Россинская... Черноглазая девочка-шестиклассница... Уже давно она окончила школу, вышла замуж, работает судебным следователем, но родной литературой попрежнему увлекается и давнишнее свое ученическое сочинение, ту былину, что читала Валерию Павловичу в тот холодный, пасмурный день, продолжила и заключила такими строками:

Как не высохнет река Волга-матушка
И не выветрит чисто золото,
Так вовек не умрет слава громкая
О тебе, родной Валерий Павлович.

Выросла и стала матерью двух детей и Надя, та девочка, которая потрясла Чкалова обещанием быть такой, как Чкалов. Не знает она, как Валерий после ее слов сидел на скамейке в саду, задумчивый, взволнованный, и говорил брату Алексею:

— Быть такой, как Чкалов! Кто это говорит? Ребенок. Ты думаешь, легко это слышать?..

Скамейка эта в саду сохранилась, почернела от дождей, от времени, и Наталья Георгиевна иной раз, если взгрустнется, приходит сюда посидеть, подышать запахом свежей травы, особенно любит посидеть, когда на яблонях набухают и лопаются почки, щебечут в кустах птицы, когда все краски и звуки проникают в самое сердце.

Сидел на этой скамейке и Александр Покрышкин, окруженный василёвцами.

И как, бывало, василёвские ребята донимали Чкалова просьбами рассказать о своих полетах, так и сейчас они, уже взрослые люди, просили о том же Покрышкина.

Рассевшись кружком (многие имели на груди планки орденов), они, не отрывая глаз от Покрышкина, слушали рассказ о его боевых вылетах и о том, как во многом помог ему Чкалов.

— Я еще только мечтал учиться на летчика, пом-

нию, пришел в авиационную школу, — и вдруг первое горькое разочарование: школа, оказывается, готовила авиатехников. «Тебе обязательно надо быть летчиком, — говорит мне начальник, — и, вероятно, таким, как Чкалов?» — «Обязательно», — угрюмо ответил я. «Что мне с вами делать? — усмехнулся начальник. — Все хотят быть Чкаловым, непременно летать... А кто же займется моторами?» И меня оставили в школе. И, знаете ли, это принесло мне пользу, очень пригодилось в будущем, особенно на войне...

Потом, конечно, я добился перевода в летную школу, и еще до настоящих — не учебных — воздушных боев многое перенял у Валерия Павловича. Помните, он говорил: «При атаке столкнусь, но первый не сверну!» Как он был прав! Видите ли, друзья, в воздушном бою, так же как и на земле, действуют не только чисто военные факторы, а и факторы нравственного, так сказать, морального порядка. Эту нравственную силу измерить трудно, но ее влияние огромно. Я испытал это в первые же дни войны. Мы встретились в воздухе с сильным противником, который, используя момент внезапности, бросил против нас всю свою авиационную мощь. Пришлось вступить в неравные бои. В эти-то первые, горькие дни войны именно моральное превосходство наших летчиков помогло выдержать страшный напор врага.

Я присматривался к полетам своих товарищей, думал о Чкалове, проводил бои и постепенно вырабатывал «свои» взгляды на борьбу в воздухе. У старых, опытных летчиков я перенял полезную привычку — она сохранилась и по сей день — строго анализировать каждый полет, при неудачах искать ошибки, а при успехе — зерна победы. В авиации существует своя методика боя, очень точная и ясная. В нашем деле не все укладывается в инструкции. Наш брат летчик должен искать новое, творить. Я завел альбом своих полетов. Фигуры высшего пилотажа я расчленял на чертежах, строил расчеты, как бы дополняя на бумаге то, что совершал в воздухе. Ведь красота и ценность высшего пилотажа не только во внешне блестящем выполнении фигур. Каждая фигура, даже самая простей-

шая, — это маневр в будущем бою. Вот этим-то анализам и поискам нас учил Чкалов. Да только ли этому?

Покрышкин расстегнул ворот гимнастерки.

— А денек будет жаркий. Над вашим селом пролетали немецкие самолеты? — неожиданно спросил он своих слушателей.

— Пролетали, в стороне, за Волгой, вот уж вы бы им дали перцу, Александр Иванович!

— Бывали дела... — задумчиво произнес Покрышкин, выпуская изо рта колечками дым от папиросы.

— А на таран ходили?

— Да вот кстати о таране... — оживился Покрышкин, но василёвцы его перебили:

— Валерий Павлович в молодости говорил: «Я буду расправляться с противником тараном, если в моих пулеметах не окажется патронов».

— Знаю, знаю. Слова пророческие. Я лично не таранил противника. Но в то грозное для нас время воздушный таран был законным и необходимым элементом в арсенале средств нашей борьбы. Таранные удары наших истребителей устрашали врага. Они, конечно, не являлись, как это пытались представить некоторые зарубежные авиационные специалисты, приемом борьбы, продиктованным отчаянием. Таран, сами понимаете, требовал виртуозного владения машиной, исключительной выдержки, железных нервов, огромного душевного порыва. Ну, о чем вы хотите, чтобы я вам рассказал?

— О боях, боях! — закричали ребятишки. — Как немцы кричали: «Ахтунг, ахтунг, — внимание! Покрышкин в воздухе!»

— Нет, я вам о другом расскажу. Вот Валерий Павлович говорил, что истребитель должен быть дерзким, принимать решения в бою молниеносно. Этот совет мне однажды здорово пригодился.

Покрышкин опять закурил и продолжал уже более спокойно:

— Да... Осень сорок первого года... Помните, как в то время извилистая линия фронта менялась дважды и трижды в день. Горько было отступать. Но эта го-

речь еще сильней ожесточала наши сердца. Помню, ранним утром, с ведомым Степаном Комлевым, моим напарником, я вылетел в разведку над запорожской степью. Злое у меня было настроение — хотелось со всей силой обрушиться на немцев. Но нельзя: разведка есть разведка. Иду я над дорогой, вдруг вижу немецкие танки и автомашины — в наш тыл устремляются... Что делать? Скорей надо, думаю, предупредить командование о грозящей опасности. Решаю: «Полетит Степан, а я останусь и прослежу направление танкового удара немцев». И не успел я, как говорится, глазом моргнуть, вдруг на нас сваливается группа «мессеров», этак с десяток. Раздумывать некогда. У меня одна мысль: взять немцев на себя, отвлечь их от Комлева, а мой ведомый, естественно, не хочет бросать меня, он повторяет все мои эволюции, и мы разом налетаем на немцев, с ходу рвем их строй, подавляем врага по-чкаловски, внезапной высокой активностью. Ох, это был самый острый момент! Да... Драться-то мы деремся, а все же преимущества-то на стороне врага. Уйти невозможно: сразу заклюют. Остается одно: пустить в ход напористость, дерзость. И вот, как сейчас помню, почти одновременно с Комлевым мы атакуем ближайший «мессершмитт». Из атаки я выхожу горкой. Оглядываюсь, вижу удаляющегося Комлева. Он ранен. Приказываю ему: «Уходи!» Я остаюсь один. А два немца прижимают, прижимают меня... в клещи зажали...

К чему я веду свой рассказ? Если бы я хоть одно мгновение стал медлить, раздумывать, — все было бы кончено. Позже, на земле, восстанавливая в памяти свои действия в тот момент, я удивлялся их целесообразности. Именно так, а не иначе нужно было маневрировать. Соображаете, в чем тут дело? Я вырвался из клещей одним из тех резких маневров, которые потом проделывали многие наши летчики. Это была восходящая спираль — собственно, тоже чкаловская фигура... Да, восходящая спираль... Резко переломив машину, я задрал ее нос кверху и, энергично действуя управлением, оказался выше заходившего мне в хвост «мессершмитта». Теперь преимущество было на моей

стороне. Я знал, что немецкому летчику трудно так же резко «переломить» свою машину. Маневр удался. Вот смотрите, что тут получилось...

Покрышкин поднялся со скамейки и стал с помощью рук объяснять, вернее, разыгрывать воздушный бой. То плавным, то резким движением ладоней он изображал замысловатые маневры. Увлеченные рассказом, василёвские вихрастые ребятишки повторяли загорелыми руками все движения, которые проделывал рассказчик.

— Да, маневр-то удался, но драка на этом не кончилась. Одного я сбил, от второго увернулся, третий резко ушел из-под моего огня. А тут моего подбитого Степана пытаются настигнуть два «мессера». Надо, думаю, прикрыть его, помочь ему выйти из боя. Но не успел я осмотреться, что делается сзади, как по моей машине дробно застучали снаряды. Треснул козырек кабины. Я увернулся. Слышу: мотор захлебывается — и сразу остановился. Земля надвигалась на меня с катастрофической быстротой. Немцы, видя мою беспомощность, заходят в атаку один за другим, как на полигоне. Им удалось даже перебить управление. Между тем моя машина, словно живое существо, потеряв последние силы и выдыхаясь, тяжело коснулась земли. От удара о землю я потерял сознание. Все мои силы, физические и нравственные, напряженные до предела, иссякли вдруг разом...

Потом ко мне вернулась память. Чувствую, по щекам течет кровь, глаз распух. Неужели я потеряю зрение? Признаюсь, это больше всего испугало меня. Ведь глаза — главное оружие летчика. Но одно меня утешало, когда я лежал под крылом уткнувшегося в землю самолета: бой я провел недурно. Захотелось даже разобраться во всем только что происшедшем. Почему, спрашиваю я самого себя, немцы, несмотря на то, что их было десятка полтора, не сумели одержать победу над одним? Что это: случайность, слепая удача? Или же в основе здесь лежит что-то другое? И сам же себе отвечал: все дело, очевидно, в маневре. И значительно позже, в другой, уже спокойной обстановке, я стремился осмыслить происшедшее в небе

Запорожья и все больше убеждался в том, что нужно смелее драться на вертикалях, применять вертикальный маневр. Им пользовался и ваш земляк Чкалов в учебных боях.

В дальнейшем, в ходе войны, маневр на вертикалях претерпел большие изменения. Он обрастал новыми деталями, уточнялся, развивался. Наши летчики-истребители как бы коллективно дорисовывали этот маневр в воздушных боях, вычерчивая своими крыльями кривые резких фигур. Мы сообща искали и находили в боях новые черты этого приема и это обеспечивало нашу победу над врагом. Вот как, ребята, рождалась новая тактика боя...

Покрышкин замолк. Молчали и слушатели. Тишину нарушил старый бородатый водолив, одетый в серую куртку с масляными пятнами на груди.

— Александр Иванович, ученый ты наш сокол, ну, а что дальше-то с тобой приключилось? В поле-то?

Покрышкин обвел взглядом собравшихся и только сейчас заметил, что в толпе было много стариков-волгарей. Все они стояли вокруг него венком, в картузах, спрятав руки за широкие спины и почтительно вытянувшись.

— Что было дальше? Уж не помню, сколько времени я лежал в степи, под крылом самолета. Помню только, подошла какая-то старушка-крестьянка, промыла и перевязала мне глаз, боль утихла. Ну, думаю, может быть, еще буду летать. Осмотрел я машину. Ого! После небольшого ремонта она может снова воевать. Очень это обрадовало меня. А тут, вижу, идут наши пехотные командиры и бойцы. Кто-то из них и говорит мне: «Летчик, бросай-ка ты своего коня, давай пробиваться вместе. Немцы зашли нам в тыл». Бросить своего «коня»? Да разве это возможно? Должно быть, мой вид — раненого летчика, сидящего в степи у подбитого самолета, — тронул солдатские сердца. Командир выделил в мое распоряжение саперов. Темной ночью, озаряемой голубыми ракетами немцев, подрыли мы землю под брюхом моей машины. Я выпустил шасси. Самолет поднялся, прицепили к грузовику, и начали мы кружить, кружить по степи, пыля

слабое звено в немецких клещах. Ох, никогда не забуду, как трудно было тащить с собой раненый самолет! Одно вражеское кольцо нам удалось прорвать, но впереди все еще был враг. День провели в широкой балке. Наступили снова сумерки, мы опять тронулись в путь. В небе, как и прошлой ночью, повисли голубые ракеты. «Летчик, — говорит мне пехотный командир, — покажи пример: поведи ударную группу прорыва!» Собрали мы в кулак бронемашины, вооружили бойцов гранатами, в центре поставили грузовик с моим самолетом, и я повел людей на прорыв.

Спустя неделю я появился в родном полку, перевязанный, но радостный. На меня смотрели так, точно я явился с того света. Товарищи решили, что я разбился, устроили даже вечер воспоминаний по этому поводу и на память о погибшем друге разобрали кое-какие мои вещи: пилотку, запасной планшет, ветрочет, книги.

Но, как видите, я снова летал, много, очень много, дрался над Днепром и Вислой, над Одером и над Берлином... В журнале боевых действий вписан и мой посильный вклад: пятьдесят девять сбитых в воздухе машин врага, около шестисот боевых вылетов. А мои товарищи уничтожили более тысячи немецких самолетов.

— Да-а... — протянул старый водолив, почесывая за ухом. — Гляди, как цапнули... Э-эх, жил бы наш Аверьян Павлович.

— Он воевал с нами, — тихо сказал Покрышкин.

— Так-то оно так...

— Эх, старина! Хорошо сказал поэт:

О милых спутниках, которые нам свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностию: были.

Жуковский сказал. Слышал такого? Пойдемте на обрыв.

Все нестройной толпой двинулись к калитке.

— А вы нам еще расскажете о своих боях? — приставали ребятишки, забегая впереди Покрышкина.

— Потом, потом... Дайте мне на Волгу-то посмотреть. Как разлилась. Баржи идут... Хорошо! — говорил Покрышкин, приставив от ярких солнечных лучей ладонь ко лбу. — А вот там что-то строится, дымит. Жизнь...

— Она, жизнь-то, горит перед нами, как огонь в топке, — сказал водолив, расправляя рукой мохнатую бороду. — Вот и Аверьян Павлович нам говаривал про жизнь-то: «Только, говорит, в борьбе чувствую ее». Душевный был человек, справедливый.

— А помнишь, Потапыч, как встречали его после Удда-то? — вступил в разговор скуластый Ефим, бакенщик, такой же бородатый, как и водолив. — Он, стало быть, сидит на террасе, пирует с рыбаками, вдруг как заслышал шум в небе да как выбежит вот сюда, на это место. А сверху-то, прямо на него, летят самолеты, маленькие такие, и много так их, ну не дать — не взять туча уток... Он как рванется к ним, уж одну ногу над обрывом занес, — я аж испугался, — и кричит: «Сюда, ко мне, родные мои!» А они крылышками покачивают и что-то сбрасывают белое... Газеты, оказывается, с пропечатанным портретом Валерия Павловича... Он, значит, их ловит на лету и смеется...

Покрышкин любовался Волгой и одновременно не пропускал ни одного слова, относившегося к воспоминаниям волгарей о Чкалове. А думая о Чкалове, старшем своем товарище, он думал и о том, что все, что связано с жизнью, никогда не может погибнуть.

В памяти ярко возникали дни, когда он в скоростном пилотаже патрулировал над Берлином, охраняя завоеванную победу. Гарь догоравших пожарищ проникала в кабину истребителя, но дышалось свободно и легко. Какой это был радостный полет! Под крыльями лежал притихший город, еще горячий и дымящийся. Деревья Тиргартена были оголены и сломаны огнем русской артиллерии. По улицам двигались зеленовато-серые полоски — колонны пленных немецких солдат.

И вспоминался еще один день, пронизанный весенним дождем. Полководцы — маршалы всех фронтов,

командиры всех родов оружия, воины, прошедшие все дороги победы, печатали шаг по брусчатке Красной площади.

И великий Генералиссимус Сталин, вождь, спасший отечество социализма, освободивший Европу от фашистского ига, смотрел с крыла Ленинского мавзолея на победителей, на их лица с горящими глазами и на их уверенную, легкую, смелую поступь и радовался народному ликованию.

А батальоны и полки шли в торжественном марше, бросая к подножью мавзолея фашистские знамена. Среди избранных из избранных шел и Александр Покрышкин, неся боевой штандарт войск своего фронта. Все нескончаемые тревоги, все беды, опасности, разоренье, ужасы оккупации, море крови, голодные ночи, страшные штурмы — все было позади. По Красной площади с молодым сияющим лицом шла сама Победа.

...Рдела вечерняя заря, с реки тянуло прохладой. Уже давно разошлись по домам старые волгари, а Покрышкин все еще продолжал стоять на обрыве, окруженный подростками.

«Молодость жизни... Ее вечное живоносное начало», — думал он, глядя на ребятишек и прислушиваясь к далеким шумам в затоне, к тому, как ровно дышала неустанно творящая земля.

Откуда-то издалека, слева, донесся пароходный гудок, и до этого безлюдный берег вмиг наполнился народом, зазвенел голосами, запестрел женскими платками. Отовсюду — из домов, из палисадников и узких проулков — выбежали на берег люди.

— Он, он идет, — сказал кто-то.

А гудок, бархатистый, торжествующий, продолжал разноситься все шире, и эхо все явственней повторяло его в синеющих заволжских далях. Спустя немного времени уже можно было различить лица матросов. Они стояли на борту и весело махали фуражками. Василёвцы в ответ тоже махали руками, платками, ветками сирени.

Гулко бухая плицами, «Валерий Чкалов» медленно, как бы желая продлить салют, проплывал мимо дома

с мезонином, где явился на свет, жил и оставил вечное воспоминание о себе тот, чье имя, как песнь, разносил по реке задорный, торжествующий гудок.

Еще долго ревел он, пока «Валерий Чкалов» не скрылся за Нижним островом, в зеленой густоте, оставив после себя светлую дорожку да струйки дыма, растекающиеся на бледном, опаловом небосклоне.

В ясной вышине задрожала первая вечерняя звезда.

Конец

БИБЛИОТЕКА

Редактор *К. Иванова*
Художник *И. Николаевцев*
Техн. редактор *Н. Потемкин*

А00872. Сдано в набор 11/IX 1948 г.
Подписано к печати 13/IV 1949 г.
Печ. л. 27¼, авт. л. 20,88, уч.-изд. л. 22,17. Формат бумаги 84 × 108¹/₃₂.
Зак. 1883. Тир. 30.000. Цена 12 р. 50 к.

Типография.
Москва, ул. Фр. Энгельса, 46.

12 р. 50 к.